

Елена Морозова

МАРИЯ АНТУАНЕТТА

ЖЗЛ

МАРИЯ АНТУАНЕТТА

Елена
Морозова

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Annotation

Мария Антуанетта (1755—1793), королева Франции, гильотинированная революционным французским народом. Известная своей любовью к нарядам и легкомысленным заявлением «Если у народа нет хлеба, пусть ест пирожные», она в разное время вызывала то ненависть, то неумные хвалы. В настоящей книге автор, не осуждая и не восхваляя свою героиню, показывает ее не с позиций политической истории, а в контексте окружавшей ее повседневности, такой, какой видели ее современники — те, кто любил ее, и те, кто старался ее использовать или погубить. Мария Антуанетта — прежде всего женщина, она живет и любит, не задумываясь о неумолимой поступи Истории, но в час испытаний проявляет истинно королевское величие и силу духа.

- [Елена Морозова](#)

-

- [notes](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)

- [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
 - [24](#)
 - [25](#)
-

Елена Морозова

МАРИЯ АНТУАНЕТТА

Жизнь®
ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ
ЛЮДЕЙ

Серия биографий

Основана в 1890 году
Ф. Павленковым
и продолжена в 1933 году
М. Горьким

ВЫПУСК

1656

(1456)

2 ноября 1755 года в Лиссабоне произошло сильнейшее землетрясение. В этот же день 38-летняя императрица Мария Терезия родила пятнадцатого ребенка — хорошенькую девочку, нареченную Марией Йозефой Антонией Иоганной, которую в семейном кругу станут звать на французский манер — Антуан. Говорят, когда ей настал срок появиться на свет, императрица вместе с акушером позвала заодно и хирурга, дабы тот наконец выдрал у нее больной зуб. В тот раз Мария Терезия хотела родить мальчика, и, желая угодить императрице,

португальский герцог Тарука заключил с ней пари, утверждая, что будет именно мальчик. А когда пари оказалось проигранным, он подарил Марии Терезии фарфоровую статуэтку коленопреклоненного юноши, державшего в руках лист с четверостишием Метастазео: «Я проиграл. Августейшее дитя велит мне заплатить мой проигрыш. Но если правду говорят, что дочь на вас похожа, то выиграем мы все».

Король и королева Португалии, избранные крестными родителями новорожденной, прибыть в Вену из-за землетрясения не смогли, их представителями стали старший брат малышки эрцгерцог Иосиф и старшая сестра эрцгерцогиня Мария Анна. Многие трактовали португальское землетрясение как плохое предзнаменование для младенца, поэтому Мария Терезия при случае спросила известного чародея и заклинателя бесов доктора Гасснера, будет ли Антуан счастливой, на что тот ответил: «Кресты найдутся для всех плеч». А монахиня, у которой императрица попросила совета, как воспитывать дочь в набожности, сказала, что следом за переменами настанут несчастья, вследствие которых Антуан сама обратится к Богу. В 1757 году Антуан переболела оспой, к счастью, не оставившей на ее румяных щечках никаких следов. В том же году во Франции произошло покушение на Людовика XV — несчастный Дамьен бросился с перочинным ножиком на короля и слегка оцарапал его величество, за что был казнен с изощренной жестокостью. Намекают на незримую связь между этими двумя событиями: будто бы Судьба специально сохранила красоту одной и жизнь другому, чтобы потом свести их вместе. Казанова описывает, как придворные с любопытством следили за мучительной казнью несостоявшегося убийцы, а Стефан Цвейг, напомнив о новых умонастроениях общества, подчеркивает, что через 30 лет Жанну де Ла Мотт, вывалявшую в грязи честь королевы, те же придворные будут жалеть как «жертву деспотизма». Кто-то усматривает в выздоровлении и сохранении красоты Антуан волю Провидения, предназначившего ее для французского трона.

Неординарная судьба Антуан сложилась по воле матери-императрицы; неординарная судьба Марии Терезии — по воле отца, австрийского эрцгерцога и императора Карла VI, подписавшего 19 апреля 1713 года «прагматическую санкцию», согласно которой во владениях австрийских Габсбургов допускался переход власти по женской линии. И когда дочери исполнилось четырнадцать, отец стал брать ее с собой на заседания Государственного совета. Прилежание в науках и целеустремленность не мешали Марии Терезии, слывшей в юности одной из красивейших принцесс Европы, танцевать до упаду на балах, ездить на охоту и всячески

развлекаться.

В 1736 году Мария Терезия вышла замуж по любви за молодого герцога Франца Стефана Лотарингского, передавшего их детям каплю французской крови: матерью герцога была Елизавета Шарлотта Орлеанская, сестра герцога Орлеанского, регента при малолетнем Людовике XV. За время союза с Францем Стефаном Мария Терезия родила 16 детей: пятерых сыновей и 11 дочерей. Франц Стефан оказался заботливым отцом, но неверным супругом. Когда в 1740 году Карл VI скончался и 23-летняя Мария Терезия оказалась во главе одного из наиболее значимых государств Европы, она обнаружила, что любимый супруг не может стать ей помощником ни в нелегком деле управления государственным кораблем, ни на полях сражений. Упорная в достижении целей, способная к самоограничению, она сама взялась за дело и в 1745 году вернула в семью корону императора Священной Римской империи, которой короновали ее супруга, а в 1748-м завершила Войну за австрийское наследство, заставив европейских государей признать за ней право управлять унаследованными ею землями Австрии и Венгрии.

Во всеуслышание заявляя, что женщина рождена повиноваться мужу, сама Мария Терезия заповедь сию не соблюдала и мужа-императора к управлению не допускала. Создав в Вене полицию нравов, призванную блюсти повседневную мораль венцев, сама она закрывала глаза на многочисленные измены супруга. Обаятельная, энергичная и по-житейски мудрая, императрица умела находить и привлекать к себе в помощники людей талантливых, среди которых прежде всего следует назвать князя Венцеля Антона Кауница, с 1750 по 1753 год пребывавшего послом Австрии при Версальском дворе, а затем занявшего место у руля внешней политики Священной Римской империи. Именно Кауниц первым заговорил о смене приоритетов во внешней политике императрицы.

Единственным поражением императрицы стала утрата богатой Австрийской Силезии, захваченной прусским королем Фридрихом II. Но так как с восшествием на трон Фридриха Пруссия, традиционно выступавшая союзницей Франции, поменяла внешнеполитические ориентиры и заключила союз с Англией, Мария Терезия пошла на союз с Францией, положив конец трехвековой вражде австрийских Габсбургов и французских Бурбонов. 1 мая 1756 года оба государства подписали союзный договор, направленный против экспансионистской политики Пруссии; вскоре к противникам Пруссии присоединилась Россия. Фридрих назвал новый альянс «союзом трех юбок»: Марии Терезии, Елизаветы Петровны и маркизы де Помпадур^[1]. Впоследствии Россия из альянса

вышла, но «эпоха юбок» в европейской политике продолжилась: на российский трон взошла императрица Екатерина Великая. В Семилетней войне (1756—1763), пожар которой охватил не только Европу, но и заморские территории, отчего эту войну иногда даже именуют первой мировой, Франция и Австрия выступили как союзники. А что может лучше скрепить союз, если не брачные узы? Однако единственный сын Людовика XV, дофин Людовик Фердинанд, франко-австрийский альянс не поддерживал, а сыновья дофина были еще слишком малы, чтобы всерьез разыгрывать брачную карту...

Французская королева из рода Габсбургов могла бы стать одной из царственных «юбок», наводивших порядок в европейском доме, границы которого в целом наконец определились. Но «чтобы быть королевой, надо учиться быть ею», в свое время в отчаянии воскликнет Мария Антуанетта, видя, как рушится здание тысячелетней монархии, а она не в силах предотвратить его крушение. Но ее в отличие от матери не готовили управлять государством. Унаследовав юную красоту императрицы — большие серо-голубые глаза с поволокой, густые светло-пепельные волосы, тонкую молочную кожу с нежнейшим розоватым оттенком, — она не взяла от нее ни упорства, ни работоспособности. Зато уже в детстве обаяние ее было столь велико, что на нее никто даже рассердиться не мог. Как и мать, она умела очаровать собеседника, и это очарование с лихвой искупало мелкие недостатки внешности, к которым причисляли выступавшую вперед фамильную нижнюю губу, придававшую девочке надменный вид. Она была самой младшей дочерью, ее образованием толком никто не занимался, а ее успехи в учебе являлись успехами добрейшей графини Брандейс, ее гувернантки, выполнявшей за свою подопечную все письменные задания, включая рисование картинок. Антуан не умела концентрироваться на каком-либо деле и доводить его до конца. Брат Иосиф (будущий император) считал большим недостатком Антуан нелюбовь к чтению. Из-за отсутствия систематического образования у нее сформировался поверхностный взгляд на все, что ее окружало; не умея беседовать на серьезные темы, она предпочитала посмеяться и поболтать о чем-нибудь обыденном и понятном. Наделенная неповторимой грацией, она обожала танцы и музыку, что впоследствии позволило ей быстро освоить «летающую» версальскую походку — ту, при которой со стороны казалось, что женщина не идет, а летит над полом.

В 1765 году скончался Франц I. Несмотря на любвеобильный характер, он уделял немало времени воспитанию детей: «...дети мои, вас часто будут окружать люди, кои станут вам льстить и потакать любым вашим

наклонностям единственно ради того, чтобы втереться к вам в доверие и получить милости или деньги... Поэтому советую вам скоропалительно не даровать вашу дружбу и доверие тому, в ком вы не уверены, ибо люди способны подолгу скрывать свое истинное лицо». Импульсивная и бесхитростная Антуан пропускала отцовские назидания мимо ушей. Только когда смерть превратится в повседневную спутницу ее жизни, она вспомнит слова отца: «Дети мои, я советую вам два дня в году уделять приготовлениям к смерти. Проведите их так, как если бы вы знали, что это последние ваши дни. И не обязательно, чтобы кто-либо замечал это или знал об этом. Это только для вас. Разумеется, мысли эти не веселые, но иначе у вас может не оказаться времени для них».

Наверное, от отца Антуан унаследовала нелюбовь к помпезности, раскованность и свободу повседневного общения. Император всегда предпочитал жить как частное лицо и свое отстранение от решения государственных вопросов воспринимал, скорее, как освобождение от ненужного ему бремени.

Он с удовольствием переустраивал сады и парки, окружавшие императорский дворец в Шёнбрунне, организовал зоологический сад. Он стал инициатором разграничения личного и официального, отделения публичной стороны жизни, где царил этикет, от стороны частной, привольной и уютной. Император в тапочках и в тюрбане, императрица в простом домашнем платье без украшений разливает чай, а дети резвятся вокруг стола — так изобразила семью за чаем в День святого Николая Мария Кристина.

Облачившаяся в траур вдовствующая императрица являла собой суровый монумент скорби, и младшие дети, которые и прежде трепетали перед матерью, стали ее побаиваться. Императрица даже хотела удалиться в монастырь, но властная, волевая натура взяла свое, и она с удвоенной энергией погрузилась в дела государственные. Соправителем ее стал старший сын; под именем Иосифа II он принял после отца императорский титул. Однако привыкшая править практически единолично, Мария Терезия не намеревалась менять своих привычек и, как могла, не допускала сына к государственному рулю.

Одной из важнейших политических задач для нее по-прежнему являлось сохранение франко-австрийского альянса. А для придания ему длительности и стабильности лучшим средством был брак представителей обеих династий. Чтобы обойти ярого противника альянса дофина Людовика Фердинанда, возникла мысль женить овдовевшего Иосифа на одной из четырех перезрелых дочерей Людовика XV, прозябавших при

дворе, где они с удовольствием перемывали кости своим ближним. Именно они впоследствии наградят дофину Марию Антуанетту презрительным прозвищем «австриячка». Иосиф от чести скрепить союз такой ценой отказался, а смерть в 1765 году Людовика Фердинанда открыла путь к началу переговоров о брачном союзе — юного дофина и одной из равных ему по возрасту дочерей императрицы. Но оказалось, что вдова дофина, Мария Жозефа Саксонская, настроена к союзу еще более враждебно, чем ее покойный супруг. Не желая ни с кем ссориться, король Людовик XV отвечал уклончиво — и Марии Жозефе, и австрийцам.

Не намереваясь отказываться от поставленной цели, Мария Терезия обратила взор на сестер-подружек — Антуан и Шарлотту (как называли дома Марию Каролину, бывшую на три года старше Антуан). Кто станет невестой французского дофина — Антуан или ее сестра Мария Каролина? Внезапно накануне отъезда к жениху, королю Обеих Сицилии Фердинанду I, от оспы скончалась их старшая сестра Мария Жозефа, и, чтобы политически выгодный брак не сорвался, место ее заняла Мария Каролина, а потенциальной невестой французского дофина осталась Антуан. «Теща и свекровь всей Европы», как прозвали Марию Терезию из-за множества матримониальных союзов, заключенных отпрысками Австрийского правящего дома с ее благословения, при выборе партий для своих детей руководствовалась исключительно государственными интересами. Поэтому кто именно из дочерей заключит выгодный Австрии союз, значения не имело.

Когда замысел выдать Антуан за наследника французского престола приобрел отчетливые контуры, Мария Терезия стала интересоваться ее образованием, и Антуан, понимая, что успехи ее не велики, трепетала при каждой маменькиной проверке; в ней незаметно укоренялся страх не оправдать надежды императрицы. Ибо она не только писала с ошибками, но и обладала корявым почерком и часто ставила кляксы; выправить эти недостатки она смогла только спустя много времени, уже будучи дофиной Франции. Гораздо лучше дело обстояло с музыкой, которой Антуан обучал прославленный австрийский композитор и оперный реформатор Глюк, и танцами, которые преподавал известный французский танцовщик и балетмейстер Новер. Став дофиной, ученица пригласит для работы в Парижской опере и Глюка, и Невера. Французские актеры Дюфрен и Сенвиль давали Антуан уроки пения и декламации.

Видя, как юная Антуан вместе с братьями и сестрами весело носится по дворцовым покоем, грациозно двигается в танце и всеми способами увильивает от занятий любыми науками, будь то история, география или

математика, императрица сознавала, что главными достоинствами невесты французского дофина станут красота, непосредственность и жизнерадостность. Вряд ли их будет достаточно для королевы, но чтобы очаровать французского посла — вполне. Мария Терезия стала брать Антуан с собой на официальные приемы, дабы та могла продемонстрировать свою красоту и приобрести навыки поведения, подобающего будущей королеве.

По себе зная, что правитель обязан уметь скрывать свои истинные чувства, Мария Терезия считала необходимым обучать детей выступать на сцене. В Шёнбрунне она даже построила дворцовый театр, открытый в 1747 году. Свою первую роль Антуан получила, когда ей исполнилось немногим более года: в честь празднования двадцатилетней годовщины свадьбы родителей императорские дети сыграли спектакль. С тех пор Антуан нравилось играть на сцене, но еще больше — ловить устремленные на нее восхищенные взоры зрителей, пусть даже немногих и пристрастных.

Движение началось в июне 1767 года. К этому времени скончалась мать дофина, Мария Жозефа, единственная представительница антиавстрийского клана, с мнением которой Людовик XV всегда считался. Усилив давление на короля, министр иностранных дел герцог де Шуазель добился принципиального согласия короля на «брак с Австрией», и посол получил официальное дозволение просить руки младшей эрцгерцогини. Пока шли неспешные переговоры, организм Антуан, которой в 1769 году исполнилось 14 лет, засвидетельствовал, что будущая дофина готова произвести на свет наследника. Мария Терезия, пристально наблюдавшая за созреванием дочери, с удовлетворением сообщила об этом французскому послу: события интимной жизни принцесс крови являлись делом государственным.

Проявляя внимание к невесте дофина, Версаль с возмущением узнал, что французским языком с эрцгерцогиней занимаются гистрионы, и срочно прислал в Вену аббата Вермона, протеже епископа Тулузского. Аббату предстояло не только усовершенствовать французский язык Антуан, но и познакомить ее с историей, литературой и обществом Франции. По мнению ряда современников, он лестью завоевал доверие своей юной ученицы, ибо потакал ей во всем. Но когда императрица спросила Антуан, каким народом Европы ей хотелось бы править, та, не раздумывая, ответила: «Французским, потому что у него были добрый король Генрих IV и великий король Людовик XIV». Сам Вермон в тайном отчете, направленном во Францию, писал о своей ученице: «...до двенадцати лет никто не приучал ее к усидчивости. Она не столько ленива, сколько

легкомысленна, и обучать ее довольно сложно. <...> Впрочем, хлопот она никому не доставит, ибо, живая и смешливая, она не отличается ни выдающимся умом, ни хитростью». Примечательно, что отчеты свои аббат Вермон отправлял австрийскому послу графу Флориману Мерси д'Аржанто, преданному слуге Марии Терезии и ее недреманному оку при французском дворе. Неудивительно, что ни Людовик XV, ни Людовик XVI не любили Вермона, смотревшего главным образом в сторону Вены^[2]. С помощью Мерси и Вермона императрица намеревалась держать младшую дочь под неусыпным контролем и руководить ею с пользой для Австрии. Так, с самого начала пути к французскому трону Марию Антуанетту окружили советчики, для которых она являлась безликой фигурой в их политической игре.

Наконец в июне 1769 года из Версаля пришла официальная депеша: король Франции Людовик XV просил Марию Йозефу Антонию Иоганну в жены для своего внука Людовика Августа. По такому случаю в Лаксенбурге, летней резиденции Габсбургов, устроили грандиозный бал, разослав восемь сотен приглашений. После бала началась подготовка к свадьбе, назначенной на май 1770 года. Отныне Антуан называют не иначе как Мария Антуанетта — так, как будут звать ее во Франции. Спешно начался ремонт дорог, по которым будущая дофина проследует во Францию.

В конце лета Мария Терезия вместе с младшей дочерью совершили паломничество в Мариазель, главное австрийское святилище, посвященное Деве Марии, в честь которой императрица и все ее дочери носили имя Мария. Известная своей истовой набожностью, которую многие современники считали ханжеством и пуританским лицемерием, Мария Терезия опасалась, что, очутившись в Версале, где нравы царили отнюдь не благочестивые, ее юная дочь собьется с праведного пути. К несчастью, тамошними записными блюстителями морали выступали дочери Людовика XV, являвшиеся костяком «партии святош» — активных противников франко-австрийского союза и его поборника герцога де Шуазеля. Желая оградить дочь от тлетворного влияния безнравственных французов, императрица в письме Людовику XV просила его стать отцом для юной и неопытной девушки. «...Я отправляю вам ее в качестве залога нежной дружбы, к счастью, воцарившейся между нашими странами...» Хотя подобного рода письмо — скорее, дань вежливости. Ибо при всех дворах знали и о любвеобильности французского короля, и о его неразборчивости в любовных интрижках, и о том, что недавно у него появилась новая фаворитка графиня Дюбарри, в прошлом девица непочтенного занятия по

имени Жанна Бекю. Но об этой стороне жизни французского двора и его стареющего короля юную Марию Антуанетту, разумеется, никто не просветил. Незнание закулисной стороны жизни Версаля станет для дофины настоящим камнем преткновения.

Жених юной эрцгерцогини, дофин Людовик Август, ни в чем не походил на свою невесту. Если Марию Антуанетту называли «кузнечиком», то его сравнивали со снулой рыбой. Старше невесты менее чем на год, по мнению многих современников, он напоминал старичка. Высокий, с водянистыми голубыми глазами, нескладный и склонный к полноте, он передвигался боком, без всякого намека на королевское величие, из-за близорукости не узнавая кланявшихся ему придворных. Застенчивый, скованный, уверенный, что его «никто не любит», он чурался общества даже собственных братьев и патологически никому не доверял, включая себя самого. Он любил учиться, и учение давалось ему без мучительного труда; он хорошо знал историю, право, географию, с удовольствием вычерчивал географические карты, знал латынь, говорил по-английски и немного по-итальянски. Перед Людовиком родилось еще два принца, поэтому никто не помышлял, что когда-нибудь он станет наследником трона. Как его дед, Людовик XV, он был не способен на решительные поступки. Как его отец, Великий Дофин, он в душе порицал деда за безнравственный образ жизни. Известие о предстоящей женитьбе не вызвало у него восторгов: он знал, что и мать его, и отец возражали против этого брака. К тому же в обществе еще не забыли о поражении Франции в Семилетней войне, из которой Австрия вышла победительницей, и многие придворные намеревались встретить юную эрцгерцогиню в штыхы.

Мария Терезия знала о нелюдимом характере дофина, но ставить под угрозу брак, призванный скрепить альянс бывших врагов, не собиралась: конечно, этот мрачный увалень нисколько не подходил ее девочке, но удел женщины — повиноваться мужу и следовать за ним. «Думая о величии ожидающего тебя положения, можно сказать, что ты — самая счастливая из сестер», — говорила императрица дочери. Словно наверстывая упущенное время, Мария Терезия использовала каждую оставшуюся минуту для общения с дочерью и, повелев поставить ее кровать у себя в спальне, перед сном с ней беседовала. Убедившись, что дочь не подготовлена к придворной жизни, являющей собой запутанный клубок интриг, она написала дофину, отправив письмо сразу после отъезда Марии Антуанетты: «Дорогой дофин, ваша супруга только что рассталась со мной; она составляла счастье моей жизни, и я надеюсь, составит и ваше счастье. Так как я изначально предвидела, что ей суждено разделить вашу судьбу, я

воспитала ее в благонравных понятиях. Я внушила ей, что ее долг — любить вас нежно и делать все, чтобы вам понравиться. <...> Моя дочь полюбит вас, я в этом уверена, ибо я ее знаю; но, уверенная в ее любви к вам и в ее заботливости, я прошу вас не лишать ее нежной своей привязанности. Прощайте, дорогой дофин, будьте счастливы и сделайте счастливой ее... я все в слезах... Ваша матушка Мария Терезия». Предчувствовала ли императрица несчастья, ожидающие юную чету, или, исходя из житейского опыта, понимала, что королевская власть тяжким бременем ляжет на плечи обоим совершенно не подходящих друг другу людей, и заранее им сочувствовала?

Пока австрийская сторона хлопотала о поездке, пока камергер Хевенхюллер и многочисленные слуги сбивались с ног, организуя парадный кортеж, которому предстояло сопровождать дофиню во Францию, для Марии Антуанетты началась череда празднеств, продолжавшаяся вплоть до дня отъезда. Враг роскоши, император Иосиф II пребывал в смятении и призывал придерживаться режима экономии. «Мы должны продемонстрировать союзнику наше величие и могущество», — отвечали ему и продолжали швырять деньги на малиновую тафту и розовый бархат с золоченой вышивкой, коим обили не только карету дофины, но и всю взятую с собой мебель, включая обстановку королевской уборной. Десятки карет, экипажей и повозок, туча слуг, 20 тысяч лошадей, включая бесценных белоснежных липпицанов, кавалерийский эскорт... и все только для того, чтобы доехать до границы с Францией!

19 апреля 1770 года в шесть часов вечера под готическими сводами венского монастыря августинцев папский нунций монсеньор Висконти совершил брачный обряд «по доверенности», соединивший австрийскую эрцгерцогиню с дофином Франции, и благословил обручальные кольца. Дофина представлял брат невесты, эрцгерцог Фердинанд; невеста, в длинном платье из серебряной парчи, трепетала от восторга: никогда еще на нее не было устремлено столько восхищенных взоров! На следующий день канцлер Кауниц лично продиктовал «мадам дофине» ее первое письмо французскому королю. «Государю брату^[3] моему и дорогому дедушке...» — старательно выводила девочка.

*

21 апреля, в половине десятого утра, Мария Антуанетта, заливаясь слезами, покидала Вену. Для путешествия Людовик XV прислал невестке

два роскошных экипажа: один, обитый синим бархатом, был расписан символами четырех стихий, а другой, обитый бархатом малиновым, — картинами четырех времен года. Как свидетельствует Йозеф Вебер, молочный брат Марии Антуанетты, при расставании плакали все — и императрица, и жители Вены, словно провожали не парадную карету дофины Франции, а похоронные дроги. Императрица снабдила дочь подробнейшей инструкцией, озаглавленной «Рекомендации для ежемесячного прочтения». Вот несколько выдержек из этих «Рекомендаций»: «Пробудившись, без промедления встаньте и, опустившись на колени, прочтите утреннюю молитву, а затем не менее четверти часа посвятите душеспасительному чтению, ибо все зависит от правильного начала дня и тех желаний, с коими вы день начинаете. <...> Читайте только те книги, которые одобрит ваш исповедник: сие правило необходимо соблюдать, ибо во Франции даже почтенные познавательные сочинения могут содержать нападки на религию и нравственность. <...> Не стыдитесь у всех спрашивать совета и не принимайте самостоятельных решений...» Действительно ли императрица опасалась, что ее младшая дочь начнет совершать необдуманные поступки или хотела сделать ее послушной исполнительницей воли венского двора, своего рода агентом австрийского влияния при дворе давнего врага и недавнего друга? Судя по тому, каким всепроникающим вниманием окружит Марию Антуанетту граф Мерси, как будет сообщать императрице мельчайшие (в том числе интимные) подробности ее жизни, политические цели брака Бурбонов с Габсбургами всегда будут стоять на первом месте. Письма, касающиеся дофины, а потом и королевы Франции, Мерси будет помечать словами *tibi soli* (для одной тебя) и отсылать императрице со специальным курьером.

Первой остановкой свадебного каравана стало бенедиктинское аббатство в Мельке, где Марию Антуанетту встретил ее брат Иосиф. Вечер прошел уныло: несколько учеников дурными голосами в сопровождении игравшего вразнобой оркестра исполнили скучную оперу, которую сонная принцесса слушала вполуха: предшествующая неделя, насыщенная многочисленными торжествами, утомила ее. Утром, подставив брату щеку для поцелуя и подхватив любимого мопса, Мария Антуанетта с тяжелым сердцем села в карету. По дороге заморосило, а когда караван прибыл в Линц, небо окончательно затянуло, и дождь полил как из ведра. Принцессе очень хотелось приказать повернуть назад, в Вену, но она понимала, что это невозможно: многочисленная свита из знатных и почтенных князей и графов ни за что бы не позволила исполнить подобный приказ — даже если бы она осмелилась его отдать. Путешествие продолжалось. Везде — в

Аугсбурге, Гюнцбурге, Ридлингене — жители с восторгом встречали, принимали и провожали принцессу, восхваляя ее добродетели и сравнивая ее красоту с красотой юных богинь Олимпа.

Утром 7 мая состоялась долгожданная передача невесты, точнее дофины, французской стороне. Чтобы не нарушать государственного паритета, для торжественной церемонии избрали островок на Рейне, возле крохотного городка Кель, откуда рукой подать до Страсбурга, первого французского города, которому выпала честь приветствовать новую дофину.

На этом удобном для вручения немецких невест островке (предыдущую дофину также передавали на этом острове) соорудили большой павильон, состоявший из двух больших залов — австрийского и французского, и маленького срединного, где должна была состояться собственно передача. Обстановку для залов собирали буквально «с миру по нитке» — из университета, из муниципалитета и даже из дворца епископа, откуда, в частности, привезли гобелены, на которых, по словам студента Гёте, допущенного осмотреть павильон, была изображена трагическая история Язона, Креузы и Медеи — кровавая свадьба и гибель сыновей Язона. К счастью, Мария Антуанетта была не сильна в мифологии, а потому, поглощенная сложной церемонией, не обратила внимания на рисунки на стенах. Хотя имеются и иные версии. По словам баронессы Оберкирх (в девичестве Луиза Вальднер фон Фрейндштейн), увидев гобелены с Медеей и Язоном, Мария Антуанетта сказала своей немецкой горничной: «Ах, какое мрачное предзнаменование».

Ритуал передачи австрийской эрцгерцогини французской стороне включал в себя подписание соответствующего документа, вокруг которого немедленно разгорелся яростный спор: подпись какой стороны должна стоять первой? После долгих препирательств решили, что во французском варианте документ первыми подпишут французы, а в немецком — австрийцы. Согласно ритуалу передачи дофину освобождали от всего австрийского, включая чулки и рубашку, и облачали во все французское. Ее провели в срединный зал, где, испуганно глядя на сновавших вокруг нее женщин, она застыла, крепко прижав к груди мопса, и молча позволила переодеть себя. Она впервые подвергалась процедуре публичного переодевания. Когда наконец процедура завершилась, чьи-то властные руки отобрали у нее собачку: строгий ритуал не позволял оставить даже домашнего любимца, ибо тот был австрийского происхождения. Пройдет некоторое время, и Мерси выпишет в Версаль собак дофины, включая крупного боксера, но потом пожалеет об этом, ибо, по его мнению, они

отвлекали Марию Антуанетту от серьезных дел.

В роскошном, сшитом по последней французской моде платье с пышной юбкой на каркасе, увешанная драгоценностями, Мария Антуанетта преобразилась: у нее высохли последние слезы грусти. Снедаемая любопытством, она вступила на французскую половину и среди многочисленной французской свиты принялась искать глазами графиню де Ноайль, о которой писала ей матушка. Распознав графиню, Мария Антуанетта с детской непосредственностью бросилась к ней на шею и звонким от волнения голосом попросила ее руководить ею, быть ее опорой и советчицей. От столь непринужденного поведения чопорная графиня растерялась.

Графине де Ноайль, назначенной первой фрейлиной дофины, поручили обучить Марию Антуанетту сложному версальскому этикету. Но, как пишет мадам Кампан^[4], многие считали Ноайль сухой и высокомерной особой. По мнению Кампан, назубок зная все предписания этикета, мадам де Ноайль не сумела убедить принцессу в их важности, не разъяснила, что соблюдать их необходимо, чтобы внушить французам почтение к своей особе и оградить себя от ненужных сплетен. Сама Мария Антуанетта не прислушивалась к мадам де Ноайль, постоянно надоедавшей ей своими замечаниями, тем более что аббат Вермон, которому она привыкла доверять, высмеивал и Ноайль, и дорогой ее сердцу этикет. Склонная внимать скорее насмешкам, нежели доводам рассудка, дофина прозвала графиню де Ноайль «Мадам Этикет».

Из дверей французской половины Мария Антуанетта вышла в сопровождении своей новой — французской — свиты, в которой помимо четы Ноайль состояли герцогиня де Виллар и маркиза де Дюра (почтенные матроны, ранее принадлежавшие к свите матери нынешнего дофина), молодая и веселая графиня де Пикийи (она станет первой задушевной подружкой дофины) и, молодая, любезная и рассудительная графиня де Майи (она сразу понравилась дофине). Среди мужчин значились граф де Тессе, граф де Со-Таванн, маршал де Контад и епископ Шартрский. Дальнейший путь дофины лежал в Компьень, где ей предстояла встреча с королем и будущим супругом. Первой остановкой на пути стал Страсбург, столица Эльзаса, провинции, окончательно присоединенной к Франции в правление Людовика Великого.

Страсбург встретил дофину триумфальными арками, почетным караулом, фейерверками и народными гуляньями. Кто-то из магистратов, желая польстить дофине, обратился к ней по-немецки, на что она громко и решительно заявила: «Не обращайтесь ко мне по-немецки. С сегодняшнего

дня я говорю только на французском языке!» Ответ вызвал бурный восторг толпы. На улицах стояли столы с угощением для народа, на площадях жарили бычьи туши, били фонтаны вина, а хлеба вынесли столько, что, по словам баронессы Оберкирх, даже нищие перестали утруждать себя поднимать куски с земли. К вечеру начался фейерверк, сменившийся грандиозной иллюминацией: город словно утонул в слепящем море огней. «Казалось, наступил конец света», — вспоминала баронесса Оберкирх. На следующее утро Мария Антуанетта в восторге писала матери: «Какой чудесный народ эти французы! В Страсбурге меня принимали словно ребенка, вернувшегося домой после долгих странствий. Чиновники из капитула наговорили мне столько приятных вещей, что я чуть не расплакалась. Меня осыпали комплиментами. Это меня пугает, ибо я не знаю, смогу ли я заслужить их. Я давно питаю симпатии к французам и чувствую, что мне будет легко жить среди них».

В Страсбурге Мария Антуанетта впервые увидела принца Луи де Рогана, того самого, из-за самодовольства и тщеславия которого она окажется замешанной в громкое дело об ожерелье, ускорившее, по мнению многих, падение монархии. Но в 1770 году Роган был всего лишь симпатичным 35-летним коадьютором и, несмотря на сан, слыл ценителем и любителем женского пола. По случаю прибытия дофины ему вместе с дядей, князем-епископом Страсбургским, предстояло служить торжественную мессу в Страсбургском соборе. Выйдя во главе духовенства встречать дофину, Луи Роган произнес речь, в которой специально для Марии Антуанетты вознес хвалы Марии Терезии: «Для нас вы станете живым воплощением образа любезной императрицы, вызывающей восхищение всей Европы, императрицы, чья слава навеки останется в сердцах потомков. В вас душа Марии Терезии соединится с душой Бурбонов». От этих слов девочка чуть не расплакалась: она очень скучала по матери.

На следующий день, выехав из Страсбурга, кортеж дофины сделал остановку в Саверне (примерно в 40 километрах от Страсбурга), в семейном замке Роганов. Был дан пышный бал, и дофина с упоением протанцевала до девяти вечера. Возможно, именно в этот вечер она и произвела на Рогана то неизгладимое впечатление, которое впоследствии подтолкнет его ввязаться в мутную историю с ожерельем. Как пишет маркиза де Креки^[5], после отъезда дофины Роган набросал ее портрет: «Эрцгерцогиня-дофина отличается приятным ростом, худа, но не сухощава и очень складная, хотя она еще очень юна и не вполне сформировалась. Движения ее плавные и гибкие. У нее великолепные белокурые волосы без

малейшей рыжины. Лоб высоковат, но очень красив; форма лица представляет собой безупречный овал. Брови настолько темные, насколько могут быть у блондинки. Глаза голубые и очень светлые, но их нельзя назвать бесцветными. Орлиный нос, возможно, чуточку заострен, но, на мой взгляд, это придает ей еще большую пикантность. У нее маленький, алый, как вишня, рот; пухлые губы, особенно нижняя губа. Кожа тонкая, ослепительной белизны. Ее естественные краски столь хороши, что румяна лишь испортят ее. Осанка ее сразу говорит о том, что перед вами эрцгерцогиня и императорская дочь. Лицо ее всегда дышит благородством. Кротость характера сочетается в ней с природным чувством собственного достоинства. Полагаю, что при виде ее французы станут испытывать чувство нежности в соединении с глубоким почтением».

«Ах, какие, однако, бывают странные стечения обстоятельств!» — скажет впоследствии баронесса Оберкирх, вспоминая пребывание дофины в Страсбурге. Баронесса тоже оставила нам свое описание дофины: «Высокая, прекрасно сложенная, хотя и немного худая. Слегка вытянутое лицо с правильными чертами, орлиный нос, чуть заостренный на конце, высокий лоб, маленький рот, живые голубые глаза, чуточку надменное выражение лица. Ее *австрийская губа*, похоже, выпячена больше, чем у иных членов ее семьи. Несравненный цвет кожи, соединивший в себе цвета лилии и розы. Волосы светлого пепельного цвета, почти без пудры. Величественная посадка головы, изящество и грация. Зримое благородство души ее притягивает сердца».

Современники сходятся в одном: дофина не красавица, но на удивление обаятельна, мила, очаровательна и блистает всеми красками юности. Габсбургская чопорность умеряется мягким характером, а живое выражение лица заставляет забыть о презрительно выпяченной нижней губе, придающей лицу надменный вид, который, впрочем, тотчас исчезает, стоит ей обратиться к собеседнику. «Я вместе с другими девушками из благородных семейств удостоилась чести быть представленной дофине. Ее простота и изящество мгновенно завоевали наши сердца. Спросив у каждой ее имя и место проживания, она для каждой нашла приятное слово», — писала баронесса Оберкирх.

От Саверна до Версаля немногим более двухсот миль, и на протяжении всего пути в городах, где останавливался кортеж дофины, власти устраивали торжественные встречи с речами, а горожане ликовали, осыпали юную дофину цветами и пили за здоровье ее и дофина. «Да здравствует дофин!», «Да здравствует дофина!» — за дорогу Мария Антуанетта привыкла к этим крикам и, утомленная постоянными

торжествами и многолюдьем, научилась под них засыпать, а просыпаясь, все чаще обращала мысли к будущему супругу, пытаясь представить себе: какой он на самом деле? «Надеемся, что, проезжая по Франции, Мадам дофина сумела заметить рвение и энтузиазм французов, жаждавших увидеть ее и выразить ей свое восхищение и любовь», — писала газета «Меркюр де Франс». Газете вторил князь Штаренберг. «...Заверяю вас, что все французы в восторге от нее, а сама она держится гораздо лучше, чем я смел надеяться; никогда еще в этой стране так не встречали ни одну принцессу», — писал он императрице.

Из всех городов, что довелось проехать дофине, в два ей будет суждено вернуться еще раз: в Шалон-сюр-Марн и Реймс. В Реймсе состоится помазание Людовика XVI, а в Шалоне королевская семья, тайком бежавшая из Тюильри, остановится поменять лошадей, не подозревая, что бегство ее закончится падением монархии во Франции.

В Суассоне, последней остановке перед Компьенем, Марию Антуанетту встретил Шуазель, получивший специальное разрешение опередить его величество. «Сударь, я никогда не забуду того, кто устроил мое счастье!» — обратилась к нему дофина. «И счастье Франции!» — ответил министр. Приободренная Шуазелем, которого высоко ценила и которому доверяла ее матушка, Мария Антуанетта уняла дрожь и приготовилась к встрече с будущим спутником своей жизни.

Долгожданная встреча произошла 14 мая, в три часа дня в Компьенском лесу возле реки, рядом с мостом Берн, куда сбежались все окрестные жители, жаждавшие посмотреть на короля и будущую королевскую чету. Людовик XV, которому, похоже, гораздо больше, чем внуку, не терпелось увидеть австрийскую принцессу, приехал лично, взяв с собой помимо будущего супруга трех своих незамужних дочерей. Стоя на расстеленной ковровой дорожке, королевская семья ожидала церемонии представления. Но в нарушение всяческого этикета непосредственная Мадам дофина вместо положенного реверанса бросилась к королю, упала перед ним на колени и поцеловала ему руку. Довольный и растроганный, Людовик поднял невестку, обнял ее, поцеловал и представил ее дофину. Тот неловко ткнул будущую супругу носом в щеку и, замявшись, пообещал поговорить с ней позже. Эта трогательная сцена вызвала бурю восторгов зрителей. Несмотря на возбужденную обстановку, дофина не могла не заметить разительного контраста между дедом и внуком. Король — несмотря на возраст статный, красивый, с живыми черными глазами — смотрел на нее с нескрываемым интересом. Людовик все больше мялся и отводил взгляд, а когда в карете его усадили напротив будущей жены, всю

дорогу вжимался в стенку, стараясь ненароком не коснуться ее пышного платья. Вспоминая портреты, присланные в Вену, Мария Антуанетта с грустью пришла к выводу, что художники изрядно приукрасили ее будущего супруга. Перед глазами встали строки из письма матери: «...жена должна во всем подчиняться мужу, ибо главное ее занятие — это угождать ему и исполнять его волю. Только удачный брак может сделать женщину по-настоящему счастливой. Все зависит от женщины; ей следует быть услужливой, кроткой и уметь развлечь супруга».

Дофин казался единственным, на кого не подействовало обаяние юной принцессы. Строгий к себе, суровый к другим, юный Людовик напоминал устрицу, закрывшуюся в своей раковине. Когда его спрашивали, какое прозвище он хотел бы взять, когда взойдет на трон, он отвечал: «Суровый» (*Severus*). Увы, так его не называли никогда. В начале царствования его именовали «желанным» и «благословенным», в конце станут звать Капетом, по имени основателя династии Гуго Капета, а посмертно прозовут Людовиком Последним... Если судить по дневнику, который он вел с девяти лет, он был чужд эмоциям. Иначе как можно объяснить запись, сделанную в день встречи с дофиной: «14 мая 1770 года — встреча с будущей женой». И больше ничего. А ведь ему сосватали самую обаятельную и красивую принцессу в Европе! Но, принимая во внимание, что самой частой записью в дневнике выступает слово «ничего», фразу, посвященную Марии Антуанетте, можно считать эпистолярным подвигом.

Вечером в Компьенском замке в домашней обстановке состоялось знакомство Марии Антуанетты с королевской семьей. Тон задавал Людовик XV. Став королем, как и его прадед Людовик XIV, в пятилетнем возрасте, он сначала находился под опекой регента Филиппа Орлеанского, а затем бремя управления государством взял на себя первый министр кардинал Флери. Когда Флери умер, Людовик решил править самостоятельно, но быстро понял, что не имеет к этому занятию ни малейшей склонности. Попав под влияние женщин, он помимо официальных фавориток завел себе целый гарем, разместившийся в павильоне под названием Олений парк, куда поставляли молоденьких простушек для утоления его моментальных любовных appetitov.

Царствование Людовика XV пришлось на галантный век, поставивший в центр мироздания женщину, и король вовсю пользовался этим подарком судьбы. Правление Людовика XV? Это правление мадам де При, мадам де Майи, мадам Помпадур, мадам Дюбарри... В отличие от образованной поклонницы изящных искусств Помпадур, нынешняя фаворитка, мадам Дюбарри, политикой не интересовалась, к

антиавстрийской «партии святош» примкнула ради укрепления собственных позиций при дворе, иностранных послов принимала, дабы польстить своему самолюбию. Эгоистичный Людовик XV почитал исконным правом монарха делать все, что он пожелает, и искренне считал, что нет ничего выше монаршей воли. В этом его полностью поддерживал внук Людовик, утверждая, что «основание всякого рода власти покоится только на личности короля». Полагая себя некомпетентным в делах государственных, Людовик XV не препятствовал своим министрам править. Ни новые веяния, ни приобретающая все больше сторонников философия Просвещения на его взгляды никак не повлияли. Прозванный в молодости Любимым, к старости он станет ненавистен народу и нелюбим придворными, и, когда скончается (по одной из версий, от сифилиса), подданные будут провожать его гроб улюлюканьем и непристойными шуточками.

Вторую скрипку после Людовика XV пытались играть его незамужние дочери — старые девы, лицемерки и интриганки. «Мадам тетки» или «королевские тетки». В детстве сестер называли «Мадам Первая», «Мадам Вторая», «Мадам Третья», «Мадам Четвертая»; когда они выросли, Людовик XV наделил их колючими прозвищами: старшая, Аделаида, прозывалась «тряпкой», пухленькая Виктория — «свиноматкой», София — «гусеницей», а набожная Луиза — «ветошью». Кружок теток возглавляла любимая и наиболее энергичная дочь Людовика XV Мадам Аделаида, обладательница мужеподобного голоса и мужеподобной же фигуры, чья вспыхнувшая, словно звезда в тумане, красота столь стремительно увяла, что ее мало кто успел заметить. Зато настойчивость и упорство ее были известны всем: когда воспитывать девочек при дворе стало дорого и было решено на время отправить их в аббатство Фонтевро, она одна сумела уговорить отца оставить ее в Версале. Не балуя дочерей посещениями, король тем не менее чаще заходил к Аделаиде. Тогда сестры провели в покои друг друга звонки, и, когда Людовик являлся к Аделаиде, она, дернув за веревочку, извещала об этом Викторию, та — Софию, а та — Луизу. Впрочем, Луиза — возможно, еще в Фонтевро — почувствовала влечение к монастырской жизни и в 1770 году удалилась в обитель Сен-Дени. Считая себя хранительницами этикета и хорошего тона, королевские дочери дружно ненавидели отцовских фавориток, противились франко-австрийскому альянсу и невзлюбили Марию Антуанетту: во-первых, за то, что она «австриячка», а во-вторых, за то, что брак ее был делом рук ненавистного им Шуазеля.

Дофине представили принцев крови: Конде, Конти, герцога

Орлеанского и его сына Луи Филиппа Жозефа, носившего в то время титул герцога Шартрского (Орлеанским он станет в 1785 году после смерти отца). Сказочно богатый благодаря женитьбе на дочери герцога де Пантьевр, потомка признанного бастарда Людовика XIV, то есть принца королевской крови, этот повеса и щеголь станет настоящим злым гением Марии Антуанетты, всегда считавшей его интриганом и лицемером. Стоя первым в династической очереди наследников, он внесет весомый вклад в поток клеветы, который через несколько лет обрушится на королеву. Многие памфлеты, направленные против Марии Антуанетты, будут сочиняться и печататься на деньги Шартра. Возглавляя ложу Великого Востока и поддерживая философов, он создал себе репутацию вольнодумца.

Утром 15 мая королевская семья и двор отправились в Версаль. Дорога долгая, тем более что толпы восторженных французов выстраивались на пути следования кортежа, чтобы увидеть дофину. «Французы редко видят своего короля. Показывая мне, как они любят короля, которого я считаю своим вторым отцом, они тем самым выражают доброе отношение ко мне», — тактично высказалась Мария Антуанетта. В тот майский день кортеж до Версаля не доехал, пришлось остановиться в Булонском лесу, в замке Ла Мюэт. Там Марии Антуанетте представили братьев дофина: болезненно толстого Луи Станисласа Ксавье, графа Прованского, и стройного красавца Шарля Филиппа, графа д'Артуа. Прованс, образованный, начитанный и наиболее способный к политике, отличался коварством и тщеславием. Наставник «детей Франции» герцог де ла Вогийон прозвал его «плутом». Говорят, Прованс был тайно влюблен в Марию Антуанетту, а когда понял, что ничего не добьется, стал мстить, распуская порочащие ее честь слухи и оплачивая сочинителей скабрёзных куплетов и памфлетов. Артуа, обворожительный юнец, остроумный франт, легкомысленный и беззаботный, прозванный Вогийоном «сорванцом», сразу пришёлся дофине по душе: она почувствовала сходство их характеров. Впоследствии их станут часто видеть вместе: они будут резвиться в Версальском парке, играть в спектаклях, ездить на прогулки и, надев маски, посещать балы в Парижской опере. Столь близкое общение не пройдет незамеченным, и поползет слух, что отношения Марии Антуанетты с Артуа более чем дружеские. А вскоре, подкрепляя сей слух, в книжных лавках из-под полы станут продавать грубый и непристойный памфлет «Любовь Шарло и Туанетты».

Вечер 15 мая омрачила сильная гроза — с громом, молниями и проливным дождем. Зато утром выглянуло солнце, и в его золотистых лучах Мария Антуанетта впервые увидела знаменитый дворец, которому

отныне суждено стать ее домом и миром. Нарядное строение не оставило юную дофину равнодушной, и она без умолку выражала свои восторги сопровождавшим ее придворным дамам. С чем она могла сравнить версальское величие? Только с Шёнбрунном, однако при сравнении любимый дворец показался ей маленьким деревенским домиком. Несмотря на множество неудобств (отсутствие элементарных туалетных комнат, плохо обустроенные каминные, отчего зимой все его обитатели, включая короля, мерзли; множество переходов и закоулков, где легко заблудиться), роскошное убранство большого Версальского дворца по-прежнему поражало всех, кому довелось в него ступить.

Приготовления к венчанию проходили в бывших апартаментах Марии Лещинской, показавшихся дофине огромными и ослепительно красивыми. А когда ей принесли великолепное свадебное платье и вручили драгоценности, среди которых было и роскошное жемчужное ожерелье, завещанное ее дальней габсбургской родственницей Анной Австрийской супругам французских королей, она с трудом удержалась, чтобы не захлопать в ладоши и не запрыгать от радости как дитя. В сущности, она и была ребенком, добрым, любящим и привыкшим, что ее все любят. Поэтому, когда ей представили двух младших сестер Людовика: Илетнюю толстушку Клотильду и шестилетнюю Елизавету, находившихся под опекой мадам де Марсан, она тотчас прониклась к ним искренней симпатией. Но общество Клотильды будет радовать ее недолго: в 1775 году брат выдаст ее замуж за Карла Эммануила, герцога Савойского и будущего короля Сардинии и Пьемонта. А Елизавета, живая, умная, с независимым характером, станет ее спутницей в самые черные часы жизни. Обожая старшего брата, Елизавета не захочет покинуть его — ни ради брака с иностранным принцем, ни ради спасения собственной жизни. Во время революции она добровольно последует за королевской семьей и разделит ее трагическую участь.

Около часа дня Мария Антуанетта в пышном серебристом платье вошла в кабинет короля, где ее уже ждал одетый под стать ей дофин, грудь которого украшал усыпанный бриллиантами орден Святого Духа. Взявшись за руки, юная пара пошла вслед за королем и принцами крови в дворцовую часовню. Вокруг гудела разряженная толпа придворных, с любопытством взиравших на молодых: так ли хороша невеста, как о ней говорят? И как там юный увалень? По свидетельствам современников, Мария Антуанетта экзамен выдержала: в платье с необыкновенно пышной юбкой она хоть и казалась совсем девочкой, однако осанка и походка у нее были поистине королевские. Дофин же, как не преминули отметить многие,

дрожал от страха, краснел до ушей, руки у него тряслись, и он не сразу смог надеть кольцо на палец дофине. Тем не менее все обошлось, и архиепископ Реймский окончательно соединил судьбу Марии Антуанетты с будущим Людовиком XVI. Затем молодожены отправились подписывать брачный контракт. Первым поставил свою подпись король, за ним скромно подписался дофин, а следом — Мария Антуанетта, ухитрившись при этом поставить жирную кляксу. И кляксу, и майскую грозу, разразившуюся вечером и заставившую отложить обещанный фейерверк на послезавтра, также сочли неблагоприятными знаками. На протяжении жизни Марии Антуанетты таких знаков будет немало, возможно, потому, что значительную их часть мемуаристы заметят уже после трагедии...

Гроза раздосадовала не столько молодоженов и придворных, сколько многочисленных посетителей парка, съехавшихся — как оказалось, напрасно — отовсюду, чтобы посмотреть на огненную феерию. Юной же новобрачной предстояло выдержать церемонию принесения присяги ее новым двором. К счастью, лично ей приносили клятву верности в основном «начальники служб» — главные интенданты, старшие конюхи, старшие горничные и т. п., иначе ей пришлось бы до утра принимать уверения в преданности ее особе. Ибо прислуги в штате состояло поистине бесчисленное количество: горничные и кастелянши, привратники для каждой двери, лекари и аптекари, судомойки и полотеры, не говоря уже о кухне, где помимо поваров было занято невероятное множество слуг, начиная от водоносов и истопников и завершая точильщиками ножей. Собственный штат придворных и прислуги имели также принцы крови, так что Версальский дворец всегда кишел людьми, эффективно управлять которыми было практически невозможно. Ежегодно содержание дворца обходилось в кругленькую сумму, причем значительная часть денег вылетала буквально на ветер; на кухню, например, продуктов поступало в несколько раз больше, чем требовалось, и часть их успевала испортиться еще до приготовления; оставшиеся нетронутыми после королевских обедов блюда либо выбрасывались на помойку, либо распродавались слугами в соседние трактиры. Когда в будущем Марию Антуанетту станут упрекать в бездумных и безумных тратах, не в оправдание, но в объяснение, наверное, придется вспомнить, что манера «швырять деньги на ветер» существовала при Версальском дворе задолго до появления там австрийской принцессы и была чрезвычайно заражительна.

Одна многолюдная церемония сменяла другую. В Зеркальной галерее и в примыкающих к ней апартаментах расставили игорные столы, и король пригласил двор «на игру». В этот раз игра стала предлогом, дабы дать

возможность подданным поглазеть на убранство дворца и полюбоваться на молодых супругов. В те времена вход в Версаль был открыт каждому, кто одет прилично; мужчинам предписывалось иметь шпагу и шляпу; впрочем, шпагу и шляпу всегда можно было взять напрокат у входа во дворец или в парк. Современники писали, что из-за множества темных закоулков и переходов некоторые бродяги, раз проникнув во дворец, ухитрялись жить там неделями, пока их наконец не обнаруживал дворцовый караул и не вышвыривал вон.

Волнующая церемония завершилась, и Мария Антуанетта, ставшая «настоящей дофиной Франции», снова нырнула в людское море, где чувствовала себя как рыба в воде. Природа словно создала ее быть королевой: благородная красота, величественная походка, горделивая осанка внушали всем неизъяснимое почтение. Несмотря на волнения и усталость, она держалась с достоинством, всем улыбалась, была исключительно приветлива и сумела завоевать сердца не только короля и придворных, но и всех французов, что прибыли в Версаль приветствовать ее. Всех, кроме собственного супруга, продолжавшего отмалчиваться или отделяться незначительными репликами.

День свадьбы завершился грандиозным пиршеством, начавшимся в десять вечера и затянувшимся за полночь. Когда торжество подошло к концу, едва державшихся на ногах от усталости дофина и дофиню отвели в супружескую спальню, где, собственно, должно было произойти главное событие, ради которого затевался этот брак, — зачатие наследника, слияние крови двух великих династий: Габсбургов и Бурбонов. В спальне молодых не сразу оставили одних. Сначала архиепископ Реймский благословил брачное ложе, затем Людовик XV лично передал дофину ночную рубашку, а герцогиня Шартрская вручила ночную сорочку дофине. Потом молодых подвели к брачному ложу и задернули занавески. Когда они легли, занавески снова открыли, и толпа знатнейших придворных, убедившись, что молодые на месте и готовы совершить то, чего все от них ждут, наконец удалилась, оставив замученных этикетом молодых наедине. Неудивительно, что этой ночью между ними ничего не произошло. Юные, неопытные, толком не знакомые, смертельно усталые — о какой любви могла идти речь? Ряд авторов пишут, что Людовик и вовсе покинул супружескую спальню и отправился спать к себе. Не исключено, ведь он изначально был настроен против «австрийской жены», а та была слишком юна и неопытна, чтобы его разубедить. В огромном дворце ничего нельзя утаить, и утром сразу пополз слух, что «брак не свершился». Кто пустил его? Неизвестно. Впрочем, если вспомнить о бесчисленном количестве

прислуги, к которой знать относилась как к необходимой мебели, не считая нужным ничего от нее скрывать, становится понятно, как интимная жизнь сильных мира сего делалась достоянием гласности. А многие любопытные еще и подкупали слуг, дабы те сообщали им сведения о своих господах...

На следующий день состоялось представление дофины, а вечером — приуроченное к свадьбе открытие Королевского театра. Устав от непривычной для него суеты, дофин в своем дневнике записал: «Ничего». День, проведенный без охоты, будущий король Франции считал пропащим. К счастью, на третий день торжеств не планировалось, и дофин, не попрощавшись, сбежал на охоту. Возможно, он хотел разбудить жену, а может, даже и предложить поехать вместе с ним, ведь тогда он наконец смог бы — как обещал! — поговорить с ней, ибо говорить об охоте он мог часами. Но, скорее всего, он испугался, что ему откажут, об отказе узнают и он станет предметом насмешек. Дофину было всего шестнадцать, нелестные отзывы о нем, без сомнения, до него долетали и причиняли немалые страдания, отчего характер его отнюдь не делался лучше.

Воспользовавшись отсутствием молодого мужа, мадам де Ноайль приступила к ознакомлению дофины с придворным этикетом, благодаря которому двор напоминал отлаженный механизм, где каждое колесико имело свое место и совершало свое движение. Придворные наделялись привилегиями (например, стягивать с короля сапоги после охоты или подавать стакан воды королеве), за которые держались прочно, не уступая их никому. Чем знатнее придворный, тем больше прав находиться рядом с королевской особой. Борьба за приближение к королевской особе являлась формой борьбы за власть. В Версале королевские особы с первой минуты пробуждения начинали жить на публику. Утреннее одевание, равно как и вечернее раздевание — церемонии публичные, и те, кого допускали присутствовать на них, считались лицами привилегированными: ведь они первыми узнавали, в каком настроении встал король или королева, имели возможность первыми — а потому под нужным соусом — подать монархам свежие новости и сплетни. Трапезы королевских особ — тоже мероприятие публичное, но в отличие от пробуждения и отхода ко сну, не только для «своих», но и для «людей с улицы»: прийти поглазеть на вкушающих пищу монархов мог любой. И приходили, и толпились в коридорах и переходах дворца, дабы потом у себя в лавке или мастерской рассказывать, как король ест котлетку, а королевские тетки вкушают десерт. Впрочем, юного Людовика присутствие зрителей не волновало, он всегда ел с аппетитом, в то время как Мария Антуанетта едва притрагивалась к блюдам. По утрам чашечку любимого шоколада или кофе дофине приходилось выпивать в

окружении нескольких лакеев, королевского врача и кого-нибудь из придворных. И так во всем. Мадам дофина изъявила желание принять ванну? В спальню тотчас приносили большую медную ванну в форме сапога, наполняли горячей водой, и несколько придворных дам и горничных, выстроившись вокруг, ожидали окончания купания, чтобы в согласии с этикетом осушить дофину полотенцами. А когда мадам дофине требовалось справить малую нужду, ночной сосуд приносила специально приставленная к сему предмету придворная дама. Дофина не могла ничего взять сама, ибо обязанность передать ей тот или иной предмет являлась привилегией, которой никто не намеревался ни с кем делиться.

Дамы, пажи, статс-дамы, фрейлины, камер-фрейлины... они плотным роем окружали дофину, заставляя ее подчиняться тирании этикета. Мадам Кампан рассказывает, как однажды зимним вечером, когда Мария Антуанетта, раздевшись, ждала, когда ей передадут сорочку, приготовленную мадам Кампан, и старшая придворная дама уже сняла перчатки, чтобы передать ей эту сорочку, в дверь легонько поскреблись (стучать было не принято) и вошла принцесса крови герцогиня Орлеанская. В соответствии с этикетом старшая придворная дама передала сорочку обратно Кампан, и та протянула ее герцогине, которая стала снимать перчатки. (Напомним: все это время Мария Антуанетта оставалась обнаженной, а зимой в Версальском дворце было холодно.) Тут в дверь снова поскреблись, и вошла еще одна особа королевской крови, графиня Прованская, которая, будучи членом королевской семьи, имела преимущественное право передать окоченевшей Марии Антуанетте сорочку. Видимо, сжалившись над замерзшей свояченицей, графиня, желая ускорить дело, взяла сорочку не снимая перчаток, но при этом нечаянно сбила с Марии Антуанетты чепчик. И тут, обнимая себя руками и стуча зубами от холода, Мария Антуанетта начала смеяться! Впрочем, Кампан слышала, как сквозь смех принцесса возмущенно выговаривала: «Это ужасно! Какой кошмар!»

Свадебные торжества продолжались. 19 мая в оперном зале состоялся грандиозный бал в честь новобрачных, в садах играли оркестры и 200 тысяч человек, съехавшихся из Парижа и окрестных городков и деревень, танцевали и веселились. Потом начался фейерверк, плавно перешедший в иллюминацию. Всю ночь в парке было светло как днем, и многие придворные, высыпав на освещенные аллеи и смешавшись с простым народом, радовались и забавлялись до утра. Старожилы говорили, что подобной иллюминации Версаль не видел со времен «короля-солнца».

Когда в Версале наступило затишье, торжества переместились в

Париж. 27 мая граф Мерси дал пышный бал для иностранных послов. Потом бал дал испанский посол. А 30 мая, в ознаменование завершения торжеств, в Париже на площади Людовика XV (затем площадь Революции, сегодня площадь Согласия) подготовили очередной грандиозный фейерверк, которому, как ожидалось, предстояло превзойти версальский. Желая непременно посмотреть фейерверк, дофина уговорила дочерей короля поехать вместе с ней в столицу. Однако у фейерверкеров что-то не заладилось, и после первых залпов выстроенный на площади павильон Гименея загорелся, а сложенная в нем пиротехника стала взрываться. Началась паника, народ бросился бежать, но на прилежавших к площади улицам раскинулась ярмарка, привлекавшая народу не меньше, чем фейерверк, и там образовалась давка. Единственный путь отступления лежал по широкой улице Руаяль, но там строители раскопали канавы и не успели их засыпать. Кареты давили людей, люди толкали друг друга, и все падали в канавы. По официальным подсчетам, погибли 132 человека и более пятисот были ранены. Опоздав к началу огненного спектакля, карета дофины подъезжала к площади, когда несчастье уже свершилось, и эскорт сумел своевременно повернуть ее обратно. Пока перепуганные дофина и королевские дочери возвращались в Версаль, парижская полиция оказывала помощь раненым и складывала тела погибших возле церкви Мадлен. Туда в свое время привезут тела Людовика XVI и Марии Антуанетты.

Случившаяся трагедия потрясла дофину; сочтя ее дурным предзнаменованием, она то и дело вспоминала этот вечер и плакала. «Наверняка нам еще не всё сказали», — повторяла она, и была права: щадя молодых супругов, их постарались не посвящать в подробности катастрофы. Одна из придворных дам, желая утешить дофину, сказала, что в тот день погибло много мошенников, успевших набить себе карманы добычей. «Но ведь они погибли вместе с честными людьми», — ответила безутешная дофина.

Свадебные торжества завершились, жизнь постепенно входила в повседневную колею, ограниченную со всех сторон рамками этикета, за соблюдением которого следила мадам де Ноайль и которому юная дофина пока еще не решалась сопротивляться. Мария Антуанетта так описывала матери свой распорядок дня: «...встаю я в девять или в десять, одеваюсь, читаю утреннюю молитву, завтракаю и иду к тетушкам, где обычно встречаю короля; посидев полчаса, я возвращаюсь к себе, а в одиннадцать ко мне приходит парикмахер. К полудню я иду к себе, и ко мне может войти каждый, кто захочет; я при всех мою руки и накладываю румяна. Потом мужчины выходят, а женщины остаются, и при них меня одевают. В

полдень — месса, и мы идем туда вместе с королем, тетушками и дофином; если король отсутствует, то я иду с дофином. После мы с дофином обедаем перед публикой, что меня утомляет; обед занимает полчаса, ибо мы оба едим очень быстро. Потом я иду к дофину, а если он занят, я возвращаюсь к себе и тоже читаю, шью или пишу. В три часа я снова иду к тетушкам, куда приходит король; затем в четыре приходит Вермон, и мы читаем, в пять приходит учитель музыки. В шесть я снова иду к тетушкам, куда почти всегда приходит мой муж; когда хорошая погода, мы идем гулять. В десять приходит король, и мы ужинаем; когда король задерживается, я дремлю на диване; если же король занят, тетушки приходят ужинать к нам, и тогда мы ложимся спать в 11 часов». Людовик всегда будет стараться соблюдать час отхода ко сну, и этим станут пользоваться приятели королевы. Желая поскорее избавиться от его скучного общества, они будут переводить стрелки часов вперед, и Людовик, видя, что час пробил, отправится спать, а общество, вздохнув свободно, продолжит играть и веселиться.

Играть и веселиться — вот чего хотелось пятнадцатилетней Марии Антуанетте, и она, позабыв об этикете, вместе с веселой компанией детей своих служанок и собак бегала по отведенным ей апартаментам и валялась на коврах, приводя в отчаяние графа Мерси, а через него и Марию Терезию. «...Ее Высочеству необходимо постоянно помнить о своем внешнем виде. <...> Но самое главное заключается в том, чтобы преодолеть крайнее отвращение Ее Высочества к серьезным занятиям, особенно к чтению; между тем для принцессы это единственный способ оградить себя от опасностей, окружающих ее в ее положении», — писал Мерси императрице. Говоря о внешнем виде, Мерси имел в виду отказ дофины носить жесткий корсет из китового уса, впивавшийся в тело и стеснявший любые движения, кроме скользящей версальской походки. Напрасно Мария Антуанетта убеждала мать, что во Франции носить корсет не принято. «Без корсета любое движение тела Вашего Высочества открыто взору любопытных <...> а при этом беспокойном дворе лучше заслужить одобрение сейчас, нежели откладывать на потом», — уговаривал дофину Мерси. От канцлера Кауница посол получил совершенно однозначную директиву: «Я желаю, чтобы Мадам дофина привыкла смотреть на мир исключительно вашими глазами». Задача не из легких, ибо Мадам дофина смотрела на мир глазами шаловливого ребенка, готового под любым предлогом улизнуть от серьезных занятий.

Привыкнув дома, в Шёнбрунне, разделять помпезный официоз и частную жизнь, Мария Антуанетта не могла ни понять, ни смириться с тем, что жизнь Версаля, с утра и до вечера, регламентировалась этикетом.

Дофина, ставшая по положению своему первой дамой двора, невольно оттеснила в дворцовое закулисье дочерей короля, и они еще больше ощутили свою ненужность. Поэтому они ревновали Марию Антуанетту и к отцу, и к племяннику. А так как в свое время Мария Терезия советовала дочери заслужить дружбу тетюшек дофина, простодушная принцесса охотно отдалась в их бархатные лапки, выпускавшие когти только за ее спиной. В этих немолодых особах она видела отражение собственной матери, и, тоскуя по материнской ласке и стремясь найти защиту от дававших о себе знать укулов двора, она стала поверять им свои тревоги и обиды. Людовик стремился к обществу теток по тем же причинам: не сумевший найти общий язык с братьями, запуганный гувернером и не доверявший собственной жене, он тянулся к ним в поисках душевной теплоты. Привечая молодых супругов, тетки стремились залучить их под свой контроль, ибо понимали, что в случае успеха они станут главными советниками будущей монархии. И, пытаясь прицепиться к колеснице власти, лицемерили, обманывали и интриговали.

Искренняя и непосредственная, Мария Антуанетта посвящала дочерей короля во все свои проблемы, включая супружеские, которые старые девы обсуждали особенно активно. Вскоре весь двор знал о том, что дофин откровенно избегает супружеской спальни. «Как можно быть такими бесцеремонными и публично обсуждать столь личные вещи?» — краснея, недоумевала дофина. Пришлось графу Мерси деликатно разъяснить ей, что в Версале не следует ни с кем делиться своим личным, ибо здесь у стен есть уши.

«Не поддерживайте ни один из кланов, занимайте нейтральную позицию; думайте о вашей душе, старайтесь доставлять удовольствие королю и исполнять желания вашего супруга», — наставляла Мария Терезия дочь. Но тетки вовлекли ее в борьбу с некоронованной королевой Версаля Дюбарри. Воспитанная в строгих рамках пуританской морали, Мария Антуанетта не сразу разобралась в истинной роли графини. Когда ей впервые указали на разодетую и увешанную бриллиантами фаворитку, она простодушно спросила: «Какую должность занимает эта женщина при дворе?» В ответ австрийский посол смущенно забормотал, что «дама сия развлекает короля», на что юная дофина со смехом ответила: «Что ж! Теперь у нее появится соперница!» Придворные мгновенно потупились, а Мария Антуанетта растерялась.

Ее высочество невзлюбила фаворитку, особенно когда узнала, что та активно способствует смещению Шуазеля, которого мать еще в Вене велела ей поддерживать. Но дофина не имела веса в политических играх, тогда как

Дюбарри называли первым министром Людовика XV 24 декабря 1770 года под крики «Да здравствует Шуазель!» и «Долой Дюбарри!» бывший министр отбыл в свое поместье Шантелу, ставшее меккой оппозиционеров. «...Я не собираюсь выяснять, почему король дал отставку Шуазелю, а вам тем более этого делать не следует», — немедленно написала императрица дочери. Людовике тоже не одобрял вмешательство внуков в политику и радовался, что Мария Антуанетта вела себя как девчонка. И когда мадам де Ноайль пришла пожаловаться королю, что дофина гоняется за бабочками, тот лишь довольно рассмеялся. Вот если бы она стала протестовать против изгнания Шуазеля, он, возможно, и принял бы меры... По просьбам Дюбарри на место Шуазеля назначили герцога д'Эгийона, после чего уже никто не пытался умалить роль фаворитки — кроме Марии Антуанетты. Целомудренная поневоле, дофина инстинктивно ненавидела Дюбарри и не скрывала этого.

Противостояние еще-не-королевы и как-бы-королевы больше года развлекало скушающий двор. Зная, что со смертью короля (возраст которого уже перевалил за 60 лет) власть ее кончится, Дюбарри не стесняла себя ни в чем. *Petite rousse* (рыжая девчонка), как Дюбарри называла дофину, безмерно ее раздражала, ибо престарелый любовник относился к «девчонке» по-отечески нежно, а та в отличие от остальных дам никогда не забывала подчеркнуть свое к ней презрение, постоянно подогреваемое тетками. «Король бесконечно добр ко мне, и я нежно его люблю, но его стоит пожалеть за слабость, кою он питает к мадам Дюбарри, самому глупому и наглому существу, какое только можно себе представить», — писала дофина матери. От теток она знала, что Дюбарри ждет, когда она заговорит с ней.

Двор гадал: удастся ли выскочке Дюбарри удовлетворить свое честолюбие и добиться признания от наследницы Габсбургов? Согласно этикету Дюбарри не вправе была обратиться к дофине, ибо стояла ниже на иерархической лестнице. Но, повелевая королем, Дюбарри вознеслась до королевских высот, а потому не могла смириться с нежным взглядом голубых глаз, смотревшим сквозь нее, словно она пустое место. Поддерживая дофину в неприятии Дюбарри, тетки убивали сразу двух зайцев: унижали ненавистную «распутную девку» и создавали сложности «австриячке». «Я всегда замечал, что тетки, побуждая дофину при виде Дюбарри умолкать и принимать строгий вид, сами не упускают возможности перекинуться с ней словом или оказать ей мелкую услугу; такое поведение кажется более чем странным, ибо таким образом они пользуются дофиной как инструментом для выражения собственной

ненависти, кою опасаются выказывать сами», — писал Мерси Марии Терезии, не намеревавшейся идти на поводу у самолюбия дочери, ставившей под угрозу хрупкое строение альянса, державшегося после отставки Шуазеля исключительно на поддержке Людовика XV.

Дюбарри устраивала сцены королю, но Людовик XV не мог отважиться приказать супруге внука признать свою фаворитку, ибо в душе сознавал, что чистая простодушная эрцгерцогиня вправе не общаться с женщиной такого пошиба, как Дюбарри. И полагая, что дипломат обязан всегда находить нужные слова, он обратился за помощью к Мерси. «Я люблю Мадам дофину всей душой, но она так юна и непосредственна, что еще не умеет избегать ловушек, расставляемых интриганами, а супруг пока не в состоянии руководить ею. Поэтому я был бы признателен, если бы вы посоветовали ей обращаться должным образом с каждым придворным», — сказал он послу. Сообщив императрице о своем разговоре с королем и фавориткой, граф Мерси отправился к дофине и изложил ей просьбу короля. «Если Мадам дофина желает показать, что ей известно о роли при дворе графини Дюбарри, значит, ей следует потребовать от короля запретить сей особе появляться в ее окружении, что так или иначе бросит тень на короля. Если же она готова закрыть глаза на истинную роль фаворитки, ей следует обращаться с ней как с любой придворной дамой и при случае заговорить с ней», — объяснил Мерси. «У меня есть все основания не верить, что именно король хочет, чтобы я заговорила с Дюбарри», — отрезала дофина. Поддержка тетушек и мужа в противостоянии с фавориткой сделала ее менее податливой, чем обычно.

Пока маленькая дофина вела свою кулуарную войну, Австрия за спиной Франции начала переговоры с Россией и Пруссией о разделе Польши. В этой ситуации категорическое нежелание дофины признать королевскую любовницу грозило перерасти в международный скандал, обрушив гнев раздраженного Людовика XV на неверного союзника. Спокойствие короля, провозгласившего: «После нас — хоть потоп!» — следовало сохранить любой ценой. «Вы должны смотреть на Дюбарри только как на персону, допущенную ко двору и в общество короля. Вы — первая подданная короля, поэтому вы должны слушаться его и подчиняться ему. <...> Всего-то нужно одно ничего не значащее слово, несколько любезных взглядов, и не ради дамы, а ради вашего дедушки, вашего повелителя, вашего благодетеля! <...> Позвольте Мерси руководить вами, не следуйте дурным примерам. Вы должны задавать тон при дворе короля, а не позволять руководить собой, как ребенком. <...> Я хотела бы, чтобы вы чаще спрашивали совета у Мерси...» — увещевала императрица

непокорную дочь. «Будьте уверены, в вопросах чести ничье руководство мне не нужно», — отвечала Мария Антуанетта.

Все же на компромисс пойти пришлось. «Я не утверждаю, что никогда не заговорю с ней, но не стану это делать в назначенный час, дабы она не торжествовала заранее», — скрепя сердце написала Мария Антуанетта матери. Спектакль наметили на 5 августа: в этот день дофина обещала поздороваться с входящей в зал Дюбарри. Но сцена сорвалась, ибо в решающую минуту Мадам Аделаида пригласила Марию Антуанетту присоединиться к компании тетушек, что та и сделала с нескрываемым облегчением. Видя, что дочь, пренебрегая ее советами, пошла на поводу у теток, Мария Терезия нанесла удар по больному месту дофины, напрямую напомнив ей, что ее пребывание в Версале зависит исключительно от расположения к ней Людовика XV. Дочь сдалась. В первый день нового, 1772 года, когда при дворе наносили визиты вежливости, Мария Антуанетта, проходя мимо Дюбарри, остановилась и, повернувшись в ее сторону, произнесла: «Сегодня в Версале очень многолюдно» — и тотчас заговорила с маршальшей де Мирпуа. «Я обратилась к ней один раз, и точно знаю, что это всё, впредь она не услышит от меня ни слова», — заявила Мария Антуанетта Мерси. А матери написала: «Дорогая матушка, я не сомневаюсь, что Мерси сообщил вам о моем поступке, совершенном в первый день нового года. Если бы наши семьи поссорились, это стало бы несчастьем всей моей жизни. Мое сердце осталось бы на стороне моей семьи, и мне было бы очень трудно выполнять свой долг здесь. При этой мысли мне становится страшно, и я надеюсь, что этого никогда не случится, по крайней мере, я не дам для этого никакого повода». Легкомысленная, своенравная, неспособная лгать и притворяться, юная дофина впервые ощутила мощь давления невидимой, но грозной силы под названием «государственная необходимость». А ведь она всего лишь хотела не иметь дела с «наглой выскочкой» Дюбарри...

«Моя семья» — на тот день для Марии Антуанетты это, без сомнения, Габсбурги. Габсбурги, которым как никогда требовалась преданность отправленной во Францию дочери. 19 февраля 1772 года, втайне от французского союзника, Австрия, Россия и Пруссия подписали конвенцию о разделе Польши, а 25 мая австрийские войска вошли в Польшу. «Видя, как чужеземные армии занимают территорию Польши, императрица рыдала от жалости и не заметила, как заняла больше земель, нежели ей отводилось по договору», — насмешливо сообщал из Вены отправленный туда послом кардинал де Роган. (Об этом донесении вспомнят в связи с громким делом об ожерелье.) Территориальные приращения за счет

Польша стала для Марии Терезии своеобразным утешением за потерю Силезии, хотя, заключая за спиной французов договор с Фридрихом Пруссским, она понимала, что предаёт союзников по альянсу, и уповала только на обаяние дочери. Она написала Марии длинное послание, в котором, оправдывая обстановку секретности «обстоятельствами» и как бы косвенно извиняясь перед Францией («мы попали в такое положение, что не могли отказаться от раздела», «неожиданно нам было поставлено условие хранить все в тайне», «нам пришлось присоединиться к договору»), подчеркивала, как важно в этих непростых условиях сохранить альянс. Ибо не секрет, что Франция издавна имела свои интересы в Польше, а Людовик XV и вовсе был связан с ней тесными семейными узами. Тесть его, Станислав Лещинский, дважды избиравшийся королём польским, являлся прадедушкой нынешнего дофина. Отказавшись в 1738 году от претензий на польскую корону, он получил в пожизненное владение Лотарингию, ибо отец Марии Антуанетты потомственный лотарингский герцог Франц I, изъявив готовность занять престол тестя, Карла VI, от Лотарингии отказался, и после смерти Станислава Лотарингия плавно перешла к Франции.

От Марии Антуанетты требовалось любой ценой поддерживать шаткое здание франко-австрийского альянса. В сущности, её сделали своего рода разменной картой — прекрасное настроение Дюбарри в обмен на невмешательство в расчленение Польши. «Если Франция начнет обхаживать Пруссию... тогда, к великому моему сожалению, придется менять политику. <...> Чтобы этого не случилось, ибо это станет несчастьем и для монархии, и для семьи, надобно использовать все средства, из которых основное — моя дочь, дофина, которая с вашей помощью и зная обстановку на месте, могла бы оказать услугу и родине, и своей семье. Прежде всего, она должна делать все, чтобы нравиться королю, снискать его милость, угадывать его мысли и оказывать уважение фаворитке. <...> Не исключено, что от неё зависит сейчас судьба альянса», — писала Мария Терезия своему послу в надежде, что раздел Польши не повлечет за собой крах союза, ибо за целостность Польши ратовал Шуазель, а нынешнему министру, являвшемуся ставленником Дюбарри, глубоко противно все, что связано с министром бывшим. Она не ошиблась. У короля не было ни сил, ни возможностей отреагировать на предательство союзника. «На расстоянии в пять тысяч лье трудно помогать Польше. Конечно, мне бы хотелось, чтобы она сохранила свою территориальную целостность, но я ничего не могу сделать, кроме как высказать свои пожелания», — философски заметил Людовик XV.

Твердая позиция короля не давала возможности новому министру иностранных дел герцогу д'Эгийону найти повод для расторжения франко-австрийского альянса. Но зная про склонность Людовика XV отдавать решения на откуп фавориткам и министрам, Мария Терезия понимала, что угроза разрыва альянса не исчезла. Поэтому Мерси по-прежнему напоминал Марии Антуанетте о необходимости ежедневно видаться с королем, угождать ему и оказывать внимание Дюбарри. Кауниц даже составил меморандум, посвященный вредному влиянию на эрцгерцогиню, и прислал его Мерси как руководство к действию. Устав от постоянного напора австрийской стороны, Мария Антуанетта написала матери: «Я делаю все возможное для сохранения альянса и нашего союза. Что станет со мной, если наши семьи разорвут свои отношения? Надеюсь, Господь упасет меня от такого несчастья; я искренне молю Его об этом». После раздела Польши над головой дофины сгустилось первое облачко общественного недовольства: противники франко-австрийского альянса стали говорить, что нельзя верить ни Марии Терезии, ни ее дочери.

*

Дофина облачка не заметила: она одержала первую победу в борьбе за право принимать собственные решения — добилась у короля дозволения заниматься верховой ездой. Это увлечение не поддерживали ни Мерси, ни Мария Терезия. «...Вы утверждаете, что и король, и дофин его одобряют... конечно, теперь они вправе распоряжаться вами, ибо в их руки я отдала мою милую Антуанетту: но верховая езда портит цвет лица и непременно испортит вашу фигуру... она также опасна для вынашивания детей...» — писала императрица. Но постоянно подчеркивая, что ее увлечение нравится супругу, дофина сумела настоять на своем. Почувствовав, что многие — особенно молодые — придворные с интересом смотрят в ее сторону, она начала собирать вокруг себя общество, не связанное рамками этикета. Карету, возившую дофину на охоту, загружали холодным мясом, легкими закусками и вином, дабы она могла съесть эту снедь на природе, в обществе таких же, как она, молодых и беспечных. Разумеется, «Мадам Этикет» и прочих «старух» на пикники не приглашали.

Зимой дофина сделала еще одно открытие: в это время года в Версале гораздо больше развлечений, чем в Вене. Людовик XV приглашал во дворец комедиантов, она ездила на охоту, устраивала прогулки верхом, давала у себя балы и посещала балы у мадам де Ноайль, каталась на санях

«не хуже, чем в Шёнбрунне», а позже стала выезжать в Оперу, где в период карнавала городские власти устраивали балы-маскарады. «Мы, господин дофин, граф и графиня Прованские и я, посетили бал в парижской Опере; мы прибыли в строжайшей тайне и все были в масках; однако через полчаса нас узнали. Приехали герцог Шартрский и Бурбонский, которые танцевали в Пале-Рояль, что находится рядом с Оперой; они стали уговаривать нас ехать с ними и продолжить танцевать у графини Шартрской. Но я не поехала, ибо король разрешил посетить только Оперу. Все в восторге от кротости дофина, которому подобного рода развлечения обычно не нравятся», — отчитывалась Мария Антуанетта матери.

Проводя время в кругу веселых молодых людей, Мария Антуанетта остро ощущала потребность в подруге, с которой, забыв об этикете, можно обо всем поболтать и все обсудить — как в детстве, когда поверенной ее тайн была сестра Шарлотта. Выбор пал на принцессу де Ламбаль, вдову наследника герцога де Пантьевр, принца королевской крови, имевшего право именовать дофину «кузиной». Ее большие печальные глаза и состояние грустной меланхолии, в каком постоянно пребывала принцесса, очаровали Марию Антуанетту. Еще принцесса обладала очень важным на ту минуту для дофины качеством — она умела слушать и сочувствовать. Мерси был от новой подруги в восторге: чистая, незапятнанная, не интриганка, не нуждающаяся ни в более высоком положении, ни в деньгах, она идеально подходила на роль незаинтересованной подруги, способной ослабить влияние теток.

Через год при дворе появилась еще одна царственная пара — король женил графа Прованского на Жозефине Савойской, дочери сардинского короля Виктора Амадея III. Невесту доставили в Версаль так же, как годом раньше Марию Антуанетту, — в карете, словно живую посылку. Описывая матери портрет графини де Прованс (слишком густые брови, слишком низкий лоб, длинный вздернутый нос, дурной цвет лица), Мария Антуанетта не преминула отметить, что «по прибытии она отвела меня в сторону и сказала, что очень надеется на мою дружбу и на мои советы». Дофина с радостью встретила сей посыл, хотя мать советовала ей не слишком доверять Провансу: «Ко всем поступкам графа Прованского следует относиться настороженно и с особым вниманием». Правоту императрицы дофина почувствовала на следующий день после свадьбы, когда утром Прованс громко сообщил королю, что у него прекрасная жена и этой ночью он четыре раза испытал неземное блаженство. Заявление, явно сделанное для старшего брата: чтобы позлить его, Прованс был готов на любую ложь. А в том, что он лжет, дофина не сомневалась. Прованс

страдал ожирением, передвигался исключительно вразвалку и не мог ни быть половым гигантом, ни иметь детей.

Впрочем, наследника ждали не от него, а от дофина, но тот продолжал обходить супружескую постель стороной. Мерси, в курсе всего, что происходило в спальне молодых супругов, писал Марии Терезии, что, застав однажды вечером дофину в слезах, Людовик, утешая ее, пообещал непременно сделать ее своей женой «по-настоящему», и только заботы о здоровье вынуждают его откладывать эту минуту. По словам посла, молодой Людовик считал, что «мужчина, вступивший в брак в раннем возрасте, рискует стать распутником, а дети, зачатые слишком юным отцом, рождаются слабыми и долго не живут». Всё же перемены были. При отсутствии супружеской близости между Людовиком и Марией Антуанеттой установилась близость дружеская, и теперь перед сном они иногда разговаривали: она жаловалась на бессмысленный и суровый этикет, он рассказывал ей про охоту и про свое увлечение слесарным делом. Слушая рассуждения юного Вулкана, юная Венера вспоминала слова матери: «Не доверяйте никому, кроме вашего супруга, но прежде проверьте, каков его характер».

В ноябре 1773 года король устроил брак своего последнего внука — графа д'Артуа. «У него будет такой же многочисленный двор, как и у графа Прованского. Но ему надобно иметь подле себя людей разумных и взвешенных. Хотя мой брат и очень мил, однако у него слишком горячая голова», — писала накануне свадьбы Артуа Мария Антуанетта матери. А Мерси добавлял: «Молодой принц грубо разговаривает с министрами и никого не уважает. <...> Многие отмечают его неумеренность в спиртных напитках и пристрастие к азартным играм». Невесту «горячей голове» тоже нашли в Савойском доме. Тереза, младшая сестра Жозефины, низенькая, грузная, с длинным носом, не могла составить конкуренцию Марии Антуанетте и претендовать на первую даму Версаля. Хотя некоторые хвалили ее ослепительно белую кожу, обходительные манеры и умение «доставлять удовольствие» супругу, стройному и обворожительному Артуа. Точнее, красавец Артуа умел получать удовольствие от ночей, проведенных в супружеской спальне. И не только в ней, ибо его любезный и легкий характер нравился женщинам, и они, если верить современникам, никогда не отказывали ему. У Артуа родится первый в молодом поколении Бурбонов ребенок. Когда он подрастет, по характеру он будет напоминать своего дядюшку, Людовика XVI.

Между братьями никогда не было особо теплых отношений, но после свадеб все трое вместе с женами стали проводить сообща много времени. В

обычай вошли совместные ужины в апартаментах графини де Прованс: тогда для сотрапезников главным становились не блюда, а болтовня, кокетство и смех. Громче всех смеялся дофин, и Прованс называл его хохот «гомерическим», на что Людовик, обычно весьма обидчивый, отвечал еще более громким смехом. Иногда, по приглашению молодежи, к веселой шестерке присоединялись принцесса Елизавета и королевские дочери. Эти трапезы напоминали Марии Антуанетте патриархальные домашние вечера в Шёнбрунне, поэтому, установив обычай неофициальных семейных ужинов, она постаралась сохранить его. Постепенно вырисовывались контуры нового двора, главное отличие которого заключалось в приватности жизни первых лиц государства. «Все вместе мы самая настоящая семья, и я надеюсь, это поможет нам в будущем избежать ненужных раздоров», — радовалась Мария Антуанетта, слушая шуточки Артуа, которые Прованс называл «закусками». Устраивая музыкальные вечера, дофина играла на арфе и пела — к удовольствию обеих принцесс. Однако и игру, и пение дофины многие считали дилетантскими.

Три принцессы придумали еще одно развлечение. В своем кругу они решили ставить небольшие спектакли, комедии, и показывать их единственному зрителю — Людовику, который категорически отказался выходить на сцену в качестве актера. Опасаясь цензуры со стороны теток и запрета со стороны короля, молодые люди хранили новую забаву в секрете, что само по себе доставляло им великое удовольствие. Прованс, всегда блестяще знавший не только свою роль, но и все остальные, подсказывал слова. Артуа учил роли кое-как, зато умел импровизировать. Принцессы играли плохо; Мария Антуанетта плохую игру искупала живостью и той откровенной радостью, которую доставляли ей эти сценки. И все вместе радовались, наряжались в костюмы и изображали комических слуг и влюбленных субреток. Устраивая «тайные» представления, юные наследники трона бросали вызов скучному состарившемуся двору с его неповоротливым этикетом и наслаждались собственной дерзостью. «Пока вы вместе, мало кто осмелится сеять между вами раздор», — читала дофина в письме матери, от радости пропуская предупреждение, кое умудренная опытом императрица не преминула сделать: «Но как только вы охладеете друг к другу, вы тотчас ощутите нежелательные последствия сего похолодания».

Если оставить в стороне историю с признанием фаворитки, легкость бытия дофины не нарушалась ничем, кроме одной-единственной проблемы: она по-прежнему оставалась девственна, брак не свершился, все об этом знали, а супруга ее такое положение, похоже, нисколько не

беспокоило. Понимая, что, пока брак не свершится «по-настоящему», она не может быть уверенной в своем будущем, Мария Антуанетта старалась обратить на себя внимание супруга, угодить ему, сделать ему приятное. Тот тоже шел ей навстречу и, как пишет Э. Левер, однажды даже заявил, «что будет одобрять все, что послужит ей развлечением, и никогда не будет ни в чем ее стеснять». (От своего обещания он не отступится никогда, даже когда поймет, что даровал жене свое молчаливое разрешение на любовь к другому.) Физическая сторона любви, скорее всего, была ему не важна, тем более что по причине определенного недостатка его органа, который, по выражению Ги Бретона, «должен был осуществить династические надежды Франции», соитие вызывало у него острую боль. Желая уязвить брата, граф Прованский громогласно рассказывал всем, сколько раз за ночь он удовлетворил супругу, и постоянно намекал на ее беременность.

Интимная жизнь коронованных особ вызывала пристальное внимание и двора, и народа, ибо отсутствие прямых наследников престола всегда ввергало страну в беды и катаклизмы. Поэтому граф Мерси подробнейшим образом докладывал императрице о протекании менструаций у дофины, а испанский посол граф д'Аранда в своих донесениях двору откровенно и по-медицински обстоятельно рассуждал о физических недостатках дофина. Он пристальнее всех следил за перипетиями интимной жизни молодой пары. Испанские Бурбоны (младшей ветви) в свое время подписали отказ от короны Франции, и, если все внуки Людовика XV оказывались бездетными, корона должна была перейти к Орлеанской династии, а этого испанские Бурбоны допускать не собирались.

Дофина уверенно приспособилась к миру, именуемому Версалем, и он все больше ей нравился. Особенно веселыми и уютными оказались его отдаленные уголки — Фонтенбло, Шуази, Марли, Ла Мюэт, Компьень. Но чтобы сохранить его, ей надо было стать «настоящей» женой дофина и нравиться королю. Она начала читать и под руководством аббата Вермона попыталась осилить записки Летуаля, посвященные царствованию Карла IX, Генриха III и Генриха IV. Желая угодить супругу, она попробовала прочесть любимое сочинение Людовика — «Историю Англии» Дэвида Юма, попыталась разобраться в польском вопросе и в отношениях Франции со Швецией, с которой летом 1772 года подписали договор о субсидиях. Людовик XV пресек ее желание заняться политикой. «Нам с вами не следует говорить о событиях в Польше, ибо ваши близкие не разделяют нашего мнения о них», — ответил он по поводу Польши. Об отношениях со шведским королем Густавом III (совершившим на французские деньги государственный переворот) он не стал разговаривать

вовсе, намекнув, что на этот вопрос у него с ее братом-императором взгляды очень разные.

Выданные замуж сестры Марии Антуанетты беременели и рожали наследников: родила Мария Амалия герцогиня Пармская, родила любимая сестра Шарлотта — королева Неаполитанская... «Вы знаете, дорогая матушка, какое несчастье случилось с герцогиней Шартрской: она родила мертвого ребенка. Это ужасное несчастье, но я была бы согласна даже на это; но пока ничего не предвидится», — с горечью писала матери Мария Антуанетта. В первый год после свадьбы дочери Мария Терезия утешалась речами своего личного врача ван Свитена, полагавшего, как и Людовик XV, что не стоит торопить события, и такая очаровательная девушка, как дофина, непременно пробудит страсть в своем апатичном супруге. Через год императрица забила тревогу и отправила в Версаль осмотреть молодых супругов известного в те времена доктора Ингенхауза, не нашедшего в конституции дофина ничего, что могло бы помешать ему продолжить династию, равно как и недостатков в сложении Марии Антуанетты. Тут же прошел слух, что дофин наконец сделал супругу своей женой; но слух не подтвердился, о чем Мерси и сообщил императрице, добавив, что попытка не увенчалась успехом. Сколько пищи для злословия давали эти слухи версальским сплетникам! Жизнь дофины становилась неисчерпаемым источником для придворных пересудов.

«Еще ничего не потеряно, вы оба еще так молоды...» — утешала дочь Мария Терезия. Однако императрица не собиралась поощрять постоянное стремление дофины к развлечениям, особенно к таким, на ее взгляд, опасным, как верховая езда. Не проходило и месяца, чтобы из Вены не доносился очередной окрик: «...тешу себя надеждой, что вы из любви ко мне не станете нарушать ваши обещания и перестанете ездить на охоту верхом. Если бы я не знала, к каким неприятным последствиям это может привести, разве я стала бы лишать вас столь невинного удовольствия?» Последствия — это выкидыш. Но о каком выкидыше могла идти речь, если дофина еще не стала женщиной в полном смысле этого слова? Однажды, когда, садясь на лошадь, кто-то из фрейлин решил предупредить ее об опасности верховой езды для будущего потомства, она не выдержала и закричала: «Подите все прочь! Я не могу принести вреда наследнику, потому что никакой беременности быть не может!» Наверное, только легкость характера, способность быстро выкидывать неприятности из головы и переключаться на развлечения спасали Марию Антуанетту от депрессии и нервного кризиса.

Страсть дочери к развлечениям крайне беспокоила Марию Терезию:

«Я каждый месяц жду список вашего чтения и ваших занятий, но все напрасно; неужели аббат Вермон вас покинул? Мне бы это не понравилось, но еще больше не понравилось бы, если бы он с вами занимался, а вы не извлекали пользу из занятий с ним. В вашем возрасте легкомыслие и ребячество еще допустимы; но если эти качества сохранятся у вас надолго, они станут досаждают всем, и вам в том числе, и у вас начнутся неприятности; вам следует читать, а также выбрать себе занятия полезные, способные пробудить к вам уважение и почтение; это особенно важно в стране, где образование очень хорошо поставлено, и каждый к нему стремится, невзирая на положение свое и титул. Не стану от вас скрывать, недостатки вашего образования уже замечены, и вы рискуете утратить то возвышенное представление, кое о вас сложилось; а для нас, тех, кто постоянно находится на виду у общества, крайне важно не испортить впечатление о себе». Назидательные письма матери не прибавляли дофине уверенности в собственных силах. Как любой подросток, она, с одной стороны, тосковала по материнскому теплу, а с другой — постоянный контроль во всем тяготил ее; развлекаясь, она забывала обо всех неприятностях, а серьезные штудии наводили на нее тоску.

Людовик XV также стал проявлять беспокойство относительно брака дофина и велел своим врачам осмотреть внука. После продолжительного консилиума врачи заявили, что природа щедро одарила дофина всем необходимым для супружеской жизни и зачатия наследника, и прописали ванны.

Мерси, ожидавший, что его высочеству порекомендуют небольшую операцию, удивился, когда увидел заключение, где говорилось, что осуществление брака зависит исключительно от желания принца. Возможно, врачи были правы, тем более что тогда не существовало сильных обезболивающих средств, и дофин, страшно боявшийся операции, мог навсегда утратить желание сделать Марию Антуанетту «настоящей женой».

Марию Антуанетту начинала тяготить вечная охота мужа. Ей становилось нестерпимо смотреть на супруга, который, если охота складывалась неудачно, отправлялся искать выход силам и чувствам на стройку: в Версале шли ремонтные работы, и дофин с упоением помогал каменщикам перетаскивать тяжелые глыбы, а кровельщикам — крепить стропила. И она жаловалась Мерси, что ее добрый, справедливый и здравомыслящий муж склонен к небрежности в одежде, манерах, словах и поведении, что его никогда и ничто не волнует. Все, что она говорила, для Мерси новостью не являлось; задача его заключалась в том, чтобы научить

Марию Антуанетту управлять своим супругом, влиять на него, дабы, став королевой, проводить политику, выгодную альянсу, прежде всего его австрийской стороне. «Я, как умел, убеждал эрцгерцогиню в необходимости внушать дофину понятия, полезные ему как молодому правителю, и напомнил, что в любых обстоятельствах она должна подавать ему пример поведения», — писал граф Марии Терезии. Австрийский посол отмечал, что дофин все чаще ищет с ним беседы. «К несчастью, эти беседы бессвязны как по форме, так и по сути; сложность в том, чтобы уловить хотя бы несколько осмысленных фраз, дабы иметь возможность дать ответ. Но, насколько я вижу, это происходит не от того, что дофин не склонен разговаривать о серьезных материях, а что у него нет к этому привычки и он не уверен в себе». Сомнение и неуверенность, вспыльчивость и впечатлительность — как соединить столь непохожих и неопытных супругов, чтобы они подарили Франции наследника?

После того как ванны и консилиум врачей не помогли, Людовик XV призвал к себе внуков и велел им — как на исповеди — подробно поведать обо всем, что происходит у них в спальне. После обстоятельного рассказа его высочества о неприятных ощущениях, кои он испытывал при попытке исполнить супружеский долг, король сообразил, что препятствием служит небольшой физический недостаток, присущий подросткам. Тогда он направил к супругам доктора Лассона, состоявшего при дворе Марии Антуанетты, дабы тот объяснил молодым людям, как браться за дело. Сам Людовик XV, обладавший большим опытом в любовных делах, просвещать юную пару постеснялся. Или смутился. Ведь когда он с восторгом поведал, что Дюбарри открыла ему столько всего нового, спутник его ответил: «Разумеется, Ваше Величество, вы же никогда не бывали в публичном доме».

*

Поездка в столицу, где дофину — именно дофину! — восторженно встретил народ, приободрила обоих супругов, и прежде всего Марию Антуанетту. Императрица давно хотела публичного признания для дочери: доколе блистать на публике будут только королевские любовницы? Официальный визит дофина и дофины в Париж состоялся 8 июня 1773 года. Кorteж из открытых экипажей медленно ехал по запруженным народом улицам, и дофина, упиваясь великой всенародной любовью, радостной улыбкой отвечала на восторги подданных. Красивая, молодая,

изящная, грациозная, она воплощала собой идеал королевы. «Больше всего на меня произвели впечатление нежность и энтузиазм простого народа, который хотя и задавлен налогами, но с великой радостью смотрел на нас. Когда мы отправились гулять в Тюильри, мы три четверти часа не могли сдвинуться с места из-за толпы; и я, и дофин несколько раз просили гвардейцев никого не отталкивать; на протяжении всего пути нас сопровождала толпа; когда, прощаясь, мы помахали руками, в ответ была буря восторгов. Как просто нам удалось завоевать любовь целого народа! Нет ничего более ценного, и я запомню этот день навсегда!» — писала Мария Антуанетта матери. Губернатор Парижа, почтенный маршал де Бриссак игриво спросил дофина, не ревнует ли он свою супругу. Ведь в нее влюблены все двести тысяч парижан! Затмив собой дофина, Мария Антуанетта купалась в восторгах парижан и, отвечая на рукоплескания, грациозно их приветствовала. «Когда перед отъездом Ее Высочество поднялась на балкон, чтобы приветствовать народ, со всех сторон полетели радостные возгласы. Надобно отметить, что господин дофин, который в целом вел себя прекрасно, смотрелся во время этой церемонии как своего рода приложение к Ее Высочеству», — писал австрийский посол.

Депутация рыбных торговек с центрального парижского рынка преподнесла юной чете букет роз и корзинку с апельсинами. Среди парижского простонародья рыбные торговки всегда считались самыми дерзкими и неукротимыми, и не удивительно, что одна из них без всякого смущения обратилась к дофину: «Господин дофин, сделайте, наконец, нам наследника!» Кто мог тогда предположить, что через 16 лет те же самые рыбные торговки, озлобленные и голодные, вооружившись чем попало, явятся в Версаль, чтобы заставить королевскую семью перебраться в Париж?

В то время Версаль являл собой подобие Олимпа: Вакх с его буйными радостями плоти господствовал наверху, в апартаментах короля, Венера и Грации обретались в покоях дофины, Вулкан царил в личных апартаментах дофина, Минерва — в покоях Месье и Мадам Прованс. Ближе всех к вершине стояли дофин и дофина; на них пока еще не упали отблески плачевной славы царствования Людовика XV; народ радовался, видя своих будущих властелинов, а особенно будущую королеву — такую юную, прекрасную, добрую, отзывчивую. Но на безоблачном горизонте молодой пары уже проступили темные точки, предвещавшие будущую грозу. После визита Их Высочеств в столицу желчный аббат Денуайе, бывший иезуит, не простивший Шуазелю изгнания его ордена из Франции, писал: «Хотелось бы, чтобы все королевы походили на супругу Людовика XIV или

Людовика XV, которая не знала иных страстей, кроме как страсть к благотворительности. Я же вижу перед собой только ту, кто готовит явить народу, издавна известному своим непостоянством, зрелище неслыханных потрясений. Ей говорят лишь о ее будущем величии, ей обещают лишь удовольствия, она уже видит мир у своих ног, любострастие перед собой на коленях, удачу в покорных своих служанках. Эту иллюзию посланцы правящей при нашем дворе клики внушили ей, когда она еще жила при том дворе, где родилась... Королева, коронованная лишь для собственного развлечения, является гибельным приобретением для народа, призванного оплачивать ее капризы». Беспокойство одолевало также Марию Терезию: «Как бы лестно ни было слышать восторженные рассказы о въезде дочери в Париж, мне эти успехи доверия не внушают, принимая во внимание непостоянство короля, окруженного со всех сторон коварными и интригующими придворными. Именно поэтому я как никто желаю долголетия королю, чтобы моей дочери как можно дольше не пришлось принимать участие в управлении Францией. Она юна, неопытна и склонна к расточительству...» Один беспокоился о народе, другая — о будущем дочери, однако оба предчувствовали, что будущее королевы Марии Антуанетты не будет безоблачным.

Первую грозу сулили слухи о том, что дофина слишком много времени уделяет «своему братцу Шарло», иначе говоря, герцогу д'Артуа. Дойдя до дофины, они вызвали раздражение и слезы: ведь ее обвиняли в том, о чем она до сих пор не имела никакого представления, хотя уже более трех лет состояла в браке. Обида, досада, жажда любви, вполне естественная для красивой молодой женщины, переставшей понимать, муж ли ей уже Людовик или все еще не муж, а если муж, то почему она до сих пор не забеременела, расшатывали нервы впечатлительной дофины и заставляли придумывать все новые и новые шумные развлечения. «Развлечения не мешают мне размышлять о том, что меня ожидает», — словно оправдываясь, писала она матери.

Развлечения постепенно вытесняли из жизни Марии Антуанетты все иные занятия. Если апатичный дофин только на охоте становился сильным, энергичным и ловким, а общество утомляло его, то его жена в обществе чувствовала себя как рыба в воде. В ответ общество осыпало ее комплиментами, хвалами и лестью, к которым она начала привыкать, считая их в порядке вещей и забывая, что от любви до ненависти всего один шаг. «...Обилие лести, собственная лень и никакого желания сосредоточиться» — так определила Мария Терезия трех главных врагов дочери. Но дочь их не замечала, как старалась не замечать укоров матери.

Наблюдательный Мерси подметил, что дофина «склонна к зависимости там, где следовало бы проявить характер»: окружив себя веселой компанией придворных, она постепенно все больше зависела от тех, кто умел ее развлечь. Муж к числу этих избранных не относился — муж охотился. Судя по его охотничьему дневнику, за 13 лет он настрелял 189 254 штуки дичи и убил 1274 оленя, не считая мелкой птицы. Самым крупным достижением в истреблении мелких пернатых следует считать день, когда он подстрелил 200 ласточек.

Мария Антуанетта все реже ездила на охоту и все чаще — в Париж, ибо король разрешил ей ездить в столицу запросто, без пышного кортежа, в сопровождении небольшого эскорта и кого-нибудь из королевской семьи или знати. Город широко раскрыл ей свои объятия, она упивалась его любовью, восторги парижан возвышали ее и придавали уверенности в себе. Казалось, за те 100 лет, что государство в лице монархов обреталось в Версале, парижане соскучились по своим повелителям и теперь обрушили на них нерастраченный запас восторгов. Париж стал для Марии Антуанетты новым миром, миром свободы и веселья, миром, где «счастливые часов не наблюдают», а значит, не подчиняются ни распорядку, ни этикету. «Я с каждым днем все лучше понимаю, что вы, дорогая матушка, сделали для моего устройства. Я была самой младшей, вы же поступили со мной как со старшей; душа моя исполнена нежнейшей признательности», — писала Мария Антуанетта. Неприятные вопросы, которые задавала императрица, она все чаще обходила стороной...

Особенно бурный прием парижане оказывали дофине в театрах. Увидев ее в ложе, они вскакивали и устраивали ей овации. Актеры тоже старались сделать приятное юной паре. Однажды, когда в «Комеди Франсез» давали «Осаду Кале», знаменитая мадемуазель Вестрис, повернувшись к королевской ложе, завершила свой монолог, обращаясь непосредственно к наследнику престола:

Французу мило видеть в принце брата своего,
Который, сыном Франции рожденный, отцом ей станет!

Дофин смутился, а зрительный зал, поняв намек актрисы, разразился бурными несмолкаемыми аплодисментами. Пьеса позволила их высочествам вернуть долг благодарности: по завершении монолога, восхвалявшего неприметных подданных, в трудную минуту спасающих своих государей, дофин и дофина встали и яростно зааплодировали

актерам. В такие минуты Мария Антуанетта чувствовала себя по-настоящему счастливой; грациозно кивая и раздавая улыбки, она думала, что быть королевой Франции вовсе не так страшно, как ей казалось поначалу.

А чего стоили поездки в Сен-Клу, где дофина, смешавшись с толпой, гуляла по ярмарке и даже посещала танцевальный зал! «Да это же настоящая революция!» — воскликнул кто-то из современников. В сущности, он был прав: это была придворная революция. Сознание того, что она дерзко нарушает предписания этикета, наполняло Марию Антуанетту радостным чувством победительницы. Она не осознавала, что сложная система протокола, схожая с театральным действием, служила своего рода оптической преградой, ширмой, ничего не скрывавшей от зрителей, но придававшей величие и абсолютный характер любым, вплоть до естественных отпращиваний, действиям коронованных особ. В спектакле под названием Этикет, как в комедии дель арте, каждому отводилась своя неизменная роль, и любое отступление от нее воспринималось как нарушение. Борясь с этикетом, Мария Антуанетта постоянно стремилась забыть свое королевское амплуа, разрушая тем самым невидимую преграду между собой и подданными. Не умея и не желая исполнять свою роль, доставшуюся ей явно по ошибке (ставшей для нее роковой), она собственными руками убирала ширму, отделявшую ее от зрителей; а те, разглядев в ней дурную актрису, принялись метать в нее отравленные стрелы клеветы. Первые брызги грязи попали на белое платье дофины из памфлетов против Дюбарри. Не замечая, как на безоблачном горизонте за клубились облака, дофина видела только ликующую толпу и отвечала ей милой улыбкой.

Собирая благодаря молодости и красоте щедрую дань восторгов, она полагала ее неизменной.

Париж, интеллектуальная столица Европы, Париж с его почти шестьюстами тысячами жителей притягивал Марию Антуанетту исключительно как огромный парк развлечений. Обожая посещать места увеселений парижан, она пренебрегала самими парижанами. Жизнь всех этих лавочников, ремесленников, поденщиков казалась ей ужасно скучной, а сами они были для нее на одно лицо. Ей никогда не приходило в голову свернуть в узкую улочку, заглянуть в окошко покосившегося дома, посетить лавку старьевщика или купить пучок зелени на рынке. Она часто наведывалась в модные лавки, с удовольствием бродила по ярмарке Сент-Овид, что раскинулась на площади Людовика XV, посещала салон живописи в Лувре, но, кажется, ни разу не зашла в книжную лавку.

Новинки литературы, труды философов, книги, формировавшие духовный облик Парижа, пребывали вне сферы интересов дофины. В личной библиотеке Марии Антуанетты преобладали любовные романы, но прочла ли она хотя бы один до конца, неизвестно. Современники говорили, что иногда в церкви королева открывала замаскированный под молитвенник фривольный роман и в течение долгой службы коротала время за полупристойным чтением; но в это верится с трудом.

Отправляя юную эрцгерцогиню Марию Антуанетту во Францию, Кауниц сказал: «С нашей крошкой все будет хорошо, лишь бы ее не избаловали». Опасения канцлера начали сбываться. Привыкая к всеобщему поклонению, Мария Антуанетта становилась безапелляционной в суждениях, позволяла себе больше свободы и уже не спрашивала разрешения провести в городе ночь. Ночная жизнь Парижа — это игра, танцы, спектакли, музыка, шум, суета, среди них дофина забывала о тяжком супружеском долге, а утром, когда она возвращалась в Версаль и бросалась на кровать, чтобы проспать до обеда, а то и до вечера, Людовик был на охоте. Нет, она не помышляла об адюльтере, который начинали ей приписывать, ей вполне хватало восторженной любви подданных и знаков внимания со стороны мужа. Но супруг был неловок, не умел острить, когда волновался, мог и вовсе утратить дар речи, не любил шумных многолюдных развлечений, а главное, не обладал ни чувствительностью, ни фантазией, с чем экзальтированная Мария Антуанетта не могла смириться. «Время от времени Ее королевское Высочество — по живости характера и без дурных намерений — принимается злословить о тех, в ком подмечает что-либо смешное. Это уже заметили многие, а потому последствия могут быть самые серьезные, ибо принцесса умеет придать насмешкам своим пикантность и остроумие», — писал Мерси. Он не только сообщал о своих наблюдениях Марии Терезии, он имел разговор и с Марией Антуанеттой, но та, со всем согласившись, немедленно выбросила предостережение посла из головы. Что поделаешь, если вокруг столько смешных людей! «Говорят, вы высмеиваете людей, смеетесь прямо им в лицо. Это ваша безмерная ошибка, заставляющая усомниться в доброте вашей души. Чтобы сохранить дружбу пяти или шести кавалеров и дам, вы готовы потерять всех остальных. Для принцессы это существенный недостаток, ибо, как следствие, двор такой принцессы станет притягивать придворных праздных и наименее уважаемых в государстве и отталкивать всех честных людей, не пожелавших подвергаться насмешкам; в конце концов останется только дурная компания, которая постепенно пустится во все тяжкие», — отчитывала императрица дочь. Сама того не сознавая,

Мария Антуанетта ходила по краю пропасти, и только врожденное чувство собственного достоинства не позволяло ей туда упасть. Тем не менее она продолжала вышучивать придворных, чем нажила себе немало смертельных врагов. А когда речь заходила о серьезных занятиях, остроумие и энергия дофины исчезали, являя вместо себя «вялость ума». «Как только речь заходит о чем-либо серьезном, она приходит в смятение и не желает думать», — жаловались друг другу Мерси и Мария Терезия.

Людовик XV все чаще чувствовал возраст: за короткое время смерть унесла сразу нескольких близких к нему придворных одних с ним лет. «... Все замечают, как король все чаще испытывает недомогание и скуку. Его страсть к фаворитке со временем притупилась, а так как эта женщина не отличается ни остротой ума, ни достоинством характера, то король все чаще находит в ней лишь способ отвлечься, посредственный и сопряженный со множеством неудобств, последствия которых он ощущает каждую минуту. Ему постоянно надоедают просьбами о милостях, зачастую незаслуженных, и почти всегда для людей, живущих исключительно за счет интриг», — писал Мерси. Ему вторил шведский поверенный в делах при Версальском дворе граф Кройц: «Страсть, которую король питает к графине Дюбарри, будет продолжаться до тех пор, покуда здоровью его ничто не угрожает; но если он почувствует себя плохо, есть основания полагать, что на смену любви придет благочестие». Старое царство клонилось к закату, впереди вставала заря царства нового, от которого все ожидали благотворных перемен. Пока будущий Людовик XVI читал, ездил на охоту и мастерил замки, будущая королева примеривалась к жизни по своим правилам.

30 января 1774 года молодой шведский аристократ Ханс Аксель Ферзен, посетивший бал в Парижской опере, записал в своем дневнике: «Дофина долго разговаривала со мной. Но я не догадывался, кто это. Наконец ее все узнали и собрались вокруг; в три часа она отправилась в ложу. Я уехал с бала». И ничего о любви, навеки поселившейся в его сердце. А Мария Антуанетта? Была ли для нее их первая встреча решающей, или, опьяненная отвоеванной в дворцовых интригах свободой, она с удовольствием разговаривала со всеми, кто обращался к ней? Все в масках, а маска скрывает и уравнивает. К сожалению, дневника она не вела, а в письмах об этом не расскажешь. В настоящее время мало кто сомневается, что сильное чувство, соединившее графа Ферзена и Марию Антуанетту, возникло задолго до неудавшегося бегства королевской семьи в Варенн. Некоторые считают, что причиной сей неудачи является именно Ферзен, и называют его «злым гением королевской семьи». Кто же такой

Аксель Ферзен, что занесло его в Париж, и могла ли не состояться его встреча с Марией Антуанеттой?

Ханс Аксель, из старинного дворянского дома Ферзенов, родился в один год с дофиной. Семья изначально имела настолько большой вес при дворе, что отец Ферзена, фельдмаршал Фредрик Аксель, самый богатый и влиятельный человек в Швеции, мог позволить себе отказать брату шведского короля, просившего руки Софи, младшей сестры Ханса Акселя. В 1770 году юный Ферзен, впервые покинув Швецию, отправился продолжать образование в Европе. Тогда же он начал вести дневник (*journal intime*), куда записывал события вплоть до 1808 года; часть записей (между 1776 и 1791) после бегства королевской семьи была уничтожена французским другом Ферзена. Лакуна отчасти восполняется письмами Ферзена к Софи, от которой у него не было тайн, и записными книжками (*livre de correspondance*), где с 1783 года Ферзен с присущей ему педантичностью отмечал написанные и полученные им письма, а иногда даже излагал краткое их содержание. Изучая поистине необъятный архив Ферзена, шведская исследовательница Альма Съедерхельм пришла к выводу, что в личной переписке граф для конспирации именовал Марию Антуанетту Жозефиной, а она его — Риньоном (*Rignon*). Письма к Жозефине не найдены, но из пометок в записных книжках можно сделать вывод, что в них были и политика, и размышления о жизни, и планы на будущее. Возможно, именно эти письма сжег внучатый племянник Ферзена барон Клиновстрём, опубликовавший переписку своего знаменитого родственника в приемлемом для него самом объеме. Уничтожив ряд документов и вымарав часть строк из писем, он, возможно, пожелал скрыть информацию, нежелательную для репутации семьи. Но сокрытое зачастую более красноречиво, чем лежащее на поверхности. Полагают, уничтожению подверглись письма, свидетельствовавшие, что роман Ферзена и Марии Антуанетты из стадии возвышенной перешел в стадию земную, что давало недругам королевы право обвинять ее в адюльтере. Все же, по мнению Альмы Съедерхельм, «когда мы на основании документов пытаемся понять, что связывало этих двух людей, следует соблюдать особую осмотрительность». Мы никогда доподлинно не узнаем, какими словами поверяли они друг другу свою любовь, остался ли Ферзен романтическим рыцарем своей дамы, или же Мария Антуанетта подарила ему свою нерастраченную страсть. История любви Рыцаря к Прекрасной Даме должна быть чуточку загадочной.

Путешествуя по Европе, Ферзен изучал языки, математику, философию и военное искусство. Молодой швед был чудо как хорош

собою: высокий, стройный, с тонкими чертами лица, густыми «соболиными» бровями и темными глазами, чей пронзительный, чуточку меланхоличный взгляд буквально околдовывал и девиц, и дам. Настоящий герой романа, истинный джентльмен, образцовый кавалер — как только его не называли. 15 ноября 1773 года восемнадцатилетний красавец прибыл в Париж, а через несколько дней шведский посол граф Кройц представил его ко двору, где он, без сомнения, увидел Марию Антуанетту. Обратила ли она на него внимание? Возможно, нет, ибо в то время она могла смотреть в другую сторону или шептаться с подружкой. Во всяком случае, ни один из них об этом дне не вспоминает.

В Париже графу жилось прекрасно: он посещал занятия физикой и естественными науками в Сорбонне, ходил в театры и, покровительствуемый Кройцем, знакомился с французским двором. Вспоминал ли юный швед об очаровательной дофине? Вряд ли, ведь из Парижа ему предстояло отбыть в Англию, где проживала некая Кэтрин Лайел, которую отец Ферзена хотел увидеть женой сына. Вдобавок вскоре выпал снег, и Ферзен получил приглашение из Версаля на катание в санях; но заказанная им шуба запаздывала, что весьма его раздражало. В то время Ферзена, похоже, больше завораживал Париж и Версальский двор, нежели дофина. Когда в мае Ферзен уехал в Англию, Кройц писал Густаву III: «Юный граф Ферзен отбыл в Лондон. Из всех шведов, что побывали здесь за время моего пребывания, его лучше всех принимали в свете. Королевская семья отнеслась к нему особенно благосклонно. Невозможно вести себя более пристойно и разумно, чем он. С его красивым лицом, с его умом он просто не мог не преуспеть в обществе: и он преуспел». В Лондоне Ханс Аксель изучал английский и историю, не уставая удивляться различию в нравах между Францией и островным королевством; в конце концов он пришел к выводу, что ему больше по душе Франция. В Англии он «скучал как собака», оттуда отбыл в Берлин, и в декабре 1774 года вернулся домой. А Мария Антуанетта? Большинство биографов полагают, что в декабре 1774 года Амур выпустил две стрелы и обе попали в цель. Так ли это? В тот вечер, когда они разговорились на балу, оба были в масках, прикрывавших большую часть лица, кругом чадили свечи, мелькали ряженные, и Ферзен мог рассмотреть только белейшую прозрачную кожу, изящный изгиб шеи, плечи и маленькие ручки; затянутые в перчатки, они нервно теребили веер. Возможно, он разглядел и знаменитую выдающуюся вперед нижнюю губу. Голос, изящная фигура, грациозные движения — что в тот вечер произвело впечатление на избалованного женским вниманием Ферзена? Впечатлительную,

сентиментальную, с нерастраченным жаром души Марию Антуанетту наверняка поразил глубокий звучный голос незнакомца, необычная мелодика его французской речи, не похожей на привычные стремительные переливы. Спокойствие и невозмутимость, кои среди шумного бала сохранял ее собеседник, придавали его облику ореол таинственности. Представленный двору, Ферзен получал приглашения и посещал придворные увеселения, и Мария Антуанетта наверняка узнала, что красавец швед и есть тот незнакомец, который целых полчаса разговаривал с ней в Опере. Стрела Амура вонзилась ей в сердце. Могло ли не случиться той встречи? Именно той, конечно, могло. Но не встретиться вовсе они бы не смогли. Отпрыск влиятельнейшего шведского рода, доверенное лицо короля Густава III, Ферзен так или иначе появился бы при Версальском дворе, а значит, не остался бы незамеченным.

*

Неумолимо надвигавшееся событие на время заслонило все прочие. 27 апреля Людовик XV заболел; его уложили в постель и собрали консилиум врачей. Вокруг больного хлопотали 14 медиков: шесть врачей, пять хирургов и три аптекаря. Когда пылающее лицо короля покрылось красными пятнами, сомнения рассеялись: у короля оспа. В нее долго не хотели верить, ибо считалось, что в детстве король переболел этой болезнью, и теперь она ему не страшна; сам больной был в этом уверен. Но действительность оказалась такова: Бурбоны оставались единственной королевской семьей в Европе, которая не ввела у себя оспопрививание. Переболевшая оспой в детстве, Мария Антуанетта хотела остаться подле короля, но узнав, что потом на 40 дней карантина будет разлучена с дофином, принялась упрашивать мужа отправиться к себе в апартаменты, находившиеся вдалеке от королевских. Порыв дофины вызывал восхищение у придворных.

*

10 мая 1774 года, в три часа дня свеча, стоявшая на окне спальни Людовика XV, погасла. Не дожидаясь объявления герольда, придворные ринулись в апартаменты дофина. Заслышав топот десятков ног, дофин и дофина поняли, что случилось страшное: они стали королем и королевой.

«Боже милостивый, направь нас и защити! — упав на колени, взмолились они. — Мы еще слишком молоды, чтобы править!» Все, кому довелось стать свидетелями этой сцены, нашли ее очень трогательной. Но медлить было нельзя: со смертью короля опасность заражения в Версале не исчезла, и королевскую семью отправили в Шуази, дворец, расположенный в пяти километрах от Версаля. Когда первая карета, в которой сидели дофин с дофиной, отъезжала от дворца, раздались выкрики: «Да здравствует король!» Людовик и Мария Антуанетта переглянулись: им предстояло привыкать к своим новым ролям. В наследство от Людовика XV им достались расстроенные финансы, огромный государственный долг, конфликт с Парижским парламентом и шкатулка с 50 тысячами франков (а говорили о миллионах!).

*

Из Шуази королевская чета уехала быстро: тетки, заразившись от короля, заболели оспой, и их оставили во дворце лечиться, а молодая королевская семья переехала в Марли, где королю сделали оспопрививание; король тяжело переносил прививку, и королева преданно за ним ухаживала. Ла Мюэт, Марли, Фонтенбло... Полгода королевская чета переезжала из замка в замок, пока огромный Версальский дворец проветривали и вычищали от грязи и мусора прежнего правления. Вычищали в прямом смысле слова: те, кому довелось посетить дворец после отбытия королевской семьи, отмечали царившие в нем грязь и запустение. По традиции тело покойного короля следовало вскрыть и забальзамировать, но, опасаясь заражения и спасаясь от зловония, процедуру эту решили не проводить. Тело короля запяли в свинцовый гроб, затем опустили в гроб обычный и без каких-либо торжеств отвезли в королевскую усыпальницу в Сен-Дени, где тотчас замуровали гробницу. Рабочий, запаявший фоб, скончался ровно через сутки.

«Дорогая матушка, полагаю, Мерси подробно сообщил вам о нашем горе; к счастью, король до последней минуты оставался в здравом уме, и кончина его была весьма поучительна; новый король уже завоевал сердца своего народа. За два дня до смерти деда он велел раздать бедным двести тысяч франков; сей поступок был встречен с большим воодушевлением. После смерти деда супруг мой усердно трудится и собственноручно отвечает на письма министров, которых не успел повидать лично, а также на другие письма. Нет никаких сомнений, что он является приверженцем

экономии и хочет сделать свой народ счастливым. <...> Я не устаю удивляться силе Провидения, выбравшего меня, самую младшую из ваших детей, для самого прекрасного королевства Европы. Сейчас как никогда я чувствую, сколь многим я обязана моей нежной августейшей матушке, приложившей для этого столько усилий», — радостно писала через четыре дня после смерти короля Мария Антуанетта. Опечаленная императрица, как положено, объявила траур (при европейских дворах траур объявляли при кончине не только монархов, но и членов их семей); теперь ее снедала еще большая тревога за дочь. «Вы очень молоды, а бремя велико. <...> Могу только пожелать вам не спешить; оглядитесь, ничего не меняйте, пусть все идет как шло, иначе волна хаоса и интриг захлестнет вас... слушайтесь советов Мерси: он знает двор и город, предан вам и очень осторожен... дорогие дети мои, я не успокоюсь, пока не увижу вас обоих счастливыми», — писала она дочери; тревоги она поверяла Мерси: «Меня заботит судьба дочери: она может быть либо великой, либо несчастной... счастливые дни для нее закончились».

25 миллионов французов уповали на своего нового двадцатилетнего короля — набожного, примерного семьянина — и на его девятнадцатилетнюю королеву — красивую, милосердную, с обворожительной улыбкой. Скандальная личная жизнь его предшественника, проходившая у всех на виду, заставляла забыть о тех улучшениях, которые он привнес в управление Францией; от нового царства молодости ожидали прежде всего благопристойности и порядочности. И чуда — нового золотого века: мира, спокойствия, изобилия и исполнения обещаний, не выполненных прежними правителями. Почему бы и нет? Разве новый король не начал свое правление с того, что отказался в пользу бедных от 20 миллионов, причитавшихся ему по случаю вступления на трон? И разве юная королева его не поддержала, отказавшись от положенного ей по традиции солидного кошелька? Разве первым указом нового короля не стал указ о ссылке бывшей фаворитки в монастырь Понт-о-Дам? (Через год жалостливый Людовик XVI разрешит Дюбарри перебраться в ее поместье Лувесьен, где та будет жить до начала революции.) Никто не сомневался, что, положив конец господству расточительных фавориток, король станет сам, не слушая жадных и лживых придворных, мудро и экономно управлять королевством. Разве не отослал он прочь интенданта Лаферте, заведовавшего королевскими развлечениями, когда тот явился к нему получать приказания? «Мое любимое развлечение — это пройтись пешком по парку вместе с женой», — ответил ему Людовик.

Народ с энтузиазмом встречал новое царствование. Возле саркофага покойного короля нашли надпись: «*Hic jacet, Deo gratias*»^[6], намекавшую на избавление от Людовика XV, а на постаменте статуи Генриха IV на Новом мосту написали: «*Resurrexit*»^[7], напоминая, что молодой король — прямой потомок доброго короля Анри, мечтавшего о том, чтобы у каждого крестьянина по воскресеньям была курица в супе. Однако до сих пор молодой король не был замечен ни в одном государственном деянии; за время своего совершеннолетия, иначе говоря, после свадьбы, он ни разу не проявил желания хотя бы постоять у руля государственного корабля. В этом вопросе молодая королева проявила солидарность со своим супругом; побывав однажды вместе с Людовиком XV на заседании парламента, она мгновенно выбросила из головы несколько скучных часов, проведенных в обществе мрачных зануд в мантиях. «Королеву не назовешь бестолковой, однако полученное ею образование и воспитание никак нельзя признать удовлетворительными. Кроме нескольких романов она никогда не прочла ни одной книги, и даже не пыталась разобраться в тех идеях, кои господствовали в обществе; как только беседа начинала принимать серьезный оборот, на ее лице тотчас появлялось выражение скуки, и беседа приостанавливалась. Разговор ее обычно обрывочен и бессвязен, она постоянно перескакивала с одной темы на другую. Не имея иных оснований для веселья, она забавлялась анекдотами из придворной жизни, предпочитая всем прочим сплетни, как их умеют подавать при дворе; это ей нравится. <...> Она быстро и легко забывала о людях, которых сама же к себе приблизила», — вспоминал один из ближайших друзей королевы барон де Безанваль. В письмах к матери Мария Антуанетта признавалась, что не готова к выпавшей ей роли: «Я должна признать, что склонна к расточительству, а также ленива, чтобы заниматься серьезными вещами; я хочу постепенно исправляться и, не желая принимать участие в интригах, надеюсь завоевать доверие короля, с которым мы по-прежнему живем в большой дружбе».

Шли дни траура, а значит, охота отменялась. Во время траурной церемонии принятия соболезнований едва ли не вся почтенная дамская часть двора стала врагами королевы. Согласно этикету придворные дамы, одетые в черное, по одной подходили к королеве и приседали перед ней в печальном реверансе. Дам было так много, что молодые и пожилые лица постепенно слились в единую черную безликую массу. Неожиданно молоденькая маркиза де Клермон-Тоннер, по должности стоявшая позади королевы и приближенных к ней дам, утомившись, присела на пол,

спрятавшись за широкими юбками королевы и фрейлин. Сидеть ей быстро наскучило, и она стала дергать стоящих впереди за юбки. Заметив ее маневр, королева не выдержала и, прикрыв лицо веером, рассмеялась прямо перед носом у нескольких почтенных герцогинь, которые тотчас постановили, что «маленькая насмешница» издевается над шестидесятилетними особами и оказывает внимание только молодым. К партии противников королевы примкнули и молодые — например обе невестки; подружившись с тетками короля, они стали часто бывать у них и с упоением разбирать по косточкам приятельниц королевы и судачить о ее личной жизни, зачастую выдавая вымысел за действительность.

И в Шуази, и в Ла Мюэт, и в Фонтенбло королевская семья в полном составе выходила в парк, где принцы гуляли под ручку со своими женами, как простые буржуа. Король время от времени обнимал жену и даже украдкой целовал ее в щечку. Толпа, всегда собиравшаяся поглазеть на королевскую семью на прогулке, умилялась и кричала «Да здравствует король!», «Да здравствует королева!». Желая внести больше сердечности в семью, Людовик попросил братьев называть его не «величеством», а «братом». Однако идиллии не получалось. С первых дней граф и графиня де Прованс и граф и графиня д'Артуа отказались по утрам свидетельствовать свое почтение королю и королеве, в то время как к покойному королю в эти часы они являлись ежедневно. Артуа еще больше задира старшего брата, наступал ему на ноги, прерывал на полуслове; Прованс действовал более осмотрительно, однако среди бумаг покойного короля нашли доказательства двойной игры Месье^[8].

Во время прогулок к Марии Антуанетте подходили люди с прошениями, и она принимала их, одаривая просителей ласковой улыбкой. Многие считали, что именно благодаря ей от двора удалили Дюбарри, отправили в отставку непопулярного генерального контролера финансов аббата Террэ и еще более непопулярного канцлера Мопу, разогнавшего прежние парламенты и насадившего вместо них новые суды, где назначаемые королем магистраты фактически превратились в государственных чиновников на жалованье. Людовик XVI открыл публике доступ в Булонский лес, закрытый для посторонних во время правления его деда. В этом лесу королева часто гуляла как пешком, так и верхом, без специальной охраны, и подданные, проходя мимо или проезжая в экипажах, приветствовали свою королеву и восторгались ею как очаровательной женщиной. В отличие от Людовика, имевшего вид совсем не королевский (в нем не было ни величия, ни шарма, ни приставшей государю твердости), Мария Антуанетта, наоборот, была рождена

королевой. «Высокая, превосходно сложенная, с восхитительной формы руками; у нее была самая легкая походка во всей Франции, гордая посадка головы, шея, как у античной статуи, а кожа столь прозрачна, что не допускала оттенков», — вспоминала художница Луиза Виже-Лебрен, написавшая, по признанию современников, самые удачные портреты королевы. По рассуждению Кауница, Мария Антуанетта идеально подходила на роль, к которой готовила ее мать: роли королевы, управляющей королем. Иначе говоря, той роли, которую прежде исполняли королевские любовницы, с небольшой поправкой: управлять нынешней королеве следовало в пользу Австрии. Она же дочь Марии Терезии, всю жизнь правившей империей Габсбургов твердой рукой не женщины, но императора.

Не занимаясь серьезными вещами, королева, тем не менее, была все время занята: ведь на нее смотрела вся Франция! Английский парламентарий Эдмунд Бёрк^[9], посещавший Французское королевство как в мирные, так и в роковые годы, писал: «...никогда доселе не появлялось в Версале существо столь восхитительное; она едва вступила в эту сферу, украшением и отрадой которой стала; я видел ее в момент, когда она только всходила над горизонтом, подобная утренней звезде, излучающая жизнь, счастье и радость». Вся Франция пребывала в восторге от своей королевы, а та с упоением занималась тем, что «подавала себя», обдумывая туалет для каждого нового выхода. Многие, в том числе обстоятельный биограф королевы Антония Фрэзер, помещают фигуру Марии Антуанетты у истоков гламура, говорят о ней как об одной из первых гламурных личностей, которые, разрушая традиционные барьеры, создавали свой образ как исключительный, необычный и неотразимый. Женская красота первой начала разрушать сословные преграды: и маркиза де Помпадур, и графиня Дюбарри вознеслись на вершину власти благодаря своей красоте и женскому обаянию. Но если красота фавориток принадлежала, так сказать, лично Людовику XV, красота и обаяние Марии Антуанетты стали достоянием целой нации. Королеве подражали не только знатные дамы, но и жены зажиточных и не очень горожан. «Жена приказчика или лавочника может наряжаться как герцогиня. Правительство в это не вмешивается», — писал проникательный писатель Луи Себастьян Мерсье. Фасоны платьев, туфель, шляп, украшения и прически, которые носила королева, немедленно входили в моду. Любой мог увидеть королеву: помимо публичных трапез в Версале, королева посещала парки, театры и балы. Королева очень хотела нравиться; поклонение толпы отчасти вознаграждало ее за супружескую полужизнь.

Мария Антуанетта не задумывалась, почему на нее обрушилась всеобщая любовь, а главное, чего в этой любви больше — восхищения ею самой, обаянием ее юности или нелюбви к фавориткам и усталости от придворной амурной чехарды. Новое, непривычное сознание того, что королева, обительница монархического Олимпа, стала ближе и доступнее в прямом смысле этого слова, что ей можно бросить цветок и коснуться подола ее платья, кружило головы и рождало толки. Мадам Кампан вспоминает, как десять лет за королевой буквально по пятам ходил некий шевалье де Кастельно из Бордо, о котором все знали, что он влюблен в королеву. Во время игры в карты шевалье становился напротив королевы; когда она выходила из кареты, он делал все, чтобы попасться ей на глаза; в церкви пробирался в тот угол, где она могла его заметить; в театре находил место рядом с ее ложей; он следовал за ней в Шуази, в Фонтенбло, даже в уединение Трианона, где бродил среди деревьев, издали любясь предметом своего обожания. «Ах, как он мне надоел, — вздыхала Мария Антуанетта, — но нельзя же его за это лишать счастья пребывать на свободе!»

Доступность сопровождалась утратой священного трепета перед коронованной особой и, как следствие, сравнением и критикой. Издавна главной обязанностью французских королей являлось обеспечивать монархию наследниками, поэтому долгое бесплодие королевы не могло не вызывать кривотолков. Сочинялись небылицы, слегка приправленные правдой, в которые легко поверить. Широкою огласку получило невинное развлечение королевы, названное согласно заголовку выпущенного по случаю памфлета «Восходом зари». Под впечатлением «Истории инков» Мармонтеля королева, подобно древним инкам, захотела полюбоваться восходом дневного светила. И когда двор пребывал в Марли, она с разрешения короля, который в это время вместе с братьями находился под наблюдением врачей после оспопрививания, в три часа ночи повела своих придворных дам в сады Марли, на холмы, где они встретили первые лучи восходящего солнца. «Ах, как это прекрасно, как это прекрасно!» — неустанно восклицала королева, глядя, как горизонт постепенно окрашивался пурпуром и золотом. Мадам де Ноайль и принцесса де Ламбаль не покидали ее ни на минуту. Но авторы брошюры «Восход зари» утверждали, что когда компания вышла в сад, Мария Антуанетта покинула общество и в одиночестве удалилась в парк. В дальнейшем невинное увеселение обросло большим количеством скабрёзных подробностей. Мадам Кампан, рассказавшая об этой вылазке на природу, сетовала, что находившийся среди свиты ее величества герцог Шартрский, поклонник

королевы, быстро превратившийся в злейшего ее врага, много способствовал распространению дурных слухов о королеве, нанимая быстрые перья для сочинений пасквилей. Молва о том, что королева в обществе мужчин по ночам отправляется на поиски приключений, а несчастный супруг-рогоносец (конечно, рогоносец, раз такое позволяет!) спит один в холодной супружеской постели, роняла в глазах подданных не только королеву, но и короля. Распуская сплетни, антиавстрийская клика постепенно превращала образ легкомысленной королевы в «австрийскую волчицу» и «распутную гадину-австриячку», подосланную погубить французов, пока Людовик XVI «занимается народным ремеслом в ожидании, когда народ займется ремеслом короля». Этот зловещий образ бросит тень на Людовика XVI, ибо молва будет утверждать, что королева вертит мужем как хочет.

В самом начале царствования Марии Антуанетты в кулуары Версаля прилетел стишок:

Детка-королева, вам всего лишь двадцать,
А за вами хвост обид тянется ужасных.
Не торопись же, погоди,
Не бросайся ты людьми.

Спустя два столетия можно говорить, что появление подобных стишков являлось своеобразным предупреждением о надвигающейся грозе; но тогда их воспринимали как колкость очередной клики интриганов, которых всегда хватало при дворе и которые в борьбе за подачки и выгодные должности без стеснения прибегали к клевете.

Борьба клик началась буквально с первых дней нового царствования. Пробным политическим камнем, брошенным молодым королем, стало назначение главного министра. Герцог д'Эгийон, занимавший это место при Людовике XV, был тесно связан с одиозной Дюбарри, и его ненавидела Мария Антуанетта, поэтому король с облегчением принял отставку герцога, которую тот, не дожидаясь, пока ее спустят сверху, сам вручил его величеству... Мария Антуанетта предполагала, что освободившееся место займет Шуазель, к которому она по старой памяти питала привязанность, и многие придворные были уверены, что онастоит на своем. Желая порадовать королеву, Людовик XVI вызвал Шуазеля из ссылки и дал ему аудиенцию; но ничто не могло сломить его предубеждения против бывшего министра, и он не предложил ему никакого места в правительстве. Говорят,

немногословный король удостоил навязанного ему гостя лишь одной фразой: «Вы сильно постарели, господин Шуазель, и облысели». Пробыв несколько дней в Версале и убедившись, что продолжения карьеры не будет, Шуазель вернулся к себе в Шантелу Королева спокойно восприняла его отъезд: она хотела, чтобы король принял Шуазеля, и он ее желание исполнил.

Не имея более собственных кандидатур, она послушалась теток и присоединила свой голос в поддержку 73-летнего графа де Морепа, в свое время отстраненного от министерской должности Людовиком XV, обвинившим его в сочинительстве фривольных куплетов о тогдашней фаворитке Помпадур. Для Людовика XVI Морепа был хорош именно своей принадлежностью к прежнему двору, за который молодой король цеплялся как за соломинку. Он очень боялся править, тем более самостоятельно, и страх этот был замечен даже королеве. «Повсюду при виде короля звучали здравницы и восторги. Он их, несомненно, заслуживает, ибо он честен и искренне хочет творить добро; но меня волнует, как долго французы будут относиться к нему с восторгом. Я мало что понимаю в делах, но даже я вижу, что придется преодолевать много трудностей и препятствий. Надо признать, покойный король оставил дела в ужасающем состоянии, и очень трудно угодить всем, особенно в стране, где живость народного характера требует, чтобы все было сделано сразу и быстро», — писала Мария Антуанетта матери, явив при этом недюжинную прозорливость.

На беду свою Людовик XVI не доверял никому, включая самого себя, так что теткам даже не пришлось его особенно уговаривать принять кандидатуру престарелого Морепа. «Я король, а это накладывает множество обязательств, но мне всего двадцать лет, и у меня нет необходимых знаний», — признавался Людовик Морепа, призывая почтенного старца после 25-летнего перерыва занять пост министра без портфеля и королевского ментора. Общественность выбор юного короля не слишком удручил; пока молодости его прощали всё и, несмотря ни на что, уповали на будущее.

Монарху юному, однако,
к лицу замашки Телемака:
он в Менторы взял Опытность саму,
ему советом Здравый смысл поможет,
мирскую славу Честность приумножит,
а Бережливость — вот закон ему.
Его жена свежее маргаритки,

чадолюбиво пестуя народ,
он Истину лишь прочит в фаворитки!
При нем приближен к трону будет тот,
в ком нет изъяна... коль таких найдет [\[10\]](#).

«Выбор Морепа меня удивляет; впрочем, его приписывают теткам», — сообщила свое мнение дочери Мария Терезия; одновременно она советовала ей не выставлять себя и пребывать в тени короля, ибо «салический закон требует, чтобы король был один». Но закон этот, согласно которому женщине нельзя занимать престол и передавать престолонаследие по женской линии, действовал только во Франции, поэтому, выросшая в Австрии, Мария Антуанетта не обратила внимания на предупреждение матери, ибо с детства привыкла видеть перед собой пример мудрой и суровой правительницы. С назначением Морепа Мадам Аделаида приободрилась: у нее появилась надежда, что она сможет руководить королем, и сестры, наконец, займут подобающее место при дворе. Министром иностранных дел король назначил графа де Верженна, опытного дипломата, долгое время служившего французским послом в Константинополе, а затем в Швеции, где он поддержал переворот, совершенный королем Густавом III. Генеральным контролером финансов, сменившим непопулярного аббата Террэ, стал бывший интендант Лимузена, философ и экономист Тюрго. Король доверял новому министру «Тюрго честный человек, — говорил он, — и мне этого достаточно». И со вздохом добавлял: «Жаль, конечно, что он не посещает мессы». Ряд мер Тюрго, направленных на оздоровление экономики, оказались непопулярными как среди народа, так и знати, чьи расходы за счет казны Тюрго старался всемерно сократить. Вскоре один только король продолжал поддерживать своего министра. «Я обращаюсь не столько к королю, сколько к доброму и справедливому человеку», — писал Тюрго Людовику XVI, предлагая провести очередные реформы: обложить налогом дворянство и духовенство и сократить привилегии дворян.

Внимательно наблюдая за молодой королевской четой, Мерси составил подробное донесение для Марии Терезии: «Королеве прекрасно известно о тех возможностях, коими располагают бездарные королевские тетки, а также об опасности, исходящей от их окружения... однако по причине кроткого, чувствительного и отчасти легкомысленного характера королева в минуты умиления либо в приливе услужливости может необдуманно дать обещания или взять на себя обязательства, коими другие могут легко

злоупотребить. Так, после смерти покойного короля... тетки устремились в политику и посоветовали призвать графа Морепе; королева же по причине своей любезности донесла их советы до короля. Если с самого начала публика заметит, что король позволяет собой управлять <...> доверие к королеве резко упадет. Я умолял ее каждый раз как следует подумать, прежде чем впутываться в какое-либо дело, касающееся политики. Ей не следует мириться с тем, что в дела управления государством вмешиваются члены семьи. И прежде всего граф и графиня де Прованс и граф и графиня д'Артуа, а также королевские тетки; полагаю, в этом вопросе Ваше Величество должны меня поддерживать. <...> Король, если я не ошибаюсь, обладает целым рядом достойных качеств, но любезность в их число не входит. Он позволяет себе резкие высказывания, занятия делами часто приводят его в дурное расположение духа; королеве придется мириться с этими недостатками: от этого зависит ее счастье. Супруг любит ее; если она будет вести себя сдержанно, услужливо и ласково, она получит полную власть над королем; однако она должна управлять им так, чтобы никто не смог об этом догадаться. Также крайне важно, чтобы она постоянно делила с королем ложе. Полагаю, Ваше Величество напомним ей об этом в своих письмах». Мерси четко уловил: при дворе создалась своего рода «партия противодействия королю» и, разумеется, королеве, ибо, как прошел слух, королева управляет королем. Так это или нет — в любом случае ошибки и промахи можно взвалить на нее. Возглавили партию братья короля, обиженные, что никого из них не пригласили войти в состав королевского Совета. Особенных гадостей следовало ожидать от Прованса: он не мог простить брату, что тот родился раньше его.

Понимала ли Мария Антуанетта, насколько ее положение уязвимо? Скорее всего, нет. Она словно ребенок наслаждалась обретенной, наконец, свободой делать все, что ей заблагорассудится, не спрашивая ни у кого разрешения. Король, разумеется, не в счет. Став королем, Людовик, как и Мария Антуанетта, получил свободу действий, однако эта свобода ему вряд ли была нужна. Впрочем, теперь он, искупая свою беспомощность в постели, мог исполнять любые прихоти жены. Постройка внутренней лестницы, соединивший его версальские покои с покоем Марии Антуанетты, дала ему возможность, не привлекая внимания посторонних, сиречь любопытных придворных, посещать супружескую спальню. Но посещал ли он ее, а если посещал, то как часто? Испанский посол граф д'Аранда, по-прежнему бдительно следивший за интимной жизнью королевской пары, отмечал, что после прививки фигура Людовика стала менее рыхлой, он подтянулся и выглядел очень крепким физически.

Вскоре король сделал супруге подарок — Малый Трианон. Мария Антуанетта давно хотела иметь собственный дом, где бы она все устроила по-своему, и мечта ее сбылась. «Мадам, в этом дворце жили возлюбленные королей, значит, он должен принадлежать вам», — сказал Людовик, вручая бумаги жене. Радостно захлопав в ладоши, Мария Антуанетта заявила, что с удовольствием принимает подарок, но с условием, что супруг будет приходить к ней, только когда она его пригласит. Сказано со смехом, но исполнять условие Людовику придется всерьез. Все, кого допустят в маленький мирок королевы, получают специальные пропуска, а королю будут присылать специальные приглашения. Как вспоминает Кампан, злые языки тотчас окрестили творение Габриэля Маленькой Веной или Маленьким Шёнбрунном.

Во время траура, который должен был продлиться до 15 декабря, развлечения строго дозировались, что раздражало королеву, постоянно об этом забывавшую, — ей так хотелось наконец начать жить по-своему! В Марли она придумала еще одну потеху — кататься в кабриолете, самой исполняя роль кучера. Подобного нарушения этикета придворные еще не видели; мадам де Ноайль оставалось только разводить руками. Для шумных забав у королевы появились свои фрейлины, свои придворные. Первое место среди них занимала принцесса де Ламбаль. Желая сделать подруге приятное, королева назначила ее управляющей своим двором, специально восстановив эту давно отмененную должность. Вскоре оказалось, что Ламбаль не умеет находить общий язык с фрейлинами королевы, а ее вмешательство в хозяйственные дела и вовсе принесло плачевные результаты. Но хуже всего, что Ламбаль постепенно наскучила королеве. А скуки Мария Антуанетта боялась больше всего, ибо, как только она оставалась одна, в голову немедленно лезли неутешительные мысли: она замужем уже пять лет, но настоящей женой так и не стала, а главное, у нее нет детей и не предвидится. Осторожный Мерси разъяснил ей, что французы никогда не признают ее королевой, если она не станет матерью. А тут еще несчастье: графиня Артуа беременна! На следующий день после окончания траура Мария Антуанетта писала матери: «...графиня д'Артуа беременна. Признаюсь вам, дорогая матушка, мне очень обидно, что она станет матерью раньше меня. Но я выражаю к ней всяческое внимание; надеюсь, что скоро последую примеру сестры».

Впрочем, время поскучать Марии Антуанетте выпадало редко: король осыпал ее подарками, а ее маленькая личная свита, состоявшая из остроумных молодых людей, была гораздо на выдумки. Вместе с Артуа королева пристрастилась к скачкам — новомодному развлечению,

заимствованному из Англии; забеги устраивали на равнине Саблон (возле Булонского леса), в них почти всегда участвовали лошади герцога Шартрского, числившегося среди записных англоманов. Узнав о новом увлечении королевы, Людовик XVI приказал городским властям соорудить на скачках павильон, «достойный принять королеву с ее свитой, дабы Ее Величество получала удовольствие от зрелища». «Король сделал мне подарок: в моей шкатулке было 96 тысяч ливров, как у покойной королевы, чьи долги оплачивались трижды; он увеличил сумму вдвое, и теперь у меня 200 тысяч ливров в год», — радостно писала королева матери. Но даже такая шкатулка, иначе говоря, годовое содержание, выглядела ничтожным по сравнению с суммами, потраченными королевой на борьбу со скукой. Ей то и дело требовались деньги, причем срочно. Однажды, как пишет хроникер Башомон, она явилась к генеральному контролеру финансов и потребовала у него 300 тысяч ливров. Попросив пару часов отсрочки, контролер сообщил об этом королю; тот велел деньги выдать, однако принести всю сумму к нему. Когда же королева пришла за деньгами, Людовик сказал ей, что деньги эти происходят из чистейшего источника — их платит в виде налогов народ, и он просит не тратить их на пустые развлечения. Ему не пришло в голову, что королева свои развлечения пустыми отнюдь не считала. Это была ее жизнь, и другой она не мыслила.

С модисткой Розой Бертен из предместья Сент-Оноре, чья лавка под вывеской «Великий Могол» словно магнитом притягивала знатных дам, королеву познакомила герцогиня Шартрская. По преданию, знаменитые «блошинные» цвета пошли от платья из темной тафты, созданного Бертен для королевы. Увидев его, король шутливо воскликнул: «О, да это же цвет блохи!» Придворные модники подхватили шутку, цвет вошел в моду, и красильщики стали изощряться, придумывая «цвет блошиной спинки», «цвет блошиного брюшка», «цвет молодой блохи»... Модным цветом считался и «цвет волос королевы»: с возрастом волосы Марии Антуанетты утратили рыжеватый отблеск, и она превратилась в натуральную пепельную блондинку. «Министр моды», как в шутку прозвали Бертен придворные, дважды в неделю являлась в Версаль, где ее в нарушение всех правил этикета проводили в личный кабинет Марии Антуанетты, куда допускался очень узкий круг лиц. Там, в кабинете, отрешившись от суеты, модистка и королева приступали к работе: выбору тканей, обсуждению фасонов и украшений. Практически каждый туалет королевы становился предметом искусства. Примерно до 1780 года держалась мода на дорогие узорчатые ткани, оборки, кружева, шитье золотом, серебром, жемчугом и бриллиантами. Бриллиантами украшали даже туфельки, фасон которых

Мария Антуанетта также обсуждала с Бертен. Знатные клиентки Бертен считали модистку высокомерной и заносчивой. У себя в лавке она повесила свой портрет рядом с портретами королевы и принцесс, одетых в созданные ею платья. По словам баронессы Оберкирх, модистку следовало постоянно осаживать, чтобы та «знала свое место»; тем не менее аристократки приводили к ней все новых и новых сиятельных клиенток, среди которых было немало русской знати.

К 1780 году парижские модистки создали уже около 150 моделей платьев, и каждая имела свое название. Мерсье писал в «Картинах Парижа»: «Из Парижа изобретательницы мод диктуют законы всему свету. Знаменитая кукла — драгоценный манекен, наряженный в платье новейшего фасона, — этот вдохновляющий всех образец парижских мод отправляется ежемесячно из Парижа в Лондон, а оттуда осчастлививает своими милостями всю Европу. Он путешествует и на север, и на юг; проникает и в Константинополь, и в Петербург, и каждая складка платья, заложенная рукой француза или француженки, повторяется всеми нациями — скромными последовательницами вкуса улицы Сент-Оноре!» Разве могла Мария Антуанетта устоять перед такими соблазнами? Королева — королева во всем, в том числе и в моде: она должна достойно представлять французскую элегантность. Мария Антуанетта начинала свой день с размышлений, какой наряд ей выбрать, в чем отправиться к мессе, а в чем на прогулку. Старшая горничная приносила ей толстую тетрадь с образцами тканей, и Мария Антуанетта втыкала булавку в те, платья из которых она намеревалась надеть в течение дня. Одна такая тетрадка сохранилась до наших дней. Обычно на день Мария Антуанетта выбирала три платья. Модницы во главе с королевой давали работу ремесленникам Парижа, занятым в основном производством предметов роскоши. К 1781 году, когда Людовик XVI признал модисток отдельной корпорацией, их уже насчитывалось около двух тысяч.

По сегодняшним меркам, Мария Антуанетта стала своего рода иконой стиля, с чем, разумеется, не могло смириться старшее поколение двора, презрительным шепотом называя ее «королевой модной лавки». Погоня за модой требовала денег. «Расходы моды превосходят в наши дни расходы на стол и экипажи. Несчастный супруг никогда не может вычислить заранее, какой цифры достигнут эти постоянно меняющиеся фантазии», — писал Мерсье отнюдь не о королевском дворе. Мадам Кампан считала, что из-за юных дам, желавших быть похожими на королеву и тративших все больше денег на модные товары, пошел слух, что королева задумала разорить француженок. В Париже рассказывали, как однажды королева упрекнула

одну из дам в том, что та скупится тратить деньги на модные платья, на что та ответила: «Мадам, нам приходится платить не только за свои платья, но и за ваши». Если верить современникам, модные фантазии королевы обходились в астрономические суммы. Только в первый год своего правления Мария Антуанетта истратила на предметы красоты 300 тысяч ливров (при бюджете в 200 тысяч), и это притом что на платья выделялось отдельно еще 150 тысяч ливров. К концу 1776 года долги королевы составляли 500 тысяч ливров. И это не считая пары браслетов, приобретенных за 400 тысяч ливров, и роскошных длинных серег из чистейшей воды бриллиантов, купленных у ювелира Бемера, того самого, который через десять лет создаст невиданной красоты ожерелье; кража этого ожерелья окончательно погубит доброе имя королевы. Помимо платьев и дорогих украшений (а украшения от Бертен, будь то даже простенькая шляпка или косынка, всегда стоили дорого), Бертен ввела в моду прически под названием «пуф». Волосы поднимали высоко надолбом, при необходимости начесывая их на каркас, и делали из них своеобразный фундамент для последующего создания композиций с использованием самых разнообразных предметов: цветов, фруктов, овощей, чучел птиц, драгоценностей, специально изготовленных фигурок. «Пуф» мог рассказать о событиях в жизни своей владелицы: у герцогини Шартрской, например, в прическе были фигурки младенца с няней, напоминая, что у герцогини недавно родился сын. Мария Антуанетта придумала себе «пуф» в честь оспопрививания: оливковая ветвь, вокруг которой обвилась змея Эскулапа, угрожавшая прекрасному цветку. У кого-то на голове высился фрегат «Ла Бель Пуль», отличившийся в сражении с англичанами... Чтобы изготовить «пуф», времени требовалось от двух до шести часов, высота прически могла достигать метра. В сезон 1776/77 года особенно модной стала прическа «еж», по словам современников, окончательно разорившая шляпниц: волосы поднимались вверх и закреплялись лентами. Леонар, личный куафер королевы, приезжал в Версаль в карете, запряженной шестеркой отличных лошадей. «На женских головах появлялись последовательно: ветряные мельницы, рощицы, ручьи, овцы, пастухи и пастушки, охотники в лесной заросли. А так как все эти украшения и прически не могли помещаться в визави (двухместной карете. — Е. М.), то была создана особая система пружин, которые их поднимают и опускают», — усмехался Мерсье. Сколько стоили такие прически? Никто не мог сказать в точности, во всяком случае, экономными их никак нельзя было назвать. Прическами украшали перья — эгретки, плюмажи, пучки перьев, сады перьев. Перья вызвали основной град насмешек, ибо в глазах

публики колыхавшиеся султаны из перьев над женской головкой символизировали женское легкомыслие. Птичьи головки. На высокие прически появилось множество карикатур, причем, как замечает Кампан, некоторые придавали карикатурным лицам сходство с королевой. Прически с перьями возмущали и Марию Терезию: «Не могу не высказать своего мнения о ваших прическах, о которых я узнала из газет; говорят, что если измерять от корней волос, то высотой они будут целых 36 дюймов, и это без массы лент и перьев, что их украшают! Вы знаете, я никогда не пренебрегала модой, но следовала ее требованиям умеренно, чрезмерно же — никогда. Молодой, хорошенькой королеве, полной очарования, совершенно ни к чему подобные излишества!» «Да, я немножко украшаю себя. И почему бы мне не носить перья, когда их носят все? После окончания сезона балов высота причесок уменьшилась», — отвечала матери уже далеко не во всем покорная дочь.

Когда историки начали исследовать траты членов королевской семьи, оказалось, Мария Антуанетта не слишком выбивалась из общих рядов. Граф д'Артуа задолжал 21 миллион ливров, граф Прованский — 10 миллионов, поездка королевских теток на воды в Виши обошлась казне в три миллиона ливров. Вместе с тем дамы, приближенные к королеве, единодушно подчеркивали исключительно скромный и экономный характер ее величества. Ела королева мало, пишет мадам Кампан, больше всего любила жареную курицу, пила только воду, на завтрак предпочитала чашку кофе с особой булочкой, рецепт которой она привезла из Вены^[11]. «Ванну королева принимала в длинной фланелевой рубашке, застегнутой до самого ворота, а когда выходила из ванны, требовала, чтобы две служанки держали перед ней большую простыню», — вспоминает Кампан. «Королева никогда не была повинна ни в расточительстве, ни в растратах», — пишет в своих воспоминаниях графиня д'Оссон, возлагая основную вину на «министра моды»: «Мадемуазель Бертен всегда выставляет полную сумму, не указывая конкретно, во что обходится отделка и прочие мелочи. Так, например, за платье к Новому году она запросила 6000 ливров! <...> Мадемуазель Бертен полагает, что заслужила, чтобы ей или, по крайней мере, ее ценам доверяли с закрытыми глазами». Растраты, по мнению графини, совершались вокруг королевы — горничными, белошвейками, кастеляншами, фрейлинами. В этом с ней не поспоришь. Мария Антуанетта (в отличие от Людовика) никогда не любила цифры и подписывала счета не глядя, что открывало простор для мошенников, не только завышавших суммы к оплате, но и выписывавших лишние метры кружев, лент, тафты, лишние пары туфель... Платья, надетые один раз, а

иногда и вовсе не ношенные, раздавались придворным дамам, позволяя им экономить свой бюджет. Когда гардеробом заведовала мадам д'Оссон, она по мере возможности пыталась сократить количество платьев королевы, но безуспешно. Раздавая практически новые туалеты, Мария Антуанетта говорила: «Мои фрейлины недешево заплатили за свои должности, и я должна как-то вознаградить их». Королева любила радовать своих друзей щедрыми подарками; только спустя много лет она обнаружит, что большинство друзей вращались вокруг нее именно в расчете на милости, подарки и покровительство. Традиционный двор королевы, включая рассыльных, состоял примерно из пятисот человек, которым выплачивал жалованье министр Королевского дома. По тамошним меркам, штат не слишком большой: у короля значительно больше. Как и в любом штате знатной особы, множество слуг, подчиняясь этикету, исполняли всего одну — но очень почетную! — обязанность. Например, паж, носивший шлейф королевы, не имел право подать королеве плащ или занести шлейф на половину короля, ибо при входе его должен был подхватить другой паж. И никто не хотел расставаться ни с привилегиями, ни с синекурами. Тем не менее королева писала матери: «Матушка, вы можете быть спокойны: я не введу короля в большие затраты; наоборот, я отказываюсь принимать прошения, где речь идет о деньгах». Видимо, ее величество в самом деле жила в волшебной сказке, где королевы могут все, а потому, добиваясь выплат и пенсий для друзей, она старалась отлучить от казны всех остальных и полагала, что поступает справедливо и экономит государственные деньги.

*

Мария Антуанетта постепенно создала своего рода приватный двор, избранное общество записных остроумцев, которые потом получают «пропуск» в личное владение ее величества — Трианон. Вокруг королевы постоянно вращался неистощимый выдумщик граф д'Артуа. Он то возил королеву на маскарад в вызывающем костюме амазонки, то кататься в коляске, то на охоту (без короля!) на лань в Булонском лесу. На балах и королева, и Артуа танцевали до упаду, до последнего танца, и возвращались в Версаль к шести часам утра. Ни в чем не отказывая королеве, Людовик не любил сопровождать ее в ночных поездках, предпочитая ночью спать, дабы встать рано и приступить к работе или отправиться на охоту. Однажды на балу какая-то дерзкая маска (под

которой скрывался актер Дюгазон из «Комеди Франсез») подошла к королеве и голосом базарной торговки принялась гнать ее домой, к муженьку, чтобы тот не замерз в холодной супружеской постели. Король понимал, что королева проводит непозволительно много времени с его младшим братом, знал, что многие считают такое поведение предосудительным. Сплетням король не верил, но однажды его терпению пришел конец и он запретил версальской страже после полуночи открывать ворота кому бы то ни было; в ту ночь королева с Артуа не смогли добиться, чтобы их пустили во дворец. Между супругами произошла бурная сцена, но все осталось по-прежнему. Ибо с Артуа скучать было просто невозможно! Но если легкомысленные похождения не могли повлиять на репутацию повесы Артуа, урон, наносимый репутации королевы, был очень ощутим. «Говорят, Артуа непозволительно дерзок, и вам не следует с этим мириться, ибо ничего хорошего из этого не выйдет, надобно оставаться на своем месте и уметь играть свою роль», — писала дочери обеспокоенная Мария Терезия. «Конечно, Артуа вертопрах и очень бойкий, но я умею поставить его на место», — беспечно отвечала Мария Антуанетта.

Еще одним членом личного двора являлся полковник швейцарского королевского полка барон де Безанваль, друг и бывший протеже Шуазеля. Несмотря на почтенный — по сравнению с королевой — возраст (он родился в 1721 году), он был умен, обаятелен, дерзок, хорош собой, не лез за словом в карман, гордился длинным списком любовных побед и более всего заботился о собственном благосостоянии. Мать Безанваля была полькой, и современники писали, что барон унаследовал от нее мягкое славянское обаяние, перед которым не могла устоять ни одна женщина. С детства привыкнув видеть в мужчинах старше себя наставников, Мария Антуанетта сделала Безанваля своим доверенным советником и прислушивалась к его мнению почти так же, как к мнению аббата Вермона или Мерси. Королева даже поведала Безанвалю кое-какие подробности интимной жизни короля, и барон, не удержавшись, сочинил эпиграмму, которая долго гуляла по коридорам Версаля:

«Увы, король-то наш с изъязном» —
Так королева, к сплетне рьяна,
Шепнула своему дружку.
«Мадам, дав волю языку,
Сойдете вы за умницу едва ли» —
Так прозвучал ответ от Безанваля.

«...Барон де Безанваль, в преданности которого Ее Величество твердо уверена, слишком беспечен и слишком любит совать нос в чужие дела, поэтому королеве не следует доверять ему», — писал Мерси. Но так как королева не прислушивалась к тому, что говорили о ней у нее за спиной, барон оставался безнаказанным. Однажды, когда королева пригласила его в свой личный кабинет, он увидел в этом приглашении скрытый аванс и, войдя в комнату, бросился перед королевой на колени. Тогда, широко распахнув дверь, Мария Антуанетта ледяным тоном произнесла: «Встаньте, сударь. Король не узнает о вашем заблуждении, которое могло бы навсегда отлучить вас от двора». Безанваль остался в «кружке королевы», однако после этого случая между ними установились прохладные отношения.

В любимчики королевы на некоторое время выбился герцог де Лозен — «красавчик Лозен», — чьи полковничьи шпоры, по словам современников, звенели во всех альковах и, как поговаривали, даже в алькове королевы. Многие считали его самым наглым клеветником на королеву, ибо, когда королева поставила зарвавшегося герцога на место, он перешел в стан ее врагов и язвительностью своей немало способствовал падению ее репутации. В своих воспоминаниях он оставил не слишком приглядную характеристику королевы: «Ум Марии Антуанетты не был обширен, но она быстро схватывала чужие мысли. Она была не глупа, но по причине веселости характера сторонилась серьезного разговора. Ее занимали пустяки, сплетни, она была склонна к насмешкам. Желая ей угодить, придворные злословили в ее присутствии, и она, выслушивая дурные отзывы о других, нажила себе немало врагов». Не менее ироничны и его зарисовки короля: «Людовик XVI был добрым малым, однако нравом угрюмый и застенчивый. Когда во время публичной церемонии отхода ко сну с Людовика снимали рубашку, он мог начать почесываться на глазах у посланников и прочих придворных, мог вскочить и бегать в расстегнутых штанах, мог бросить орден в нос кому-нибудь из вельмож, мог начать драться или грубо хохотать. <...> Поведение сие происходило от потребности в физических упражнениях. <...> Людовик любил поесть. Встав в шесть утра, он интересовался, чем сегодня кормят, и вполне мог съесть четыре котлетки и цыпленка. Когда этого ему казалось мало, ему приносили яичницу из шести яиц и кусок ветчины. Запив сей завтрак полбутылкой шампанского, он отправлялся на охоту, откуда возвращался изможденный и снова ел». Лозен быстро сойдется с главным недругом

королевы — герцогом Орлеанским, как Орлеан, примкнет к левому крылу революционеров и в 1793 году сложит голову на гильотине.

Фаворитом двора Марии Антуанетты являлся герцог де Куаньи, полковник, получивший из рук Людовика XVI должность главного конюшего; так как Куаньи был старше королевы более чем на двадцать лет, та видела в нем друга и наставника; молва же приписывала ему любовную связь с королевой и даже отцовство королевского сына. В свиту Марии Антуанетты входили также полковник Валентин Ладислас Эстергази, венгр по национальности, принадлежавший к сторонникам Шуазеля, и полковник граф Адемар (почти ровесник Куаньи) интриган, неудавшийся дипломат, легкомысленный остроумец, умевший развлечь королеву и пользовавшийся покровительством клана Полиньяков. С помощью того же клана неперменным членом двора стал граф де Водрей — остроумный, изобретательный, циничный и алчный. Если верить пятнадцатилетнему пажу королевы де Тийи, Водрей никогда бы не снискал милостей у королевы, если бы не его любовница Жюли де Полиньяк, находившаяся полностью под его влиянием, что не могло не вызывать ревности у Марии Антуанетты.

Жюли де Полиньяк (урожденная Иоланда де Поластрон), или «злой демон» королевы, как называли ее некоторые современники, поистине поработила свою подругу Марию Антуанетту. Томный взор темных с поволокой глаз, постоянно полнившихся слезами, выразительное молчание, полуответы, понимать которые предоставлялось самому собеседнику, кротость, лень и полное отсутствие тщеславия — вот как описывали современники графиню де Полиньяк. Говорят, она обладала недурным голосом и королева любила слушать ее пение. Если верить баронессе Оберкирх, росту она была маленького, однако сложена дурно и сильно косолапила при ходьбе. Ко времени знакомства с королевой ей исполнилось 26 лет, но выглядела она гораздо моложе. Копна густых черных волос, крошечный носик, маленький рот с мелкими жемчужными зубками придавали ее облику что-то детское, ребяческое. Вялые натуры с мечтательными взглядами безудержно притягивали к себе королеву, казались ей наилучшими «жилетками» для женских излияний. Оба семейства, и Поластрон, и Полиньяк, состоятельностью не отличались, пример же Ламбаль, ради которой королева заставила восстановить никому не нужную должность, вдохновлял искателей фавора. Первая встреча состоялась в июне 1775 года, а спустя два месяца Мерси писал, что королева «привязалась к новой фаворитке гораздо больше, чем к предыдущей», и ему приходится ждать удобного момента, дабы открыть ей

глаза, что «графиня де Полиньяк не наделена ни умом, ни здравым смыслом, ни характером, необходимым, чтобы пользоваться доверием королевы». Но «открыть глаза» Мерси не удалось: королева была буквально без ума от новой фаворитки. «Когда я с ней, — говорила ее величество, — я перестаю быть королевой и становлюсь собой». Вскоре зашелестел слух, что королеву и Жюли де Полиньяк связывают отнюдь не дружеские отношения. Но, как писал Альмера, «бедная королева, уставшая от своего величия, желала всего лишь быть любимой и любящей женщиной»; поверяя подруге свои маленькие, незначительные секреты, бывшие для нее очень важными, королева не замечала клеветников, подстерегавших ее повсюду. Полиньяк умело пользовалась своим положением, чтобы пристроить и озолотить всех своих многочисленных родственников и своего любовника — графа де Водрея. Граф де Полиньяк в нарушение обычаев получил должность главного конюшего королевы, рассорив королеву едва ли не со всем родовитым дворянством Франции. Но, как писала Мария Антуанетта матери, она это сделала, «потому что граф — муж женщины, которую я бесконечно люблю». Любовь эта обошлась казне в дополнительные 80 тысяч ливров в год. Возмущенный Мерси писал: «Подсчитали, что за четыре года семейство Полиньяк, ничем не отличившись перед государством, а исключительно по причине благосклонности королевы, обеспечило себе как в виде должностей, так и в виде иных благодеяний почти пятьсот тысяч ливров годового дохода! Видя, как распределяются дары, все заслуженные семейства возмущены несправедливым к себе отношением; если так будет продолжаться дальше, протесты и разочарования резко приумножатся». Когда Полиньяк собралась выдать замуж свою двенадцатилетнюю дочь Аглаю, король под давлением королевы выделил в приданое девочке 800 тысяч ливров, что вызвало возмущение всего общества: обычная сумма приданого, выделяемого королем, не превышала восьми тысяч ливров. В 1780 году Полиньяк стал герцогом и генеральным смотрителем почт, а его супруга — герцогиней; в 1782 году Полиньяк доверили должность гувернантки королевских детей, «детей Франции». Прекрасно пристроились братья и сестры графини де Полиньяк, а сестра ее мужа Диана, особа мстительная, некрасивая и злобная, возглавила фрейлин Мадам Елизаветы. Водрею назначили пенсию в 30 тысяч ливров, а граф д'Артуа подарил ему земли стоимостью в 30 тысяч ливров... «К несчастью, все это правда, и слухи вокруг ходят самые дурные», — писал Мерси практически о каждой очередной синекуре или подачке для клана Полиньяков. Вместе с многочисленными родственниками Иоланда де Поластрон обходилась казне более чем в

полмиллиона ливров в год...

*

Неуемные развлечения дочери крайне беспокоили Марию Терезию, понимавшую, что пока королева не родит наследника, брак в любую минуту может быть расторгнут, тем более что, судя по донесениям Мерси, врагов дочь ее успела заработать себе немало, а значит, всегда найдется тот, кто готов запустить процедуру развода. Конечно, те же донесения извещали ее, что король любит и уважает королеву, стремится ей угодить и исполняет практически все ее желания. Но супруги по-прежнему спят в разных спальнях, а это совершенно недопустимо! «Вашей главной задачей, — писала она дочери, — является как можно больше времени проводить с королем, составлять ему компанию, быть его лучшим другом и доверенным лицом, стараться вникать в его дела, чтобы иметь возможность обсуждать их с ним и давать ему советы; он должен понять, что только в вашем обществе он чувствует себя наиболее приятно и надежно. Мы пришли в этот мир, чтобы делать добро людям, поэтому задача ваша очень важна; мы здесь не для самих себя и не для развлечения, а для того чтобы, отбросив искушения, приобрести царство небесное, кое просто так не достается: его надобно заслужить. Простите мне эту проповедь, но я обязана вам сказать: раздельная постель, прогулки с графом д'Артуа — все это меня крайне опечалило, ибо последствия сего мне прекрасно известны, и я не знаю, как мне поярче их описать, дабы спасти вас от бездны, куда вы стремитесь... не думайте, что я преувеличиваю». Но когда на Марию Антуанетту действовали проповеди, тем более проповеди матери из далекой Вены?! Она привыкла, что мать далеко, и слова ее, в сущности, остаются только на бумаге, вне зависимости от того, исполняет она ее повеления или нет. А став королевой, она и вовсе перестала читать неприятные для нее места в материнских письмах.

К концу траура королевская чета обосновалась в Версале и королева начала лихорадочно готовиться к приближавшемуся карнавалу. Первый бал состоялся в начале января 1775 года, затем последовал еще один и еще... Господин де Лаферте сбился с ног. Подготовка к балам-маскарадам занимала уйму времени и требовала усилий множества искусных портних, ибо для каждого бала полагались свои костюмы и свои маски: для одного — маски и костюмы лапландцев, для другого — индийцев, для третьего — костюмы XVI века... Балы были многолюдны, шумны и продолжались до

утра. Король до утра не выдерживал, уходил раньше, а королева неизменно танцевала до рассвета. С таким графиком о совместной постели речи идти не могло. Как подчеркивал Мерси в разговоре с королевой, король привык четко и методично выполнять то, что он задумал сделать за день, поэтому очень важно не нарушать его привычный распорядок дня, а из-за постоянных репетиций нарушения происходят почти каждый день. Королева советам не внимала и, подхватив насморк, воспользовалась этим легким недомоганием как предлогом и отказала королю в постели до конца весны. Как сокрушался аббат Вермон, «король по своему характеру молчалив, а тем более не склонен рассказывать о делах... королева видится с королем только во время трапез и в присутствии других членов семьи. И получается, что о многих вещах королева узнает только из разговоров придворных». Самой Марии Антуанетте казалось, что диалог с мужем у нее не получается по причине неспособности Людовика чувствовать, из-за его эмоциональной неразвитости, замедленного восприятия и неумения действовать эффективно. В чем-то она была права: возможно, именно из-за отсутствия страсти, будь то задор или гнев, Людовик оказался совершенно неприспособленным к насыщенной эмоциональным накалом революции. «Король, скорее, боится королевы, нежели любит ее, поскольку он выглядит гораздо более веселым и естественным в компаниях, где ее нет», — писал давний друг Морепа аббат Вери. Яркая, склонная к публичному проявлению чувств, королева завораживала Людовика, его тянуло к ней, и одновременно он испытывал робость перед этой красивой женщиной, легкой походкой скользившей по Версалью, пока он, нерешительный тяжеловес, пытался управиться с государственной машиной.

Первой ошибкой короля стало возвращение прежних парламентов (судебных палат), выступавших хранителями законов, обычаев и сословных привилегий. В обязанности Парижского парламента, в частности, входила регистрация королевских указов, но парламент мог заартачиться и указ не регистрировать. Тогда устраивали заседание «ложа правосудия», король лично являлся в парламент и сам вносил закон, который судьи были обязаны одобрить. Но чем ниже падала популярность монархии, тем более независимо вели себя парламенты. Спаянные корпоративным духом, они от имени народа начнут бороться против короля, и только дело об «ожерелье» откроет Людовику глаза на новую роль парламентов, которую они, почувствовав слабость государственной власти, на себя взяли. Но будет поздно. Не умея мыслить государственно и не имея собственных политических идей, все восемнадцать с половиной лет царствования Людовик XVI, устроившись на корме, будет плыть по

течению, обратив взор в прошлое.

Удачи и неудачи супруга на государственном поприще королеву не интересовали, точнее, у нее не хватало времени ими интересоваться. В начале января, втиснувшись между балов, состоялась новая постановка оперы Глюка «Ифигения в Авлиде». Когда хор начал петь «Позвольте нам прославить царицу нашу...», произошел очередной взрыв восторгов — зрительный зал вскочил и, обратившись к королевской ложе, зааплодировал Марии Антуанетте. Отовсюду неслись возгласы: «Да здравствует королева!» Многие плакали, включая королеву — она очень растрогалась. По окончании спектакля ликующая толпа долго эскортировала экипаж королевы, выкрикивая здравицы в ее честь и радостно размахивая руками и шляпами. Королева любила ездить в столицу, ибо, по словам Мерси, «всякий раз, когда она приезжала в Париж, горожане встречали ее громкими здравицами, и это несмотря на дороговизну хлеба и нищету, которая дурно влияет на настроение народа».

Неожиданно пришло радостное известие: в феврале в Версаль прибывал ее младший брат эрцгерцог Максимилиан; за то время, что они не виделись, он успел заработать прозвище «толстый Макс». Как повелось, эрцгерцог приехал инкогнито, под именем графа Бургау. По словам баронессы Оберкирх, придворный этикет Версаля был столь суров и высокомерен по отношению к иностранным принцам, что они всеми силами старались его обойти. Будучи инкогнито, они могли рассчитывать, что на приемах им будут оказывать почести, положенные им по рангу. Мария Антуанетта очень обрадовалась приезду брата, но радость вскоре омрачилась, так как братец повел себя совершенно неподобающим образом. Во-первых, он настоял, чтобы отвечать сестре по-немецки. Во-вторых, облачился в мундир, хотя ношение формы при дворе было запрещено. По воспоминаниям Кампан, весь визит эрцгерцога превратился в сплошную череду злоключений — прежде всего для королевы, ибо насмешки и косые взгляды адресовались главным образом ей. Грубоватый и бестактный Максимилиан остался равнодушен к произведениям искусства, с которыми его знакомили, а когда в Королевском ботаническом саду Бюффон преподнес ему том своей «Естественной истории», отказался его принять, сказав, что не хочет лишать ученого такой полезной книги. Парижане долго смеялись, вспоминая этот эпизод визита австрийского эрцгерцога. Особенно дурное впечатление на придворное общество произвел отказ Максимилиана первым нанести визит принцам крови — Орлеанам, Конде и Конти; посчитав себя оскорбленными, принцы все время пребывания эрцгерцога при дворе демонстративно его не замечали.

Истинной причиной раздора стали гордыня обеих сторон и его величество замысловатый Этикет. Если бы эрцгерцог приехал официально, то, будучи сыном и братом императора, он оказался бы по рангу выше принцев; но он прибыл неофициально, *инкогнито*, как простой иностранный граф, следовательно, первым сделать шаг навстречу надлежало ему. Королева поддержала претензии брата, отчего публика немедленно заявила, что королева отдает предпочтение Австрии, и за спиной ее величества вновь послышалось ехидное шипение: «Австриячка!» Особенно оскорбило парижан пренебрежительное отношение к Орлеанам, чей дворец Пале-Рояль располагался в самом центре столицы. В связи с этим мадам Кампан отметила любопытный феномен: чем дальше уходила корона от принцев Орлеанского дома, тем чаще парижане взирали на них как на прямых потомков славного короля Анри. Возможно, это происходило потому, что Филипп Орлеанский, регент при малолетнем Людовике XV, оставил после себя гораздо более яркую память, чем дед нынешнего короля. Теперешний наследник Орлеанов, герцог Шартрский, пытался во всем затмить славу регента, который, помимо многочисленных достойных талантов, отличался не слишком нравственным поведением. Желая поспособствовать примирению, придворная дама королевы мадам де Косее решила устроить бал, пригласив на него и принцев, и приезжего гостя; но королева ответила, что придется выбирать: или она с братом, или принцы. Мадам де Косее выбрала принцев... Чтобы как-то успокоить брата и сделать ему приятное, королева и братья короля устроили на прощание празднество в Версале, обошедшееся казне в 100 тысяч ливров. Или в 600 тысяч, как написал в своей хронике Башомон. Итог визита: встав на сторону брата (названного парижанами «дураком»), Мария Антуанетта поссорилась с Бурбонами и дала повод памфлетистам взять в руки перья. Но главное, как подчеркивал аббат Вери: «Все, кто знает, что королева крайне бестолкова, без труда видят, как она дискредитирует себя в глазах супруга, которому нельзя отказать в проницательности, а также в решимости не позволять никому взять над собой верх». А ведь в планы Мерси и Марии Терезии входило именно «взять верх». Впрочем, многие полагали, что в провале визита эрцгерцога повинен Мерси, который, говоря языком современности, плохо подготовил сей визит. После отъезда брата королева писала матери: «Дражайшая матушка, отъезд брата меня крайне опечалил; ужасно сознавать, что мы, скорее всего, больше не увидимся. <...> Надеюсь, о дразгах, начатых принцами, вскоре перестанут юворить, ибо эти люди постоянно ищут повод для раздора. <...> После отъезда брата король велел Орлеанам (кроме Шартра), Конти и Конде не приходить к нему ужинать

дней десять-двенадцать. Но вчера на ужин пришли Конде с сыном, и я разговаривала с ними как обычно. Принцы Орлеанский и де Конти не пришли, но только потому, что у них подагра. Я очень веселилась во время карнавала, но сейчас все закончилось. Мы возвращаемся к нашей повседневной жизни, и я стараюсь пользоваться каждой возможностью, чтобы говорить с королем, который по-прежнему относится ко мне очень дружелюбно». В письме — никакого накала страстей. Видимо, королева все еще боялась получить от суровой матушки нагоняй, а потому старалась писать полуправду.

Все, что скрывала или сглаживала Мария Антуанетта, императрица узнавала из писем Мерси. От посла она узнала, что, надавив на короля, Мария Антуанетта добилась от него обещания сделать маршалом герцога де Фиц-Джеймса, единственная заслуга которого состояла в том, что он пришелся ко двору компании, окружавшей королеву. Но когда король вынес его кандидатуру на совет, многие воспротивились, мотивируя тем, что есть много гораздо более достойных лиц. В результате, дабы угодить и нашим и вашим, король сделал маршалами сразу семерых, и в их числе Фиц-Джеймса. Насмешники тотчас прозвали новоиспеченных маршалов «семью смертными грехами».

*

Наиболее важным ожидаемым событием грядущего лета стала коронация, назначенная на июнь. Раньше помазание священным елеем совершалось не только для короля, но и для королевы (последней была помазана Мария Медичи в 1610 году), однако затем сложилась традиция короновать только короля, а королева лишь присутствовала на церемонии. Понимая, что помазание повысит престиж Марии Антуанетты в глазах публики, Мерси попытался убедить короля присоединить к церемонии и королеву, но Людовик на такой шаг не решился. Церемониал помазания на царство он считал сакральным действием, посредством которого заключается мистический союз монарха и народа. Только монарха. Впрочем, сей старомодный взгляд разделяли далеко не все подданные. Партия философов считала, что просвещенный суверен не должен придерживаться «языческих» обрядов. Тюрго выступал за упрощенную церемонию в Париже, дабы сократить расходы. Мария Антуанетта неожиданно проявила равнодушие и не поддержала Мерси в его демаршах. Но механизм был запущен: заказана новая коронационная корона (прежняя

оказалась тесна), в которую вставили самый крупный в государстве алмаз «Регент», а королеве начали шить церемониальное платье, обильно украшенное бриллиантами. Лаферте со своей командой отбыл в Реймс, дабы все подготовить к прибытию королевской четы и двора. Так, например, в апартаментах королевы, разместившихся в архиепископском дворце, оборудовали дорогостоящий английский ватерклозет. Дороги, по которым предстояло проследовать веренице придворных карет, а также мосты отремонтировали за счет дорожной повинности, которую Тюрго намеревался заменить денежным налогом. Жители Реймса, те, кто видел коронацию Людовика XV, говорили, что предстоящая церемония превзойдет ее во всем.

Пока шла подготовка к коронации, в королевстве разразилась «мучная война» — бунты, прокатившиеся по всей стране в ответ на реформу хлебной торговли, сопровождавшуюся отпуском цен на хлеб. Бунт докатился и до Версаля — в первых числах мая 1775 года голодная оборванная толпа подошла к большому дворцу и потребовала хлеба. Испуганный король вышел на балкон и, постояв в растерянности, пообещал вернуть твердые цены на хлеб — 2 су за фунт. Будучи близорук (увы, во всех смыслах), он вряд ли разглядел хотя бы одно лицо; перед глазами его колыхалась грозная рыхлая масса, потрясавшая палками и кулаками, и он в ужасе отступил. Успокаивая Марию Антуанетту, Мерси убеждал ее, что «в подобного рода критических ситуациях королеве совершенно необходимо прекратить или хотя бы умерить свои развлечения, кои происходят на глазах у общества, ибо, когда народ страдает, он ждет от своих повелителей сочувствия, и от степени сего сочувствия зависит степень преданности народа своим повелителям». А «Ее Величество уже три недели как безоглядно предается развлечениям, на что жители Парижа смотрят косо», — писал Мерси императрице. Первая волна народного гнева, задев короля, миновала королеву, поглощенную увеселениями на свежем воздухе — май месяц!

5 июня королевский кортеж выехал в Реймс, подальше от Версаля, от мятежного народа. Везде вдоль ровных, посыпанных песочком дорог выстраивались люди с зелеными ветвями и букетами в руках, дабы приветствовать короля. В Суассоне пришлось разрушить арку проездных ворот: парадная карета короля оказалась слишком высока. Реймс преобразился: кругом цветы, гвардия и мушкетеры в парадных мундирах, парадные облачения священнослужителей. Ранним утром 11 июня Мария Антуанетта в сверкающем платье отправилась в собор и заняла место на балконе.

Под звуки труб, барабанов и гобоев ровно в семь утра началась долгая торжественная церемония, восходившая к глубокой древности, ко временам двенадцати пэров Карла Великого. В сверкающей белой хламиде Людовик выглядел помолодевшим и величественным: королева даже не сразу узнала его. Дрожащим от волнения голосом Людовик произнес традиционную клятву, обещая защищать свой народ, править по справедливости и еще многое другое, столь же возвышенное и благородное. Глядя на супруга, у королевы из глаз бежали слезы. Она никогда не видела его таким взволнованным, в таком приподнятом настроении. Неужели она ошибалась, и муж ее наделен чувствительностью сверх всякой меры, и она сама виновата, что не смогла пробудить в нем сильных чувств? Церемония отвлекла ее от грустных мыслей. Она во все глаза смотрела на преобразившегося супруга, а тот время от времени поднимал голову, устремляя на нее величественный и умиротворенный взор. Наконец, облаченный в синюю с золотыми лилиями бархатную мантию, подбитую горностаем, со скипетром и рукой правосудия, король воссел на трон, архиепископ со словами «*Vivat rex in aeternum!*» взмахнул рукой, двери собора отворились, и с криками «Да здравствует король!» в собор хлынул простой народ. Под своды взлетели сотни выпущенных голубей. Горели тысячи свечей, блестела позолота, герольды раздавали памятные медали. «Я точно знаю, что никогда не испытывал подобного восторга, — писал герцог де Круа, — я был очень удивлен, обнаружив, что по щекам моим потоком струятся слезы». От волнения у королевы закружилась голова, и ей пришлось выйти на воздух. Когда, справившись со слезами, королева вновь показалась на балконе, ей зааплодировали. По окончании церемонии король и королева покинули собор, но еще час стояли в галерее, кивая и улыбаясь людскому морю, затопившему площадь. Однако у каждой медали есть своя обратная сторона. Стоя в тяжелой массивной короне и полном парадном облачении, Людовик пожаловался, что корона ему жмет, и кто-то тотчас вспомнил, что такие же слова произнес во время коронации Генрих III, погибший от кинжала фанатика Равальяка.

Рассказывая матери о коронации, Мария Антуанетта писала: «Коронация была великолепна. Казалось, все были в восторге от короля. <...> Я ничего не могла с собой поделать, слезы катились сами собой. Во время поездки я искренне восхищалась народным ликованием. <...> Я удивлена и в то же время чувствую себя счастливой, ибо спустя два месяца после мятежа и при нынешней дороговизне хлеба нас так тепло принимали. Во французах меня всегда удивляла способность поддаваться дурным внушениям и быстро возвращаться на путь добра. Глядя на людей,

которые, несмотря на собственные несчастья, по-прежнему хорошо к нам относятся, мы обязаны еще больше трудиться на их благо. Король испытывает те же чувства. Я знаю, что никогда (даже если проживу сто лет) не забуду день коронации». Могла ли королева, понимавшая, что дороговизна хлеба является бедствием для многих ее подданных, сказать свою печально знаменитую фразу: «Если у народа нет хлеба, пусть ест пирожные»? Вряд ли. Как пишет А. Фрэзер, подобную фразу приписывали и супруге Людовика XIV, и испанской принцессе Марии Терезии, и одной из дочерей Людовика XV. И говорилось в ней не о пирожных, как мы понимаем их сейчас, а, скорее, о бриошах, сладких булках, которые трудолюбивый парижский ремесленник позволял себе по воскресеньям.

«Мы не будем ничего широко праздновать, мы будем экономить, но, главное, мы подадим добрый пример народу, который много страдал из-за дороговизны хлеба. К счастью, появилась надежда: поля радуют глаз, и мы уверены, что после жатвы цена на хлеб упадет», — через месяц после коронации писала Мария Антуанетта матери, искренне уверенная, что если двор устроит на один бал меньше, получится большая экономия. К сожалению, отправив письмо, она уносилась в вихре развлечений и о своих благих намерениях забывала. Свадьбу Мадам Клотильды отпраздновали с королевским размахом. В залах возле заставы Вожирар дали ужин на 300 персон, а через два дня устроили грандиозный бал-маскарад, куда, как пишет П. Нолак, были приглашены более двух тысяч человек, протанцевавших до девяти утра следующего дня. И среди них словно блестящая легкокрылая бабочка порхала королева, обожавшая танцы и не любившая размышлять о чем-либо серьезном.

Скабрёзные сплетни, рожденные дворцовыми интригами, не затихали даже на время коронации. Не успела королевская чета отбыть из Реймса, как прошел слух, что королева в Реймсе снимала отдельный домик с садом, где по ночам устраивали оргии, а Мария Антуанетта в саду, в кустах, предавалась преступной страсти с неизвестным любовником. «Не знаю, был ли это принц, вельможа или простой дворянин, но он оказался настоящим Геркулесом в облике Адониса», — якобы рассказывала потом сама королева.

В постоянных домыслах об интимной стороне ее жизни была отчасти повинна сама Мария Антуанетта. В Реймс на коронацию приезжал Шуазель; его присутствие прибавило активности его сторонникам, все еще надеявшимся протолкнуть его на министерский пост взамен Морепа. Активисты осаждали королеву до тех пор, пока она не дала аудиенции их любимцу. Но так как все мероприятия в Реймсе были расписаны заранее, ей

пришлось известить об этом короля и в некотором роде попросить его согласия. В письме графу Розенбергу, состоявшему в свите эрцгерцога Максимилиана, королева похвасталась, как ей ловко удалось убедить мужа предоставить ей для встречи с экс-министром именно те часы, которые ей хотелось. «Вы, вероятно, слышали об аудиенции, которую я дала Шуазелю в Реймсе. Об этом столько говорили, что, боюсь, как бы старик Морепа не испугался, что ему придется уйти на покой. Вы прекрасно понимаете, что я не могла увидеться с Шуазелем без дозволения короля, но вы даже не представляете, сколь ловко я сумела представить дело... бедняжка сам предоставил мне самое удобное для меня время. Думаю, я мастерски сумела воспользоваться правами жены». Письмо это возмутило и императрицу, и Иосифа (которым его показал сам Розенберг). Особенно разозлило императрицу слово «бедняжка», небрежно брошенное в адрес короля. Конечно, она сама советовала дочери взять власть над мужем, однако делать это следовало незаметно для окружающих, а тем более не дискредитировать Людовика публично, ибо таким образом она дискредитировала самое себя. «Я с сожалением вижу, что продолжая изъясняться подобным образом, моя дочь ускоряет свою погибель. <...> Какой стиль, какой образ мыслей! Это лишь подтверждает мои тревоги; она торопит собственный крах, и хорошо еще, что стремясь к гибели, она сохраняет добродетели, приставшие ее рангу», — писала императрица Мерси.

Когда двор вернулся в Версаль, Мерси написал императрице, что встреча королевы с Шуазелем не возымела никаких последствий. Король своего отношения к бывшему министру не изменил, а королева, добившись своего, то есть разрешения на аудиенцию, тотчас переключилась на другое. Любые ее попытки вмешаться в работу государственной машины всегда диктовались личными симпатиями или антипатиями. Зная об этой особенности характера ее величества, Шуазель во время встречи вел себя предельно осторожно, ничего не просил для себя и всячески нахваливал королеву за поддержку графа де Гиня. А в конце беседы намекнул, что у ее величества есть два пути подчинить себе короля: либо кротостью, либо страхом. По словам Мерси, королева склонялась к последнему варианту: так как король робок от природы, путь сей мог оказаться вполне эффективным.

Дело графа де Гиня, светского льва, прекрасно игравшего на флейте, протеже Шуазеля и приятеля Марии Антуанетты, принадлежало к числу тех дел, вокруг которых возникал скандал именно из-за вмешательства ее величества. Граф несколько лет служил послом Франции в Лондоне.

Неожиданно прошел слух, что секретарь посольства мошенничал, прикрываясь именем Гиня. На Королевском совете Тюрго напрямую обвинил Гиня в передаче секретных сведений англичанам; Гинь опроверг обвинение, заявив, что информацию передавал его секретарь; секретарь ответил, что делал это по приказу начальника. Гиня отозвали, и он явился в Париж оправдываться. Так как с прямым обвинением Гиня выступил Тюрго, шуазе-листы увидели в этом шанс, наконец, покончить с реформами и убрать ненавистного министра, настроив против него королеву Тюрго вызывал недовольство не только у двора, но и у парламента, ибо покусился на привилегии и дворянства, и корпораций, а также на иммунитеты, исключения и бенефиции, касавшиеся приходов и провинций (то, что потом сделает революция — только уже не мирным путем). Сопrotивляясь парламенту, отказавшемуся зарегистрировать предложенные Тюрго реформы, король даже устроил «ложе правосудия»: явился в парламент и потребовал (безуспешно) зарегистрировать указы министра. Вопрос о привилегиях Марию Антуанетту не интересовал, но обвинение в шпионаже своего протеже королева стерпеть не могла и, разозлившись, пошла напролом. Король вяло сопротивлялся, выгораживая своего министра, королева рвала и метала. Ей было все равно, в чем обвиняли Гиня и насколько правдивы эти обвинения; ее возмущало, что какой-то министр посмел иметь собственное мнение! А когда Тюрго отказался выплачивать пенсион мадам д'Андло, родственнице ее любимой Полиньяк, королева и вовсе разъярилась. Желая показать свою власть, она решила, что король не только должен дать отставку Тюрго, но и препроводить его в Бастилию. Тюрго, понимавший, что отставки ему не миновать, отправил королю личное письмо, где нелицеприятно написал, что «слабому государю остается только выбирать между мушкетом Карла IX и эшафотом Карла I». Нерешительный Людовик не выдержал обрушившийся на него шквал негодующих голосов, среди которых громче всех звучали голоса фаворитов королевы. Заключение Тюрго в Бастилию у короля не поднялась рука, да и общественное мнение выразило недовольство: несмотря на непопулярность его реформ, Тюрго слыл честным и неподкупным. «Кроме вас и меня нет никого, кто бы принимал интересы народа близко к сердцу», — со слезами на глазах писал король Тюрго, перед тем как подписать приказ о его отставке.

Тем временем Верженн провел расследование, оправдавшее графа де Гиня. Мария Антуанетта убедила короля письменно выразить графу свое удовлетворение и пожаловать ему герцогский титул. Пойдя на поводу у жены, король со всем согласился, однако в записке к Верженну подчеркнул,

что Гинь не может оставаться на дипломатической службе. Но такие мелочи королеву не интересовали; главное, двор во всеуслышание заговорил о ее победе. Сторонники Шуазеля распустили слух, что не только торжество де Гиня, но и отставка Тюрго является делом рук королевы. Тотчас вспомнили, что королева была причастна и к отставке предыдущего министра королевского дома герцога де Ла Врийера. Правда, она хотела видеть на его месте бывшего начальника полиции Сартин и даже устроила королю сцену, но тот, невозмутимо выслушав ее, произнес: «Вы изложили мне ваши пожелания, и этого достаточно. Принимать решение — мое дело». Тогда на это место король назначил Ламуаньона де Мальзерб, но вскоре, едва ли не следом за Тюрго, к сторонникам которого принадлежал Мальзерб, отправил в отставку и его. С присущей ему невозмутимостью, граничившей с равнодушием, король без всяких видимых на то оснований принимал одно решение, а следом совершенно противоположное. Впрочем, как уже сказано, перспективные результаты своих демаршей королеву не интересовали, она жила днем сегодняшним и требовала все и сейчас. Законодательница мод, она сама была переменчива как мода, по крайней мере так казалось со стороны. «Милость, которую король только что явил де Гиню, даровав ему титул герцога, является делом рук королевы. В нем она повела себя с несвойственным ее возрасту умением и ловкостью. За все это время она прилюдно не сказала де Гиню ни единого слова. Все думали, что она забыла о нем, и внезапно убедились, сколь безграничным доверием короля она пользуется. Никто более не сомневается, что она имеет влияние на короля», — писал в своем донесении шведский посол граф Кройц.

*

В присутствии королевы молодежь грубо нарушала предписанные этикетом правила поведения, а королева поощряла нарушителей и сама тоже нарушала. «Как только эти дамы, которым за тридцать, позволяют себе появляться при дворе», — бросила однажды королева, вызвав возмущение «старого двора» и ревностных хранителей этикета. Защитники королевы, тотчас за нее вступившиеся, принялись всех убеждать, что речь шла исключительно об особах, скомпрометировавших себя излишне тесной дружбой с мадам Дюбарри, которых ее величество действительно старалась удалить от двора. «Наша королева, щедро одаренная всеми привилегиями своего юного возраста, еще не знает, как быстро летят года, и расценивает старость как нечто очень отдаленное», — философски

отметил в своей хронике Башомон. Всегда спокойный Мерси в растерянности писал императрице: «Я не могу и не должен скрывать от Вашего Величества, что вот уже несколько недель, как дела при дворе принимают неблагоприятный для королевы оборот, повергая меня в отчаяние. <...> Ваше Величество имеет все основания опасаться, что доверие, которым пользуется королева как у супруга, так и у народа, может в любой момент исчезнуть. В деле графа де Гиня король противоречит самому себе. Письма, написанные им собственноручно графу де Гиню и графу де Верженну, опровергают друг друга... известно, что возвышение Гиня произошло по воле королевы, оказавшей сильное давление на короля. <...> Из-за графа де Гиня Ее Величество хочет отправить в отставку и графа Верженна, и я не знаю, как отговорить ее от такого необдуманного поступка. Ваше Величество, без сомнения, удивится, когда узнает, что у Марии Антуанетты нет никакой заинтересованности в этом человеке, ставшем причиной стольких волнений. Решение загадки кроется в окружении королевы, объединившемся ради поддержки де Гиня». В ответ Мария Терезия отправила дочери гневное письмо: «...общественное мнение отзывается о вас не слишком лестно; говорят, вы запутались в мелких интригах, вами же сплетенных; на вашем месте это совершенно неподобающе. <...> Боюсь, вы только тем и заняты, что придумываете развлечения. Вы никогда не любили чтение и серьезные занятия, и меня это продолжает беспокоить. Я с радостью узнавала, что вы занимаетесь музыкой, и не забывала спросить, что вы читаете. Но вот уже год, как речи не идет ни о чтении, ни о музыке, я слышу только о беггах, об охоте без короля, но с неизвестно откуда взявшимися молодыми людьми, и это не может меня не беспокоить, ибо я вас нежно люблю. Ваши золотки так не поступают, и я хочу вам напомнить, что вам не пристало принимать участие в шумных развлечениях, если в них не принимает участия король. Вы говорите мне: “Он об этом знает, он их одобряет”. А я вам скажу, что король добр, а потому вы сами должны быть более осмотрительны и выбирать развлечения, подходящие для вас обоих. Ибо вы сможете обрести счастье только если союз ваш будет исполнен нежной и искренней дружбы». Обиженная Мария Антуанетта энергично оправдывалась, утверждая, что она всего лишь честно высказала свое мнение о людях, которыми «почти все были недовольны». И ни во что не вмешивалась. И очень далека от «происков и интриг». И «по-прежнему любит музыку и часто и с удовольствием ею занимается». И даже еженедельно устраивает у себя музыкальные вечера. «Вот уже два месяца, как нет никаких бегов. Король два раза в неделю ездит охотиться в Сент-Юбер, и я регулярно езжу

туда ужинать, а иногда даже и на охоту вместе с королем. Я всегда внимательна к пожилым людям, когда они приходят выразить мне свое почтение. Признаюсь, в моем личном окружении пожилых особ не слишком много, но разве я должна напоминать дорогой матушке, что свой двор я набирала не по признаку молодости, а по знатности происхождения, и все те, кто занимает у меня какие-либо посты, пребывают в возрасте от тридцати пяти до сорока, и даже старше. Я ничего не имею против своих золовок, мы живем с ними в полном согласии, но если матушка внимательно приглядится, сравнение будет в мою пользу. Графиня д'Артуа имеет передо мной большое преимущество, потому что у нее могут быть дети; но это единственное преимущество, которое называют, вспоминая о ней, и не моя вина, что я такового преимущества не имею. Мадам Прованс, конечно, умнее меня, но я бы не хотела поменяться с ней репутациями».

Резкий, желчный, склонный к морализаторству Иосиф еще более жестко отчитал младшую сестру — словно строгий учитель двоечника: «... дорогая сестра, я буду с вами предельно откровенен. <...> Насколько мне известно, вы вмешиваетесь в тысячу вещей, которые вас не касаются, которых вы не знаете. <...> Зачем, сестра моя, вы заставляете смещать одних министров, высылать других, отдавать министерство в распоряжение той или иной кандидатуры, создаете новые, разорительные для вашего двора должности? <...> Как вы не понимаете, что у вас нет права вмешиваться в дела правительства и французской монархии? <...> Откуда вы взяли, будто ваше мнение или суждение может вообще иметь какое-нибудь значение в делах государственных, требующих углубленных знаний? Какие знания вы приобрели? <...> Вы молоды и легкомысленны, и целыми днями напролет только и думаете, что о развлечениях, о туалетах и фриivolностях; вы не уделяете чтению даже четверти часа в месяц, не слушаете разумных речей и, уверен, вообще никогда не задумываетесь над тем, как вы поступаете и что говорите. Вы действуете под влиянием минутного импульса, на основании слов и доводов тех, кто находится под вашим покровительством; вы доверяете им настолько, что прислушиваетесь только к их советам, и ничьим иным. Как можно было написать столь неосторожные, неразумные и недопустимые строки, какие вы написали графу Розенбергу, когда рассказывали ему, как в Реймсе вы устроили себе встречу с герцогом де Шуазелем? Если подобное письмо случайно попадет в чужие руки или если у вас когда-нибудь вылетит подобного рода фраза — в чем я почти не сомневаюсь, — уверен, вас ожидают неприятности, и это причиняет мне бесконечные страдания, ибо я сердечно к вам привязан. Враги ваши — это те, кто подталкивает вас к

подобного рода демаршам, те, кто больше всего хочет разрушить влияние, которое вы могли бы иметь. <...> Ваш долг — заслужить дружбу и доверие короля. <...> Никогда не приставайте к министрам ни с делами, ни с рекомендациями, и всякий раз, когда вас будут просить вмешаться, не обещайте ничего, кроме того, что поговорите с королем; не пытайтесь давить, чтобы ускорить принятие решений, отвечайте только то, что велит вам король. А в свободное время читайте, займитесь делом, тренируйте ум...» Длинное письмо, написанное в июле 1755 года, в котором все, что в обтекаемой форме излагал Мерси, высказано прямо и без прикрас. Конец письма не сохранился, но оно явно было в несколько раз длиннее, ибо Иосиф намеревался поведать сестре, что надобно знать каждой мудрой женщине, а этого в двух словах не объяснишь...

Но Марии Антуанетте было всего 20 лет, и она жила чувствами, а не мудростью. Чувства выхода не находили, и ее бросало из стороны в сторону. Версальский двор всегда считался пристанищем галантных утех, призванных дарить наслаждение. «Если добродетель не делает нас счастливыми, то какого дьявола она существует», — усмехались философы. Королева хотела любить и быть любимой, хотела испытать чувственную любовь и радость материнства. Но Людовик не дал ей полноценного чувства, а о детях она могла только мечтать. Не зная, не понимая, что ей делать, чтобы желания ее исполнились, королева убивала время в вихре развлечений, в то время как дворцовая камарилья у нее за спиной смеялась над ее личной жизнью и обвиняла ее в непристойных похождениях. Бессмысленные победы, вроде награждения де Гиня титулом герцога, быстро забывались, и вновь требовалось что-то новое, отвлекавшее от грустных мыслей.

6 августа 1755 года у графини д'Артуа родился сын, что повергло королеву в отчаяние: безумно завидуя золовке, она не могла ничего изменить, не могла выразить истинные свои чувства. А когда роженица, узнав, что родился мальчик, закричала: «Боже, как я счастлива!» — королеве захотелось провалиться сквозь землю. Король сразу даровал новорожденному титул герцога Ангулемского. В то время королева даже помыслить не могла, что через много лет герцог Ангулемский станет супругом ее дочери. Нежно поздравив родственницу, она отправилась к себе; по дороге ей пришлось пройти буквально сквозь строй рыночных торговков, которые, используя право находиться во дворце во время событий государственной важности, визгливо кричали ей вслед, не стесняясь в выборе слов: «Когда же ты родишь нам наследника престола?» «Королева, крайне взволнованная, почти бегом примчалась к себе в покои, где

затворилась вместе со мной, чтобы поплакать, но не от ревности к счастью своей золовки, ибо на такое чувство она была неспособна, а от горя, которое причиняло ей ее положение», — писала мадам Кампан. Развязные повелительницы рынка выразили всеобщую озабоченность французов отсутствием наследника престола.

*

К концу года, по словам Марии Антуанетты, началась «настоящая эпидемия сатирических куплетов». «Куплеты сочиняют обо всех придворных, о мужчинах и женщинах, и в легкомыслии своем они затронули даже короля. Не пощадили и меня. Хотя злословие весьма распространено в этой стране, куплеты столь пошлы и дурного тона, что они не имеют успеха ни у народа, ни в приличном обществе», — оправдывалась королева перед матерью. Ей вторил Мерси: «...жалкие пасквильные стишки в этой стране сочиняли всегда и по любому поводу», ибо стихоплетство является «признаком легкомыслия сей нации». Но куплеты разлетались по всей Европе, и Фридрих II, которого его посол при Версальском дворе барон фон Гольц обильно снабжал памфлетами против Марии Антуанетты, даже велел тому осторожно намекнуть Людовику XVI, что супруга ему изменяет. Наибольшей популярностью в Париже пользовалась песенка, написанная от имени Марии Терезии:

Дочь моя, нужен наследник,
И не важно, кто будет посредник,
Из дворца иль из хижины бедной.
Но прежде, чем королю изменять,
Помните, надо вам точно узнать,
Что способен он стать отцом.

Через год, когда графиня д'Артуа родила дочь, королева совсем приуныла и впала в депрессию. У нее было все, но исполнить свое предназначение — стать настоящей женой и матерью — она не могла, причем, как это понимали уже и в Вене, не по своей вине. «Я в руках Господа, и я молю его изо всех сил, ибо понимаю, что не могу быть королевой Франции, не имея дофина», — писала она матери. Она отказалась от всех развлечений, перестала ездить в Париж, стала ходить в

церковь слушать проповеди и даже составила себе график добрых дел, расписав их на 50 лет вперед. Бертен создала для нее специальные темные платья с кружевными косынками, прикрывавшими плечи и грудь. Королева буквально грезилась ребенком: ей хотелось о ком-то заботиться, кого-то называть «дитя мое»... Повинуясь сиюминутному порыву, она взяла на воспитание деревенского малыша, которого чуть не задавила ее карета. Умиленные фрейлины отмыли мальчика, нарядили в шелк и кружева и, заменив простонародное имя Жак на аристократическое Арман, стали приводить к ее величеству каждый день к девяти утра, и он завтракал вместе с королевой. «Он мне не мешает», — говорила Мария Антуанетта всем, кто в недоумении взирал на обретавшегося в королевских покоях ребенка. Людовик при виде мальчика лишь пожал плечами. Он никогда не был речист, а чем больше подпадал под действие чар супруги, тем молчаливее становился, не в силах передать обуревавшие его чувства. За спиной его иногда даже называли Людовиком Молчаливым. Мария Антуанетта держала при себе малыша до тех пор, пока у нее не родилась дочь. Но и после королева не оставила его своими заботами: его, как и его сестер и братьев, отдали в пансион за королевский счет. Когда настанет революция, Жак-Арман, опасаясь, как бы ему не припомнили проведенное во дворце детство, станет одним из самых ярых санкюлотов и погибнет в сражении при Жемаппе. Благочестивого настроения королеве хватило ненадолго — благочестие требует сосредоточенности. Как только у нее появлялась не занятая какими-нибудь пустяками минута, ей в голову лезли невеселые мысли. Ей требовалось постоянно пребывать в состоянии эмоционального возбуждения, каждый шаг должен был сопровождаться выбросом адреналина, позволявшим забыть о невыполненном предназначении. Новым будоражающим кровь развлечением стала игра, в которую втянул ее «братец Шарло». «Хотя королева прекрасно знает графа д'Артуа и прекрасно осведомлена о его недостатках, однако притягательность устраиваемых им развлечений заставляет ее постоянно пребывать в его обществе, что чрезвычайно ей вредит, ибо поведение д'Артуа становится все хуже. Нет таких пороков, к которым он не был бы склонен. С недавнего времени он с азартом играет по-крупному, и уже основательно проигрался», — писал Мерси в Вену. При дворе играли всегда, даже «образцовая королева» Мария Лещинская любила играть, но она играла «по маленькой», все больше в каваньоль и лото. Мария Антуанетта увлеклась фараоном и ландскнехтом, играми, запрещенными при дворе из-за слишком больших ставок. «Игра одно из наиболее дурных развлечений, оно притягивает дурных людей и дурные речи... Особенно

много дурного притягивает фараон», — писала Мария Терезия, узнав от Мерси о новом увлечении дочери. В карты играли по вечерам, и это еще больше отдаляло королеву от короля, ибо тот, устав за день, предпочитал отправляться спать. Из-за игры финансовые проблемы Марии Антуанетты возросли, и хотя она играла не ради выигрыша, а ради процесса, партнеры ее своей выгоды упускать не намеревались. В те времена не считалось зазорным обогащаться за счет карточных выигрышей. Ярая противница этикета, королева допускала за игорный стол любого, кто был прилично одет и мог сделать ставку. Среди карточных партнеров Марии Антуанетты попадались шулера и проходимцы, выигрывавшие нечестным путем кругленькие суммы. Однажды, накануне своего дня рождения, когда двор отбывал в Фонтенбло, королева упросила короля разрешить устроить там игру. И сев за игорный стол 30 октября, встала из-за него только утром 31-го; к вечеру игра возобновилась и продолжалась до трех часов ночи. «... Королева много проигрывает, и это случается почти каждый день. Я обратил внимание Ее Величества на то, что, помимо веских оснований воздерживаться от игры вовсе, она играет столь беспечно и невнимательно, что неизбежно проигрывает; она согласилась; но мои увещевания последствий не возымели. Суммы, предназначенные на погашение долгов королевы и выдаваемые королем каждую неделю, частично идут на погашение ежедневных проигрышей, и ежели сей беспорядок будет продолжаться, королева попадет во вдвойне затруднительное положение, ибо не только увеличит свои долги, но и злоупотребит снисходительностью короля», — сообщал в Вену Мерси. А рукописные новости известили общество, что, желая развлечь королеву, герцог Шартрский за один раз проиграл 30 тысяч ливров.

Вопрос денег становился все острее, а слушать морали, которые при каждом удобном случае читал королеве Мерси, — все скучнее. Но недоволен был не только Мерси, недоволен был французский народ, подданные, в глазах которых их королева уже ничем не отличалась от «распутной девки» Дюбарри. Но Дюбарри цеплялась за короля, а Мария Антуанетта словно не замечала Людовика. На одном из балов его величество даже не смог найти себе свободного стула и ему пришлось довольствоваться половинкой, которую, подвинувшись, ему уступила какая-то дама. «То-то еще будет, — ворчал Морепа. — Наш народ привык, когда король торжественно вступает в зал в сопровождении гвардии в сверкающих мундирах...» И в этом он был прав. «Бедняжка», — презрительно бросали парижане в сторону Людовика XVI, «змея австриячка» — в сторону Марии Антуанетты.

К страсти к новомодным туалетам добавилась страсть к бриллиантам. В начале 1776 года королева втайне от короля купила подвески за 460 тысяч ливров (ювелир просил 600 тысяч, но ей удалось несколько снизить цену, попросив убрать по небольшому бриллианту из каждой подвески); не сумев вовремя заплатить всю сумму, она прибегла к великодушию короля, и тот безропотно оплатил счет. Затем, продав несколько собственных драгоценностей, она приобрела еще пару бриллиантовых браслетов стоимостью в 250 тысяч ливров. Разумеется, об этом стало известно Мерси, а от него — Марии Терезии, упрекнувшей дочь за транжирство. «Я ничего не сказала о браслетах, ибо не намеревалась злоупотреблять добротой моей матушки, отягощая ее такими пустяками», — написала королева в ответ на укоры матери. Любовь и ностальгия, страх и досада — Мария Терезия вызывала у дочери противоположные чувства. Она скучала по матери, по ее письмам, но, получая их, снова чувствовала себя маленькой девочкой, которая боится неодобрения строгой матушки, и досадовала, что шагу не может ступить без недреманного ока императрицы.

*

Постоянных расходов требовало любимое детище Марии Антуанетты — Малый Трианон. Маленький двухэтажный дворец с перистильями из четырех колонн со стороны сада и внутреннего двора, скорее не дворец, а павильон, расположенный в конце парка Большого Трианона. Рядом — настоящий ботанический сад, где выращивали экзотические растения, привезенные из заморских плаваний, и даже кофейные деревца, дававшие урожай. По воспоминаниям современников, Людовик XV во время ужинов в малых апартаментах лично варил кофе из зерен, созревших в его оранжерее. Увлечшись обустройством своего личного владения, королева быстро позабыла и о Шуазеле, и о шуазелистах с их претензиями. Праздная, без любви, без детей, назойливо преследуемая мыслью о своем невыполненном предназначении, она, наконец, нашла себе занятие по душе, занятие, требовавшее времени и не дававшее скучать. В Трианоне она забывала обо всех неприятностях. Уходила она туда, как подчеркивает Кампан, в сопровождении одного лишь лакея, и — в отличие от Версаля — не заводила в Трианоне многочисленной прислуги: ей вполне хватало привратника и его жены, которая при необходимости исполняла обязанности горничной. Обжившись на новом месте, Мария Антуанетта принялась обустраивать его согласно последним модным веяниям.

Регулярный французский сад Ленотра морально устарел, душные оранжереи с экзотическими растениями королеву не устраивали; в моду входили романтические английские сады с тщательно состаренными «руинами», живописные «китайские садики» с пагодами и павлинами. Переобустраивая парк вокруг дворца, королева создавала территорию, свободную от протокола и этикета, территорию частной жизни.

Повелев убрать оранжереи, она невольно погубила множество экзотических растений, не выдержавших переезда в Королевский ботанический сад. Садовник Антуан Ришар, в чьем ведении находился сад Трианона, заболел от горя и возненавидел королеву. Место «управляющего садами королевы» занял маркиз де Караман, устроивший в своем имении в Руасси английский сад, отвечавший вкусам ее величества. Вспоминая парк в Шёнбрунне, отца, любившего разбивать сады, Мария Антуанетта лично приняла участие в оформлении парка, явив утонченный вкус и невыполнимое желание сделать все и сразу.

Никаких отсроченных удовольствий. Фантазии королевского архитектора Мика и певца руин художника Юбера Робера пришлось королеве по душе, она приветствовала и деревянный мостик с узкими выгнутыми пролетами, и изящный, похожий на шкатулку, павильон Бельведер, отразившийся в зеркале вод, и Храм любви, где в окружении коринфской колоннады под легким куполом установили статую «Амура, делающего себе лук из палицы Геркулеса» работы Бушардона... Потом появятся Театр, Хижина... Прекрасная мечта осуществилась. Словно фея, в легком, специально сшитом для Трианона платье она порхала по саду, куда скучным людям хода не было. Оставив в Большом дворце корону, суровые требования этикета, навязчивых придворных, официальные приемы, публичные обеды и ужины, в своих маленьких владениях королева принимала только близких друзей.

Время от времени работы в Трианоне приходилось останавливать из-за нехватки денег; особенно часто денег не хватало, когда казной заведовал Тюрго, прилагавший все усилия для ограничения сумм, требуемых на переустройство Трианона. Впоследствии говорили, что к несусветным тратам королеву якобы подталкивал Мерси, желая, таким образом, проверить, насколько велика ее власть над королем, и убедить всех, что король слаб и не в состоянии противостоять капризам супруги. «Равнодушный к тому, какие развлечения придумывает себе королева, Людовик XVI никогда не разговаривал с ней серьезно, а только отшучивался», — писал барон фон Гольц. Согласно подсчетам Мерси, в начале 1777 года личные долги Марии Антуанетты составляли 487 тысяч

272 ливра, а всего с 1774 по 1789 год королева истратила пять миллионов ливров; за этот же период долги обоих братьев короля составили 28 миллионов, которые Людовик оплатил точно так же, как и расходы Марии Антуанетты. По сравнению с королевской семьей сумма получилась довольно скромная. В Версале тратили, а в Париже пели:

Кутеж и контрданс —
Вот королевский шанс
Раздеть народ до нитки;
Мы в мотовстве-то прытки...

«Вы покидаете короля на всю ночь, бросаете его в Версале, а сами, смешавшись с толпой, веселитесь вместе с парижским сбродом! Когда у вас наконец откроются глаза, вы сами придете в ужас... подумайте только, какое представление сложится у публики о ваших вкусах, о вашем рассудке...» — гневался на сестру Иосиф. Анонимный наблюдатель сообщал в Вену, что королева «часто не оказывает знаков внимания тем, кто вправе их от нее ожидать, а именно знатым вельможам и министрам, послам и министрам иностранных дворов, а также иностранным гостям, с которыми она не считает нужным даже перемолвиться словом». Она небрежно «обращается с королем, называет его *бедняжкой* (это слово время от времени слетало у нее с уст), считает, что может распоряжаться им по своему усмотрению и использовать его для своих личных целей. Король не располагает к себе, его манера вести себя далека от совершенства, он говорит плохо и мало, признает превосходство королевы и позволяет ей ясно это показывать. Она совершенно очевидно не любит его, да это было бы трудно, однако ей приятно сознавать, что он относится к ней снисходительно и даже почтительно, поэтому, несмотря на различие темпераментов, характеров и вкусов, они вполне ладят, чего и следовало желать. <...> Но у нее все отчетливее прослеживается стремление к абсолютной независимости. <...> Иных мыслей у нее, похоже, нет; помимо этого желания, она более ни о чем не думает, а то, как она использует свою независимость, подтверждает наши выводы, что она стремится только развлекаться или заниматься разными пустяками...». Наблюдатель, чей подробный отчет был переписан секретарем австрийского кабинета Пихлером, сообщал также, что когда королева «хочет угодить кому-либо, она действует необычайно ловко, но в целом похоже, что ее либо боятся, либо уважают, но не любят, хотя во всем, что касается чувств, во Франции

нельзя ни в чем быть уверенным, ибо умы здесь готовы в любую минуту броситься из одной крайности в другую. <...> В сущности, вполне естественно, что, прибыв во Францию в очень юном возрасте, она приобрела тон и вкусы здешней нации, а потому ищет и находит удовольствие в посещении общества, которое в этой стране называют хорошей компанией. <...> Кажется, она еще не знает, что такое настоящая дружба, а ее предпочтения, до сей поры недолговременные, являются скорее *привязанностями*, как их именуют во Франции...».

Злые языки порождали новые сплетни, ядовитые перья сочиняли куплеты, в которых полоскали белье королевской семьи:

«Во дворце недород, —
рассуждает народ, —
королева-то как убивается.
Может, хер не встает?
Иль не хер, а фагот
В королевских кюлотах болтается?»
А мамаша Муши
на другое грешит,
мол, из хера вода выливается.

Растущее недовольство поведением сестры и явные нелады у нее в семье побудили Иосифа совершить наконец давно задуманную поездку в Версаль. С одной стороны, королева скучала по родным, а с другой — понимала, что брат беспощадно выскажет ей все, и скрыть от него свою личную жизнь ей не удастся. Она уже не раз получала от него нагоняй в письмах. Недоумевая, какова истинная причина приезда императора, Людовик писал Верженну: «Сейчас мы ничего не можем сделать, кроме как быть настороже, когда прибудет гость из Вены». А Мария Терезия напутствовала Мерси: «...легкомысленное и необдуманное поведение моей дочери по-прежнему вызывает беспокойство. Особую тревогу вызывают дурные подданные, которых она принимает в своем узком кругу. Вы можете рассказать об этом императору, однако скройте от него, что вы сообщили мне их имена; ему вы, бесспорно, можете назвать их, например, герцога де Лозена, графа Эстергази и прочих, поведав ему, сколь неподобающе их поведение и какие интриги они затевают, чтобы внушить моей дочери свои пагубные взгляды». Дочь также не осталась без наставлений: «...вы должны говорить с императором совершенно искренне

обо всем, что касается короля, королевы, королевской семьи, министерства, двора, особо достойных людей, о стране и обо всем, что заслуживает внимания». В ответ Мария Антуанетта писала: «Моя дорогая матушка, я исполнена надежды вскоре увидеть брата. <...> Уверена, его приезд будет полезен всем; зная его скромность, я буду с ним совершенно откровенна. <...> Король также будет рад увидеть его и говорить с ним. <...> Я уверена, что знакомство короля с братом пойдет исключительно на благо общества». Убеждая всех, что приезд брата-императора сулит только радость и благость, Мария Антуанетта боролась с жившим в ней детским страхом вызвать недовольство старших. Ибо, когда она рассталась с братом, тот уже был императором, а она — всего лишь младшей сестрой. К тому же мягкостью Иосиф II отнюдь не отличался. Вот что писал о нем барон Гляйхен: «Он был очень энергичен, необычайно деятелен, и успевал более, чем иной человек на его месте; но в его активности был один недостаток — он суетился по мелочам, все время торопился, и действие у него иногда бежало впереди мысли. Он... был терпелив, когда ему противоречили; был добродушен, общителен, любезен со своим кругом, однако у него не было ни фаворитов, ни любовниц, ни любимых министров, которым бы он особенно доверял. Он много говорил, как было свойственно представителям его дома, однако приятно, складно, особенно в семейном кругу. <...> Его главным недостатком было отсутствие великодушия.

Он полагал, что если он всего себя посвятил государству, то и другие должны поступать так же. Он брал пример с Фридриха II и надеялся стать “дешевым монархом”». Как и Мария Антуанетта, Иосиф постоянно чувствовал себя под надзором Марии Терезии и понимал, что несмотря на императорский титул он все равно играет вторую роль при своей прославленной матери. Чтобы хоть как-то выделиться, он стал демонстративно презирать роскошь, избрал себе роль человеколюбивого и справедливого императора. Каждый свой скромный выход на улицы Вены в неприметном сером костюме он обставлял так, что все заранее знали, когда император инкогнито отправится кого-нибудь облагодетельствовать, знали и восхищались его скромностью — что и требовалось доказать. «Впрочем, — писал Мерси, — последнее письмо императора немного успокоило королеву, ибо в нем он пишет, что приезжает сюда не для того, чтобы высматривать и критиковать, а уж тем более не для того, чтобы поучать; единственная его цель — это повидать свою августейшую сестру». Мерси собирался повсюду сопровождать императора, однако все время пребывания Иосифа в Версале пролежал дома с сильнейшим приступом геморроя.

Император прибыл 18 апреля 1777 года инкогнито, под именем графа Фалькенштейна. В простом костюме, он остановился в недорогой гостинице. Не желая обременять себя протоколом, он хотел быть свободным в своих передвижениях и поступках. Одни приветствовали позицию Иосифа, другие полагали, что таким поведением он выразил свое отрицательное отношение к удушающей версальской роскоши. Сочинили даже стишок, где говорилось, что граф Фалькенштейн «явил величие без роскоши, в то время как Версаль являет роскошь без величия». Но большинство при дворе лишь разводило руками: идеалом монарха для них по-прежнему являлся Людовик XIV, а значит, и окружавшая его роскошь и парадность.

Утром, а вставал он рано, император отправился во дворец; там в Мраморном дворике его ждал аббат Вермон, дабы проводить к королеве. Встреча была необычайно трогательной, брат с сестрой обнялись, а потом долго молчали, любуясь друг другом. Иосиф восхищался красотой сестры; он помнил ее угловатым подростком, а теперь перед ним предстала молодая женщина с величественной осанкой и ослепительно белой кожей. «Если бы она не приходилась мне сестрой, я бы без колебаний женился на ней, дабы обрести столь прекрасную спутницу жизни», — скажет он. Затем королева увела брата в дальние покои, и там они два часа беседовали наедине. Похоже, Мария Антуанетта рассказала брату обо всем: о пристрастии к игре и странной супружеской жизни, о мечтах о ребенке. Затем они вместе направились к королю, и тот тепло принял шурина. Все шесть недель визита Иосиф завтракал и ужинал с сестрой и королем, гулял с ними по прекрасному Версальскому парку, упрекал сестру за пристрастие к румянам и высоким перьям. «Черт побери, сударыня, ваша голова слишком легкомысленна, чтобы носить корону!» — однажды, не удержавшись, воскликнул он. Мария Антуанетта повела его в салон мадам де Гемене, где шла игра, после чего Иосиф заявил, что двор превратился в притон и, если они не сумеют остановиться, «революция будет беспощадна». Вспомнил ли он впоследствии свои слова, оказавшиеся пророческими?

Иосиф не ставил себе больших целей политического характера, он лишь намеревался оценить перспективы альянса. Общество графа Фалькенштейна встретило восторженно, почти как Бенджамин Франклина, год назад прибывшего из Америки просить помощи для инсургентов. С тех пор борьба Американских Штатов за независимость стала одной из основных тем дискуссий в обществе: ее рьяно обсуждали и монархисты, и сторонники английской парламентской системы, и дерзкие поклонники «Общественного договора» Руссо, выступавшие за республику.

Графа Фалькенштейна также спросили, поддерживает ли он повстанцев, выступивших против власти английского короля. «Мое ремесло обязывает меня быть роялистом», — шутливо отвечал император. Если верить мадам Кампан, королева «никогда не скрывала своего неприятия войны в Америке... где слова “король” и “королева” были ненавистны». Однако для многих знатных молодых людей, уверовавших в идеалы просветителей, паразитический образ жизни придворной знати стал скучен и неприемлем; бегство в Америку сражаться против Англии, извечного соперника Франции, казалось им наилучшим выходом.

Для французской монархии главным событием визита Иосифа стала его беседа с Людовиком XVI, но не как с королем, а как с мужем сестры, ибо разговор шел в основном об интимных проблемах Людовика. Насколько откровенным он был? Мерси утверждал, что король чистосердечно поведал императору о своих неудачах. Однако замкнутый характер его величества не предполагал, что он способен разоткровенничаться с человеком, которого видел впервые. Тем не менее говорят, что именно Иосиф склонил Людовика к небольшой операции, о необходимости которой задолго до визита говорил доктор Лассон и которой король очень боялся. Хотя многие историки полагают, что операция не состоялась, ибо, судя по дневнику Людовика, он не прекращал ездить на охоту; в случае же операции, пусть даже небольшой, ему пришлось бы на время отказаться от любимого занятия.

В письме брату Леопольду, великому герцогу Тосканскому (будущему императору Леопольду II), Иосиф откровенно описал супружескую жизнь мужа сестры: «Собственно говоря, у него нет ни физических, ни умственных недостатков, просто *fiat lux* еще не настало. <...> В супружеской постели у него наступает нормальная эрекция, он вводит член, остается там примерно две минуты неподвижно, а потом, не испытыв разрядки, извлекает член и желает супруге доброй ночи. У него случаются ночные поллюции, при этом он доволен, ибо он исполнил свой долг, хотя и не получил никакого удовольствия. Ах, если бы я хоть раз смог бы присутствовать при этом, я бы все уладил! Его надо бы отлупить, чтобы он от ярости разрядился, как осёл. Моя сестра ничего не испытывает; и оба они напоминают двух неуклюжих болванов». Если выводы Иосифа верны, становится понятным, почему Мария Антуанетта избегала проводить ночи с супругом: она наверняка чувствовала себя униженной. В целом характеристика, данная Иосифом Людовику, вполне положительна: «Это человек слабовольный, но совсем не глупый. У него есть собственное мнение и способность рассуждать, однако он апатичен и телом, и духом. Он

здорово мыслит, но не склонен углублять свои знания, и не любознателен; одним словом, свет еще не воссиял, материя пока пребывает в хаотическом состоянии». Однако методы управления молодого короля Иосиф не одобрял: «Каждый министр является полноправным господином в своем министерстве, и тем не менее он пребывает в постоянном страхе не от того, что монарх станет им руководить, а от того, что его отправят в отставку. Поэтому каждый делает все, чтобы сохранить за собой место, и творит добро только в том случае, если оно служит вышеуказанной цели. Таким образом, король меняет одного раба на другого».

О Марии Антуанетте император отзывался и вовсе резко: «Королева очень хорошенькая, но у нее ветер в голове. <...> Она думает только о развлечениях и не питает никаких чувств к королю, она окончательно потеряла голову в вихре развлечений и не исполняет обязанностей ни женщины, ни королевы, а как женщина она полностью игнорирует короля. <...> Как королева, она не признает никакого протокола. Она в одиночестве покидает дворец, в сопровождении всего лишь нескольких придворных, без надлежащей свиты и охраны. Однако она добродетельна, но, скорее, по натуре, чем по убеждению. <...> Вихрь развлечений, в центре которого она находится, мешает ей видеть и думать о чем-либо ином, кроме как порхание от одного удовольствия к другому. Все, кто ее окружают, изо всех сил стараются удержать ее в этом неистовом кружении; ну, и как могу я один противостоять им?»

31 мая Мария Антуанетта устроила в честь отъезда брата прощальный бал, впервые осветив факелами разбитый ею в Трианоне английский сад. По словам мадам Кампан, не все желающие смогли посмотреть праздник огней и, обидевшись, распространили слух, что для освещения парка королева истребила целый лес. Когда возмущенная королева потребовала точно сказать ей, во что обошлось в тот вечер освещение парка, ей ответили: «В полторы тысячи вязанок хвороста».

За время пребывания в Версале император составил наставления для сестры, которые и вручил ей перед отъездом. По выпендренному стилю они отчасти напоминали назидания императрицы, по форме же — обвинения в пренебрежении долгом супруги и королевы. С помощью этого рескрипта обеспокоенный брат хотел направить на путь истинный свою безалаберную и ленивую, но, в сущности, добрую, порядочную и не слишком мудрую сестру. «Что вы делаете здесь, во Франции, по какому праву вас должны здесь уважать и почитать? Как подружку короля? Заслужили ли вы место в сердце короля, заслужили ли его уважение? Проверьте себя. Используете ли вы все способы, чтобы покорить его? Знаете ли вы его желания, его

характер, чтобы потакать им? <...> Попытались ли вы стать нужной ему, убедили ли его, что никто не любит его столь искренне, как вы, что никто, кроме вас, так не печется о его славе и о его счастье? Видит ли он привязанность вашу, подавляете ли вы желание иной раз блеснуть самой в ущерб ему? <...> Жертвуете ли для него чем-нибудь? Молчите ли о его ошибках и слабостях? Прощаете ли их ему, заставляете ли умолкнуть тех, кто решается намекнуть на них? — писал Иосиф, в надежде помочь сестре и ее мужу наконец установить нормальные супружеские отношения и родить наследника. — Не бываете ли вы рассеяны или холодны, когда он ласкает вас? Не выказываете ли вы усталости или, хуже того, отвращения? Неужели вам хочется, чтобы вас любил мужчина холодный и равнодушный? Близость требует от вас внимания к супругу, все, что вы сделаете для достижения этой цели, тесно связано с вашим будущим, с вашим счастьем. Никогда не отталкивайте его, поддерживайте в нем надежду, что у вас будут дети, и никогда не отчаивайтесь. Избегайте отдаляться от супруга, всегда спите в одной постели, и помните, все зависит от вашего очарования и от вашего дружелюбного к нему отношения. <...> Чем серьезнее настроен король, тем больше должен подражать ему ваш двор. Вы когда-нибудь задумывались о последствиях ваших визитов к дамам, у которых собирается пестрая компания, не заслуживающая уважения?»

С великим возмущением Иосиф обрушился на друзей сестры. По его мнению, пресловутая Жюли де Полиньяк была достойна исключительно презрения, а граф Прованский и граф д'Артуа произвели на него крайне неприятное впечатление. «Месье совершенно непостижимая личность; от него веет смертельным холодом. Мадам дурна собой, толста и склонна к интригам»; «Граф д'Артуа настоящий петиметр. А жена его, единственная, кто рождает детей, непроходимая дура», — писал он брату. По мнению Иосифа, так называемые друзья пристрастили сестру к игре, чтобы извлекать из этого собственную выгоду, на что королева философски заметила: «Сладостно иметь друзей; однако в моем положении очень трудно сделать так, чтобы друзья наших друзей также были нас достойны». Но император не унимался. «Думали ли вы хотя бы раз, какое скверное воздействие могут оказать и оказывают на общественное мнение ваши связи и ваша дружба с людьми далеко не безупречными? Невольно возникает подозрение, что либо вы одобряете их порочные привычки, либо сами заимели таковые. <...> Взвесили ли вы ужасные последствия, к которым может привести азартная игра из-за дурного общества, из-за тона, который задается этим обществом? <...> Вспомните, что король не играет,

а когда вы единственная во всей семье придерживаетесь столь скверной привычки, это действует как вызов. Сделайте над собой усилие, и все станут вас превозносить».

Иосиф заклеил обожаемые королевой балы-маскарады, которые с 1715 года устраивали в Опере во время карнавала (начиная с 31 декабря и далее два раза в неделю на все время карнавала). Но если сначала на эти балы допускали лишь избранную публику, к тому времени, как их стала посещать Мария Антуанетта, купить билет и приобрести маску и простенькое домино мог любой, невзирая на звание и сословие: «Подумайте также о неприятностях, связанных с маскарадами в Опере, с дурными похождениями, о которых вы сами мне рассказывали. Не стану скрывать, что из всех развлечений маскарад, безусловно, самое неподходящее, и то, что вас туда сопровождает деверь, положения не меняет. Какой смысл казаться там незнакомкой, изображать из себя неизвестно кого? Неужели вы и вправду считаете, что вас не узнают? Не понимаете, что многие преднамеренно говорят неподобающие для вашего уха вещи, а потом убеждают вас в непредумышленности сказанного и утверждают, что хотели позабавить вас? Само место, где проводятся маскарады, имеет дурную репутацию. Что вы там ищете? Достойного собеседника? Но маска исключает его, а вести приличный разговор с друзьями там невозможно. Танцевать тоже нет возможности; тогда зачем эти похождения, это недостойное поведение, зачем смешиваться с толпой распутников и непотребных девиц, с иностранцами, слушать их речи и, возможно, самой заводить не приставшие вам разговоры? Скажу вам честно, из-за этого все те, кто вас любит и хорошо о вас думает, возмущаются более всего. Ночью король спит в Версале, а вы в это время развлекаетесь в обществе парижской черни!» Выразив негодование поведением сестры, император призвал ее «сбросить с глаз повязку, препятствующую ей увидеть, в чем состоит ее долг и ее истинное счастье», и помнить, что она «прежде всего является королевой Франции».

Иосиф уговаривал королеву заменить «так называемые развлечения» более полезным занятием, а именно чтением. Будучи в Версале, он исследовал библиотеку королевы и с удивлением обнаружил, что там нет трудов ни по финансам, ни по управлению, нет сочинений ни Сюлли, ни Кольбера. «Вот почему они продолжают ошибаться в управлении страной», — недовольно пробурчал император, а потом, держа за пуговицу Кампана, супруга преданной фрейлины Марии Антуанетты и одновременно библиотекаря королевы, он около часа говорил ему, какие книги должны непременно находиться на полках ее величества. Приутившись читать

серьезные книги, говорил император, сестра сама не захочет вести рассеянный образ жизни и убивать время, посещая не приставшее ей общество, кое она сама же и презирает. Если сестра станет уделять чтению хотя бы два часа в день, то «за время этих двух спокойных часов она сможет поразмышлять и обдумать, чем следует, а чем не следует занимать оставшиеся двадцать два часа».

Иосиф покидал Версаль, переполненный теплыми чувствами к сестре; Мария Антуанетта со слезами на глазах попрощалась с братом. Вечером того же дня у королевы случился нервный припадок, и доктор Лассон напоил ее ипекакуаной и прописал ванны. А утром она отправилась в Трианон и надолго затворилась там, принимая исключительно близких ей женщин — принцессу де Ламбаль и мадам де Грамон. Помня, как дурно отозвался брат о Полиньяк, она не рискнула призвать ее. Впечатлительная, мгновенно вспыхивавшая и быстро гаснущая, Мария Антуанетта преисполнилась решимости выполнять все заветы брата. Несколько дней подряд она успокаивалась, принимая ванны.

«Я с трудом покидал Версаль, ибо успел несказанно привязаться к сестре. Там я снова обрел давно утраченный вкус к жизни. Она мила и очаровательна; я провел с ней много часов, и все они пролетели незаметно. При отъезде она расчувствовалась, однако держалась достойно; мне пришлось сделать над собой невероятное усилие, чтобы отдать приказ трогать», — писал Иосиф после прощания с сестрой, заставившей его почувствовать тепло человеческих отношений. Согласно в глубине души с братом, Мария Антуанетта решила встать на праведный путь. В письмах матери, летевших в Вену после отъезда Иосифа, Мария Антуанетта писала, что высоко оценила советы брата и намерена всегда держать их под рукой: «...уверена, он желал мне счастья, все его советы подтверждают это». «Продолжайте исполнять советы вашего друга и брата, и скоро вы увидите их благотворное воздействие», — отвечала Мария Терезия.

Пока королева, находясь в разладе сама с собой, то совершала эскапады с графом д'Артуа, то переживала приезд брата, король пытался справиться с управлением государством. Жалея об отставке Тюрго, он назначил генеральным контролером финансов женева банкира Неккера. Так как Неккер был протестантом, в названии должности пришлось изменить слово «контролер» на «директор». Скромным образом жизни и широкой благотворительностью Неккер успел завоевать популярность у французов. Приняв предложенный ему пост, он первым делом попытался урезать расходы на содержание двора. А вскоре возникла еще одна немалая статья расходов. 4 июля 1776 года американские

инсургенты приняли Декларацию независимости, объявив себя самостоятельным государством. Декларация признавала всех людей равными и наделенными неотчуждаемыми правами на жизнь и свободу. Идея всеобщего равенства, красной нитью проходившая в сочинениях Руссо, находила во Франции широкий отклик. Увидев в Соединенных Штатах Америки воплощение государства равенства, многие французы отправились за океан сражаться за свободу и равенство. Будущий генерал революции Лафайет на свои деньги снарядил парусное судно «Виктория», прибыл на нем в Америку и передал его в распоряжение конгресса. Марии Антуанетте не было дела ни до инсургентов, ни до непоседливого маркиза, устремившегося за океан воевать за непонятную ей свободу без королей. Она обрела свободу для себя и не задумывалась, почему все большее число восторженных ее почитателей переходили на сторону ее хулителей. Когда генерал Лафайет выступит на сцене революции, Мария Антуанетта его возненавидит; каждая их встреча будет вызывать у нее исключительно недобрые чувства.

Общество активно поддерживало американских инсургентов; великий Бомарше, уже автор «Севильского цирюльника», но еще не написавший «Женитьбу Фигаро», организовал поставку оружия в Америку. Верженн, сторонник традиционной антианглийской политики (в этом он следовал в фарватере Шуазеля), убеждал короля подписать договор с Франклином и тем самым официально признать новое государство и начать войну с Англией. Король долго колебался: можно ли поддерживать еретиков-протестантов, отвергающих власть монарха? И все же он сдался. Но Верженн ли уговорил его, или же недоверчивый и нерешительный монарх попросту проникся симпатией к Франклину, ученому и дипломату, обладавшему поистине энциклопедическими знаниями? Франклин не стеснялся появляться на публике без парика, в меховой шапке и скромном костюме любимого королем коричневого цвета. Чем не фермер с Дикого Запада? Но после кузнечных и слесарных работ, с руками, черными от железной пыли, Людовик тоже мало напоминал короля. «Король выглядел почти как деревенский фермер, этакий неотесанный и крепкий парень двадцати пяти лет», — писал современник. Так что, возможно, коричневый сюртук Франклина сыграл не последнюю роль в получении согласия короля на подписание договора с Соединенными Штатами. Заключив 6 февраля 1778 года наступательно-оборонительный союз с молодым заокеанским государством, Франция одновременно вступила в противоборство с Англией. Испания, связанная с Францией узами Семейного пакта, попыталась поторговаться с Англией, пообещав

нейтралитет, если ей отдадут Гибралтар. Англичане на уступки не пошли, и Испания также объявила Англии войну.

Помощь Америке потребовала новых расходов (именно поэтому Тюрго был против союза с инсургентами), которые обычно компенсировали за счет новых налогообложений. Неккер же пошел по пути режима экономии: сократил четыреста шесть должностей в королевском доме, сократил министерский бюджет, реорганизовал откупа, упорядочил сбор налогов и между 1777 и 1781 годами выпустил семь займов, получив для казны 560 миллионов ливров. Королева подчинялась необходимости, однако не могла понять, почему, если у нее не будет мундшенка, а у короля на кухне останется один повар, Франция будет счастлива; в своем кружке она называла Неккера не иначе как «жалкий приказчик».

Договор с американцами подписали, и сколько бы ни жалел потом Людовик, обратного пути не было. А он наверняка жалел. Ведь даже английская конституционная монархия не вызывала у него симпатий; абсолютная власть короля происходила от Бога, и покушение на нее он искренне почитал святотатством. Возможно, подписывая договор, он слабо утешал себя тем, что протестанты — это еретики, для которых нет ничего святого. Вспомним: невзирая на просьбу Тюрго, поддержанную многими при дворе. Людовик отказался убрать из коронационной клятвы слова о преследовании еретиков. Поддержав американскую революцию и сделав тем самым важный шаг навстречу прогрессивной общественности своей страны, Людовик не собирался и далее идти на поводу у этой общественности. И когда в 1778 году в Париж прибыл 83-летний Вольтер, Людовик XVI — единственный из всех европейских монархов — категорически отказался принимать его. Ни Тюрго, ни Неккер, ни Франклин не могли сравниться по популярности с фернейским отшельником, певцом гражданских свобод и вольнолюбивых идей, будораживших сознание современников. Встречали Вольтера с невиданным доселе энтузиазмом; каждый день его пребывания в Париже становился днем его триумфа. Мария Антуанетта не могла оставить без внимания знаменитого человека, но даже ее уговоры не помогли: Людовик не только сам отказался встречаться с великим философом, но и запретил жене. Столь прекрасной возможностью противопоставить себя королю воспользовались принцы: они открыто принимали у себя Вольтера.

Желание королевы приобщиться к чествованию великого старца являлось сродни желанию следовать моде: весь Париж только и говорил, что о Вольтере. Но этот взбудораженный, наполненный свободолюбивыми речами Париж переставал быть для Марии Антуанетты источником

радости, ибо парижане больше не встречали ее бурными овациями. К тому же теперь у нее имелось собственное королевство — Трианон, где она как полновластная хозяйка задавала тон.

*

30 августа королева написала матери: «Это самое большое счастье в моей жизни. Вот уже восемь дней как мы по-настоящему близки с королем; это повторилось не один раз, а вчера еще явственней, чем в первый раз. Я думала сразу послать вам курьера с этой новостью, но хотела еще раз убедиться, что все свершилось. Не думаю, что уже беременна, но это произойдет очень скоро». А через несколько дней Мерси подтвердил слова королевы: «Долгожданное событие произошло 18 августа. Король пришел к ней в десять часов утра, когда она выходила из ванны. Оба августейших супруга оставались наедине почти час с четвертью; король настоятельно потребовал, чтобы все, что произошло между ними, осталось в секрете, и королева присоединилась к его просьбе. Исключение сделали только для доктора Лассона, коему король поведал все в подробностях, и тот без колебаний подтвердил, что брак свершился». Свершился спустя семь лет после свадьбы. Придворные с удивлением отметили, что королева на редкость нежна с королем и даже на публике стала проявлять о нем заботу. 4 сентября королева устроила в Трианоне грандиозный праздник по случаю завершения постройки Храма любви. На лужайке раскинулась ярмарка, где переодетые рыночными торговками дамы продавали всевозможные ценные вещицы. Королева в костюме торговки лимонадом обносила всех напитками. Музыканты из числа королевских гвардейцев, наряженные китайцами, играли веселые мелодии. С наступлением темноты зажглись 2600 цветных фонариков, превратив праздник в световую феерию.

«В то время королева пребывала во всем блеске своей красоты... у нее было нечто большее, нежели совершенная красота, она обладала необходимым для трона величием, приставшим королеве Франции, причем даже в те минуты, когда хотела, чтобы в ней видели всего лишь хорошенькую женщину... У нее было два типа походки: одна уверенная, немного торопливая, но всегда благородная, другая же более мягкая, раскачивающаяся, я бы даже сказал ласкающая, однако нисколько не подразумевавшая непочтительности. Никто не умел столь грациозно наклонить голову, приветствуя одним кивком сразу десять лиц, и бросить взгляд так, что каждый из десяти считал, что он адресован именно ему...

Одним словом, я не ошибусь, если скажу, что как нам всегда хочется предложить женщине стул, так здесь всегда хотелось усадить ее на трон», — писал граф де Тийи.

Могла ли Венера в одночасье превратиться в постоянную спутницу Вулкана и, повесив на стену увещевания брата, уйти с придворной сцены, затвориться на женской половине и ожидать, когда супруг приедет с охоты? Нет, конечно. Благие намерения, вспыхнувшие под впечатлением визита Иосифа, быстро потухли, тем более что ни король, ни королева, похоже, не испытывали особой потребности в интимной близости. Королева вновь ринулась в игру и, как писал Мерси, даже сожгла рескрипт брата — возможно, чтобы не испытывать укоров совести. Она вновь поздно ложилась и поздно вставала, играла с кем попало, не обращая внимания, что рядом с ней плутуют и жульничают все кому не лень. А на упреки матушки отвечала: «Королю не нравится спать вдвоем. Я делаю всё, чтобы этого не случилось. Иногда он приходит ко мне и мы проводим вместе ночь. Я не считаю нужным уговаривать его приходить почаще, ибо он каждое утро приходит ко мне в мой личный кабинет. Его дружеское ко мне отношение и нежность возрастают день ото дня». Благодаря потайному коридору в Версале никто точно не знал, когда и как часто Людовик приходил по ночам к супруге. Иное дело в Фонтенбло: в тамошнем дворце, куда осенью прибыл двор, тайных ходов не было. Посол Сардинии граф Скарнафис писал: «За все время пребывания в Фонтенбло король спал с королевой не более трех раз. А однажды вечером, когда он отправился к ней в апартаменты, чтобы провести с ней ночь, он нашел дверь запертой. Он не стал настаивать, чтобы ему открыли, повернулся и направился к себе; никто не заметил, чтобы эта неудача доставила ему хотя бы малейшее огорчение».

Увещевания, обещания... По прибытии в Фонтенбло Мария Антуанетта возобновила игру и 25 октября проиграла всё до последнего экю. Не желая объясняться с матерью, она отправляла Марии Терезии все менее откровенные письма. Мерси усматривал в этом дурное влияние Жюли де Полиньяк, к которой королева прилепилась сердцем, словно устрица к днищу судна; перестав показывать письма от императрицы Мерси, она показывала их Полиньяк и, как подозревал посол, ответы писала так, как советовала ей подруга. «Я читаю, работаю, ко мне приходят два учителя музыки: один учит меня пению, другой — игре на арфе; я стала снова брать уроки рисования; занятия эти меня развлекают. Самым большим развлечением стала поездка в Фонтенбло; но смею заверить дорогую матушку, эта поездка ничего не изменила. Вот уже два месяца, как

я играю только у себя, два раза в неделю, так, как предписано правилами. Если бы матушка могла все увидеть собственными глазами, ей не пришлось бы слушать тех, кто говорит иначе. Больше я никуда не хожу играть, а если выхожу, то играю в бильярд, который азартной игрой не считается», — рассказывала королева Марии Терезии, ни словом не обмолвившись ни о ночных бдениях за игорным столом, ни о своих проигрышах.

Иосиф не забывал напоминать сестре о ее долге: «Вы созданы быть счастливой, добродетельной и совершенной... ваш возраст уже не извиняет вас, напротив, дает основания задуматься. Что станет с вами, если вы не изменитесь? Несчастливая женщина и еще более несчастная принцесса...» Брат уговаривал сестру внимательнее отбирать людей для своего узкого круга и не отягощать казну частыми подарками своим фаворитам. Предлагая ей умерить свои расходы, он взывал к бережливой немке. Но за семь лет, проведенных во Франции, Мария Антуанетта без сожалений рассталась с немецким стремлением к порядку. «Расположение королевы к графине де Полиньяк, а также расположение, которым пользуется герцог де Куаньи, день ото дня производит впечатление все более тягостное; обе эти личности вымогают у королевы подачки, постоянно подогревая дурное мнение о ней народа. Протеже герцога получают денежные должности, а ставленники графини де Полиньяк — денежные подарки, в ущерб тем, кто действительно достоин должностей и подарков. Ни один министр не осмеливается противоречить королеве, а все упреки и жалобы в свой адрес они переводят на королеву», — в отчаянии писал Мерси, понимая, что остановить Марию Антуанетту он не может. Не могла сделать это и Мария Терезия, ибо находилась слишком далеко, а королеву окружали люди, ставшие ей ближе, чем мать. А клан Полиньяков словно поставил себе цель морально поработить королеву, дабы навечно обеспечить себе место под версальским солнцем. От отчаяния, что надежды ее не сбылись и супруг по-прежнему апатичен и застенчив, королева бравировала, утверждая, что готова согласиться на «непродолжительную и несерьезную интрижку» короля, дабы та придала ему больше энергии и страсти. Мерси оставалось только хвататься за голову: подобные речи порождали гнусные сплетни, и пресечь их было невозможно.

Вернувшись в Версаль, королева немного успокоилась. Всю осень в письмах брату и матери она оправдывалась за безудержную игру в Фонтенбло, а зимой все чаще стали появляться строки, подобные нижеследующей: «Надеюсь, дорогой брат, что скоро смогу сообщить вам о своей беременности». А Людовик написал благодарственное письмо

Иосифу: «Именно вам я обязан своим счастьем, поскольку после вашего отъезда все происходит лучше и лучше, результаты просто превосходны». Возможно, это «лучше и лучше» говорило о том, что король научился не дожидаться ночи, когда королеву можно было не дожидаться вовсе.

Наконец свершилось: в апреле 1778 года королева поняла, что беременна. Опасаясь «спугнуть» долгожданное состояние, она намекнула матери, что, кажется, мечта ее сбылась, но с утверждением она предпочитает повременить до следующего месяца. И с трудом уговорила ликующего короля подождать с официальным объявлением. Сияющий от радости Людовик XVI писал Марии Терезии: «Ах, какая новость! Слава Господу, подарив Франции наследников, моя дорогая Антуанетта наконец укрепит свое положение. Если бы вы только могли видеть, какую радость вызвала здесь эта новость! В Париже только об этом и говорят». Убедившись в своем счастье, королева писала: «Я так долго не дерзала даже мечтать о таком счастье, как беременность, что теперь радость переполняет меня до краев; а иногда мне кажется, что я всего лишь вижу сон...» Долгожданное материнство временно примирило французов со своей королевой; даже придворные клики, прекратив распри, поздравляли Марию Антуанетту с радостным событием. Но счастье никогда не бывает полным. Уверенные, что благодаря своему положению королева окончательно подчинит себе Людовика XVI, венские родственники облегченно вздохнули, и Иосиф II решил воспользоваться влиянием сестры, чтобы убедить французского короля поддержать его давние претензии на Баварию: в Мюнхене 30 декабря 1777 года скончался, не оставив наследников, курфюрст Максимилиан III Иосиф.

Со смертью баварского курфюрста пресеклась старшая ветвь рода Виттельсбахов, правивших Баварией с 1180 года. Но оставались еще две ветви: средняя — в Рейнском Пфальце и младшая — в Цвейбрюккене. В XIV веке три ветви Виттельсбахов заключили Семейный пакт, согласно которому баварские земли признавались общей собственностью и в случае отсутствия наследников у одной ветви переходили к другой ветви. В 1648 году этот порядок был закреплен Вестфальским мирным договором и гарантирован Францией и Швецией. В 1774 году Максимилиан составил завещание в пользу Карла Теодора Пфальцского; но Карл Теодор также не имел наследников, и после него управление Баварией должно было перейти к главе младшей ветви Карлу Августу Цвейбрюккенскому. Иосиф II, женившийся в 1765 году на Жозефине Баварской, сестре Максимилиана Иосифа, считал, что несмотря на раннюю (1767) смерть Жозефины он вправе претендовать на Нижнюю Баварию, и хотел заручиться поддержкой

Франции. Иосиф лелеял замысел включить баварские земли в состав Австрийского эрцгерцогства, дабы таким образом восполнить потерю Силезии. Но еще в мае, во время визита императора, Верженн ясно дал понять, что Франция останется гарантом Вестфальского мира. По мнению Верженна, которое разделял и Людовик, альянс, заключенный Францией и Австрией, не обязывал Францию принимать участие в амбициозных планах Иосифа, снарядившего 12-тысячную армию для занятия баварских земель. Недовольство политикой Австрии породило слухи о возможной войне.

Несмотря на состояние эйфории, Мария Антуанетта заволновалась, опасаясь, как бы отношения между союзниками не испортились. По просьбе матери она предостерегла супруга против интриг Фридриха II, на что тот ответил, что нарушителями спокойствия в данном случае являются ее родственники, которые, начав с Польши, теперь подбираются к Баварии, и вообще он «недоволен тем, что она вмешивается не в свое дело». «Но вы же не можете отрицать, что вас известили, и вы согласились с баварской политикой», — возразила Мария Антуанетта. «Я не только не согласился, но дал распоряжение послам сообщить всем дворам, что расчленение Баварии происходит против нашей воли и мы его не одобряем». Людовик не хотел нарушать сложившееся в Европе равновесие, тем более что Фридрих, не желая усиления позиций Габсбургов в германском мире, намекнул Версалю, что Англия ждет его поддержки в борьбе с американскими инсургентами, а он готов сохранить нейтралитет, если Франция не станет поддерживать Австрию. Мария Терезия не одобряла воинственный задор Иосифа, но Фридриха ненавидела со времен захвата им Силезии; к тому же ей хотелось вернуть дочь к прежнему послушанию. Вместе с тем она сознавала, что если Мария Антуанетта будет действовать слишком напористо, король может заподозрить ее в сговоре с братом. «А если почувствуют подвох министры, они немедленно сделают все, чтобы подорвать доверие к ней короля и свести на нет ее влияние в делах», — писала она Мерси, предлагая ему объяснить королеве, что действовать надо осмотрительно и с оглядкой. Но королева закусила удила: «Король очень предан альянсу... но сейчас мне кажется, что я обязана предпринять какие-то шаги. Поэтому я поговорила с Морепа и Верженном; они преданы альянсу, но очень боятся войны на суше; и когда я намекнула на возможность военных действий со стороны короля Пруссии, толкового ответа не получила».

Тем временем войска Иосифа заняли Нижнюю Баварию, а Фридрих II, у которого Цвейбрюккен попросил защиты, и саксонцы, с которыми прусский король заключил союз против Габсбургов, заняли Богемию.

Началась «картофельная война», названная так потому, что солдатам приходилось не столько участвовать в манёврах и локальных стычках, сколько добывать себе для пропитания картофель, разоряя крестьянские поля. Понимая, что только Мария Антуанетта может склонить Людовика оказать хотя бы дипломатическое давление на Фридриха, императрица решила воздействовать на дочь, написав, что поддержка короля Пруссии будет означать гибель союза нынешнего, а «она этого не перенесет». «Король Пруссии боится только вас, и, признаюсь, меня это радует, ибо это дает нам дополнительные преимущества. Наш союз естествен и необходим для наших стран, скреплен нежными чувствами и нашим образом мыслей», — писала Мария Терезия.

Не задумываясь, о чем, собственно, речь, зная только, что семья ждет от нее победы, королева налетела на Людовика с требованием убрать Верженна, не желающего поддержать ее брата. В ход пошло все: слезы, крики, даже прочувствованная речь от имени будущего ребенка. Сохраняя невозмутимость, король остался при прежнем мнении. Даже когда в обмен на помощь в Баварии Иосиф предложил уступить Людовику Нидерланды. Тогда королева призвала к себе Морепа и Верженна, дабы воздействовать на них за спиной у короля. «Я говорила с ними достаточно сердито, что, кажется, произвело на них впечатление, особенно на последнего, — сообщала она Марии Терезии. — Я осталась недовольной доводами этих господ, они лукавят и приучают к этому короля. В таком важном деле ужасно сталкиваться с нечестными людьми». Лукавством, видимо, называлось желание разъяснить королеве, что у Франции нет возможности вести войну на суше. Но Мария Антуанетта не унималась, повторяя все, что внушал ей Мерси: поддержка, обещание, преданность альянсу... Утомленный ее слезами, Людовик XVI предъявил ей постановление Королевского совета: земли, приобретенные Австрией в Польше и Баварии, не считаются владениями, гарантированными соглашением 1756 года, и защищать их Франция не обязана. Говорят, у королевы случилась такая сильная истерика, что король срочно призвал Полиньяк успокаивать подругу. Неожиданно в конфликт вмешалась русская императрица Екатерина II, заявившая о готовности выступить на стороне Пруссии. Тогда, не желая начинать войну, Франция намекнула о своей готовности поддержать законные требования Пруссии. И заинтересованные стороны — под председательством королевского уполномоченного Бретейля и уполномоченного от России князя Голицына — сели за стол переговоров. В результате 13 мая 1779 года в Тешене был подписан мир, учитывавший баланс интересов сторон. Роль миротворца подняла авторитет короля

Франции на международной арене. Но королева была уверена, что мир настал благодаря стараниям ее матери: «Дорогая матушка, какое счастье, что наконец настал мир! Он заключен благодаря усилиям моей милой матушки, но мне бы хотелось немного польстить себе, сказав, что и мы этому немного посодествовали. Разумеется, отныне самой главной моей заботой станет сохранение союза между нашими двумя странами <...> матушке я обязана спокойствием своим, ее доброте, ее кротости и, не побоюсь сказать, ее терпению по отношению к этой стране». «Этой стране», то есть Франции, которой она правила и которую до сих пор не воспринимала как свою... Кампания в поддержку брата не прошла для Марии Антуанетты даром: ее снова называли «австриячкой» и говорили, что она предает Францию. Молва о предательстве набросила черную тень на репутацию королевы. Предательство оскорбляло нацию, о чем во время революции не раз будет сказано.

Как обычно, Мария Антуанетта не обращала внимания на слухи и не задумывалась над тем, что ее жгучее желание помочь брату шло вразрез с интересами Франции, страны, королевой которой она являлась и чьи интересы обязаны была ставить на первое место. Но она не знала страны, не хотела и не умела управлять ею; для нее вся Франция сосредоточилась в Версале; но даже королевой Версаля ей быть не хотелось: ее устраивало положение королевы Трианона. Она хотела быть собой — красивой, молодой, любимой. Никаких обязанностей, только ее желания. Добиваясь помощи для Иосифа, она добивалась ее не для австрийского императора, а для любимого брата, который вместе с матерью попросил ее об услуге. А семье она отказать не могла: живя во Франции уже семь лет, она все еще считала своим домом Вену. Хотя вскоре всему предстояло измениться — она носила под сердцем ребенка, которого долго и отчаянно ждала не только она, но и король, и все его подданные.

*

Убедившись в своей беременности, Мария Антуанетта стала говорить только о своем будущем ребенке и воспитании младенцев. XVIII столетие открыло детство, Руссо в «Эмиле» изложил теорию естественного воспитания и призвал, оградив ребенка от губительного влияния цивилизации, позволить ему следовать своим природным наклонностям. Принципы воспитания младенцев в семье Марии Терезии отчасти совпадали с принципами великого философа. То, как растили ее братьев и

сестер, Мария Антуанетта считала самым правильным способом. Их не пеленали; они всегда находились либо в колыбельках, либо на руках у гувернанток, и с той минуты, как их впервые выносили гулять, их начинали активно приучать к свежему воздуху, где в конце концов они проводили почти целый день. «Полагаю, это самый здоровый и самый лучший способ воспитания. Я размещу своего ребенка на нижнем этаже дворца, в манеже с невысокими бортиками, что позволит ему быстрее научиться ходить, чем если бы он начинал ходить по паркету».

Желая уведомить публику о своем состоянии, королева попросила у короля 500 луидоров, «что составляет 12 000 франков», чтобы оплатить долги тех, кого посадили в тюрьму за долги кормилицам, а также четыре тысячи франков на бедных Версаля. В письмах матери она все чаще писала о своем состоянии: «По моим подсчетам, у меня третий месяц; я начинаю заметно поправляться, особенно бедра; я так долго не осмеливалась даже надеяться на беременность, что сейчас мое состояние иногда кажется мне сном»; «...я потолстела на 4,5 дюйма»; «Моя дорогая матушка столь добра, что уже беспокоится за будущего ребенка; смею заверить, я буду хорошо о нем заботиться».

«В пятницу 31 июля, в десять часов тридцать минут, мой ребенок первый раз пошевелился; с тех пор он постоянно шевелится, и каждое его движение наполняет меня счастьем», — писала королева. После первого шевеления ребенка она отправилась к королю и сообщила ему, что один из его подданных дерзнул оскорбить ее; увидев взволнованное лицо короля, она добавила: «О, сир, он колотит меня ножками в живот». Людовик радостно рассмеялся ее шутке. Многие усмотрели в этом благой знак свыше: ребенок королевы первый раз пошевелился в день, когда пришло известие о победе при Уэссане (неподалеку от побережья Бретани), где впервые после начала войны с Англией столкнулись французский и британский флоты. Победу в этом сражении фактически не одержал никто, но моральное поражение потерпели англичане, и герцог Шартрский примчался в Париж известить французов о победе. Однако, как выяснилось, поведение Шартра, которому доверили командовать одним из флагманских кораблей королевской эскадры, оказалось не слишком достойным, и король, не став разбираться в запутанных подробностях, на некоторое время удалил герцога от двора, тем самым еще больше увеличив разлад между двумя ветвями дома Бурбонов.

Беременность королевы протекала удовлетворительно. «Со здоровьем у меня хорошо, кроме неудобств, связанных с моим положением. Я чувствую, что отяжелела, но так как я гуляю каждый день, то думаю, все

пройдет благополучно», — отчитывалась Мария Антуанетта матери. Лето в тот год стояло засушливое, и, как пишет мадам Кампан, «ни в июле, ни в августе не было ни единого дождя». Для жаркой погоды Бертен сшила королеве несколько просторных платьев из тончайшего шелка, получивших название «левиты», ибо они походили на жреческие туники, в которых играли жрецов на сцене. Светлая туника, простенькая соломенная шляпка с широкими полями, никаких париков — в таком облачении королева ближе к вечеру в сопровождении принцев и принцесс выходила в парк дышать свежим воздухом. Вскоре вместе с вечерней прохладой принцессам захотелось наслаждаться музыкой, и в парке разместили музыкантов, послушать которых приходили жители Версаля. Музыка играла до трех ночи, терраса, где гуляла королева со своими дамами, хорошо освещалась, и к королеве иногда подходили просители, но она разговор с ними не поддерживала. Невинные ночные прогулки королевы вызвали новую волну памфлетов; борзые перья вспомнили, что королева уже встречала в парке зарю, дабы скрыть от глаз придворных свои любовные утехи, и снова обвинили ее в распутстве. В листках говорилось, что «кружок королевы» устраивает по ночам в парке оргии, а для возбуждения страсти все наряжаются оленями и ланями. Подогретая пасквилянтами, молва гадала: кто отец будущего ребенка королевы? Чаше иных кандидатур называли герцога де Куаньи и графа д'Артуа, отчего многие полагали, что к распространению сплетен был причастен брат короля граф Прованский, чьи шансы на корону стремительно падали, а он никак не хотел с этим мириться. «Вам известно, какие изменения произошли в моей судьбе... Я снова сам себе господин, по крайней мере внешне, и поведение мое не изменилось, но я не радуюсь, ибо меня могут счесть лицемером. <...> Однако одержать победу внутри себя гораздо сложнее; иногда из глубины поднимается», — писал он. Король, стараясь развлечь жену, устраивал ей небольшие праздники. К великому его огорчению, королева не прекратила играть даже во время беременности. По всей стране проходили молебны за счастливое разрешение от бремени. С приближением родов в Версаль съехалось более двухсот представителей родовитого дворянства; все гостиницы города были переполнены, цены на продукты возросли втрое. А в прихожую короля подбросили рукопись с сатирическими куплетами, посвященными королеве и дамам из ее окружения. Мадам Кампан пишет, что стихи эти принадлежали перу некоего Шансене, однако его за них никто не наказал...

Рано утром 19 декабря королева почувствовала первые схватки. Ее перенесли на специальную родильную кровать, а мадам Ламбаль побежала

предупредить королевскую семью. Обычай требовал, чтобы роды происходили на глазах у публики, поэтому все с нетерпением толпились у дверей, за которыми под наблюдением доктора Вермона (брата наставника королевы аббата Вермона) у королевы происходили схватки. Когда наконец с возгласом «Королева родила!» двери в комнату распахнулись, все так заторопились внутрь, что едва не снесли ширмы у кровати королевы. По словам мадам Кампан, в комнате яблоку было негде упасть, а толпа была столь разношерстной, что «казалось, будто находишься на рыночной площади». Когда младенец появился на свет, все зааплодировали. В комнате стояла невыносимая духота, и ослабевшая королева, едва услышав крик младенца, потеряла сознание. Младенца сразу унесли в соседнюю комнату, Вермон потребовал горячей воды, чтобы сделать кровопускание, но пробиться через толпу не удалось, и хирургу пришлось обходиться без нее.

Брызнула кровь, и стоявшая рядом принцесса де Ламбаль упала в обморок. Говорят, король совершил поистине героический поступок: растолкав собравшихся, он подбежал к окну и распахнул его. Кровопускание и свежий воздух привели королеву в чувство. Но, открыв глаза, она почувствовала что-то неладное и в первую минуту подумала, что ребенок родился мертвым. Но ей объяснили, что родилась девочка. Все так ждали мальчика, что испытали великое разочарование, в том числе и сама королева — она даже заплакала. Но когда ей принесли новорожденную, она улыбнулась и произнесла: «Бедная моя девочка, ты — не тот, кого хотели, и от этого для меня ты еще дороже. Сын больше принадлежит государству, чем матери. Ты же будешь со мной и разделишь со мной и счастье, и горе». Счастливая мать назвала девочку Марией Терезой; официально ее будут называть Мадам Руаяль — «королевская дочь». Со специальным курьером Мерси отправил сообщение императрице: «Сегодня утром, в одиннадцать часов тридцать минут, королева произвела на свет принцессу. В тот же день ее окрестили, дав ей имя Мария Тереза Шарлотта. От имени Вашего Величества и короля Испании, избранных крестными родителями, выступили Месье и Мадам». Говорят, во время церемонии Месье попросил священника не отступать от ритуала и назвать имена и титулы родителей, намекнув тем самым на слухи, ходившие относительно отца ребенка. С рождением девочки Месье приободрился: он по-прежнему оставался первым претендентом на корону. О провокации Прованса тотчас узнали все.

В восторге от младенца, король целую неделю, пока королеваправлялась после родов, не ездил на охоту и все свободное время

проводил с семьей. Он был очень нежен с дочерью. «Странный», по словам Мерси, обычай — собирать множество зрителей при родах королевы отменили: королева не намеревалась вновь подвергаться столь унижительной процедуре. А так как Франция не получила дофина, то эти роды не должны были стать для нее последними. Страна испытала великое разочарование. Ни бракосочетание ста пар «бедных добродетельных девушек» и «честных работников», каждая из которых получала от королевы 500 ливров приданого, ни 12 тысяч ливров, розданных беднякам в Версале, ни столы с хлебом, вином и мясом на улицах столицы впечатления на народ не произвели. Когда король с королевой прибыли в Париж, дабы в соборе Парижской Богоматери отблагодарить Господа за рождение дочери, встретили их не слишком любезно. Люди толпились по пути следования королевской четы, однако здравицы слышались редко, в основном в адрес короля. Из-за летней засухи с хлебом обстояло плохо, голодный народ видел причину своих несчастий в расточительной королеве, и рождение принцессы вместо ожидаемого дофина не могло стать компенсацией за его страдания.

Ребенка по традиции отдали кормилице и гувернантке детей Франции. Ею, сменив на этом посту мадам де Марсан, стала мадам де Гемене, та самая, чей салон Иосиф II назвал «притоном». Свита крохотной принцессы насчитывала 24 человека. Желая воспитывать дочь без затей, королева в соответствии с философией здорового материнства начала сама кормить ее. Мария Терезия, принимавшая близко к сердцу все, что касалось внучки, отнеслась к этому неодобрительно, полагая, что решать такие вопросы могут только король и врач. Сама она детей не кормила, считая, что кормящая мать не в состоянии снова забеременеть. Но, возможно, какое-то время Мария Антуанетта все же кормила дочь. «Я убеждена, что воспитание королевских детей непременно должно включать в себя этикет. <...> Нынешняя мода на свободное воспитание, введенная Руссо и ведущая к развязности, мне не нравится, я не вижу в ней никаких преимуществ, а исключительно недостатки. Я не имею в виду, что следует возвращать в детях гордыню, но считаю, что их с детства необходимо приучать присутствовать на приемах, чтобы предотвратить неприличные положения, когда монарх и его семья начинают ничем не отличаться от своих подданных. Это очень важный момент в воспитании, особенно когда речь идет о воспитании французов, нации излишне пылкой и легкомысленной», — поверяла Мария Терезия свои мысли Мерси, не желая пока давить на дочь.

Королева быстро поправлялась. Когда-то она пообещала Мерси, что,

если Господь в милосердии своем подарит ей счастье материнства, она откажется от легкомысленных привычек и полностью посвятит себя своему долгу. Насколько она сдержала слово? В первое время она действительно во многом изменила образ жизни. Отказалась от дальних дорогостоящих поездок в Компьень и Фонтенбло, заменив их поездками в ближние Шуази и Марли, перестала бодрствовать по ночам, по несколько раз в день заходила к дочери, уделяла больше времени королю, часто устраивала тихие семейные ужины в Трианоне. Игру она не бросила, но играла только у себя в покоях, в узком кругу, и не более двух раз в неделю. «Я совсем окрепла и вернулась к прежнему образу жизни, так что надеюсь вскоре сообщить моей дорогой матушке о своей новой беременности. Она может быть во мне уверена, я больше чем кто-либо чувствую необходимость родить еще детей, и ради этого не намерена ничем пренебрегать. Если прежде я заблуждалась, то это происходило по молодости и по легкомыслию; но сейчас я повзрослела, и вы можете быть уверены, я твердо знаю, в чем заключается мой долг. Я очень благодарна королю за его нежное ко мне отношение и рискну утверждать, что он доверяет мне все больше и больше», — писала Мария Антуанетта матери. Обрадованный король подарил супруге 120 тысяч ливров. Королевский подарок пришелся кстати, ибо у королевы накопилось долгов на три тысячи луидоров (примерно 60 тысяч ливров), а по подсчетам аббата Вермона, сумма карточных долгов за прошлый год подбиралась к восьми тысячам луидоров (160 тысяч ливров). Цифры эти произвели удручающее впечатление на королеву, и она, как пишет Мерси, решила сократить свои расходы и не тратить по пустякам.

Но зло свершилось: у французов сформировалось отнюдь не лестное мнение о их королеве. Ее считали легкомысленной и сомневались в ее супружеской верности. Клевета расплзалась по всему королевству, причем чем нелепее она была, тем больше в нее верили. Впрочем, клевета никогда и нигде не требует подтверждений и именно нелепостью своей завоевывает массы. В широко распространившемся пасквиле под названием «Исторический очерк жизни Марии Антуанетты» писали: «Когда королева оправилась от родов, версальские развлечения приняли иной характер. Никаких балов, очень мало игры, зато много прогулок, особенно ночных. С наступлением темноты все собирались на террасе дворца, в южном партере. Туда стекался весь Версаль, множество женщин, готовых предаться разврату. Королева, Месье и граф д'Артуа и иже с ними бегали по террасе и среди боскетов. Мужчины в широких плащах, в надвинутых по самый нос шляпах, женщины в капотах сновали среди кустов. <...>

Невозможно сосчитать, сколько приключений отыскала себе королева! Не отставали от нее и Месье, и Артуа. <...> Антуанетта быстро встретила там герцога де Куаньи. Жаль, что он сделал королеве всего лишь девочку!.. Принцесса де Ламбаль уступила место мадам де Полиньяк, именуемой графиней Жюли. Пылкая привязанность королевы к Полиньяк может сравниться только с глупой страстью Людовика XV к маркизе де Помпадур. И так же, как Помпадур, графиня Жюли стоит государству огромных денег. У Помпадур были любовники, Жюли открыто живет с Водреем. И самое смешное, что господин де Водрей столь же хорош и с королем, и с королевой, как и с графиней Жюли». Как замечает Альмера, создатели пасквиля не подумали, что зима во Франции отнюдь не располагает к парковым прогулкам. Тем не менее крупницы правды, приправленные щедрой долей лжи, убеждали публику, что «толстячком Луи» правит недостойная королева. Семь бездетных лет не прошли даром: народ считал Людовика импотентом, а Марию Антуанетту сладострастной распутницей. В комедиях такие сюжеты вызывали смех. Но когда речь заходила о королевской чете, это был знак, что в государстве завелась гниль. Памфлетов Мария Антуанетта не читала, но поводов для появления новых предоставляла более чем достаточно. Скабрёзную огласку получил случай, когда из-за поломки кареты королеве и сопровождавшей ее на бал принцессе д'Эннен пришлось добираться до Оперы в наемном фиакре. Обе были в масках, и о «смешном приключении» никто бы не узнал, если бы Мария Антуанетта сама не рассказала о нем в своем кружке. Сплетники немедленно развили сюжет, превратив его в очередную непристойную историю с участием королевы.

«Ваши рассказы о вашей дорогой доченьке доставляют мне большое удовольствие, особенно о нежном отношении к ней короля. Но хочу вам сказать, что я не удовлетворена: ей нужен товарищ, и не надо откладывать его рождение на потом», — беспокоилась Мария Терезия. Но в самом конце марта Мария Антуанетта тяжело заболела корью и, чтобы король не заразился, на три недели карантина перебралась в Трианон. Дозволения сопровождать королеву получили четверо: герцог де Куаньи, барон де Безанваль, граф Эстергази и герцог де Гинь. Король изъявил согласие, чтобы все четверо неотлучно находились при его супруге во время болезни. Надо ли говорить, сколько сплетен мгновенно разнеслось по Версалю? Придворные открыто спрашивали друг друга: а если король заболит корью, за ним будут ухаживать четыре дамы? По словам Мерси, которому пришлось объясняться с Марией Терезией, компания сложилась совершенно случайно: трое принадлежали к кружку друзей королевы, а

барон де Безанваль случайно оказался рядом. Из дам королеву сопровождали графиня Прованская и принцесса де Ламбаль; у Полиньяк также случилась корь, и, как сообщал Мерси, королева очень огорчилась, что любимая подруга оказалась разлучена с ней.

Подругам было о чем поговорить — не даром Полиньяк считали «хранительницей мыслей Ее Величества». В августе 1778 года в Париж из Лондона прибыл Ферзен. В Англии он по велению отца снова попытался получить руку мисс Лайел, но снова встретил отказ. А так как о любви в данном случае речь не шла, то, потерпев фиаско, Аксель отправился во Францию, дабы поступить на дипломатическую либо военную службу. Но вакансий ни по одному из ведомств в Париже не оказалось, и он, как говорят, предложил свои услуги Фридриху II, пребывавшему в состоянии войны с Австрией. По мнению многих, сей демарш доказывал, что Мария Антуанетта в то время еще не пленила сердце красавца-шведа. Фридрих не ответил, и Ферзен отправился к Версальскому двору. «В прошлый вторник я отправился в Версаль, чтобы быть представленным королевской семье. Королева, воистину очаровательная, увидев меня, воскликнула: “А, старый знакомый!..” Иные члены королевской семьи не произнесли ни слова», — писал он отцу после представления.

Почему за четыре года королева не забыла молодого шведа? Потому, что, по словам герцога де Леви, «лицо и внешность его напоминали героя романа, но романа не французского, ибо для французского у него не хватало живости и задора»? Потому, что он был настолько красив, что «у каждой женщины, которую он встречал на своем пути, начинало сильнее биться сердце»? И то и другое, а главное — сердце королевы не могло вечно оставаться незанятым. Наделенная сильными глубокими чувствами, возвышавшими ее над камарильей мелочных фаворитов, инстинктивно ощущая, что не она, а ее положение бросает к ее ногам всех этих лозенов, безанвалей и куаньи, в холодном красавце-шведе она разглядела родственную душу, благородную и возвышенную. И не смогла пройти мимо красавца, «слегка застенчивого с людьми незнакомыми, не обладающего ни остроумием, ни красноречием, однако умевшего быть искренним, чутким и преданным». Ведь именно искренности, чуткости и преданности ей так не хватало среди окружавших ее царедворцев!

«Королева, самая милая и любезная из всех, кого я только знаю, настолько ко мне добра, что нередко спрашивает обо мне; она спросила Кройца, почему я не прихожу на воскресную игру, и, узнав, что однажды я приходил, но игры не было, даже сделала попытку извиниться», — писал Ферзен отцу. Каждый раз, когда он принимал приглашение королевы, она

непрерывно находила предлог заговорить с ним, что тотчас отметили в окружении ее величества. Мария Антуанетта жаловала своим вниманием далеко не всех приглашенных. «Ее доброта вызвала ревность молодых придворных, которые не могут понять, почему к иностранцу относятся лучше, чем к ним», — отмечал Ферзен. Когда осенью после непродолжительной отлучки он вернулся в Версаль, его встретили еще более приветливо, о чем он и написал отцу: «Королева по-прежнему обращается со мной очень любезно, я часто прихожу к ней на игру, и каждый раз она говорит со мной исключительно учтиво. Когда ей рассказали о моем военном обмундировании, она изъявила желание увидеть меня в нем и во вторник пригласила не ко двору, как обычно, а к себе лично; это самая любезная государыня из всех, кого я знаю». Яркая шведская военная форма: голубой мундир, белый жилет, облегающие замшевые штаны-кюлоты, шелковые чулки, венгерские башмаки, позолоченный пояс, шпага со сверкающим эфесом и черный кивер, гордо украшенный султаном из белых и желтых перьев, произвели впечатление, заставив весь Версаль говорить о ее обладателе. Какие чувства при этом испытывала королева? По словам графини де Буань, «королева любезничала с ним, как с любым другим иностранцем, ибо они были нынче в моде». С одной стороны, в это время королева была на восьмом месяце беременности, и есть основания полагать, что мысли ее занимал будущий ребенок. С другой стороны, в ожидании материнства она стала еще прекраснее, и, пока ребенок не появился на свет, сердце ее снедала пустота. Все шаги, направленные на сближение с Ферзеном — приглашения, ни к чему не обязывающие беседы, — исходили от Марии Антуанетты. Когда же королева оправилась после родов, Ферзена стали видеть в ее обществе еще чаще. Близкие друзья королевы (иначе говоря, окружение Полиньяк) сначала встревожились, но, поразмыслив, пришли к выводу, что иностранный возлюбленный обойдется ей значительно дешевле, да и опасностей меньше, а посему их положению эта «дальняя любовь» нисколько не угрожает. Тем более что, судя по многочисленной челяди, особняку на улице Матиньон, приобретенному за 150 тысяч ливров, и шести верховым лошадям, о которых пишет Альмера, сей иностранец оказался отнюдь не бедным.

Сразу ли сразила стрела Амура красавца-шведа? Ферзен не таясь писал отцу о любезностях, которые оказывала ему королева. Без сомнения, ему это было приятно, особенно потому, что королева считалась первой красавицей двора^[12]. Знал ли он о причине столь пристального внимания к своей особе, находили ли в душе его отклик чувства королевы? Почему,

когда чувствительность в духе Руссо была в моде, он ни разу не выдал своих эмоций? Потому что, как спустя несколько лет напишет графиня де Сен-При, он привык крайне скупно отвечать на чувства, которые сумел внушить? «Я всегда буду вам писать, вы единственный мой друг, мое счастье состоит в том, чтобы видеть вас. Но я более не позволю вам читать в моем сердце, ибо в нем заключена единственная тайна, которую я вам не раскрою; нет, повторяю я, это невозможно; иных же тайн от вас у меня не будет», — поверяла ему свое сердце графиня де Сен-При. Принимая поклонение дам, Ферзен никогда не стремился афишировать свой донжуанский список. Как впоследствии напишет будущий министр Королевского дома и друг Ферзена граф де Сен-При (чья жена, подтверждая молву о неотразимости шведа, влюбилась в него без памяти), «...всегда стремившаяся к блеску и роскоши, королева, по словам многих очевидцев, была сражена красотой шведского графа Ферзена <...> он полностью завладел сердцем королевы. В самом деле, не заметить его было невозможно. Высокий, стройный, прекрасно сложенный, с глубоким и кротким взглядом, он не мог не произвести впечатление на женщину, всегда искавшую ярких впечатлений». Но и она не могла оставить его равнодушным. Согласно воспоминаниям сэра Ричарда Баррингтона, сдержанный и немного меланхоличный Аксель был ранен Амуром в самое сердце. Баррингтон поведал о душевных муках королевы, исполнявшей в присутствии двора арию Дидоны, обрадованной прибытием Энея: «Глаза королевы были полны слез, голос дрожал. Ее прелестное лицо заливалось румянцем, когда она смотрела на Ферзена, также пребывавшего под воздействием чувств. Восхищенный очаровательным безумством поступка королевы, он, весь бледный, сидел, потупив взор, и слушал арию, слова которой заставляли биться его сердце. У тех, кто видел их в эту минуту, не осталось сомнений о природе их отношений».

Заметив, что чувства Марии Антуанетты вот-вот станут достоянием не только версальских, но и парижских сплетников, Ферзен принял решение, несомненно, свидетельствовавшее о его мудрости и зрелости: вступить в действующую армию и уехать в Америку, дабы не дать неосторожной и порывистой королеве возможности скомпрометировать себя. Известие об отъезде Ферзена обрадовало фаворитов: роман с немногословным шведом вполне мог изменить вкусы и пристрастия Марии Антуанетты, а чем дальше, тем ненасытнее становилось окружение Полиньяк, а значит, и окружение королевы. Удивленная решением графа, герцогиня Фиц-Джеймс спросила его: «Как! Вы уезжаете, одержав победу?» «Если бы я одержал победу, я бы не покинул Францию. Я уезжаю свободным и, к несчастью,

без всяких сожалений», — ответил Ферзен. Остается только гадать, сумели ли влюбленные до его отъезда сказать друг другу самые важные слова, или же говорили лишь глазами и сердцем? Принимая во внимание, какое количество народу постоянно окружало королеву, возможно, что и не сказали.

Аксель Ферзен покинул Париж в конце марта, а 31 марта у королевы обнаружили корь. Неужели болезнь, которой, как говорили, она заразилась от Полиньяк, все же случилась с ней из-за нервного перенапряжения, эмоционального стресса? Ведь возлюбленный не просто уехал, отводя от нее подозрения, он уехал на войну, одна лишь мысль о которой приводила ее в ужас. Однако исследовательница А. Съедерхельм, имея в своем распоряжении и дневник, и переписку Ферзена, писала, что тот уехал «по причинам менее романтического характера», а именно из желания поучаствовать в боевых действиях, ибо решил делать карьеру на военном поприще. Но к этому времени в Европе воцарился мир, к тому же Ферзен, подобно свободомыслящим французам, поддерживал борьбу американцев за независимость. После отъезда графа 10 апреля 1779 года граф Кройц писал королю Густаву III: «Должен сообщить Вашему Величеству, что молодой граф Ферзен пользуется явной благосклонностью королевы, отчего многие стали смотреть на него хмуро. Признаюсь, я не могу не согласиться, что она имела к нему склонность: я видел знаки, в смысле которых нельзя ошибиться. В создавшемся положении молодой граф Ферзен повел себя чрезвычайно скромно и сдержанно, а главное, принял похвальное решение уехать в Америку. Покинув двор, он избежал опасностей, проявив необходимую, но обычно непосильную в его возрасте твердость, дабы превозмочь искушение. В последние дни королева не могла оторвать от него взгляда, и глаза ее наполнились слезами. Я умоляю Ваше Величество сохранить все это в секрете ради нее и ради сенатора Ферзена».

Пишут, что после отъезда Ферзена Мария Антуанетта, обычно интересовавшаяся политическими событиями исключительно в связи с просьбами матери или брата, стала следить за военными действиями между Англией и Францией. «...Я не могу найти слов, чтобы выразить моей дорогой матушке всю свою признательность за те два письма, где вы по доброте своей обещаете предпринять все усилия, чтобы обеспечить нам мир^[13]. Мир этот станет для меня самым большим счастьем, его больше всего жаждет мое сердце. <...> Когда наши флоты, французский и испанский, соединились, мы получили значительное превосходство. Сейчас они в Ламанше, и я не могу без содрогания думать о том, что их

ожидает. Стоит мне только вспомнить, что приближается сентябрь, когда море становится беспокойным, я прихожу в ужас», — писала королева матери в августе, когда Ферзен, находясь в проливе на одном из французских кораблей, готовился в составе французского десанта высадиться на английское побережье (от этого плана пришлось отказаться). «Мы отказались от поездки в Фонтенбло из-за больших расходов на войну <...> Наш флот не смог догнать англичан <...> на кораблях началась эпидемия, от которой мы понесли большие людские потери. В Бретани и Нормандии свирепствует дизентерия, наносящая урон также наземным войскам, готовым к погрузке на корабли...» — писала королева в октябре 1779 года и, тревожась за Ферзена, мечтала вернуть его. В начале 1780 года мечта ее сбылась: так как из-за эпидемии его соединение не смогло покинуть Гавр, граф прибыл в Париж. Но там он быстро добился назначения адъютантом к генералу Рошамбо и вместе с французским экспедиционным корпусом наконец отбыл в Новый Свет. Сумели ли влюбленные увидеться за это короткое время? Источники определенного ответа не дают.

*

После родов у королевы испортились волосы, и она велела Леонару придумать ей новую прическу. Изобретательный куафер придумал: поднял волосы надо лбом, завил в кудри и откинул назад, присыпав естественного цвета пудрой. Прическа получила название «детской». Под стать прическе сделали и простые широкополые шляпки из соломки, и простенькие «детские» платья (долой корсет!) из муслина, перкали и иных легких тканей, с кушаком вместо пояса — Бертен нашла их более полутора сотен. С рождением дочери королева стала совершать меньше прогулок, редко выезжала, а вскоре и вовсе прекратила ездить верхом, и по нескольку раз в день заходила к дочери. Возможно, прекращение прогулок верхом было связано с выкидышем, ибо, по словам мадам Кампан, оправившись после рождения Мадам Руаяль, королева вновь забеременела, но однажды, сядя в карету, резко потянулась, чтобы открыть окно, поранилась, и у нее случился выкидыш. И король, и преданная фрейлина постарались сохранить несчастье в секрете, но без особого успеха.

После рождения ребенка Мария Антуанетта все больше времени проводила в «своем царстве» — в Трианоне, где, исповедуя простоту в духе Руссо, не только вводила в моду легкие платья пастельных расцветок, но и

простоту нравов, окончательно похоронив не только его величество Этикет, но и благопристойные манеры. Когда королева входила в комнату, никто не считал нужным ни встать, ни поклониться ей, ни даже прервать разговор. При ней рассказывали скабрёзные анекдоты, могли возражать ей, прерывать ее. К «трианонской простоте нравов» относились по-разному. Мадам Кампан писала вполне элегически: «Когда королева входила к себе в гостиную, никто из дам не прерывал ни музицирование, ни вышивание, мужчины продолжали играть в бильярд или в триктрак». Придворная дама Мадам Елизавета весьма нелицеприятно высказывалась о трианонском окружении королевы: «Это знаменитое общество состоит из дурных людей, высокомерных и злоязыких. Они считают, что созданы для того, чтобы осуждать всех остальных... Они боятся, как бы кто-нибудь еще не втерся в доверие к королеве, и поэтому никогда никого не хвалят, зато вволю над всеми насмеваются». Но, если не считать графа д'Артуа, общество, о котором писали, окружало не столько королеву, сколько ее дорогую подругу Полиньяк, которая никогда и ни в чем не отказывала своим друзьям. А королева ни в чем не отказывала своей дорогой Иоланде — ведь та с самого начала ничего не просила для себя. В день их знакомства она, меланхолично взглянув на королеву, сказала, что постоянно жить при дворе у нее не хватит средств; услышав это, королева устыдилась и с тех пор делала все, чтобы подруга не чувствовала между ними разницы. Она *поднимала* Полиньяк до себя, а Полиньяк *подминала* ее под себя.

Если судить по письмам в Вену, Мария Антуанетта стала заботливой матерью. «Я отправила вам, дорогая матушка, портрет дочери, он очень хорошо передает сходство. Она уже неплохо передвигается в ходунках. Несколько дней назад она впервые произнесла “папа”; зубки у нее еще не прорезались, но их уже можно прощупать. Я очень рада, что она начала говорить со слова “папа”: король еще больше к ней привяжется», — писала она в сентябре 1779 года. А это март 1780-го: «...она высокая и сильная, ее принимают за двухлетнюю. Она самостоятельно ходит, падает и без помощи встает, но ничего не говорит. Надеюсь, моей дорогой матушке будет приятно узнать, какое счастье охватило меня четыре дня назад. Когда в комнате дочери находилось несколько человек, я попросила кого-то спросить малютку, где ее мать. И малышка, не взглянув ни на кого иного, улыбнулась мне и, протянув ручки, пошла мне навстречу. Она впервые узнала меня, и меня охватила такая несказанная радость, что с этого дня мне кажется, что я полюбила ее еще больше». Она заверяла императрицу, что «прекрасно понимает необходимость родить еще детей и относится к этому с полной серьезностью». В начале декабря Мария Терезия

напомнила: «Вашей дочери скоро исполнится год. Ей очень нужен маленький товарищ, и мы все этого желаем». В ответ Мария Антуанетта отправила матери новогодний подарок — локон волос короля, ее собственных и дочери. 1 января императрица поблагодарила дочь за подарок и снова напомнила, что первейшей ее обязанностью остается дофин, «причем в этом году». Напоминала она об этом и Мерси, дабы тот убедил королеву не откладывать укрепляющий здоровье курс лечения: «Более всего меня утешает ее единение с супругом; но мне хотелось бы поскорее увидеть результат, а потому, как мне кажется, ей не следует откладывать кровопускание и пить железистые воды». Мария Антуанетта понимала, что пока она не подарит «этой стране» (как она часто называла в письмах Францию) дофина, положение ее останется шатким. И она старалась не разрушать установившуюся между ней и королем близость. Радуюсь любым знакам внимания с ее стороны, король следовал за ней повсюду: к нелюбимой им Полиньяк, когда та ожидала разрешения от бремени^[14], в салон мадам де Гемене... Он даже сел за карточный стол. Когда двор находился в Марли, король впервые в жизни приобщился к игре в ландскнехт, во время которой, как говорили очевидцы, мудрость оставила его и он проиграл почти 400 тысяч ливров. Как написал Башомон, «придворные радовались, а добрые патриоты очень огорчались». Впрочем, королю удалось побороть внезапно вспыхнувшую злобную страсть.

1 июля 1780 года рядом с Малым Трианоном открылся небольшой театр, спроектированный по заказу королевы Ришаром Миком. Королева всегда любила театр, в Париже у нее были ложи не только в Опере, но и в «Комеди Франсез», и в театре Итальянской комедии. С первых лет пребывания в Версале игра на сцене стала любимым ее развлечением, в которое она с удовольствием вовлекала королевскую семью. Выше уже говорилось, что дофина предпочитала играть комедии и водевили, где примеривала на себя роли симпатичных горничных и озорных крестьянок. С годами пристрастия ее не изменились: она по-прежнему играла хорошеньких пастушек в кружевных чепчиках и коротких, на грани приличий, юбках, из-под которых виднелась изящная маленькая ножка с точеной щиколоткой. Чего только она не придумывала, чтобы забыть о королевском облачении, о королевском долге, об обязанностях... ах, эти обязанности! Перед альянсом, перед матушкой, перед братом, перед королем... да, еще перед Францией, что уж совсем непонятно... А выскочив на подмостки, она сбрасывала с плеч ненавистный груз и безоглядно предавалась нехитрому веселью сцены. Король поощрял театральные эскапады супруги: они отвлекали ее от карт и от

обременительных для казны поездок в Париж.

В июне королева совершила поездку в Эрменонвиль, где осмотрела английский сад, устроенный владельцем поместья Жирарденом, тем самым, кто предоставил последнее прижизненное пристанище (как оказалось, всего на полгода) Жан Жаку Руссо. Небезызвестный Гримм так описал поездку королевы: «В сопровождении всего двора, за исключением короля, королева отправилась в Эрменонвиль осмотреть тамошние сады. Известно, что она надолго задержалась на Тополином острове, где покоятся останки Жан Жака Руссо, и многие утверждали, что главная цель поездки августейшей персоны — отдать дань уважения памяти сего святого философа. Но, похоже, память этого мирного человека не удостоилась столь великой чести. Прибывшие осмотрели могилу, похвалили достойную простоту архитектуры, удачно выбранное место, окрестности которого навевали сладкую и романтическую меланхолию, а затем занялись осмотром иных предметов, не проявив никакого интереса к памяти человека, в честь коего был сооружен сей монумент». Заметка Гримма подтверждала отсутствие у королевы интереса к идеям, увлекавшим современников, безразличие к властителям дум не только Франции, но и всей Европы.

С одним произведением Руссо Мария Антуанетта все же ознакомилась и даже поставила его у себя в театре. В музыкальной интермедии Руссо под названием «Деревенский колдун» она сыграла крестьянку Колетту, д'Адемар — ее возлюбленного Колена, а Водрей — деревенского колдуна. Водрей считался лучшим актером королевской труппы, обогнав по широте амплуа даже артистичного Артуа, которому больше всего удавались роли лакеев и камердинеров. Для постановки «Деревенского колдуна» вельможные исполнители пригласили актеров из «Комеди Франсез» и Итальянской комедии — обучать их основам театральной декламации и пению. «У королевы очень приятный и хорошо поставленный голос, ее манера игры благородна и исполнена изящества; в целом спектакль превосходный, каковым надлежит быть развлечению благородного общества», — сообщал Мерси Марии Терезии. С большим успехом прошла комедия Седена «Нечаянное пари», начинавшаяся с монолога служанки Готты (в исполнении Марии Антуанетты): «Мы, слуги, мы всегда жалуемся, и в этом мы не правы. Конечно, иногда нам беспричинно приходится терпеть капризы, дурное настроение и даже грубости наших хозяев. С одной стороны, нас это, конечно, огорчает, но, с другой стороны, развлекает. Ох уж эта скука! Ах, как это ужасно — скучать...» Эти слова исполнительница наверняка прочувствовала более всех остальных! Ибо

матушка по-прежнему напоминала ей о «скучных делах»: «Говорят, ваша малышка прелестна и отличается завидным здоровьем; было бы просто преступлением не подарить этой нации еще одного ребенка». Нуждалась ли королева в напоминаниях императрицы? Не исключено, хотя, как пишет Мерси, когда король отправлялся охотиться в Сент-Юбер, королева — несмотря на скуку, которую вызывала у нее охота! — всегда его сопровождала. Но основным занятием осени у нее стал театр. Мерси писал, что, приглашая на спектакли принцев крови и членов их семей, королева исключала из числа приглашенных многих придворных, и завистники, не сумевшие попасть на спектакль, затаили на нее обиду.

2 ноября 1780 года королеве исполнилось 25 лет, а 29 ноября скончалась Мария Терезия. Императрице было 63 года, у нее сильно болели ноги, а незадолго до смерти начались проблемы с легкими. В своем последнем письме дочери, написанном 3 ноября, она подводит своего рода итог их долгой разлуки: «Дорогая дочь, вчера я весь день пребывала скорее во Франции, нежели в Австрии, перебирая в памяти прошедшие пятнадцать лет, которые в общем-то оказались неплохими». Словно чувствуя, что это письмо — последнее, императрица всячески поддерживала дочь в ее намерении обосноваться в большом дворце и начать вести жизнь не частного лица, но королевы, и уговаривала ее не бояться тех «мелких неудобств», которые такая жизнь доставляет, иначе «неприятности могут быть гораздо более серьезными <...> особенно у вас в стране, где народ столь легкомысленный».

Узнав о смерти Марии Терезии раньше королевы, Людовик XVI скрепя сердце обратился к аббату Вермону, попросив его сообщить печальную весть жене, а когда аббат выполнил возложенную на него миссию, отправился к ней сам и нежно ее утешал. Королева долго плакала, несколько дней не покидала своей комнаты, а потом написала проникновенное письмо брату; теперь он стал главной нитью, связывавшей ее с домом и детством, стал тем, кто *знал* и *направлял*. «Я еще не оправилась от страшного удара и пишу вам, заливаясь слезами. О брат мой, друг мой! Теперь только вы связываете меня с дорогой для меня страной, которая всегда будет мне дорога! Крепитесь, берегите себя, ради всех нас. <...> Прощайте! Слезы мешают мне писать. Помните, что мы ваши друзья, ваши союзники; любите меня. Обнимаю вас». Письмо это написано 10 декабря 1780 года. Четырьмя днями раньше Людовик отправил Иосифу II, ставшему, наконец, полноправным императором, письмо, где подчеркивал «взаимное преимущество нашего альянса», а также свое доброе отношение к брату королевы лично и высказывал уверенность, что «несмотря на все

нелепости, которые мой дорогой сосед Фридрих может выдумать или наговорить», Иосиф станет прислушиваться только к голосу фактов и разума...

«...Нам нужен дофин! Я в нетерпении, ибо возраст не позволяет мне долго ждать»; «Меня огорчает отсутствие у вас даже намека на беременность; вам непременно нужен дофин... для вашего счастья и для счастья Франции», — перечитывала королева письма матери, написанные незадолго до смерти. Они ли или неожиданная среди каждодневной суеты пауза, окрашенная горечью утраты, повлияли на впечатлительную королеву, но после траура она вернулась к примерной супружеской жизни и в феврале следующего года ощутила, что, возможно, снова беременна. А в марте уже вполне уверенно сообщила об этом событии Густаву III.

После отставки Сартина, занимавшего пост главы морского министерства, Полиньяк попыталась с помощью подруги выдвинуть на пост графа д'Адемара. Но король, не посоветовавшись даже с Морепа, назначил на это место маркиза де Кастри. Место военного министра занял маркиз де Сегюр и первым же своим указом запретил занимать офицерские должности тем, кто не мог предъявить свидетельство о наличии не менее четырех поколений благородных предков. Указ вызвал всеобщее возмущение и увеличил поток волонтеров, желающих отбыть воевать в Новый Свет. Популяризации идей равенства, находивших отклик не только среди третьего сословия, но и среди дворянства, много способствовал маркиз де Лафайет, приезжавший в 1779 году «на побывку» из армии Вашингтона. Ветер свободы из-за океана долетел до Франции. На фоне брожения умов, де-факто разъедавшего сословные границы, консервативные реформы Версаля способствовали падению престижа монархии. Обоих министров назначил король, но по слухам выходило, что Полиньяки посредством Марии Антуанетты протолкнули в министерство свои кандидатуры.

Вскоре случился еще один общественный взрыв: Неккер опубликовал финансовый отчет, который ежегодно делал королю, *compte rendu au roi*, иначе говоря, документ большой секретности, позволявший оценить катастрофическое состояние бюджета и понять, куда и на что расходовалась государственная казна. Предостерегал Неккер и об опасности для бюджета продолжения войны с Англией. Тираж отчета разошелся мгновенно, Неккера уволили, а на его место назначили Жоли де Флери; по словам Людовика XVI, он менял «министра, а не принципы». Но он ошибался: новый генеральный контролер похоронил все реформы, которые пытался осуществить Неккер. Летом ко двору вновь прибыл «граф

Фалькенштейн» — император Иосиф II инкогнито. Он намеревался провести в Версале не более недели, но сразу не рискнул сказать об этом сестре, которая рассчитывала подольше побыть с братом. Выбрав имя будущему младенцу и назначив своих заместителей на процедуре крещения (ими стали Прованс и Артуа), император напомнил Мерси о необходимости по-прежнему подробно писать ему обо всем, что касается Марии Антуанетты, призвал сестру всемерно способствовать процветанию альянса и 5 августа отбыл в Вену. Его предложение выступить посредником в мирных переговорах между Англией и Францией осталось без ответа. Посредничество это не давало Иосифу покоя: исключенный из франко-англо-американской политики, он чувствовал себя не у дел и изо всех сил старался исправить положение. Понимая, что посредничество немедленно сблизит Иосифа II с Англией, что не пойдет на пользу Франции, Людовик предпочитал — в случае необходимости — обратиться за посредничеством к Пруссии. Перед отъездом брата королева устроила в Трианоне роскошный праздник: семейный ужин, по окончании которого участников пригласили в дворцовый театр на новую оперу Глюка «Ифигения в Тавриде».

Для королевы перестановки в правительстве отошли на второй план: 22 октября 1781 года она родила наследника престола. На этот раз дверь в комнату, где проходили роды, была закрыта; свидетелями — помимо врачей и короля — стали братья короля с женами и наиболее приближенные дамы из свиты королевы: принцесса де Ламбаль, мадам де Шимэ, мадам д'Оссон, мадам де Майи, мадам де Таван и мадам де Гемене. Когда ребенок появился на свет, наступила такая тишина, что королева решила, будто снова родила девочку. Но тут хранитель печатей громко объявил, что родился мальчик, и король, подойдя к жене, торжественно заявил: «Мадам, вы исполнили пожелания мои и Франции: вы стали матерью дофина». Из глаз у него текли слезы радости, он никак не мог успокоиться и то и дело повторял: «Мой сын! Дофин!» Мадам де Гемене принесла показать младенца матери. Как пишут, мальчик оказался крупным: весил 13 фунтов и росту имел 22 дюйма. Ребенку дали имя Луи Жозеф (Людовик Иосиф) — в честь Бурбонов и Габсбургов и еще добавили Ксавье Франсуа. При церемонии крещения никаких эксцессов не произошло.

Рождение сына король отметил целой серией пышных, шумных и дорогостоящих праздников, в которых народ принимал самое активное участие. Казалось, это событие сумело объединить всю нацию: на улицах люди обнимались и танцевали от радости. Как и после рождения Мадам Руаяль — но теперь не только в Париже, но и в других городах, — прошли

торжественные бракосочетания достойных пар, которым от имени королевы выдавали приданое в 300 ливров. В столице играли оркестры и бесплатно раздавали вино. В Версаль поздравить королеву прибыли представители ремесленных корпораций Парижа. В черных шелковых платьях, парадной одежде корпорации (и почти все с бриллиантами), пришли во дворец 50 рыночных торговок. Мадам де Шимэ, исполнявшая роль привратницы, допустила в комнату королевы всего лишь трех, и одна, самая симпатичная, произнесла речь, сочиненную специально для такого случая Л а Гарпом^[15]; чтобы не забыть слова, девица записала их на веере и то и дело бросала на него взоры. По словам мадам Кампан, девица голос имела приятный и речь довела до конца — в отличие от крикливых рыбных торговок, которых Мария Антуанетта никогда не любила, но которые также явились поздравить ее с рождением дофина. Корпорации устроили праздничное шествие: мясники привели упитанного тельца, предназначенного в подарок дофину; слесари и кузнецы, радостно стуча молотками по наковальне, преподнесли его величеству кованую шкатулку, откуда при нажатии потайной кнопки выскакивал крошечный дофин; сапожники на ходу дошивали для дофина пару крошечных сапог; портные — крошечный мундир его будущего полка. Придворные с любопытством взирали на трудовой люд Парижа, слагавший к ногам младенца все самое лучшее, что он имел. Королевам рынка король дал публичный банкет, накрыв в дворцовой галерее длинный стол, и каждый, кто хотел, мог полюбоваться на это пиршество. Во время банкета рыбные торговки исполнили грубоватые, но вполне верноподданнические куплеты. Ничто, несмотря на антипатию королевы, не предвещало их зловещей роли в будущих октябрьских событиях.

На первом после рождения дофина балу Мария Антуанетта появилась в голубом платье, расшитом мелкими сапфирами и бриллиантами. Бал давала Версальская гвардия, голубые с белым мундиры удивительно гармонировали со сверкающим платьем королевы; открывая с одним из гвардейцев бал, королева была столь хороша, что никто из приглашенных ни разу не вспомнил ни сплетен, ни слухов, ходивших об этой молодой и красивой женщине: как можно очернять такое ангельское создание? Но, несмотря на всеобщее ликование, на ставший безумно популярным цвет «детской неожиданности дофина», на фейерверки, на стремительно раскупавшиеся изображения дофина, за пределами Версаля не утихал ропот, направленный против королевы. 21 января 1782 года, выйдя из собора Парижской Богоматери, где она вознесла хвалы Господу, даровавшему ей сына, королева заметила на стене афишку. Ее автор-

аноним предлагал арестовать короля и королеву, под надежной охраной «привести их в ратушу, заставить покаяться в своих преступлениях, а потом сжечь живьем на Гревской площади». Ровно через 11 лет Людовика XVI под надежной охраной доставят на площадь Республики и казнят. Пока же король с отвращением читал очередной катрен, подсунутый под дверь его кабинета:

Вон — в зеркале — семья:
рогач, бастард и шлюшка.
Король, узнал себя?
И женушку-резвушку?

С отвращением разорвав листок, король, зажмурившись, долго шел через Зеркальную галерею.

*

Через месяц после рождения дофина случилось печальное событие, не замеченное, пожалуй, только занятой детьми королевой: скончался Морепа, и осиротевший двор, привыкший, словно пчелы к матке, слетаться в гостиную главного министра, почувствовал себя неприкаянным. В намерения короля не входило назначать главного министра. Шла война, и, как объяснил Людовик XVI, в качестве советчика ему вполне хватало Верженна. А дальше — еще одна напасть: сокрушительное банкротство принца де Роган-Гемене, долг которого составил 33 миллиона ливров. Несмотря на продажу нескольких замков и изрядное вспомоществование из королевской казны, все долги принц, разумеется, выплатить не смог и разорил огромную армию мелких поставщиков: обойщиков, булочников, мебельщиков, бакалейщиков... Банкротство затронуло честь всего дома Роганов, и супруге банкрота, мадам де Гемене пришлось покинуть пост гувернантки детей Франции. На ком остановить выбор? Одни пишут, что Мария Антуанетта сама уговорила Полиньяк принять должность воспитательницы своих детей; другие утверждают, что на эту мысль ее натолкнул друг Полиньяков Безанваль. Согласно своей новой должности герцогиня должна была неотлучно пребывать подле детей королевы, а значит, подле самой королевы, и ей следовало предоставить комнаты как в Версальском дворце, так и в Трианоне. Впрочем, как писали современники,

в большом дворце Полиньяк еще раньше обрела 13 удобных комнат, в то время как многие вельможи ютились буквально в клетушках. Но хуже всего, что теперь, когда заходила речь о дофине, невольно всплывало имя Полиньяк, а так как имя это подданным Марии Антуанетты было ненавистно, часть сей ненависти невольно перепадала дофину. Из-за назначения Полиньяк стали говорить, что Мария Антуанетта плохая мать. По словам маркиза де Бомбея, чья жена являлась ближайшей подругой Мадам Елизаветы, когда королева в очередной раз отправлялась на бал в Париж, «дофин лишился одновременно и матери, и гувернантки»^[16].

В мае 1782 года Париж с визитом посетили «граф и графиня Северные» — цесаревич Павел Петрович с супругой, принцессой Софией Доротеей Вюртембергской (принявшей при переходе в православие имя Мария Федоровна). Как доверительно сообщил Иосиф сестре, Павел, совершавший образовательную поездку по Европе, намеревался вызнать позицию Людовика XVI относительно предположительного раздела Османской империи, о котором договорились Россия и Австрия^[17]. Обуреваемый жаждой приращения земель, Иосиф попросил сестру оказать гостям наилучший прием. Говорят, он даже описал вкусы гостей и их привычки. Остановившиеся в доме русского посланника князя Барятинского, граф и графиня Северные были незамедлительно приняты Людовиком XVI и Марией Антуанеттой. Исполняя пожелание брата, а может, и в самом деле проникнувшись симпатией к русскому цесаревичу с женой, о которых с теплым чувством пишет в своих воспоминаниях баронесса Оберкирх, королева устраивала венценосной паре всевозможные развлечения: спектакли в «Комеди Франсез» и Опере, посещение Севрской мануфактуры, балы и маскарады, обеды и ужины в Версале, Трианоне и Марли. По слухам, на прием, устроенный королевой в Трианоне, куда приглашенным предлагалось прибыть «без всяких церемоний», то есть в удобных, не парадных костюмах, проник, подкупив привратника, ненавистный Марии Антуанетте кардинал Роган (опознанный по красным кардинальским чулкам); на следующий день разгневанная королева выгнала привратника. По словам мадам Кампан, простой и скромный вид Павла пришелся по душе Людовику XVI, и он, обычно не слишком разговорчивый, беседовал с русским принцем дольше и откровеннее, чем с Иосифом II. В день представления иностранных гостей королева так разволновалась, что перед началом церемонии забежала к себе в кабинет выпить стакан воды и, как пишет Кампан, сказала, что «она осознала, насколько сложнее исполнять роль королевы в присутствии иностранных

суверенов, нежели перед собственными придворными». Растроганный приемом, граф Северный проговорился о бесчеловечной политике русской царицы. Изумленный Людовик спросил: неужели в свите цесаревича нет ни одного человека, на которого он мог бы положиться? На это Павел ответил, что был бы изрядно раздосадован, если бы у него в свите предан ему оказался хотя бы пудель, ибо по приезде мать его велела бы немедленно утопить сего пуделя. «Я никогда не забуду ни эти слова, ни взгляд, сопровождавший их», — пишет мадам Кампан. Графиня Северная посетила модные лавки Парижа, включая мастерскую «министра моды» Бертен; ей сделали прическу с букетом живых цветов, вода для которых поступала по трубочке из сосуда, спрятанного в волосах. Граф Северный побывал на могиле Ришелье, где сопровождавший его рассказал, как славный предок графа, царь Петр, преклонив колени перед могилой кардинала, произнес: «О великий человек, если бы ты был жив, я бы отдал тебе полцарства, чтобы ты научил меня править оставшейся половиной». «На месте кардинала я бы побоялся долго хранить такой подарок», — скептически заметил граф. Павел посетил отправленного в отставку Неккера и более часа беседовал с ним наедине, после чего заявил, что вместе со всей Европой он восхищается талантами и познаниями господина Неккера. Чета графов Северных покинула Париж, вполне довольная визитом. А Мария Антуанетта, которая, по словам Оберкирх, «вела себя с гостями столь любезно, словно знала их всю жизнь», наконец вернулась к привычной расслабленной и необременительной трудами жизни. Ее внимательное отношение к гостям явилось исполнением просьбы брата, для которого, ввиду его экспансионистских планов на Балканах, было очень важно заручиться поддержкой наследника российской короны. Людовик также остался доволен, ибо, когда разговоры заходили о политике, они с Верженном отвечали сдержанно и сумели ничего не пообещать.

В сентябре королева отправилась в Лувуа, во владения теток короля. Народ отовсюду стекался посмотреть на королеву, и та, отправляясь на прогулку, всегда надевала медальон с портретом дофина, дабы при каждом удобном случае сказать: «Дети мои, вот мой сын». Как пишет маркиз де Бомбель, «она никогда не пренебрегала никакими средствами, дабы пробудить к себе симпатию, и окружение ее часто бывало повинно в том, что не находило нужным подсказать ей, что надобно сделать, чтобы получить одобрение народа...». Будь королева более внимательна, она и сама смогла бы найти подсказки...

Отходя все дальше от политики, королева все больше занималась

детьми. Детям позволялось в любое время входить к матери. «Нет никакой возможности поговорить с ней о чем-либо серьезном и важном; а когда прибегает ее дочь, чтобы поиграть и повеселиться с матерью, это еще больше усугубляет присущие королеве рассеянность и невнимательность», — жаловался Мерси Иосифу II. Посол, как и прежде, докладывал о каждом шаге Марии Антуанетты. Но если раньше донесения Мерси становились поводом для назиданий императрицы, и королева, по сути, являлась вершиной своеобразного треугольника, в основании которого находились Мерси и Мария Терезия, обстреливавшие ее наставлениями, то теперь Мерси не всегда знал, как его донесения воспринимал Иосиф.

После смерти матери император, словно наверстывая годы своего полувластия, спешно осуществлял реформы и лихорадочно пытался прирастить территорию, полагая таким образом повысить собственную роль в Германской империи. Ввязавшись в Русско-турецкую войну в качестве союзника России, Иосиф надеялся на территориальные приращения после раздела Порты. Но особенно императора прельщала Бавария, присоединение которой дало бы ему великое преимущество перед давним соперником — Фридрихом II. Есть основания полагать, что и с Вольтером в свое время Иосиф не встретился только потому, что великому философу некогда покровительствовал Фридрих. Потерпев неудачу в войне за баварское наследство и подписав мир по воле Марии Терезии, Иосиф не оставил надежды заполучить сию территорию и после смерти матери решил попробовать подойти к вопросу с другого конца — обменять Австрийские Нидерланды на Баварию. Осуществить обмен он собирался путем соглашения с баварским курфюрстом Карлом Теодором и его наследником — герцогом Карлом Августом Цвейбрюккенским, переговоры с которым по договоренности с Австрией начала Россия. Одновременно Иосиф хотел добиться от Республики Соединенных провинций открытия для иностранных судов прохода по реке Шельда, что — в преддверии обмена — увеличивало экономическую привлекательность Австрийских Нидерландов для будущего владельца. Как только слух о баварском проекте стал достоянием европейской общественности, Фридрих II обвинил Иосифа II в нарушении законов Империи и приступил к созданию так называемого Союза князей, к которому к июлю 1785 года примкнули почти все германские князья, включая курфюрста ганноверского — английского короля Георга III. Предполагаемые масштабные перестановки в центре Европы очевидно требовали участия Франции — союзницы, способной оказать поддержку моральную, военную и финансовую. Иосиф был уверен, что во Франции он располагал могущественным агентом влияния — самой

королевой.

Но интересы Франции не всегда совпадали с интересами Австрии, а Людовик XVI — в отличие от своего шурина — не стремился прибавить к своему имени приставку «Великий». Не поддержав союзницу, Франция встала на защиту интересов герцога Цвейбрюккенского. Аналогичную позицию она заняла и в конфликте императора с Республикой Соединенных провинций, воспрепятствовав открытию устья Шельды. Никогда не жаждавший военной славы, Людовик отличался удивительным для того времени пацифизмом, а если вспомнить, что Марию Антуанетту с детства привлекали военные, то, возможно, это качество являлось в ее глазах еще одним (из прочего множества) недостатком супруга.

Несмотря на начальные неудачи в войне с Англией, победа французской эскадры под командованием адмирала де Грасса в Чесапикском заливе и капитуляция английских войск под Йорктауном, осажденным войсками инсургентов и союзников-французов, стали решающими сражениями освободительной войны американских колоний: стороны приступили к переговорам. После трудного, растянувшегося почти на два года обсуждения условий мира, в сентябре 1783 года в Париже было подписано соглашение, согласно которому Англия признавала независимость Соединенных Штатов Америки. Следом в Версале был подписан мир между Англией, с одной стороны, и Францией и Испанией — с другой. Англичане уступали Испании остров Менорку и Флориду, а Франции — остров Тобаго и Сенегал. Уступки, полученные в результате Версальского мира, никак не покрывали дефицит бюджета, в котором война пробила гораздо большую брешь, нежели платья и бриллианты Марии Антуанетты.

Для королевы прекращение военных действий на американском фронте означало возвращение во Францию добровольцев, а значит, Ферзена. Героического воина, овеянного боевой славой, образцового кавалера, грозу дамских сердец. В мае 1783 года Мария Антуанетта писала Густаву III: «...Ваше Величество должны знать, что в этой войне, коя, к счастью, окончилась, отличилось много шведских офицеров. Я от всего сердца аплодировала, когда король публично воздал им хвалы».

Ферзен вернулся в июне — после трехлетнего отсутствия. Как пишет в своих воспоминаниях графиня де Буань (урожденная д'Осмонд), граф Ферзен искренне и страстно влюбился в королеву, «она была этим тронута, но сопротивлялась своей страсти и убедила его удалиться. Он уехал в Америку, пробыл там два года, и в эти годы он так сильно болел, что вернулся в Версаль, постарев на десять лет и почти утратив прежнюю

красоту. Полагают, эта перемена растрогала королеву; но, какова бы ни была причина, в ближайшем окружении королевы не сомневались, что она уступила страсти Ферзена. Он доказал безгрешность сей жертвы своей безграничной преданностью, своей искренней и в то же время почтительной и сдержанной любовью; он дышал лишь для нее и весь свой жизненный опыт использовал для того, чтобы как можно меньше ее компрометировать. О их связи догадывались, но никогда не подвергали ее огласке. Если бы друзья королевы были столь же сдержанны и бескорыстны, как Ферзен, на голову этой несчастной принцессы не обрушилось бы столько клеветы». Эти строки подводят нас к выводу, что роман между королевой и Ферзеном был не только платоническим. Но в 1783 году графине было немногим более двух лет, и писать о Ферзене она могла только с чьих-то слов.

В те три месяца, что Ферзен провел в Париже перед отъездом в Швецию, красавец-швед и Мария Антуанетта вряд ли виделись часто. Королева снова была беременна, причем эта беременность протекала тяжело и в самом начале ноября завершилась выкидышем. Ферзен занимался устройством своего будущего и вновь подумывал о выгодной женитьбе — на этот раз на дочери Неккера Жермене, которая, однако, предпочла ему шведского посланника барона де Сталь. Ферзен несколько не огорчился — быть может, потому, что, несмотря на редкие встречи с королевой, в сердце его вспыхнула любовь. Хотя, возможно, он примчался в Версаль уже на крыльях любви. Возможно, из далекой Америки королева виделась ему некой принцессой Грезой, «дальней любовью», достойной рыцарского поклонения и служения. Или, как предполагает А. Сьёдерхельм, «смутная надежда», которую он хранил все эти «долгие военные годы», наконец стала уверенностью и влюбленные нашли время объясниться. Впрочем, земной любовью Ферзен никогда и нигде не был обделен. Версия о нежных чувствах вернувшегося из Америки шведа строится на его письме сестре Софи, отправленном 31 июля: «Я не могу ни о чем думать, настолько я счастлив, и на это есть все основания, о которых я расскажу подробнее при встрече. <...> Несмотря на всю радость от предстоящей встречи с вами, я не могу без сожаления покидать Париж. Вы найдете это совершенно естественным, когда узнаете причину; я обязательно сообщу ее вам, ибо не хочу иметь от вас секретов. <...> Надеюсь, больше поводов судачить обо мне не будет, поскольку я не хочу когда бы то ни было связывать себя семейными узами, это против моей природы. Когда-нибудь, когда меня настигнет несчастье утратить отца и мать, вы, милая моя подруга, замените мне и отца, и мать, и даже жену. Вы

станете хозяйкой моего дома, это будет ваш дом, и мы больше никогда не расстанемся. Я не могу быть с той единственной, которой хотел бы принадлежать, с той, кто действительно меня любит; вот почему я не хочу принадлежать никому». Но принадлежал ли он уже королеве? Неизвестно.

Известно о другой, вполне земной любви Ферзена — к итальянской авантюристке, красавице Элеоноре Сюзливан (в девичестве Франки), прибывшей в Париж вместе с богатым любовником англичанином лордом Кроуфордом. Познакомившись с Элеонорой в 1783 году, Ферзен каждый свой приезд в Париж устремлялся в объятия красавицы, ставшей не только его любовницей, но и другом и помощником^[18].

Ферзен не терял надежды сделать карьеру во Франции. Но если в прежний свой приезд он рассуждал об этом довольно абстрактно, сейчас он делал для этого все, что от него зависело. «Граф Кройц расскажет вам, как для меня это важно, — писал Аксель сестре. (К этому времени Кройц отбыл в Стокгольм, а его место занял барон де Сталь-Гольштейн.) — Если желание мое осуществится, я стану самым счастливым человеком на свете, а если не осуществится — то самым несчастным. Милая моя подруга, убедите отца согласиться с моим решением, и он сделает счастье всей моей жизни». Непривычно эмоциональные строки для обычно сдержанного и даже холодного Ферзена, каковым его считали современники. Граф обратился с просьбой к Густаву III посодействовать ему в получении должности полковника Шведского королевского полка. Отца он просил выделить ему 100 тысяч ливров для приобретения полковничьего патента. Согласие на службу во Франции Ферзен-старший дал, но в деньгах отказал, мотивируя тем, что не может тратить средства только на старшего сына. Деньги Ферзену одолжил Бретейль, вернувшийся из Вены, где исполнял обязанности посла; в Версале он с помощью Марии Антуанетты занял пост министра Королевского дома. Рекомендация шведского короля (скорее всего, вкуче с просьбой Марии Антуанетты) сыграла свою роль. «О, как я счастлив! — писал Ферзен сестре. — Король и отец на все согласны, и я счастлив... счастлив, хотя едва смею этому верить, несмотря на то, что у меня есть для этого все основания, о которых я вам расскажу, как только приеду...» Людовик XVI назначил графа Акселя Ферзена командиром Шведского королевского полка, в котором служили преимущественно шведы. В сентябре, после отъезда Ферзена, Мария Антуанетта написала Густаву благодарственное письмо: «Пользуясь отъездом графа Ферзена, выражаю свою признательность Вашему Величеству; рекомендация, присланная вами королю, была воспринята как должно, ибо исходила от вас <...> здесь помнят отца Ферзена и оказанные им услуги, а также его

безупречную репутацию, каковой теперь пользуется и его сын, неоднократно отличившийся на полях сражений Америки; благодаря своему характеру и множеству иных достойных качеств, граф Ферзен заслужил уважение и любовь всех, кому посчастливилось познакомиться с ним».

Каким бы пылким ни было чувство, связавшее Акселя и Марию Антуанетту, оба, по утверждению маркиза де Бомбея, вели себя сдержанно и осторожно. В обществе, где мода превратила любовь в изящную игрушку, а любовные победы в повод для похвальбы, влюбленные вели себя исключительно старомодно, не желая выставлять свое чувство напоказ. «Злые языки говорят, что королева, увлекшись этим молодым человеком, пожелала как можно прочнее привязать его к королевской службе. Я сам был свидетелем проявленного ею участия, и утверждаю, что относилась она к нему с присущей ей простотой и благородством. <...> Если королеве он пришелся по сердцу, не было ничего проще, чем обязать его провести зиму здесь, он же через неделю или две умчался в Стокгольм. Говорят, Ее Величество виртуозно умеет скрытничать, ибо на публике она относилась к господину Ферзену так же, как ко всем остальным. Надо признать, ему повезло, что принцесса от природы имеет характер кроткий и незлобивый, ведь было сделано все, чтобы ее озлобить, ибо ей не прощали ничего, даже того, что никак нельзя было ни заподозрить, ни тем более порицать». Накануне отъезда Ферзена в Версале братья Монгольфье подняли в небо наполненный горячим воздухом воздушный шар с первыми пассажирами: овечкой, курицей и уткой. После отъезда Ферзен отправил «Жозефине» восемь писем. Как отмечает А. Съедерхельм, «из замечаний в дневнике можно сделать вывод, что письма передавались специальному посреднику и часто переписывались кем-то иным, нежели Ферзеном».

*

Здоровье дофина, поначалу радовавшее родителей, начало ухудшаться. У него непропорционально росла голова, он замедлил набирать в весе и прибавлять в росте. Спустя месяц после повергнувшего ее в панику выкидыша Мария Антуанетта писала брату: «Дорогой брат, со здоровьем у меня все в порядке. Я очень хочу иметь второго сына, но мне кажется, что несколько месяцев отдыха пойдут мне на пользу и позволят осуществить задуманное». Иосиф давно говорил сестре, что для обеспечения престолонаследия необходим еще один сын. Снова увидев Ферзена,

королеве стало все труднее исполнять свой долг по отношению к супругу, разделять его жизнь, его вечные охоты. А королю было все тяжелее поддерживать престиж как в глазах нации, так и собственной жены, и он все чаще задерживался на охоте. По словам герцога де Леви, Людовик XVI «не обладал ни чарующей элегантностью, ни внушительным блеском, ни солидной прочностью. Но этот монарх отменил пытки и был добр и великодушен». Финансовое положение королевства не улучшалось, хотя генеральные контролеры менялись один за другим. Версальский мир положил конец военным расходам, но не возместил их.

Словно предчувствуя грозные перемены, Мария Антуанетта большую часть времени проводила в Трианоне, где занималась воспитанием детей и завершала работы по устройству «настоящей деревни». Впрочем, она не первая, кто, следуя духу времени и желая приблизиться к природе, строил у себя в парках «фермы» и «сельские домики». Модную ферму для отдохновения имел в своих меревильских владениях генеральный откупщик Лаборд; принц Конде у себя в Шантийи соорудил «сельскую хижину»... Увидев «хижину» Конде, Мария Антуанетта тотчас решила построить свою. В результате замысел воплотился с поистине королевским размахом. Дюжина искусственно состаренных крестьянских домов с элементами дворцовой архитектуры, несколько хозяйственных построек, домик королевы, домик привратника, голубятня, молочная ферма, сыроварня, рыбный пруд. И всюду — в хлеву, на птичьем дворе, в «хижинах», на ферме — безукоризненная чистота, сравнимая с блеском роскошного севрского фарфора с монограммами королевы, в котором гостям подавали парное молоко и подносили свежие сыры. Юные крестьянки полоскали в искусственном ручье чистые холсты. Отмытые до блеска поросята щеголяли розовыми и голубыми бантами. Живописные пейзажи, украсив себя букетиками скромных полевых цветов, весело трудились на полях и приглядывали за стадом белоснежных овец. А на цветущем лугу, защищая лицо от палящих лучей солнца широкими полями соломенных шляп, в скромных муслиновых платьях гуляла королева с подругами в сопровождении галантных кавалеров в белых одеждах. По вечерам при свете разноцветных фонариков на лугу устраивали танцы. Сельская идиллия. Лаковая китайская шкатулка. Расписная театральная декорация.

Модный тренд под названием «естественность и простота» не имел ничего общего с подлинной деревней, изнывавшей под бременем налогов и феодальных повинностей. Обманка. *Trompe l'oeil*. Произведение искусства, созданное талантом Ришара Мика и Юбера Робера. Пейзаж в духе Греза.

Милая непосредственность роскоши, напоминавшая кукольный театр, где Мария Антуанетта и ее гости, подобно механическим игрушкам Вокансона, двигались в замкнутом кругу Трианона. В этом кукольном мире королева была счастлива, здесь звучали смех и молодые голоса, он нисколько не походил на громоздкий механизм Версальского дворца, приводимого в движение могущественными силами под названием традиции и этикет. Впрочем, как знать.... Если бы История отложила революцию хотя бы на полвека и наследник Людовика XVI занял трон, то насаждавшиеся королевой новые придворные стандарты поведения, возможно, показались бы ему скучными и пресными.

Мария Антуанетта смотрела на мир из-за стен дворца, куда со всего мира стекались и новости, и люди, и товары; из них, как из кирпичиков, она по собственному разумению строила свой мирок — маленький уютный мирок частного лица, которому нет дела до мнения соседей. Но любое строительство требует денег, а деньги королева черпала из государственной казны, и черпала так много, что незамеченными эти расходы пройти не могли. В 1791 году будет подсчитана стоимость работ по благоустройству Трианона, и итоговая цифра изумит даже Марию Антуанетту. Подсчеты коснутся непосредственно работ по созданию пейзажей, подводу дорогостоящей воды и строительству «развалин». Но были и другие траты, как то: устройство праздников, пошив новых «простеньких» туалетов... В одном только 1786 году наряды королевы обошлись казне в 272 тысячи ливров, что превысило бюджет ее величества на 150 тысяч ливров. А ведь речь шла о «детских» платьях из тонкого муслина и без всяких украшений! Желание королевы носить «простую и естественную» одежду старый двор расценивал как неуместную и не соответствующую ее рангу причуду, казне же оно стоило ничуть не дешевле «традиционных» придворных нарядов.

Когда в 1783 году молодая художница Виже-Лебрен выставила в Салоне портрет Марии Антуанетты в белом батистовом платье, перехваченном в талии желтым кушаком из тафты, и в широкополой соломенной шляпе, разразился настоящий скандал. Придворная знать возмущалась, что на портрете королева одета как горничная, хроникеры упрекали королеву за отказ от шелковых платьев, разоривший французских производителей шелка. На легкие платья уходило больше денег: тонкие ткани быстрее изнашивались, быстрее приходилось шить новые... Дабы успокоить недовольных, Виже-Лебрен быстро заменила картину ее вариантом, изобразив королеву в традиционном придворном платье из серого шелка и в украшенной перьями шляпе. Однако портрет в белом платье с пышными рукавами и небольшим вырезом, обрамленным

прозрачными воланами без всяких украшений, остался лучшим портретом Марии Антуанетты. Именно в нем художнице удалось передать ту естественность и свободу в обращении, что отличали королеву в узком кругу друзей, передать красоту, грациозность и элегантность молодой женщины, величественная посадка головы которой выдавала в ней королеву.

Зима 1783/84 года выдалась аномально холодной, и королева усиленно занималась благотворительностью, приучая к ней детей. Вместе с детьми она посещала приют для подкинутых младенцев, где дофин и Мадам Руаяль раздавали деньги из своих личных кошельков. Желание помочь ближнему у королевы всегда шло от сердца, она хотела, чтобы и дети ее, избалованные придворными, по-настоящему научились сострадать. Но так как королева продолжала играть и ездить на балы, злые языки утверждали, что благотворительностью она успокаивает собственную совесть.

Лето вознаградило королеву: инкогнито, под именем графа Хага, 7 июня в Париж прибыл Густав III, в свите которого состоял его ближайший друг — граф Аксель Ферзен. Мария Антуанетта недолюбливала Густава III; но, понимая, что ее счастье во многом зависит от него, постаралась сделать пребывание шведского короля во Франции как можно более приятным. Видя в Швеции традиционного союзника Франции, Людовик приветствовал праздники, устраиваемые в честь Густава.

Известие о прибытии графа Хага застало Людовика в окрестностях Рамбуи; он прервал охоту и вернулся во дворец. Час был неурочный, и король, пожелавший переодеться, не застал на месте никого из слуг. Попытка одеться самостоятельно окончилась плачевно: грузный близорукий Людовик вышел к гостю в разных башмаках, доставив Марии Антуанетте немало неприятных минут. А никогда не придававший значения одежде Людовик лишь посмеялся над собственной рассеянностью. «Французский монарх самый добродушный, его лицо дышит искренностью», — говорил граф Хага.

Многие полагают, что именно летом 1784 года романтическое увлечение Марии Антуанетты красавцем-шведом перешло в иную стадию, мотивируя тем, что 27 марта следующего года, когда у королевы родился сын, Людовик XVI в своем дневнике написал: «Роды королевы. Рождение герцога Нормандского. Все прошло так же, как и с моим сыном». Подчеркивают, что титул герцога Нормандского не присваивался более трехсот лет. И ссылаются на запись, сделанную Ферзенем в дневнике после смерти Людовика XVII: «Это последний и единственный интерес, который у меня оставался во Франции. В настоящее время его больше нет, и все, к

чему я был привязан, более не существует». Но если судить по письму Иосифу II, происхождение малыша, названного Луи Шарлем, у Людовика сомнений не вызывало: «Дорогой шурин, с величайшим удовольствием извещаю вас, что королева только что счастливо произвела на свет мальчика, которого я назвал герцогом Нормандским. Зная о ваших дружеских ко мне чувствах, уверен, вы разделите со мной мою радость».

Два месяца, что шведы провели во Франции, пролетели для Марии Антуанетты невыносимо быстро. Визит Густава пошел на пользу как Швеции, которой в случае конфликта с соседями была обещана финансовая помощь, так и Ферзену, для которого Густав III выхлопотал ежегодное содержание в 20 тысяч ливров, позволявшее не заботиться о хлебе насущном. (В 1788 году оно было сокращено до 13 тысяч, а в 1791-м отменено вовсе.) Едва именитые шведы покинули Париж, к Жозефине полетели письма. А по прибытии в Стокгольм Ферзей выбрал для Марии Антуанетты щенка — подарок, который в те времена было принято преподносить монархам.

Ко времени прибытия собачки (крупной породы, наподобие датского дога) от летней эйфории у королевы не осталось и следа. Очередной политический демарш Марии Антуанетты (как писал Мерси, она «необычайно рьяно» стала выступать в поддержку брата) в период разрешения так называемого голландского вопроса едва не привел к краху франко-австрийский альянс и приумножил неприязнь французов к своей королеве. В конце июля 1784 года Мерси представил Верженну ультиматум, предъявленный австрийским императором Республике Соединенных провинций: император категорически требовал свободного прохода в устье Шельды; вступив в переговоры с голландцами, Иосиф II потребовал Версаль поддержать его. Верженн отклонил австрийские требования, сославшись на то, что Версальский двор «не вправе диктовать законы голландскому правительству». Обиженный Иосиф отправил сестре письмо, где назвал Верженна «министром, который заботится о себе, а не об интересах своего короля» и занимает пост «благодаря не уму и таланту, а удаче и проницательности». «Совершенно ясно, что поведение господина де Верженна нисколько не способствует не только укреплению, но даже и поддержанию альянса и объединяющих нас политических интересов», — писал он. Как и прежде, Мария Антуанетта оказалась между двух огней: с одной стороны — интересы государства, коим правит ее супруг, а впоследствии будет править ее сын, а с другой — интересы родной Австрии, кровную связь с которой она благодаря Иосифу II не переставала ощущать. Она инстинктивно выступала на стороне Австрии, чьи интересы

ей сначала растолковывала мать-императрица, потом брат-император и всегда — вечный Мерси. Задевая чувствительные струны ее души, австрийская сторона упрекала Марию Антуанетту в том, что король не посвящает ее в государственные дела, и той — уж не раз! — приходилось оправдываться.

«Дорогой брат, я согласна с отсутствием дальновзоркости у нашего министра. Я давно размышляю над вашим письмом. Я несколько раз говорила о нем королю, однако, зная его характер и предубеждения, вы, полагаю, понимаете, что у меня весьма мало средств и способов воздействовать на него. Он редко говорит со мной о серьезных делах, но не потому, что желает что-то скрыть от меня, а потому, что молчалив по натуре. Если я его спрашиваю, он отвечает, но первым разговор не заводит. Когда мне надо что-нибудь узнать о каком-либо деле, мне приходится расспрашивать министров, делая при этом вид, что король мне уже все рассказал. Когда я упрекаю короля за скрытность, он смущенно и совершенно искренне отвечает, что не подумал об этом. Признаюсь, политика интересует меня в самую последнюю очередь. Недоверчивость же, присущую королю, укоренил в нем его гувернер. Задолго до нашей свадьбы Вогийон напугал его, убедив, что жена может забрать над ним власть; этому господину с черной душой нравилось пугать своего ученика призраками угроз, исходящих из Австрийского дома. Морепа, хотя и в меньшей степени, также считал полезным для себя поддерживать в нем мысли о призрачной австрийской угрозе. Верженн действует по такому же плану, и не исключено, что он читает переписку короля, относящуюся к иностранным делам, дабы лгать с еще большей ловкостью. Я не раз откровенно говорила с королем. Он неоднократно бывал не в духе, а так как он вообще не склонен к дискуссиям, то мне не удалось его убедить, что либо министр обманул его, либо он сам был обманут. Я знаю пределы своего влияния, особенно в области политики, где у меня нет никаких способов воздействия на короля. Так будет ли разумно с моей стороны ссориться с его министром по тем вопросам, относительно которых я почти уверена, что король меня не поддержит?

Не желая ни преувеличивать, ни лгать, я тем не менее делаю вид, что имею гораздо большую власть над королем, нежели на самом деле, ибо в противном случае я могу и вовсе лишиться этой власти.

Признания, сделанные мною вам, дорогой брат, отнюдь не лестны для моего самолюбия; но я не хочу ничего от вас скрывать, дабы вы смогли правильно оценить мои действия, несмотря на разделяющее нас огромное расстояние», — писала она в сентябре 1784 года.

Письмо, написанное после того, как разгневанная Мария Антуанетта потерпела фиаско в разговоре и с королем, и с Верженным, явилось последним клапаном для выпуска пара. Рискнем предположить, что крайне эмоциональное вмешательство королевы в государственные дела было обусловлено не только просьбами брата, но и ее собственным взвинченным настроением, в котором она пребывала после отъезда Ферзена, в конце июля отбывшего из Парижа вместе со своим королем. В октябре Мария Антуанетта писала Густаву III: «...большую часть времени я провожу в Трианоне, где принимаю только самых близких людей, и то в небольшом количестве. Такой образ жизни соответствует состоянию моего здоровья, как в начале беременности, так и сейчас, когда она счастливо продолжается». Но если королева не симпатизировала Густаву, зачем сообщать ему о своей беременности? Может быть, для того, чтобы об этом прочел Ферзен? Но это только предположение...

Какие еще события порождали внутреннюю неудовлетворенность, толкавшую Марию Антуанетту спорить с королем и без оглядки защищать интересы Австрии? Два летних месяца дни полнились счастьем разделенной любви, возвышенного и романтического чувства, с неимоверной силой рвавшегося наружу и с превеликим трудом скрываемого от любопытных взоров. Любое сказанное слово жадно подслушивали сотни ушей, любой взгляд стремительно перехватывали сотни глаз, а отыскать в лабиринте версальского мирка уединенный уголок, куда можно удалиться, не вызвав пересудов, было практически невозможно... Но когда дни, исполненные сладостного томления и встреч с любимым человеком, оборвались, образовалась пустота. Вместе с детьми Мария Антуанетта перебралась в Трианон, где позировала шведскому художнику Вертмюллеру, писавшему по просьбе Густава III ее портрет вместе с Мадам Руаяль и дофином, и занималась детьми. Она выделила дочке отдельный огорожок, где та маленькой лопаткой вскапывала собственную грядку, слушала не по-детски серьезные рассуждения дофина. По вечерам приходил король и семья вместе ужинала. Но насколько эта спокойная семейная жизнь удовлетворяла молодую женщину, все существо которой жило любовью — настоящей, не призрачной и не безответной?

8 октября австрийский корабль попытался пройти из Антверпена в устье Шельды, но голландцы его обстреляли. Император немедленно собрал 80-тысячную армию и отправил ее на границу Республики Соединенных провинций. Конфликт грозил превратиться в настоящую войну. Узнав о событиях от Мерси, Мария Антуанетта бросилась писать супругу, охотившемуся в то время в Фонтенбло. Сообщив ему

взволновавшие ее подробности конфликта, она выразила надежду, что оскорбленный голландцами император получит поддержку от французского союзника. Выразив свои сожаления, Людовик после консультаций с Верженном написал императору письмо и имел неосторожность показать его супруге. Мария Антуанетта сочла его возмутительным, ибо, по ее мнению, оно оправдывало поведение голландцев. Подозревая, что это послание — дело рук ненавистного ей Верженна, она потребовала мужа лично написать ее брату, а когда письмо было готово, забрала его и передала Мерси, «дабы тот передал его императору со своим курьером», подчеркнув, что оно написано «собственноручно королем». Сама она пообещала императору «никогда не пренебрегать вопросами, интересующими ее дорогого брата».

«Дорогой брат» отозвался немедленно, предложив уладить свой конфликт с Голландией за счет обмена: курфюрст Баварский уступит Иосифу Баварию, а тот в обмен отдаст ему Австрийские Нидерланды. Бавария по-прежнему не давала Иосифу покоя, и он просил сестру уговорить Людовика поддержать его план, убедив в его пользе наследников баварского курфюрста: «Наконец, дорогая сестра, настал удобный момент, когда, продолжая оставаясь добрым королем французов, Людовик имеет возможность доказать мне, что он является также моим союзником, другом и братом». Рьяно взявшись за выполнение поручения, Мария Антуанетта натолкнулась на сопротивление как Людовика, так и Верженна, что окончательно ее разозлило. «Совершенно невозможно (и вы сами это знаете, так что не усомнитесь в моих словах) убедить короля принять твердое решение, сообщить его мне в присутствии Верженна, настоять на своем и, главное, впоследствии не изменять его», — жаловалась королева в письме Мерси. Людовик наверняка понимал, что, защищая австрийские интересы, жена лишь выполняет просьбу любимого брата, не задумываясь ни о том, что станет с Францией, если та пойдет на поводу у амбиций императора, ни о собственной репутации: когда королева стала матерью наследника престола, ее проавстрийские хлопоты многие расценивали как государственную измену. И король, написав императору, что готов выступить посредником в переговорах между Австрией и Голландией, стал ждать, когда супруга его наконец успокоится. При его неразговорчивости это было несложно.

Конфликт растянулся почти на год: 8 ноября 1785 года Голландия и Австрия при посредничестве Франции и Пруссии подписали в Фонтенбло мирный договор, после которого позиции Франции как миротворца в Европе еще больше укрепились. Вдобавок Франция — не в интересах

Австрии — заключила оборонительный союз с Голландией. Вынужденная смириться и с союзом, и с решением короля оставить Верженна, отставки которого она так и не добилась, Мария Антуанетта еще больше возненавидела министра. Впоследствии Мерси в письме Кауницу скажет, что, будь королева способна к упорным и последовательным действиям, она вполне смогла бы отправить в отставку Верженна, однако отсутствие упорства и последовательности сделало ее усилия бесполезными.

Поддержка Марией Антуанеттой честолюбивых проектов брата вызвала очередную волну неприязни к ней, вылившуюся в новую кампанию листовок и памфлетов. Но, кажется, королева и сама начала понимать, что ей пора установить некую дистанцию между собой и братом. «Разумеется, я никогда не забуду, что по рождению я австрийка и сестра императора. Но в настоящий момент прежде всего следует помнить, что я королева Франции и мать дофина», — писала она военному министру графу де Сегюру. «...Главное, дорогой брат, теперь я прежде всего француженка, а уж потом австрийка!» — писала она Иосифу. Однако вряд ли широкая публика поверила ей. В мае в Шантелу скончался творец и столп австро-французского альянса Шуазель, положив конец надеждам Марии Антуанетты увидеть его у руля внешней политики Франции.

Торжественная служба в честь рождения наследника престола традиционно проводилась в столице. Но с некоторых пор королева опасалась бывать в Париже, встречавшем ее настороженно и враждебно. Клевета сделала свое дело, превратив легкомысленную молодую женщину в символ злобы и коварства одряхлевшего режима. 24 мая, в роскошном платье, с бриллиантовыми серьгами, стоимость которых приближалась к 80 тысячам ливров, Мария Антуанетта, трепеща от волнения, отправилась на торжественный молебен в собор Парижской Богоматери возблагодарить Господа за рождение герцога Нормандского. Город встретил карету королевы ледяным молчанием, только вслед иногда кричали: «Австриячка!» Вечером по приглашению графа д'Артуа Мария Антуанетта вместе с ближайшими друзьями ужинала в Тампле — там, где суждено будет умереть ее сыну, чье рождение она праздновала. Разумеется, королева этого не знала, однако настроение у нее было не из лучших, и, вернувшись в Версаль, она со слезами бросилась в объятия супруга. «Что я им сделала?» — всхлипывая, повторяла она; ей было страшно.

...15 августа 1785 года разразился неслыханный скандал: в Версале, в Зеркальной галерее, на глазах у изумленных придворных арестовали облаченного в парадные одеяния кардинала-епископа Страсбургского Луи де Рогана, направлявшегося служить торжественную мессу в честь Дня Успения Пресвятой Богородицы. Тотчас прошелестел слух: кардинала обвинили в краже бриллиантового ожерелья, состоявшего из 647 бриллиантов, общим весом 2800 карат и стоимостью в 1 миллион 600 тысяч ливров, якобы приобретенного им для королевы и от ее имени. Подобное обвинение затрагивало не только кардинала, но и королеву, а так как пристрастие Марии Антуанетты к бриллиантам давно стало притчей во языцех, то вздорному и нелепому обвинению поверили сразу. Не поверил только Людовик XVI, воспринявший запутанную историю с ожерельем как оскорбление, нанесенное его супруге человеком, которого Мария Антуанетта давно и открыто ненавидела.

Неприязнь королевы к Рогану имела давние корни: в 1771 году кардинал при поддержке ненавистного королеве д'Эгийона получил место посла в Вене, на которое рассчитывал Бретейль, рекомендованный на этот пост Шуазелем еще до отставки последнего. Бонвиван и жуир, кардинал пришелся не по душе чопорной Марии Терезии, и только опасение навредить своей юной и неопытной в государственных делах дочери не позволило императрице потребовать от французского двора заменить посла. «Этот субъект нисколько не соответствует своему положению служителя церкви и посланника; при каждой встрече он дерзко источает злословие, не знает дела и не имеет к нему способностей», — жаловалась Мария Терезия Мерси. Но придворные, среди которых был замечен и князь Кауниц, устав от пуританской сдержанности двора вдовствующей императрицы, с удовольствием посещали разгульные пирушки и балы, устраиваемые французским послом поистине с королевским размахом.

Разгадав, несмотря на свое легкомыслие, двойную игру императрицы, отхватившей за спиной союзника изрядный кусок Польши, в письме, адресованном тогдашнему министру иностранных дел герцогу д'Эгийону, Роган позволил себе набросать иронический портрет Марии Терезии: одной рукой императрица утирала платочком слезы жалости к несчастной Польше, а другой сжимала меч, символизирующий готовность отстаивать приобретенные в сей стране территории. «Эта государыня, — писал Роган, — прославившаяся своей непроницаемостью, похоже, с легкостью умеет вызывать слезы, когда считает их для себя выгодными». Письмо это Эгийон показал Дюбарри, а та прочитала его вслух во время ужина в тесном кружке своих поклонников, оценивших юмор кардинала. Молва о письме и

о насмешках Дюбарри дошла до ушей Марии Антуанетты, и она, исполнившись еще большим отвращением к фаворитке, возненавидела и незадачливого прелата. Естественно, что, став королем, Людовик XVI тотчас отозвал Рогана из Вены, отправив на его место Бретейля. Однако в 1777 году, держа данное ранее обещание, Людовик вынужден был назначить Рогана главным королевским раздатчиком милостыни, и королеве оставалось только презирать ненавистного кардинала.

*

Бриллиантовое ожерелье стоимостью в полтора миллиона ливров, исчезновение которого с течением времени обрастет невероятными подробностями; ожерелье, алмазным блеском высветившее бездны человеческой глупости, самонадеянности, легкомыслия, наглости, самовлюбленности... История о краже ожерелья — легкая, игривая, как стиль рококо, процесс по делу об ожерелье — словно ящик Пандоры, приговор — осуждение монархии и королевы. А для Марии Антуанетты — гром среди ясного неба и холодный страх, что уже ничего нельзя исправить.

Отдавая приказ арестовать кардинала, Бретейль был уверен, что у кардинала есть все основания для присвоения ожерелья. Роган хронически нуждался в деньгах, особенно после пожара в Саверне, любимом замке, восстановление которого обходилось очень дорого. Недешево стоило Рогану и содержание личного алхимика — авантюриста и шарлатана Джузеппе Бальзамо, прославившегося под именем графа Калиостро. А недавнее банкротство близкого родственника принца де Роган-Гемене и вовсе тяжким бременем легло на весь дом Роганов. Однако, выслушав рассказанную кардиналом историю, Бретейль про себя решил, что на кардинала нашло умопомрачение.

Умопомрачение Рогана именовалось Жанной де Ла Мотт. Она была дочерью обнищавшего барона де Сен-Реми, являвшегося прямым потомком одного из внебрачных сыновей Генриха II. Получив бумагу, заверенную королевским генеалогистом, что в ее жилах течет капля королевской крови, Жанна решила во что бы то ни стало завоевать себе место под солнцем — разбогатеть, вернуть родовой замок, расположенный в окрестностях городка Бар-сюр-Об, и обрести должность при дворе. Через маркизу де Буленвилье, взявшую под опеку знатную сиротку, в Страсбурге Жанна познакомилась с кардиналом Роганом и, умело играя на слабостях его

высокопреосвященства, стала его любовницей. Очарованный кардинал составил протекцию супругу Жанны, жандармскому офицеру де Ла Мотту, и тот получил должность, благодаря которой сумел незаметно приписать себе графский титул, после чего супруга его начала именовать себя графиней де Ла Мотт. Когда кардинал уехал в Париж, Жанна отбыла следом. В Париже новоявленная графиня де Ла Мотт сняла квартиру на улице Невсен-Жиль, неподалеку от дворца Рогана и улицы Сен-Клод, где поселился Калиостро, и сняла крохотную комнатку в Версале, рядом с дворцом — на всякий случай. Пользуясь возможностью свободно входить в парк и дворец, она изучила расположение королевских владений и вскоре убедительно рассказывала о том, как и где ее принимали при дворе. В разношерстном обществе, собиравшемся у нее в доме на улице Невсен-Жиль, Ла Мотт сыпала громкими именами и пересказывала свежие придворные сплетни, утверждая, что узнала их из первых уст.

Кое-каких успехов она достигла: удачно разыграв обморок в присутствии сострадательной принцессы Елизаветы, добилась годового содержания в полторы тысячи ливров. Но для Жанны эта сумма была ничтожной, ибо долгов у нее накопилось во много раз больше, а единственным источником дохода по-прежнему оставалась щедрость Рогана. Но кардинал сам испытывал финансовые затруднения, и ручеек его даяний постепенно обмелел. Источником непрерывных благодеяний могла стать королевская казна, которой, как считали многие, распоряжалась Мария Антуанетта. Решив войти в доверие к королеве или хотя бы стать вхожей в ее кружок, Ла Мотт попыталась очаровать Полиньяк и написала ей письмо; Полиньяк оставила письмо без ответа — возможно, почувствовав в неизвестно откуда взявшейся графине конкурентку. Жанна попробовала попасть на глаза королеве, но и здесь ее ждала неудача: постоянно окруженная близкими друзьями, королева появлялась лишь на публичных обедах, а потом скрывалась либо в потайных дворцовых покоях, либо устремлялась в свое личное царство Трианон. Во время беременности ее величество и вовсе не посещала общественных мест, где ей можно было бы вручить прошение. Тогда Ла Мотт решила выдать себя за новую близкую подругу ее величества. Якобы Мария Антуанетта прониклась состраданием к особе королевской крови, оказавшейся в затруднительном положении, но, пока она не сумеет убедить короля помочь графине де Ла Мотт и признать ее принцессой королевского дома, дружба их должна оставаться тайной.

Жанне поверили: Мария Антуанетта могла приблизить к себе особу, подобную графине де Ла Мотт, ведь той нельзя было отказать ни в

остроумии, ни в умении развлечь общество. Поверил Ла Мотт и кардинал, тем более что сам он давно, но безуспешно стремился добиться благосклонности ее величества. Снедаемый честолюбием, кардинал-епископ Страсбургский искренне не понимал, почему королева, среди приближенных которой числилось немало его ровесников, отказывает в расположении именно ему. В 1778 году он крестил ее дочь Мадам Руаяль, в 1781-м — дофина, а его знатность позволяла ему занять высокую государственную должность. Сей пятидесятилетний, но все еще стройный, с юношеским румянцем кардинал лелеял мечту завоевать симпатии королевы не только как государственный муж, но и как мужчина. Зная об этой слабости кардинала, графиня де Ла Мотт-Валуа, как она теперь себя величала, стала намекать на свою крепнущую дружбу с королевой и готовность примирить прелата с ее величеством. В конце концов она убедила Рогана написать королеве покаянное письмо и взялась тайно передать его. Ответ пришел неожиданно быстро — такой, о каком кардинал мог только мечтать: в письме, продиктованном Ла Мотт и написанном рукой ее любовника Рето де Виллета, королева сообщала, что прощает кардиналу его былые промахи. Письма «от королевы» стали приходиться чаще, причем во многих Мария Антуанетта просила кардинала ссудить ей небольшие суммы — то пять, то десять тысяч, а однажды даже 50 тысяч ливров на дела благотворительности. Подобные просьбы Рогана не удивляли — ни для кого не было секретом, что королева часто проигрывала крупные суммы и, не имея в достатке наличности, делала долги.

Несмотря на любезные послания, королева, встретив кардинала в Версале, по-прежнему не смотрела в его сторону, и тот, недоумевая, подступил с расспросами к Ла Мотт. Изобретательная авантюристка велела кардиналу в урочный час встать в определенном месте в Зеркальной галерее: проходя мимо, ее величество в знак своего расположения удостоит его благосклонным взглядом. И действительно, когда королева прошествовала мимо истомившегося в ожидании Рогана, тому показалось, что она и в самом деле приветливо взглянула в его сторону. Понимая, что скоро Роган потребует более веского знака внимания, Ла Мотт вместе с мужем и любовником — возможно, под влиянием «Женитьбы Фигаро» — придумала и поставила сценку под названием «Свидание в роще Венеры», где роль королевы исполнила юная куртизанка по имени Николь Леге, лицом и фигурой напоминавшая Марию Антуанетту. Раздобыв светлое платье в горошек, похожее на то, в котором королеву изобразила на одном из своих портретов Луиза Виже-Лебрэн, Жанна примерила его на Николь и поняла, что принять ее за королеву можно только издали. Следовательно,

свидание надо устраивать в темное время или в плохо освещенном месте. Объяснив Николь, что некая знатная особа, желая подшутить над одним вельможей, просит ее сказать тому пару фраз, а затем вручить розу и письмо, Ла Мотт пообещала девице приличное вознаграждение. Получив согласие, 11 августа 1784 года Ла Мотт торжественно объявила кардиналу, что королева готова прийти на свидание и все объяснить ему лично. Свидание, разумеется, тайное, поэтому оно состоится в полночь в роще Венеры — излюбленном месте уединенных прогулок Марии Антуанетты, куда не допускались даже охранявшие Трианон стражники. Кардинал пребывал на седьмом небе от счастья, а супруги Ла Мотт принялись наставлять Николь Леге, которая от волнения не могла запомнить двух фраз: «Вы знаете, что это означает» и «Можете надеяться — прошлое будет забыто». В полночь Роган явился к воротам Версальского парка, где закутанный в темный плащ Рето де Виллет встретил его и молча повел в рощу. Увидев среди деревьев женский силуэт, кардинал бросился вперед и, упав на колени, поцеловал подол платья. Дрожащей рукой протянув кардиналу розу, «королева» сдавленно прошептала: «Можете надеяться... прошлое будет забыто». Тут из-за кустов выбежала Ла Мотт и, тревожным голосом сообщив, что сюда идут, так быстро повлекла «королеву» прочь, что кардинал едва успел поцеловать руку, одарившую его розой. Уверенный, что говорил с самой королевой, самовлюбленный кардинал окончательно запутался в тенетах Ла Мотт. Ощувив свою власть, графиня — по-прежнему от имени Марии Антуанетты — выманила у него сначала 60, а потом и 120 тысяч ливров.

Когда переписка вновь зашла в тупик, на помощь Ла Мотт пришел его величество случай. Слухи о графине де Ла Мотт-Валуа, пользующейся неограниченным доверием королевы, постепенно расходились по Парижу, и однажды в ее гостиной появились придворные ювелиры: Бемер и его компаньон и помощник Бассанж. Несколько лет назад они изготовили драгоценное ожерелье из алмазов чистейшей воды, приобретенных у лучших поставщиков. Они были уверены, что Людовик XV купит их шедевр для Дюбарри, но опоздали: король умер, а фаворитка покинула двор. Тогда ювелиры предложили ожерелье Марии Антуанетте, но та, несмотря на любовь к бриллиантам, купить драгоценность, стоившую, как боевой корабль, отказалась. Попытки продать ожерелье иностранным дворам потерпели фиаско, и ювелиры вновь явились к Марии Антуанетте, причем Бемер даже пригрозил, что, если она не купит ожерелье, он пойдет и утопится. Королева посоветовала ему не топиться, а разобрать ожерелье и продать его по частям; но ювелиры не решались уничтожить свое творение.

Прослышав о новой наперснице королевы, они пришли предложить графине де Ла Мотт-Валуа взглянуть на ожерелье и, если оно ей понравится, предпринять еще одну попытку уговорить королеву приобрести его. За труды они пообещали графине солидную комиссию.

При виде чуда ювелирного искусства в голове графини мгновенно сложился фантастический по простоте план, успех которого зависел исключительно от глупости и тщеславия — людских слабостей, кои Ла Мотт научилась виртуозно использовать. Явившись к кардиналу, она сообщила ему, что королева сторает от желания приобрести ожерелье, но после того, как король публично отказал ей, она может купить его только тайно, через надежного посредника, способного выступить гарантом платежей. Окрыленный доверием ее величества, кардинал без лишних расспросов согласился взять на себя роль посредника и отправился к Бемеру и Бассанжу заключать договор на изложенных ниже условиях. Общая сумма в 1 миллион 600 тысяч ливров погашалась в течение двух лет посредством поэтапных выплат. Проценты оговаривались отдельно, и часть их шла на оплату комиссионных. 31 января 1785 года Ла Мотт «увезла» составленный контракт «в Версаль», а затем явила кардиналу бумагу, где против каждого пункта соглашения стояло «одобрено», а внизу подпись: «Мария Антуанетта Французская». Незнакомые с королевской канцелярией, авантюристы допустили ошибку, которую, не пребывая кардинал в состоянии эйфории, он должен был немедленно заметить: короли всегда подписывались только именами. Но Бемер и Бассанж дел с расписками королевы не имели, равно как и не имели оснований не доверять кардиналу, а потому утром 1 февраля передали ожерелье Рогану, который отдал его Ла Мотт для вручения королеве. 2 февраля, в праздник Сретения Господня, королева появилась без ожерелья, и разочарованный Роган обратился с вопросом к графине. Та посоветовала ему подождать. Тем временем супруги Ла Мотт и верный Рето де Виллет распотрошили ожерелье, повредив при этом многие камни. Взяв большую часть алмазов, Николя Ла Мотт отбыл в Лондон, чтобы сбыть их там без лишних хлопот. Английские ювелиры, заподозрив недоброе, сообщили о господине с бриллиантами во французское посольство. Из посольства отправили запрос в Париж, не случилось ли крупного хищения драгоценностей. Но так как о краже никто не заявлял, то посольство не побеспокоилось, и англичане приобрели предложенные им алмазы, заплатив значительно меньше их реальной стоимости. Сумма все равно получилась внушительной и Ла Мотта устраивала. Мелкие партии продали сама графиня и Рето де Виллет.

Королева по-прежнему не смотрела в сторону кардинала и не носила

ожерелье. Успокаивая Рогана, Ла Мотт утверждала, что Мария Антуанетта не хочет надевать алмазы до окончания беременности, ибо опасается за благополучное ее разрешение. Однако и после рождения наследника королева не появлялась на людях в ожерелье, и его преосвященство снова забеспокоился, тем более что неумолимо приближалось 1 августа — срок первого платежа в размере 400 тысяч ливров. У кардинала денег не было, от королевы известий не поступало. Наконец Ла Мотт сообщила, что ее величество хочет выплатить не 400 тысяч, а сразу 700 тысяч, однако не сейчас, а через месяц, и от имени королевы передала 30 тысяч ливров для уплаты процентов. Ювелирам деваться было некуда, они согласились и под диктовку кардинала написали королеве письмо, которое 12 августа Бемер лично ей вручил. Королева содержания письма не поняла и, не желая утруждать себя, бросила письмо в камин. Встретив мадам Кампан, Бемер спросил о записке и, услышав, что королева ее сожгла, в отчаянии воскликнул: «Боже! Она же должна мне деньги!» Расспросив ювелира, Кампан с изумлением узнала, что королева через посредника приобрела бесценное ожерелье и даже сделала первый взнос. Узнав, кто посредник, Кампан едва не потеряла дар речи: ее величество даже не смотрит в сторону Рогана и сделать его своим доверенным лицом никак не могла! Но ювелир заявил, что у него имеются расписки с подписью королевы.

Услышав о расписках, Кампан забеспокоилась. Возможно, она вспомнила, как в 1777 году ловкая интриганка Каюе де Вилле втерлась в доверие к ее величеству и, подделывая ее почерк, получала деньги по подложным запискам, сумев пожить за счет не только казны, но и придворных поставщиков. И только когда мошенница замахнулась на сумму в 200 тысяч ливров, которую королева якобы пожелала занять у откупщика Беранже, откупщик отправился наводить справки к королю. Подлог раскрыли, а дело постарались поскорее замять, отправив авантюристку сначала в Бастилию, а потом в отдаленный монастырь, где она вскоре скончалась. Кто на этот раз подделал почерк ее величества?

Вокруг королевы постоянно вращались алчные и беспардонные личности, наделенные талантом превращать ее благосклонность в деньги. Одни — как семейство Полиньяк — обирали казну открыто, другие — как чета Гупиль — путем подлога и махинаций. Полицейский инспектор Гупиль, в обязанности которого входило отслеживать тиражи запрещенной литературы, обнаружив очередное клеветническое издание, направленное против королевы, через жену свою, исполнявшую при ее величестве обязанности чтицы, извещал Марию Антуанетту о находке, а после уничтожения тиража получал особое королевское вознаграждение. А потом

обнаружилось, что инспектор Гупиль сам сочинял памфлеты, сам печатал и сам же находил. Разумеется, мошеннические проделки парочки постарались скрыть, но слухи о растратах упорно просачивались за пределы дворца, поэтому в глазах общества афера с ожерельем была не первым, а всего лишь очередным подтверждением расточительности двора. Виновной во всех случаях считали королеву: если бы она не тратила так много и с такой легкостью, кто бы стал верить каждому клочку бумаги с ее подписью?

Чувствуя, что на свет вот-вот всплывет очередная нехорошая история, встревоженная Кампан посоветовала Бемеру обратиться к Бретейлю. Воспользовавшись советом, Бемер отправился к Бретейлю, рассказал ему о продаже ожерелья и как бы между прочим сообщил, что посредницей между ювелирами, Роганом и королевой выступала некая графиня де Ла Мотт-Валуа из ее близкого окружения. Также ювелир известил о своем разговоре с Кампан кардинала. Узнав, что королева ожерелья не получила, кардинал растерялся. Поистине безграничное легкомыслие (отмеченное всеми свидетелями на процессе), проявленное Роганом в истории с ожерельем, завело его в тупик. Отпрыск знатнейшего дома Франции^[19], сизмальства почитавший себя выше других, кардинал искренне не понимал, почему королева отказывала ему в расположении. Ведь с общепринятой точки зрения он обладал всеми качествами, необходимыми и для фаворита, и для министра. Поэтому, когда Ла Мотт бросила ему наживку, пообещав помирить с королевой (что он расценил как восстановление справедливости), он проглотил ее моментально. А в ожидании выстроил вокруг себя воображаемый мир, в стенах которого сообщение Бемера пробило невозстановимую брешь.

Тем временем Ла Мотт пошла ва-банк и заявила ювелирам, что подпись королевы подделана, а следовательно, Мария Антуанетта платить не собирается. Впрочем, кардинал богат и сам в состоянии выкупить ожерелье. Расчет авантюриста строился на уверенности, что Роган не захочет скандала и заплатит, а значит, история тихо канет в Лету. Но она просчиталась: как бы ни хотел кардинал угодить королеве, денег он найти не смог. Калиостро, пообещав сотворить необходимое количество золота, потребовал сроку два месяца, а его банкир и любимый адепт Сент-Джеймс в ссуде (запрошенной от имени королевы) в 700 тысяч ливров отказал. Как и еврей-ростовщик Серфбер, у которого Роган пытался занять 200 тысяч ливров. Более того, когда Бретейль стал окольными путями выяснять обстоятельства дела, Сент-Джеймс рассказал ему о просьбе кардинала.

Неожиданно королева спросила Кампан, удалось ли ей выяснить, что,

собственно, хотел от нее королевский ювелир, и та рассказала все, что узнала. Разгневанная Мария Антуанетта вызвала к себе Бретейля, и тот дополнил рассказ Кампан, сообщив, что у Бемера якобы имеется расписка королевы, в которой она обязуется в три приема выплатить всю сумму. Подле каждой даты выплаты стояло слово «одобрено», а в конце подпись: «Мария Антуанетта Французская». Но Мария Антуанетта была не «Французской», а «Австрийской» принцессой и вдобавок, как положено государыне, подписывалась только именем, данным ей при крещении. Подпись явно была подделана! Королева потребовала сообщить обо всем королю, дабы тот примерно наказал кардинала: она, как и Бретейль, была уверена, что кардинал самым наглым образом воспользовался ее именем, чтобы обогатиться, а заодно и опорочить ее. Не в силах сдержать возмущения, Мария Антуанетта ворвалась к королю и принялась по-женски бессвязно жаловаться на негодея кардинала. Людовик, с каждым ребенком относившийся к супруге все более трогательно и прощавший ей буквально все, почувствовал себя едва ли не более оскорбленным, чем королева, и велел немедленно арестовать Рогана. Посвященный в историю Верженн уговаривал короля сделать все по-тихому, чтобы «не выносить сор из Версаля». Но импульсивная королева, не думая, что огласка повредит прежде всего ей, идет на поводу у обуявшего ее гнева и требует незамедлительно наказать тщеславного мошенника.

*

Когда кардинала арестовывали, ему удалось незаметно набросать пару слов своему верному секретарю аббату Жоржелю и передать записку проходившему мимо версальскому лакею, велев как можно скорее отвезти ее в кардинальский дворец. Когда к кардиналу нагрянули с обыском, все бумаги, способные его скомпрометировать, были уничтожены. Многие полагали, что среди них находились и пресловутые письма королевы, и недоумевали: зачем он уничтожил доказательства собственной невиновности? Однако именно этот поступок доказывает отсутствие в действиях кардинала злого умысла: пылкий обожатель королевы не мог поступить неблагородно по отношению к предмету своего поклонения.

В кабинете король с порога спросил Рогана, приобрел ли тот бриллиантовое ожерелье у Бемера. «Да, сир, — не задумываясь ответил Роган, — и передал его для вручения ее величеству». «И кому вы его передали?» — спросил изумленный Людовик. «Графине де Ла Мотт-

Валуа», — ответил кардинал и добавил, что с радостью оказал ее величеству сию услугу, тем более что королева письменно просила его выступить посредником в приобретении ожерелья. Слова Рогана звучали настолько искренне, что министры насторожились: дело приобретало неожиданный оборот. Кажется, Роган действительно не присваивал себе ожерелья. Но Мария Антуанетта слышала в ответах кардинала лишь очередное оскорбление. Как он мог подумать, что она обратилась к нему с просьбой?! Да она ни разу не посмотрела на него! Кардинал оправдывался: он всего лишь желал угодить ее величеству, а его, судя по всему, обманули. И он предъявил записку, адресованную Жанне де Ла Мотт, в которой ее величество поручала ему приобрести ожерелье. Под запиской стояла подпись: «Мария Антуанетта Французская». Людовик, волновавшийся все больше, перешел на крик: «Вы что, не знали, как подписывается королева? Как вы, Роган, могли поддаться на такую грубую подделку?» И тут же устыдился своей гневной вспышки.

Разгорелся спор. Королева кричала, требуя примерно наказать кардинала, а король, хотя и считал Рогана виновным, успокаивал супругу, желая кулуарно, без шума, уладить дело. Верженн советовал заключить кардинала в отдаленную крепость, а еще лучше — чтобы не ссориться с церковью и влиятельными представителями клана — отправить в отдаленную епархию. Мария Антуанетта настаивала на публичном осуждении. Не смея ослушаться супруги, король предоставил кардиналу выбор: королевский суд или суд парламентский. Желая публично оправдаться и восстановить свое доброе имя, кардинал выбрал парламент. Потом, помолчав, добавил: не надеясь убедить его величество, что вина его состоит только в том, что он оказался жертвой обмана, он не дерзает просить короля судить его королевским судом. Людовик на мировую не пошел, ибо все еще считал парламент послушным королевской воле, хотя тот давно уже пребывал в оппозиции двору. Отдавая дело в парламентский суд (ни король, ни королева не сомневались, что этот суд вынесет кардиналу обвинительный приговор), король стремился избежать бурных сцен, неизбежно ожидавших его, если бы он попытался замять эту неприятную историю: подстрекаемая Бретейлем, Мария Антуанетта жаждала мести. Она была уверена, что все закончится быстро и к посрамлению кардинала. «Кардинал воспользовался моим именем как последний негодяй и фальшивомонетчик. <...> Король великодушно предоставил ему выбор быть судимым парламентом или признать свою вину и положиться на милость короля. Он выбрал первое. Говорят, он в этом раскается. Я очень рада, что теперь мы долго не услышим об этом

ужасе, ибо дело его будет рассматриваться не раньше декабря», — написала она брату.

Рогана отправили в Бастилию, а королева вернулась в Трианон, где на следующий день на сцене ее маленького театра ей предстояло играть Розину в «Севильском цирюльнике». Графу д'Артуа досталась роль Фигаро, а Водрею — графа Альмавивы. Желая удивить свой мирок, ее величество пригласила на спектакль автора. Своим фрондерством Мария Антуанетта бросала вызов «скучному двору», причисляя к нему также и короля, который, в отличие от супруги, прекрасно понимал, куда метили стрелы сатиры Бомарше. Особенно в «Женитьбе Фигаро». «Это ужасно! Он высмеивает все, что должны уважать в государстве! Нет, пьеса увидит сцену, только если рухнет Бастилия», — пророчески заявил Людовик о «Женитьбе Фигаро». Ошибся он не намного: запрет на постановку «Фигаро» был снят за пять лет до падения Бастилии; в снятие запрета немалую лепту внесла фрондирующая королева. При поддержке компании Полиньяк она добилась разрешения устроить премьеру «Фигаро» в поместье Водрея, на сцене его аристократического театра, слывшего в то время лучшим частным театром. Говорят, история повторяется дважды: первый раз в виде трагедии, второй — в виде фарса. Комическая сцена в саду из «Женитьбы Фигаро» повторилась в виде фарса в роще Венеры; но для королевы фарс стал началом трагедии.

Постепенно в Бастилию доставили всех причастных к исчезновению ожерелья. Жанну де Ла Мотт, Рето де Виллета, Николь Леге, а также очевидно непричастных к сей истории Калиостро с супругой и барона де Планта, приставленного кардиналом наблюдателем к Калиостро. Николя де Ла Мотт предпочитал отсиживаться в Лондоне; французская полиция попыталась выкрасть его оттуда, но не сумела. Началось следствие по делу, главными действующими лицами которого стали прелат, авантюристка королевской крови, куртизанка, сомнительный дворянин, жандарм, загадочный иностранец (то ли шарлатан, то ли заговорщик) и... королева Франции. Такая драма не могла не привлечь внимания самой широкой публики. Причем стоустая молва стремительно превращала Марию Антуанетту из пострадавшей в обвиняемую: большинству хотелось верить в ее виновность. Если Роган — жертва обмана, он невиновен, а если виновен, что стремилась доказать королева, значит, одно из двух: либо он купил ожерелье с целью присвоить его, либо приобрел его по приказанию Марии Антуанетты. Но если бы он присвоил ожерелье, то не стал бы просить ювелиров написать королеве благодарственное письмо...

Эрцгерцог Леопольд в письме Иосифу II писал: «Только во Франции

кардинал-епископ и королевский датарий может быть безбожником и развратником, которого позволительно арестовать за подделку писем, мошенничество и обман. Что ж, по крайней мере, случай сей весьма поучителен». Председатель парламента поручил своим судьям начать допросы и очные ставки, а те в свою очередь попросили разрешения допросить королеву. Возмущенный король запретил присылать судебных чиновников к Марии Антуанетте, однако, чтобы не раздражать парламент, от ее имени пообещал, что она свои показания представит в письменном виде. Он уже сожалел, что не прислушался к Верженну и пошел на поводу у королевы, но процесс был запущен. «Необходимо решительным образом покончить с интригой этого жалкого субъекта, гнусно скомпрометировавшего королеву; чтобы обелить себя, он не придумал ничего лучшего, как обнародовать свою связь с авантюристкой самого низкого пошиба», — запоздало негодовал Людовик в письме Верженну. По совету адвоката Раймона де Сеза, того самого, кто станет защищать на революционном суде Людовика XVI, Мария Антуанетта составила письменные показания, подчеркнув, что ничего не знала о проделках кардинала, а Ла Мотт в глаза не видела. К сожалению, отчет сей пропал, среди сохранившихся материалов процесса его нет. Не сохранились в архивах Вены и заметки Мерси, изложившего Иосифу II свои мысли по поводу дела: «Процесс кардинала Рогана возбудил множество интриг с целью спасти оного кардинала. Граф де Верженн и хранитель печатей подозреваются в сочувствии кардиналу. Но председатель парламента (Этьен Франсуа д' Ал игр. — Е. М.) к их мнению не прислушивается. По его просьбе я написал свои соображения <...> полагаю необходимым сложить к стопам Вашего Императорского Величества эту небольшую записку, ибо она касается его августейшей сестры».

«Кардинал сознался, что приобрел от моего имени и с помощью документа, на котором стояла подпись, кою он посчитал моею, бриллиантовое ожерелье стоимостью в 1,6 миллиона ливров. Однако он утверждает, что был обманут некой мадам Валуа де Ла Мотт. Эта интриганка самого низкого пошиба никогда не была принята при дворе, и я в глаза ее не видела. Вот уже два дня как она содержится в Бастилии, и, хотя после первого допроса признает, что часто виделась с кардиналом, свою причастность к продаже ожерелья упорно отрицает. Надобно подчеркнуть, что договор о продаже написан рукой кардинала, а рядом с каждой его статьей выведено “одобрено”, но уже иной рукой, той, что внизу поставила подпись “Мария Антуанетта Французская”... подпись несколько не похожа на мою, к тому же я никогда не подписывалась

“Французская”. Это очень странная история, и здесь все почитают ее таковой, ибо невозможно предположить, что я могла доверить секретное поручение кардиналу», — писала Мария Антуанетта брату-императору спустя неделю после ареста Рогана.

А во французской столице и при дворе шепотом говорили друг другу: «Если бы королева не проводила ночи за карточным столом, не отправлялась инкогнито на поиски приключений, мы бы никогда не поверили, что она может тайно переписываться с поклонниками, приближать к себе подозрительных авантюристок, ходить на ночные свидания и вытягивать из подданных деньги! Куда только смотрит король! Впрочем, толстяк с развесистыми рогами давно под каблучком Австриячки, проматывающей государственную казну!» И вспоминали приобретенный в прошлом году для королевы дворец Сен-Клу, обошедшийся казне в шесть миллионов ливров. Дворец принадлежал герцогу Орлеанскому, но королева буквально до дрожи хотела заполучить его. Она считала, что перестроенный Мансаром очаровательный архитектурный ансамбль, окруженный спускавшимся к Сене великолепным парком, обустроенным Ленотром, наилучшим образом подходит для загородного отдыха с детьми и в обществе близких ей людей. Тем более что в 1790 году предполагали начать реконструкцию Большого Версальского дворца. Понимая, сколь несвоевременна такая покупка, генеральный контролер финансов Калонн тайно провел переговоры с герцогом Орлеанским, уговаривая его не продавать дворец. Узнав об этом, Мария Антуанетта сурово отчитала министра и при поддержке Бретейля пошла в наступление на короля. Противник сдался, и 19 февраля 1785 года Людовик подписал бумагу о дарении замка Марии Антуанетте. Королева сразу же приступила к обустройству владения на манер Трианона: ввела специальные ливреи для охраны и слуг и возложила на привратника роль управляющего с правом издавать указы «именем королевы». Слова «именем королевы», появлявшиеся в объявлениях, расклеенных в садах Трианона, раздражали и простонародье, и придворных, но, когда королеве об этом мягко намекнули, она ответила: «Я вправе распоряжаться в собственных садах». Передача Сен-Клу вызвала недовольство общественности: никогда еще дворцы не отдавались в полную собственность королевам, и некоторые советники парламента попытались отказать дарению в регистрации. Но все обошлось, и королева вступила во владение Сен-Клу. Впрочем, Людовик XVI не обделил и себя, приобретя незадолго до этого замок Рамбуйе и прилегающие к нему охотничьи угодья всего за 16 миллионов ливров. Но, несмотря на упреки, обращенные парламентом к королю, к его величеству

общественное мнение было гораздо более снисходительно.

Королева не сознавала, что «милые негодяи», как она называла своих подданных, давно уже смотрели на нее сквозь призму памфлетов, представлявших в искаженном свете любой ее поступок. Мерси даже отправил Иосифу иронические куплеты, которые сочувствовавшие кардиналу парижане распевали на мотив модной в то время песенки:

Он — в тюрьме, хоть не вор,
добрый наш монсеньор!
Все тут ясно, да судьи лукавят;
лишь слепому, о да,
невдомек, господа,
что во Франции денежки правят
То и нужно суду,
что повыгодней мзду
залучить — остальное не важно.
Лишь слепому, о да,
невдомек, господа,
сколь парижские судьи продажны.

Придворные, недолюбливавшие королеву, безоговорочно стали на сторону кардинала. Рогана поддержала даже Роза Бертен, быстренько введя в моду соломенные шляпки с красно-желтыми воланами и бантами, получившие название «кардинал на соломе». Оскорбленная в лице кардинала Церковь осыпала упреками короля, позволившего судить Рогана светским судом, а папа Пий VI прислал гневное письмо. Сторонники кардинала во всеуслышание заявляли, что Роган является жертвой гонений королевы и Бретеяля, и шептали, будто интригу придумала сама королева. Стыдясь признаться, что его провели, Роган уверял, что Мария Антуанетта приблизила к себе Ла Мотт, а та устроила ему свидание с королевой в роще Венеры. Сама Ла Мотт поначалу отрицала все, вплоть до знакомства с королевой, опровергая, таким образом, слова кардинала.

Процесс по делу об ожерелье тянулся девять месяцев: допросы, очные ставки, поиски свидетелей, выяснение личности иностранца, именуемого графом Калиостро... Понимая, что клан Роганов, состоявший в родстве с наиболее родовитой знатью Франции, не отдаст кардинала на растерзание, и опасаясь затрагивать королеву, Ла Мотт стала обвинять во всем Калиостро, громоздя одну ложь на другую. Адвокат Ла Мотт, подогревая

интерес к процессу, опубликовал «Мемуар» своей подзащитной, в которой с присущей ей фантазией рассказывала, как чародей вручил кардиналу большую шкатулку с бриллиантами. В ответ Калиостро, точнее его защитник, выпустил «Опровержение», в котором выставил себя благородным знатоком сокровенных тайн Востока, не нуждавшимся в чужих бриллиантах. «Какое вам дело, откуда я беру деньги? Это мои средства, и мне известно, откуда я их беру», — отвечал он завистникам, утверждавшим, что 100 тысяч в год, которые по приблизительным подсчетам он проживал, не могут иметь законного происхождения. Участие Калиостро придавало процессу дополнительный интерес; отпечатанные в типографии речи защитников и обвиняемых шли нарасхват и рассылались по всей Европе. Екатерина II писала Циммерману: «Читала мемуар Калиостро, что вы мне послали, и если бы не была убеждена, что это честный шарлатан, то мемуар его меня бы в этом убедил. <...> Другой мемуар доказывает мне, что его преосвященство тоже наглый жулик, который проводит свою жизнь в обществе мошенников».

Первым свидетелем, указавшим на главную роль Ла Мотт, стал отец Лот, состоявший при ней исповедником. Он рассказал, как Жанна придумала и осуществила «план обольщения» кардинала, убедив его, что является близкой подругой королевы. Она же устроила ему «свидание с королевой», а потом осуществила «дьявольскую затею» с ожерельем. Монах сказал, что Николя Ла Мотт отбыл в Лондон с выломанными из ожерелья бриллиантами, а супруга его, оставшись в Париже, бросилась покупать дорогие вещи и обставлять свой дом в Бар-сюр-Об. Показания отца Лота подтвердили и Рето, подделывавший почерк королевы, и Николь Леге, чей адвокат исхитрился представить свою подзащитную жертвой коварной Ла Мотт. Тогда изобретательная графиня попыталась внушить судьям, что раз подпись королевы заведомо неправильная, значит, никто не пытался ее подделать; это была шутка, а если кардинал ее не понял, она здесь ни при чем. Она даже представить себе не могла, что Роган и придворные ювелиры не знают, как расписывается королева.

Не ожидавшая, что дело затянется, королева пребывала как на иголках. Казна была пуста, но друзей своих она по-прежнему осыпала щедротами: супруг любимой подруги герцог де Полиньяк получил дополнительное содержание в 50 тысяч ливров. На фоне разбирательства дела о мошенничестве этот поступок расценили как вызов общественности: на королеву посыпались обвинения в мотовстве. Припомнили и барку стоимостью в 60 тысяч ливров, специально построенную, чтобы добираться до Фонтенбло по воде, и прославившиеся на всю Европу

пышные дорогостоящие балы. Ставшее достоянием гласности «свидание в роще Венеры» породило череду непристойных пасквилей о любви кардинала и Марии Антуанетты. Уязвленная до глубины души королева едва не плакала от унижения: ведь ее имя связывали с ненавистным ей человеком. «Когда не хватает фантазии придумать себе занятие, злосчастная потребность развлекаться и убивать время делает ее рабыней своей фаворитки и так называемого общества», — сокрушался Иосиф в письме Мерси. Соглашаясь с императором, Мерси списывал лихорадочное состояние королевы на тяжелую беременность. Тем не менее он признавал, что «вокруг процесса над кардиналом Роганом плетется множество интриг с целью спасти кардинала. Верженн и хранитель печатей, похоже, действуют в пользу кардинала».

Наконец в ночь на 30 мая обвиняемых перевезли в Консьержери. А 30 мая с пяти утра члены клана Роганов в траурных одеяниях стали выстраиваться на пути следования судей. Зная, что Рогана обвинили по трем пунктам — обман, мошенничество и оскорбление величеств, — они очень волновались, понимая, что третий пункт не надо даже доказывать: сама мысль о том, что королева втайне от короля может отправиться на ночное свидание, была оскорбительна для ее величества. Два дня судьи заслушивали обвиняемых и совещались, а вечером 31 мая 1786 года огласили приговор: 26 голосами против 22 кардинала и Калиостро признали невиновными и полностью оправдали; судебное преследование Николь Леге постановили прекратить; Рето де Виллета приговорили к изгнанию навечно из страны; Николя де Ла Мотта — к клеймению и пожизненной каторге (заочно), Жанну де Ла Мотт — к наказанию плетью, клеймению (буква V— *voleuse*, «воровка», — на обоих плечах) и пожизненному заключению в тюрьме Сальпетриер.

Полное оправдание кардинала выставляло его дураком, попавшимся на удочку мошенников, и подразумевало осуждение королевы. Ибо раз кардинал невиновен, значит, он искренне верил во все, что ему говорили от имени королевы; а верил он потому, что от королевы, постоянно скрывающейся у себя в Трианоне, можно ждать всего. И публика аплодировала и кричала «Да здравствует кардинал!», выражая свою нелюбовь ко двору и королеве и признательность судьям, назвавшим третий пункт обвинения «заблуждением». Столь же восторженно встречали и оправданного Калиостро. Пытаясь хоть как-то спасти лицо, король лишил Рогана всех его должностей и привилегий и отправил в провинцию, в приход Шез-Дье, затерянный в горах Оверни, а Калиостро прислал приказ в 24 часа покинуть Париж, а через три недели и Францию. Впоследствии

Роган письменно признал свой долг — 1 миллион 919 тысяч 892 ливра — Бемеру и Бассанжу и гарантировал его выплату доходами от одного из принадлежавших ему аббатств. Во время революции имущество духовенства конфисковали в пользу нации, долг остался невыплаченным, и ювелиры разорились. Расплатились потомки Роганов с потомками Бемера только к концу XIX столетия. Звезда Калиостро, получившего благодаря процессу поистине всемирную известность, стала клониться к закату; скончался маг в 1795 году в каземате крепости Сан-Лео, но молва о его чудесах живет и поныне.

Полной ясности в деле об ожерелье до сих пор нет и, наверное, уже никогда не будет — слишком многими противоречивыми слухами оно обросло. Почему кардиналу позволили сжечь бумаги? Куда делись письменные показания королевы и поддельное соглашение о покупке бриллиантов? Почему в письме Иосифу Мария Антуанетта отказалась сообщать подробности дела, в частности рассказывать о свидании в Версале, заявив, что барон де Бретейль все расскажет ему при личной встрече? Однако политическую роль процесс сыграл: авторитет монархии упал как никогда низко.

Когда Ла Мотт повели на эшафот, чтобы подвергнуть наказанию, она так кричала и вырывалась, что вместо плеча одно клеймо палач поставил ей на грудь. А потом в Сальпетриер к несчастной жертве королевского произвола, каковой после понесенного наказания предстала в глазах общества Ла Мотт, потянулся ручеек знатных дам с подношениями: посещение авантюристки вошло в моду. Теперь самозваная графиня утверждала, что все участники процесса лгали, выгораживая королеву. Говорят, интриганку посетила даже принцесса де Ламбаль (не по поручению ли Марии Антуанетты?). Бросая вызов Версалью, придворные дамы ездили в тюрьму к узнице, тем самым давая понять, что только недостижимое положение избавило Марию Антуанетту от осуждения. Дыма без огня не бывает. Через год Жанна де Ла Мотт бежала — то ли соблазнила сторожа, то ли с помощью одной из знатных посетительниц. Одно время даже ходил слух, что побег устроила сама королева, ибо, являясь сообщницей Ла Мотт, хотела отблагодарить ее за то, что она не выдала ее на суде. Но если королева закрыла глаза на бегство авантюристки, то исключительно по доброте сердечной: она никогда и никому не мстила. «Я непременно восторжествую над своими обидчиками, устроив те добрые дела, что я всегда старалась творить. Им легче оскорбить меня, нежели заставить меня мстить им», — писала королева любимой подруге Полиньяк.

Благополучно добравшись до Англии, Ла Мотт начала писать мемуары, поливая в них грязью Марию Антуанетту, дабы закрепить у читателей образ похотливой королевы, обкрадывающей своих подданных. Вскоре после бегства Ла Мотт в Лондон отбыла Диана де Полиньяк — как говорят, с секретным поручением выкупить тираж мемуаров или уничтожить его. Но ни ей, ни обаятельному Безанвалю, отправившемуся вслед за ней в английскую столицу, не удалось предотвратить появление опуса Ла Мотт. Авантюристка без колебаний взяла деньги — 200 тысяч ливров и издала свои записки. «Оправдательные записки графини де Валуа де Ла Мотт, написанные ею самой» («*Mémoires justificatifs de la comtesse de Valois de La Motte, écrits par elle*») вышли в свет в 1788 году. В приложении автор поместила якобы сохранившуюся у нее переписку королевы с кардиналом, о которой она заявила на суде. Тогда эта лишняя капля в море недовольства двором и королевой большой роли не сыграла: монархия стремительно скатывалась в пропасть. Реальная угроза возникла после падения Бастилии, когда Ла Мотт под предлогом восстановления справедливости наводнила Париж вторым изданием своих «Мемуаров», приложением к которым стали многочисленные памфлеты: «Беседа мадам де Полиньяк с мадам де Ла Мотт», «Рассказ о жизни Марии Антуанетты»... Один из стихотворных памфлетных образчиков назывался «Разоблаченная королева»:

Исчадие чужой страны!
Доколь во Франции родной
Мы уберечься не вольны
От фурии одной?
Ты — немка, худшая из всех,
И то, что мы в аду, — твой грех.
Смотри, что с нами враг творит!
Ужель, чудовище, пьянит
Тебя ужасных бедствий вид
И наша гибель веселит?

Чем хлеще стишки, тем больше шансов у них было понравиться толпе. А 5—6 октября, когда возбужденная толпа парижанок явилась в Версаль, любое брошенное вслух обвинение могло стоить королеве жизни.

Неясно, приезжала ли Ла Мотт во французскую столицу сама или распространяла свой пасквиль через супруга, обосновавшегося во Франции

после 14 июля. Вернуться Николя Ла Мотт пытался еще до окончания процесса и даже просил у короля охранную грамоту, посулив сделать сенсационные разоблачения и отдать остатки алмазов. Но Людовик посчитал приезд «этого отвратительного субъекта» «бесполезным», а об алмазах даже слышать не захотел. «Сей предмет нам чужд», — ответил он. Скончался Николя Ла Мотт в Париже в 1831 году, а супруга его — в 1791-м: спасаясь от кредиторов, она выбросилась из окна в Темзу и утонула. О кончине ее существует немало версий, но вряд ли стоит их здесь упоминать. Для королевы призрак Жанны де Ла Мотт возникнет еще один раз — 14 октября 1793 года, когда председатель революционного трибунала неожиданно спросит ее: «Знали ли вы женщину по имени Ла Мотт?» «Я ее никогда не видела», — ответит Мария Антуанетта. «А разве не она явилась вашей жертвой в знаменитом деле об ожерелье?» — «Не знаю, я не была с ней знакома». — «Вы настаиваете, что не знали ее?» — «Я не настаиваю, я просто говорю так, как есть на самом деле». Как отмечал Кампардон, ложь мадам де Ла Мотт мало кого ввела в заблуждение и большая часть общества именно в ней видела настоящую и единственную виновницу пропажи ожерелья.

*

Катастрофические последствия дела об ожерелье предопределили гласность, утверждавшаяся в европейской практике как форма политической борьбы, и открытое сопротивление парламентов королевской власти. Взяв на вооружение воинствующую безнравственность, памфлетисты яростно расшатывали устои многовековой монархии. Запутанная история об исчезновении драгоценного украшения предоставляла безграничные возможности для клеветнических измышлений, тем более что многие авторы пасквилей были уверены в своей безнаказанности, ибо исполняли заказ придворной партии орлеанистов, мечтавшей на мутной волне кризиса сменить династию. Недаром у многих памфлетов местом издания был указан Пале-Рояль. Ради собственного возвышения герцог Филипп Орлеанский примкнет к монтаньярам и, взяв себе фамилию Эгалите (Равенство), проголосует за смерть своего родственника, короля Людовика XVI. Но революции не будет дела до династических притязаний: 6 ноября 1793 года гражданин Эгалите сложит голову на гильотине.

Узнав о вердикте парламентского суда, королева заперлась у себя в кабинете и горько зарыдала; наплакавшись вволю, она, обуреваемая щемящим чувством несправедливости, бросилась к мадам Кампан. «Ах, пожалейте меня! Интриганку, что хотела меня погубить и на этом разбогатеть, злонамеренно воспользовавшись моим именем, только что оправдали!» Кампан принялась ее утешать; когда королева немного успокоилась, в ней снова проснулась надменность Габсбургов. «Впрочем, приношу вам свои соболезнования как француженке. Ведь если даже я не смогла найти беспристрастных судей, чтобы смыть пятно со своего доброго имени, то на что можете надеяться вы, если вам придется отстаивать в суде свои права и свою честь?» И вновь слезы душили королеву... «Приходите поплакать вместе со мной, дорогая Полиньяк, приходите утешить мою душу, — писала она подруге. — Приговор суда стал для меня неслыханным оскорблением. Я беспрестанно плачу от горя и отчаяния. <...> Приходите, душа моя...»

Королева вновь была беременна, и подавленное настроение не могло не сказаться на состоянии ее здоровья. Забеременев где-то около даты своего рождения, она не сразу поверила, что ждет еще одного ребенка: толком не оправившись после последних родов, она поначалу думала, что просто занемогла. Столь желаемые в начале супружества беременности, похоже, начинали ее тяготить, тем более что рождение каждого ребенка вызывало очередную волну пересудов. В угнетенном состоянии пребывал также и Людовик, начинавший понимать, какую непоправимую ошибку он совершил: ссылка кардинала, вызвавшая возмущение клана Роганов, не могла ни удовлетворить Марию Антуанетту, ни восстановить ее репутацию в глазах французов. Тяжело переживая поражение и, возможно, чувствуя себя виноватым, что не сумел подчинить себе парламент, Людовик избегал общения с королевой. Не исключено, что именно поэтому он уехал — отправился с недельной (с 21 по 29 июня) инспекционной поездкой в Нормандию, в порт Шербур. Всегда любивший море, корабли и морские карты, он десять лет назад, ввиду предстоящей войны с Англией, приказал построить в Шербуре новую военно-морскую базу. Прибыв в порт, он посетил несколько военных кораблей, понаблюдав за разыгранным специально для него морским сражением, вышел в открытое море и дошел почти до берегов Англии. Наконец-то он чувствовал себя в своей стихии! Он со знанием дела расспрашивал и инженеров, и матросов, с

нескрываемым удовольствием обсуждал технические подробности кораблестроения и фортификации. Бодрый, обветренный и загорелый, он возвратился в Версаль, где королева буквально не узнала его, настолько свободно и раскованно он себя вел. В те дни Мерси писал Иосифу: «Мне приятно видеть царящее между королевой и королем согласие. Узнав, что король отправился в путешествие, я обрадовался, а теперь рад его возвращению. Мне бы очень хотелось, чтобы в следующий раз вместе с ним поехала королева — дабы хотя бы ненадолго отдалиться от этих Полиньяков».

В то время, когда королева пребывала в напряженном ожидании судебного вердикта, в Версале гостил ее брат, эрцгерцог Фердинанд с супругой, прибывшие 11 мая инкогнито под именем «графа и графини Неллембург». Фердинанд был старше сестры на год, они не виделись с самого ее отъезда и переписку не поддерживали. Супруга Фердинанда Мария Беатриса д'Эсте, разносторонне образованная женщина, читавшая на греческом и латыни, не принадлежала, строго говоря, к особам королевской крови, и, когда речь заходила о приемах, возникали «этикетные сложности»; общего языка с Марией Антуанеттой она не нашла. Запланированное на 7 июня празднество из-за оправдания Рогана отменили, а 17 июня супруги отбыли домой. Многие называли этот визит «странным», ибо, несмотря на обоюдную любезность и старание королевы развлечь родственников, ни гостям, ни хозяевам не было дела друг до друга; однако прощание прошло трогательно.

9 июля королева произвела на свет очаровательную девочку, нареченную Софи Элен Беатрис. «Мне бы хотелось, чтобы у королевы был третий сын, но раз она чувствует себя хорошо, я готов удовольствоваться девочкой», — писал Иосиф II. По свидетельству придворных, «новорожденная принцесса оказалась необычайно крупным и подвижным ребенком». По случаю рождения дочери король преподнес супруге подарок — 50 тысяч ливров.

Едва Мария Антуанетта оправилась после родов, как 26 июля в Версаль инкогнито, под именем графа и графини Белей, прибыли правители Австрийских Нидерландов: эрцгерцогиня Мария Кристина с супругом — принцем Альбертом Саксонским. Мария Антуанетта с детства не жаловала сестру, ибо та, будучи любимицей матери, позволяла себе высмеивать сестер и братьев, особенно младших. Помня, как в детстве сестра ябедничала о ее проделках, королева была уверена, что именно Мария Кристина снабжала — прежде императрицу, а теперь Иосифа II — памфлетами, печатавшимися в основном в Голландии. Поэтому когда

сестра приехала в Париж, Мария Антуанетта попросила графа Мерси так составить программу ее пребывания, чтобы они встречались как можно реже: «Сделайте так (если, конечно, возможно), чтобы всем стало известно, что в эти дни я занята и мне желательно быть одной, дабы она не вознамерилась прибыть сюда, что мне удовольствия не доставит». Мария Антуанетта не устроила в честь Марии Кристины ни одного пышного приема — ни в Версале, ни в Трианоне. Людовик же, обнаружив, что шурин такой же заядлый охотник, как и он, с удовольствием приглашал родственника на охоту. И хотя, по словам Мерси, визит этот не укрепил ни дружбы, ни взаимопонимания между сестрами, принц Альберт в своих «Воспоминаниях» утверждал, что супруга его была очарована сестрой, кою по причине большой разницы в возрасте (Мария Кристина была старше Марии Антуанетты на семь лет) прежде совсем не знала, и возмущался клеветниками, оболгавшими королеву во время процесса по делу об ожерелье. Осыпанные подарками, 28 августа 1786 года супруги отбыли к себе, а 29 августа в письме, отправленном вдогонку сестре, Мария Антуанетта пообещала назвать в ее честь новый сорт хризантем, выращенный у нее в оранжерее.

Поездка короля в Нормандию и его рассказы о восторженных встречах в провинции пробуждали в королеве несбыточные надежды. Но, как с грустью отмечал Людовик, чем ближе он подъезжал к Версалю, тем меньше здравниц звучало в его честь. Оскорбительное решение суда, о котором Мария Антуанетта позабыла в связи с рождением дочери, снова, словно глубоко засевшая заноза, бредило ей душу, и она перебралась в Трианон, где провела весь сентябрь; по словам Мерси, она вела себя на удивление спокойно, лишь однажды спросив его, нельзя ли и ей совершить такую же поездку, какую совершил король. Вопрос остался без ответа: в стране, давно живущей в долг, нарастал кризис, а король, израсходовав приобретенный им на море запас энергии, снова помрачнел, засыпал на заседаниях Совета и, говорят, даже пил.

Барер, адвокат из Гаскони и будущий деятель революции, приезжавший в 1788 году в Париж, дал нелюбимую, но, как утверждает Альмера, наиболее точную для того времени характеристику королю: «Росту король был пяти футов пяти дюймов, плотное телосложение не отличалось изяществом, однако несмотря на бледный цвет лица выглядел он здоровяком; голубые водянистые глаза смотрели невыразительно, смех его звучал грубо и не всегда уместно. Ближние предметы он видел плохо, зато хорошо различал те, что вдали, в обиходе был неловок и всем своим видом напоминал здорового неотесанного

мужлана. Гувернер его, герцог де ла Вогийон, пренебрегал его воспитанием, и король это понимает. В глубине души он является приверженцем порядка и справедливости; однако крайняя слабохарактерность мешает ему принимать собственные решения, и он слепо следует за своими министрами. <...> Он очень любил поесть и выпить; пил он столько, что всегда выходил из-за стола немного навеселе, и разговор его становился навязчивым, особенно для того, кого он избирал своим слушателем. Он не любил азартных игр, но с удовольствием играл в триктрак и бильярд. Из-за своей неловкости в бильярд он играл плохо и во время игры часто грубо ругался; он был чревоугодником и не обладал чувством юмора. Однако суждения у него были здравые, и он желал всем добра; он бы и творил добро, если бы у него была поддержка либо в лице жены, либо в лице радеющего о государстве министра». Но министров, радеющих о государстве, двор встречал в штыки, и нерешительный король не мог ему противостоять. Исследователи подсчитали, что за 18 с половиной лет правления Людовика XVI сменилось 67 министров, среди которых некоторые занимали министерские посты дважды, а Неккер — даже трижды. Из чего следует, что каждые три месяца в правительстве менялся один министр. Возможно, это происходило потому, что, по словам современников, король не выдвигал на министерские посты достойных людей, опасаясь, что они своим умом и энергией возьмут над ним верх. Умный и энергичный Тюрго, желая вытащить государство из финансовой ямы, хотел заставить все сословия платить налоги. Придворная клика во главе с Морепом и при поддержке Марии Антуанетты потребовала отставки ретивого министра, и король пошел у нее на поводу. Ставший во главе финансового ведомства швейцарец Неккер попытался вернуться к реформам Тюрго и тоже был уволен. С 1783 года обязанности генерального контролера финансов исполнял ставленник клана Полиньяков Шарль Александр Калонн. Так как главой клана, по сути, являлась Диана де Полиньяк, к которой Людовик не питал симпатий, Диане пришлось уговаривать Артуа, дабы тот убедил короля дать Калонну искомую должность. Зная, что король не утвердит новых налогов, ибо знать откажется их платить, а народ платить не сможет, Калонн стал проводить займы, позволившие совершить такие крупные траты, как покупка Рамбуйе и Сен-Клу; впрочем, последнее приобретение Калонн оформил так, что передать его королева могла только своим детям. Он безропотно увеличивал пенсии и выплаты придворным, за что при дворе его прозвали «Кудесником». «Откуда мне было знать, что финансы пребывали в расстроенном состоянии, когда всякий раз, когда я просила 50 000 ливров,

мне доставляли 100 000», — впоследствии скажет Мария Антуанетта. Двор подобный подход вполне устраивал. Однако из-за неурожая в 1785 году полновесных поступлений налогов в казну не случилось, и государственный долг возрос до 300 миллионов ливров. Тем не менее Артуа и Прованс получили по 15 миллионов ливров каждый! «Те, кто не жил накануне революции, не знают, что значит сладость жизни», — напишет впоследствии Талейран, бывший в ту пору скромным священником и другом Калонна.

*

Реформы становились необходимы как воздух. В августе 1786 года Калонн представил королю «проект улучшения финансового положения», включавший большую часть реформ, ранее предложенных Тюрго и Неккером. Понимая, что проект встретит противодействие все тех же привилегированных сословий, Калонн, несмотря на сопротивление королевы, убедил короля в необходимости созвать собрание нотаблей, куда должны были войти 144 видных представителя дворянства, духовенства и городских верхов, назначенные королем. (Последний раз такое собрание созывалось 160 лет назад, во времена правления Ришелье.) Людовик XVI полагал, что после одобрения знатью парламенты не станут чинить препятствий предложенным реформам и утвердят их. Но его расчеты не оправдались. Открывшееся 22 февраля 1787 года собрание отказалось принять план Калонна, мнения его членов разделились, и они погрязли в пустопорожних дебатах, на что парижские перья незамедлительно отозвались листовкой следующего содержания: «...господин генеральный контролер собрал новую труппу комедиантов, которые в присутствии двора исполнят пьесу “Фальшивые признания”, небольшой дивертисмент “Вынужденное согласие” и аллегорический балет-пантомиму, сочиненную господином Калонном, под названием “Бочка Данаид”». Внимательно следивший за всем, что происходило во Франции, Кауниц назвал собрание «навязанной королю клоунадой». А королева, с самого начала противившаяся созыву нотаблей, писала брату: «Я не жду от этого собрания ничего хорошего, оно только возбуждает умы, и все это может завести очень далеко. Время идет, а мы по-прежнему на том же месте, что и в первый день. Есть масса вопросов, в которых я ничего не понимаю, да и мало кто разбирается... пусть высказываются, а потом король решит по-своему. Главное, ни к чему хорошему это не приведет». Подобные мысли

свидетельствовали о глубоких внутренних переменах, происходивших с королевой. Общественное мнение, раздувшее до вселенского скандала мошенничество, совершенное, в сущности, тщеславными и алчными людишками, заставило ее, наконец, осознать, какую жгучую ненависть питают к ней ее собственные подданные, как богатые, так и бедные, как знатные, так и простолюдины. И неизвестно, кто больше. Поэтому когда Иосиф предложил ей встретиться в Брюсселе, она, не раздумывая, отказалась.

Невзирая на угрозу вновь стать мишенью для клеветы (после бегства Ла Мотт многие заговорили о пересмотре дела), Мария Антуанетта — возможно, неожиданно для себя — почувствовала себя французской королевой. Раньше она не раз заявляла и матери, и брату, и Мерси, что стала настоящей француженкой, но это были лишь слова, которыми она пыталась убедить живущую в ней Гретхен расстаться со своим уютным немецким прошлым. Гретхен исчезла, немецкий дом растаял в тумане былого, а все, что было ей дорого, что составляло ее счастье, сосредоточилось здесь, во Франции, в ее Франции. Ее дети. Ее супруг. Ее любовь. Ее народ, взваливший на нее вину за все беды Франции. Если бы она почувствовала, именно почувствовала, это раньше — она всегда руководствовалась чувствами и никогда ничего не просчитывала заранее, — быть может, все сложилось бы иначе. Но об этом лучше не думать, тем более что все больше решений требовали ее участия. Помимо политических вопросов ее внимания требовали дети, ставшие для нее главным источником и радостей, и горестей. От болезни скончалась, не дожив до года, малышка Софи. Дофин, смысленный не по годам ребенок, болел; у него начались проблемы с позвоночником, и врачи заковали его в железный корсет. Страшась подумать, что недуг может оказаться неисцелимым, родители надеялись, что сын их поправится, и продолжали обучать мальчика всевозможным наукам и языкам; ограниченный в движениях ребенок с удовольствием проводил время за книгами. Короля все чаще охватывала депрессия, единственным лекарством от которой являлась охота. Чувствуя, как руль государственного корабля выскальзывает из рук слабовольного супруга, королева попыталась его подхватить и, стремясь разобраться в государственных делах, стала ходить на заседания Совета. Приученная с детства почитать мужа и монарха, она постаралась встать вровень с ним, только когда почувствовала, что в любую минуту он может упасть со своей вершины.

Ударом для короля стала смерть Верженна. Бессменный министр иностранных дел, всегда отстаивавший внешнеполитические интересы

Франции, скончался 13 февраля 1787 года после продолжительной болезни. Предвидевшие его кончину австрийские наблюдатели давно рекомендовали королеве убедить Людовика XVI сделать преемником Верженна графа де Сен-При, активно поддерживавшего имперскую политику Иосифа II. Однако, несмотря на подсказку Марии Антуанетты, король сделал выбор в пользу бывшего посла при испанском дворе графа де Монморена, в молодости состоявшего в свите юного Людовика. Впрочем, на этот раз ходатайствовала королева как-то вяло и неуверенно. «...Я не могла пойти против желания короля, не могла уговаривать его назначить человека, характер коего мне неведом; ходят слухи, что он склонен к интригам и жаден до денег», — оправдываясь, писала она брату. Убеждаясь, что Мария Антуанетта без прежнего жара защищает интересы Австрии, Кауниц в письме к Мерси от 18 марта 1787 года позволил себе довольно зло отозваться и о королеве, и о Франции: «Что же касается королевы, то я вам уже не раз говорил, что я о ней думаю. <...> Если бы она была королевой не Франции, а какой-либо другой страны, расположенной в каком-нибудь ином месте, где имеется иное правительство, ей бы запретили вмешиваться в дела как внутренние, так и внешние, а, следовательно, она была бы никем. Предположим на минуту, что во Франции дела обстоят точно так же, и не будем на нее рассчитывать, довольствуясь тем, что от нее можно получить». Разумеется, Мерси не посвящал королеву в подробности своей переписки с австрийским канцлером, но именно в это время он почувствовал, как его подопечная начала отдаляться от него. Хотя, скорее всего, дело было не в Мерси, а в том, что для Марии Антуанетты наступил период утраты иллюзий, переоценки окружавших ее людей. Постепенно остывала дружба с очаровательной и томной Иоландой де Поластрон, вечно окруженной многочисленными алчными родственниками. После отставки Калонна, одобренной Марией Антуанеттой и опечалившей Полиньяков, Иоланда словно решила доказать своей коронованной подруге, что она прекрасно обходится без нее. У нее в гостиной, где собиралась королева со своим двором, стали появляться личности, общество которых для ее величества было нежелательным, отчего королеве приходилось каждый раз посылать вперед лакея, дабы узнать имена приглашенных; если ожидалось нежелательные лица, Мария Антуанетта отменяла свой визит. Однажды королева рискнула намекнуть Полиньяк, что ей не хотелось бы встречаться у нее в гостиной с некоторыми лицами (вечера, которые намеревалась посетить королева, оплачивались из королевской казны). «Полагаю, что желание Ее Величества посещать мой салон не является поводом для изгнания из него моих друзей», — ответила Полиньяк. «Я не

сержусь на нее, — писала позднее королева, — ибо в душе она добра и любит меня; но окружение дурно на нее влияет». Постепенно Мария Антуанетта перебралась в салон своей придворной дамы графини д'Оссон, сестры герцога де Грамона и племянницы герцога Шуазеля. Мадам д'Оссон не отличалась ни остроумием, ни изысканными манерами, но, простодушная и добродетельная, она делала все, чтобы угодить ее величеству. В гостиной графини, расположенной неподалеку от королевских апартаментов, Мария Антуанетта чувствовала себя свободно и спокойно; не ожидая завуалированных нападок или насмешек, она приглашала туда своих близких друзей, а иногда даже устраивала небольшие концерты.

*

Постоянные огорчения и неусыпное чувство тревоги не могли не отразиться на внешности королевы. Она набрала вес, волосы стали еще хуже, появились первые седые волоски. К летнему салону 1787 года художница Виже-Лебрен заканчивала портрет Марии Антуанетты в окружении детей: справа и слева от нее — Мадам Руаяль и дофин, на коленях — герцог Нормандский, рядом в колыбели — Софи Элен Беатрис. Первые наброски были сделаны во время беременности королевы, а завершалось полотно, когда Софи Беатрис уже скончалась. Не в силах изменить композицию, художница постаралась расположить колыбель так, словно дофин задерживал над ней полог. Согласно изначальному замыслу, Виже-Лебрен хотела изобразить счастливую мать в окружении счастливых детей. Но результат получился иным: и мать, и дети на картине оказались одинаково печальны, включая сидящего на коленях юного принца, а темный кроваво-красный цвет платья и головного убора королевы подчеркивал тревожный настрой полотна. Даже исключительная свежесть лица Марии Антуанетты, которой, как пишут современники, она к тому времени уже не обладала, не разрушала ощущения беспокойства. Не успевая закончить работу к открытию Салона, художница в первый день повесила только раму с названием картины, и какой-то шутник написал в центре рамы: «Вот он, дефицит!» И к королеве тотчас пристало прозвище «Мадам Дефицит»; случилось это в то самое время, когда Людовик XVI, критикуя речь Калонна перед нотаблями, настоятельно рекомендовал своему министру не упоминать слова «дефицит», дабы не испугать участников собрания. Чтобы не раздражать публику еще больше, картину

не выставили вовсе. Королю же полотно необычайно понравилось, и он повесил его у себя в покоях. «Я не разбираюсь в живописи, но вы заставили меня полюбить сей вид искусства», — сказал он художнице.

Новое унижение, болезненно переживаемое королевой, совпало с новой политикой сокращения расходов и экономии, которую начал проводить сменивший Калонна на посту генерального контролера финансов тулузский архиепископ Ломени де Бриенн. Мария Антуанетта сама рекомендовала королю кандидатуру нового руководителя финансового ведомства. Она давно хотела видеть его министром, так как о нем прекрасно отзывался аббат Вермон, который, прежде чем стать ее чтецом и наставником, служил под началом архиепископа Тулузского. Король, напротив, всегда выступал против его кандидатуры, ибо Бриенн принадлежал к тому типу служителей Церкви, которых гораздо больше интересовали дела мирские, нежели небесные. Когда после смерти парижского архиепископа Кристофа де Бомона Бриенн стал претендовать на эту должность, король воскликнул: «Архиепископ парижский должен хотя бы верить в Бога!» К вопросам веры Людовик всегда относился с особой серьезностью. Многие пишут, что согласие короля назначить на место Калонна архиепископа Тулузского свидетельствовало о его глубокой растерянности перед происходящими событиями. Приверженец идей Тюрго, Бриенн резко критиковал расточительство Калонна; не дожидаясь одобрения нотаблей, он приступил к осуществлению мер экономии и начал с двора, где немедленно натолкнулся на единодушное сопротивление. Тем не менее парламент согласился утвердить заем в 60 миллионов, сорок из которых предстояло возместить за счет сокращения расходов на содержание Королевского дома. Но члены королевской семьи, имевшие каждый собственный двор, не хотели «подставлять под сокращение» своих придворных, а те, в свою очередь, расставаться с занимаемыми ими синекурами, доходы от которых они расценивали как свое неотъемлемое право. Экономии требовалось соблюдать во всем, включая сжигание свечей до мелких огарков и сокращение количества и объема подаваемых на королевский стол блюд, более половины из которых уходило в отходы. Как женщина Мария Антуанетта не возражала против экономного ведения хозяйства, но как королева отказывалась ее принимать. Короля же подсчеты мелких трат на хозяйство, похоже, даже занимали: в своих личных записях он отмечал суммы не только карточных проигрышей и выигрышей, не только пенсий придворным и выплаты королеве, но и стоимость «4 макрелей» (3 ливра 18 су), «дюжины свежих селедок» (3 ливра) и «бараньих ножек» (1 ливр 8 су)... Странное развлечение для короля.

Королева позволила сократить 173 должности в штате своего двора, урезала сумму собственного содержания до 900 тысяч ливров и рассталась с Бертен, невольно послужив одной из причин банкротства модистки. Она редко выезжала в Париж, а после случая в «Комеди Франсез» перестала туда ездить вовсе. Давали трагедию Расина «Гофолия», и после слов Иодая: «Рассудок отумань царице жаждой мести и преврати ее с Матфаном подлым вместе в игральнице слепых, разнузданных страстей, предвозвестительниц падения царей!»^[20] зрительный зал разразился аплодисментами. Королева в слезах выбежала из ложи и приказала везти ее в Версаль. Об этом инциденте Мерси с горечью сообщал Иосифу II: «Королева подает пример готовности к реформам и убеждает согласиться с ними короля... она способствовала отставке Калонна... убедила короля согласиться с выбором нынешнего первого министра... будь эта нация более разумной и последовательной, она была бы ей за это признательна». Но длинный шлейф легкомыслия, ошибок, необдуманных решений, трат и клеветы тянулся за королевой, и теперь, что бы она ни делала, как бы ни желала исправить положение, всю ответственность за свои беды французы возлагали на нее. Немногие придворные считали, что королева навлекла на себя неприязнь из-за покровительства клану Полиньяков, и стоит ей удалить их от двора, все станет на свои места. Они ошибались — сейчас эта мера уже не привела бы ни к чему. Мария Антуанетта давно не обольщалась относительно семейства своей любимицы: не желая считаться с новой политикой экономии, золовка Иоланды, Диана де Полиньяк, убедила короля заплатить ее долги в сумме 400 тысяч ливров, заявив, что деньги были потрачены на увеселения королевы. Муж Иоланды, герцог де Полиньяк, добровольно отказавшийся в связи с «всеобщим сокращением» от должности смотрителя почт, некогда полученной из рук Марии Антуанетты, с героическим видом мученика рассказывал об этом во всех салонах; дрожавшие за свои пенсии и привилегии придворные ему сочувствовали и выливали свое недовольство на королеву. А ее величество писала в Бат, куда на воды поправлять здоровье уехала «душенька Полиньяк»: «Волнуюсь за вас. Надеюсь, путешествие вас не слишком утомило. Отдыхайте, я так хочу, я требую. Воспользуйтесь целительной силой тамошней воды, иначе я рассержусь, ибо если от вашей поездки не будет пользы вашему здоровью, получится, что я напрасно томила от вашего отсутствия. Когда вы рядом, я чувствую, как сильно я вас люблю, но когда вы вдали от меня, любовь моя становится еще сильнее. Я беспокоюсь за вас и за ваших близких; вас сочтут неблагодарной, если вы не будете любить меня, ибо мое отношение к вам останется неизменным». Иоланда,

исполнявшая обязанности гувернантки детей Франции, была не вправе отлучаться из Версаля; но королева прощала ей все.

Время, которое прежде Мария Антуанетта тратила на развлечения, теперь отводилось занятиям государственными делами. Ломени де Бриенн, с трудом находивший общий язык с королем, часто искал поддержки у королевы, для чего приучал ее посещать правительственные заседания и разбираться в бумагах. «Архиепископ Тулузский, который считается креатурой королевы, постепенно подчиняет своему влиянию короля и не пропускает ни единой возможности выразить полнейшую преданность своей августейшей покровительнице», — писал Мерси Иосифу II. Реформы, предложенные Бриенном — всеобщий поземельный налог, отмена барщины, гербовый сбор, создание специального Пленарного суда (состоявшего из высшей аристократии, судебных и военных чинов) для регистрации законов, дабы освободить от этой обязанности парламенты, традиционно бравшие ее на себя, — одобрения не получили, и не потому, что были плохи, а потому, что шли «сверху». Начав войну с парижским парламентом, Бриенн попытался проявить твердость и при очередном отказе зарегистрировать эдикты выслал непокорных парламентариев в Труа, тем самым, говоря языком современности, резко повысив их рейтинг в глазах народа. Воодушевленные всеобщей поддержкой, магистраты упорствовали, а денег в казне не прибавлялось. Оставалось одно: прибегнуть к долгосрочному, рассчитанному на три года, займу, позволявшему стабилизировать финансы к 1792 году. Но так как заем требовалось утвердить, в ход пошли закулисные переговоры и посулы, в результате которых заскучавшие в провинции парламентарии с радостью вернулись в Париж и с ходу зарегистрировали эдикт, уравнивший протестантов в правах с католиками, отвергнув заем и новые, хотя и сильно урезанные, налоги.

Кутерьма с утверждением указов пугала королеву, не понимавшую, почему король не может просто приказать принять тот или иной закон. Она часто рассказывала Кампан, каким трогательным образом повышали налоги герцоги Лотарингские. Правитель шел в церковь и после проповеди, встав на лавку и взмахнув шляпой, называл нужную ему сумму. Рвение добрых лотарингцев было столь велико, что мужья тайком от жен брали из дома белье или утварь, продавали их и таким образом увеличивали свой вклад. Нередко случалось, что денег собирали больше, чем нужно, и тогда герцог приказывал вернуть лишнее. Во Франции монарх мог продиктовать свою волю парламенту во время специальных королевских заседаний, именуемых «ложем правосудия». Но времена изменились: когда Людовик

XVI явился в парламент и, выслушав дебаты, встал и заявил, что он «повелевает регистрацию» вышеуказанных законов, оппозиция в лице герцога Орлеанского воспротивилась, заявив, что принятие решений на основании одного королевского мнения не может быть законным и является «инструментом деспотизма». А вскочивший с места герой американской революции Лафайет и вовсе потребовал созыва Генеральных штатов. Парламент отказался зарегистрировать заем. Возмущенный выступлением Орлеана, Людовик XVI отважился отправить кузена в ссылку в его поместье в Пикардии, запретив ему принимать у себя кого-либо, кроме родственников, чем вызвал бурю негодования среди фрондирующих аристократов. И очень скоро нерешительный Людовик позволил знатному оппозиционеру перебраться поближе к Парижу, «но не ближе чем на два лье». «От кого я должен ждать повиновения и подчинения, как не от принца одной со мной крови?» — словно оправдываясь за свое решение, смущенно писал изгнаннику Людовик. В это же время Лафайет сообщал своим американским друзьям: «Французы приобрели привычку принимать близко к сердцу вопросы, входящие в компетенцию государства».

Париж бурлил. Упорное сопротивление парламента планам двора подогрело страсти во всех слоях общества, объединившегося в неприязни к двору и ненависти к королеве. Первый министр Ломени де Бриенн — ставленник королевы, следовательно, назначенные им новые министры тоже ставленники Австриячки. Куда смотрит король? Пора созывать Генеральные штаты! Народ сжигал чучела Калонна и «девки Полиньяк», начальник полиции с ужасом ожидал, когда агенты сообщат ему, что «на площади такой-то сожгли чучело ее величества», и слал в Версаль депеши, уговаривая королеву не ездить в столицу. В Европе авторитет Франции, достигший в 1785 году небывалых высот, стремительно падал. Пребывая на грани финансового краха, королевство вопреки собственным интересам и несмотря на союзнический договор оставило без поддержки Голландию, где партия «патриотов» свергла власть статхаудера. Весной 1787 года на территорию Голландии вторглась прусская армия и при поддержке английских денег восстановила правление статхаудера, в результате чего страна оказалась в сфере влияния Англии и ее союзницы Пруссии. Торговое соглашение 1786 года, открывшее английским товарам свободный доступ на французский рынок, перечеркнуло выгоды заключенного в 1783 году победоносного мира с Англией, позволив англичанам разорять французских текстильщиков. Обязательства перед альянсом давно не выполнялись в полном объеме, и император все чаще задумывался, не пора ли подыскивать новых союзников, и — несмотря на глубокие противоречия

интересов — начинал посматривать в сторону Англии. Австрия с большим интересом наблюдала за неурядицами во Французском королевстве, ослаблявшими страну не только изнутри, но и на международной арене. «Мне очень интересно узнать, какую позицию займет Франция, оказавшаяся в крайне критическом положении как внутри страны, так и вовне. Мне хотелось бы, чтобы она вышла из нынешней ситуации если не с выгодой, то хотя бы с честью; но мне кажется, что ее ждут большие неприятности, даже если ею станут управлять иные люди, а не те жалкие личности, что сейчас стоят у кормила власти», — писал Кауниц Мерси, недвусмысленно давая понять, что в здании альянса появилась трещина. В том же духе писал Мерси и Иосиф II, разве что в его письме читается сочувствие к сестре: «Любопытно узнать, чем кончатся беспорядки внутри французского государства; я очень огорчен постигшими королеву неприятностями и тем дурным отношением, что сложилось к ней в обществе». Говорят, следом Иосиф отправил письмо, где в привычном для него менторском тоне поучал сестру, как ей выходить из создавшегося положения. Письмо это не сохранилось, и неизвестно, помогли ли Марии Антуанетте советы брата. Тем не менее в данной ситуации королева инстинктивно выбирала верный путь: поддерживать предлагаемые реформы, чтобы сохранить главное — королевскую власть.

Тяжкое бремя правления всегда угнетало Людовика XVI, в смутное время оно стало для него совершенно непосильным. Погода тоже словно сговорилась с его врагами: весенняя засуха 1788 года сменилась летними шквальными ветрами и градом величиной с куриное яйцо, выбивавшим посевы и убивавшим наповал кроликов и прочую мелкую живность. Чтобы помочь пострадавшим от грозы и ураганов, король — неизменно великодушный, когда речь заходила о понятных для него вещах, — выпустил лотерею на 12 миллионов ливров. Поддерживая мужа, Мария Антуанетта, как могла, старалась облегчить непосильный для него груз власти, однако новые обязанности не доставляли ей радости. Вот что пишет об этом мадам Кампан: «Однажды, собирая вместе записки и доклады, которые министры вручили ей для передачи королю, она со вздохом произнесла: “Ах, с тех пор, как они сделали из меня интриганку, я забыла, что значит счастье”. Я возразила против употребленного ею слова. “Нет, — отвечала королева, — слово очень точное; любая женщина, которая вмешивается в дела, которые выше ее понимания и выходят за рамки ее долга, является интриганкой, и мне очень жаль, что приходится награждать таким званием саму себя. Королевы Франции могут быть счастливы только тогда, когда они ни во что не вмешиваются”». Не обладая

ни усидчивостью, ни способностями сосредоточиться на долговременных задачах, Мария Антуанетта металась между королем и новоизбранным первым министром, пытаясь как-нибудь сохранить давшую трещину монархию. Сам Людовик XVI, не привыкший посвящать королеву в государственные дела, по-прежнему не откровенничал с ней. «...Что бы ни говорили, я всегда буду на вторых ролях; первое лицо, хотя и доверяет мне, нередко дает мне это понять», — писала Мария Антуанетта Мерси, к которому ей приходилось обращаться за помощью. Не имея политического опыта, она решительно не видела необходимости в созыве ни нотаблей, ни Генеральных штатов, ни любых иных ассамблей, ограничивающих власть монарха, ибо не понимала и не признавала иного миропорядка, нежели абсолютная власть короля. Ее миновала политическая англомания, охватившая аристократические верхи. Разумеется, она знала про английский парламент, но вряд ли задумывалась о его задачах и роли в управлении страной.

От непривычных занятий государственными делами она быстро уставала и, чтобы отдохнуть, уезжала в Трианон, где кружок ее фаворитов изрядно поредел. Она осознавала, что, подобно Полиньякам, ее друзья постоянно что-то хотели от нее, и никто не был готов ради нее поступиться хотя бы малостью из полученных благ. Теперь в Трианоне королева принимала в основном иностранцев: Ферзена, принца де Линя, барона Стединга, а когда ее за это упрекали, отвечала: «Они прекрасные собеседники и ничего от меня не хотят». Больше всего ей хотелось вновь завоевать любовь или хотя бы признание народа. Ферзен, как мог, поддерживал королеву, разрываясь между своим полком и Версалем. Наверное, не столь важно, пребывали ли их отношения возвышенно-романтическими или стали более земными, главное, они были, и по вечерам, отправившись к себе в апартаменты и подождав, когда стихнет шум отходящего ко сну дворца, Мария Антуанетта поднималась наверх, где ждал ее любимый человек, готовый разделить с ней и горе, и радость. Как пишет Э. Левер, зимой 1787/88 года королева предложила Ферзену переселиться в Большой дворец, в специально подготовленные для него апартаменты, расположенные над ее комнатами; она даже велела соорудить там особый камин, для которого отыскивали шведского печника. Этот же печник сделал камин и в небольшой комнатке рядом с кабинетом королевы. Короля в курс этих реконструкций не посвящали — дворец был столь огромен, что вряд ли кто-нибудь из его обитателей мог похвастаться доскональным знанием всех его закоулков. Как полагают современники, королеве удалось примирить Людовика с Ферзеном, причем самым

простым способом: она с возмущением пересказывала мужу сплетни и тут же уверяла его, что распускают их недоброжелатели, стремящиеся оторвать от Франции ее традиционную союзницу Швецию (которую Англия, оправившаяся после потери американских колоний, активно вовлекала в свою орбиту). А так как Ферзен являлся доверенным лицом шведского короля, то с ним никак нельзя портить отношения, особенно в связи с наметившимися перспективами четверного союза (Франция — Испания — Россия — Австрия). Причастность к государственным делам не прошла для королевы даром: оберегая свою личную жизнь, она научилась хитрить. Если раньше при появлении Ферзена щеки ее немедленно покрывались румянцем, а голос начинал дрожать, теперь она уверенно и спокойно встречала его и в многолюдных гостиных, и в уединенных аллеях парка. Ферзен умел удивительно молчать и слушать, а выслушав, погасить пожар эмоций немногословным советом. Счастливая своей любовью, она стала нежнее относиться к королю, с которым после ее решения не иметь более детей их объединяла только детская, источник их общих радостей и тревог.

*

Здоровье дофина не улучшалось, и его перевезли в Медон, официальную резиденцию дофина Франции, расположенную на высоком, поросшем лесом плато на полпути между Версалем и Парижем. Тамозний воздух считался целебным; король и королева старались часто навещать сына. «Дорогой брат, старший сын по-прежнему вызывает у меня беспокойство. Хотя он никогда не отличался здоровьем и крепостью сложения, столь резкой перемены к худшему я не ожидала. Рост его замедлился, одно плечо стало выше другого, позвоночник искривился. Его постоянно лихорадит, он очень ослаб и похудел. Болезненное состояние его, без сомнения, обусловлено сменой зубов. Они начали прорезываться, а некоторые даже выросли окончательно, что вселяет надежду. <...> В детстве король тоже отличался хрупким здоровьем и часто болел, но воздух Медона пошел ему на пользу, поэтому мы сейчас перевезли туда моего сына. Младший же вполне силен и пышет здоровьем, которого так не хватает старшему; он настоящий крестьянский ребенок, крупный, розовощекий крепыш», — писала Мария Антуанетта брату в феврале 1788 года. В апреле появились оптимистические нотки: «Мой сын уже месяц как живет в Медоне и поправляется на глазах. Его немного лихорадит, но не постоянно, а периодами, к нему вернулись смех и аппетит, силы

прибывают, и мы надеемся, что позвоночник его расправится. Прорезался еще один зуб, два уже почти выросли. После Троицына дня мы поедem в Сен-Клу, где моему младшему сыну сделают прививку против оспы... никто еще никогда не видел более здорового, более крепкого и более сильного ребенка». Даже в самые тяжелые для нее периоды королева не переставала заботиться о детях, о их воспитании и развитии. А дети были такие разные! Крепкий, сильный, активный, здоровый, непоседливый малыш Луи Шарль, у которого, по свидетельству докторов, «случались сильные истерики». Мадам Руаяль, строгая десятилетняя особа, осознающая свое королевское величие; желая смягчить характер дочери, Мария Антуанетта брала ее с собой, когда с благотворительными целями посещала сирот и стариков. Дофин Луи Жозеф, страдавший от тяжелой болезни, иногда отпускавшей его, дабы вселить в родителей надежду, но вскоре вновь сжимавшей своими когтями его тщедушное тело. «Здоровье сына может пойти на поправку, а может стать еще хуже, нельзя исключать ни одну из возможностей, которые, не отнимая надежды, не позволяют уповать на лучшее», — писала в июле Мария Антуанетта брату. Придворные, те, кому в то время довелось посетить Медон, уже связывали свои чаяния с герцогом Нормандским, ибо были уверены, что дофину не суждено стать королем. Глядя на пышущего здоровьем супруга, Мария Антуанетта надеялась, что мальчик переборет болезнь и с возрастом станет таким же крепким, как отец. Заботливая и любящая мать, королева лично подобрала штат дофина и, преодолев сопротивление теток короля, назначила его наставником члена Французской академии герцога д'Аркура. «Они привыкли, — писала она о детях, — доверять мне и, когда совершают какой-либо проступок, сами рассказывают мне о нем. Я выражаю им свое неудовольствие, но при этом даю понять, что я не рассержена, а огорчена и опечалена их проступком. Я приучила их, что когда я говорю “да” или “нет”, дальнейших обсуждений быть не может, однако я всегда объясняю на доступном им языке причину своего решения, дабы они не подумали, что я поступаю по настроению». Людовик — не менее заботливый отец. Когда после оспопрививания у Мадам Руаяль началась лихорадка, мать и отец поочередно дежурили у ее постели. Если бы судьба распорядилась иначе, из Людовика и Марии Антуанетты получилась бы прекрасная добропорядочная пара: муж бы слесарничал, а жена воспитывала детей. Но судьбе угодно было поместить обоих на вершину власти, бремени которой каждый с самого начала старался избегать: один — пропадая на охоте, другая — кружась в бесконечном танце на балах и маскарадах. Когда ситуация в стране обострилась, король пал духом, а королева, несмотря на

искреннее желание помочь супругу, оказалась неподготовленной к ведению государственных дел. Мария Терезия, успешно управлявшая обширными землями, готовила Марию Антуанетту к роли жены, но никак не правительницы.

Продолжая настаивать на осуществлении утвержденных им реформ, в начале мая 1788 года Людовик XVI сформировал новый орган — Пленарный суд, уполномоченный проверять и регистрировать законы, сохранив за собой право утверждать займы. Но председатель только что созданного суда немедленно этому воспротивился, заявив, что ни он, ни *французская нация* не позволят «деспотизму навязывать им свою волю». Не только Париж, но и провинция отказывалась исполнять королевские указы. «Дворец продать, короля повесить, корону передать достойному», — писали наемные перья Орлеана в листовках, расклеенных по всему Парижу. Надеясь на волне всеобщего недовольства произвести переворот и занять трон, герцог подготовил обширное досье, где «собрал доказательства» незаконного происхождения королевских детей, намереваясь при первом удобном случае предъявить его «кому следует». В любых пьесах, что шли в театре, зритель видел намеки на сегодняшнюю ситуацию. Двор отвечал борзописцам их же оружием, нанимая своих продажных писак. Полиция постоянно пребывала наготове, а Бриенн заявил: «Я предвидел всё, даже гражданскую войну!» Тем не менее увеличение цены на хлеб не вызвало больших беспорядков. «Ничто не предвещает волнений. Меры, принятые по их предотвращению, кажутся мне необычайно разумными, ибо они сокрыты от глаз публики», — писал Мерси Марии Антуанетте.

9 августа в обстановке всеобщего напряжения король объявил о созыве 1 мая 1789 года Генеральных штатов, совещательного органа, собиравшегося в особенно трудные для королей времена, прежде всего когда требовалось одобрение жестких финансовых мер. Последний раз Генеральные штаты собирались в 1614 году. Заявление короля означало крах политики Бриенна, выступавшего против такого созыва. Уверенная, что смена министра поможет изменить ситуацию, королева намекнула на это Бриенну, предложив призвать единственного кандидата, пользовавшегося безоговорочной поддержкой народа, а именно господина Неккера. Но согласится ли швейцарец вновь стать у финансового руля государства, да еще под началом Бриенна, не намеревавшегося оставлять пост первого министра? И согласится ли вернуть опального финансиста король? «Конечно, если Неккер откажется, имеется еще Фулон, — размышляя, писала Мария Антуанетта Мерси, — но мне он кажется

человеком бесчестным, и я вряд ли смогу найти с ним общий язык». Чтобы убедить и Неккера, и короля, королева решила передать «это важное дело» в руки Мерси, надеясь, что опытный дипломат сумеет провести столь важные переговоры. Бриенн, бравшийся уговорить короля, также попросил Мерси «выяснить мнение господина Неккера», дабы он мог начать переговоры с королем: «Уверен, что натолкнусь на сильное сопротивление и победить его смогу, только зная, что думает об этом сам господин Неккер». Мария Антуанетта писала Мерси: «...боюсь, что господин Неккер не согласится; действительно публика сейчас настолько возбуждена, что он может опасаться подорвать к себе доверие. Но что делать?» По просьбе королевы Мерси отправился к Неккеру и несколько часов уговаривал его вернуться; швейцарец большей частью отмалчивался, а потом заявил, что о работе под управлением архиепископа не может быть и речи, и вообще ему надобно пару дней подумать. 25 августа, убедившись, что король согласился с выбором жены, Бриенн подал в отставку и на следующий день покинул Версаль. К такому решению его подтолкнул Мерси. Король вознаграждал провального министра несколькими аббатствами и выхлопотал ему кардинальскую шапку, что вызвало негодование придворной оппозиции. Полиньяк не преминула уколоть королеву, заметив, что вытасченный ею из провинции архиепископ Тулузский оказался ничуть не лучше Калонна и тоже оставил пустую кассу. Пребывавший в угрюмом настроении король махнул на все рукой и, заявив, что «они еще об этом пожалеют», подписал назначение Неккера. «Я написала несколько строчек господину Неккеру, пригласив его прибыть ко мне завтра, в десять часов утра. Пора отбросить сомнения; будет прекрасно, если уже завтра он сможет взяться за работу. Это очень важно. Я вся дрожу; простите мне эту слабость, но ведь это я пригласила его вернуться. Мне суждено приносить несчастья; а если из-за дьявольских интриг у него все пойдет не так, и он уронит авторитет короля, меня станут ненавидеть еще больше», — писала Мария Антуанетта Мерси. Ее пугало, что она впервые принимала решение на государственном уровне и фактически вместо короля.

Решение оказалось правильным: народ с восторгом встретил назначение Неккера генеральным распорядителем финансов и министром, входящим во все советы, в том числе и королевский. Возле Пале-Рояля, где обычно собиралась толпа, раздавались возгласы «Да здравствует король!» и даже «Да здравствует королева!»; немедленно оживилась биржа. Приступив к работе, Неккер сразу отозвал эдикты прежнего правительства и отменил все, что сделано Бриенном и его хранителем печатей Ламуаньоном. В письме Мерси Иосиф II написал: «Я советую королеве не

чинить препятствий Неккеру в его начинаниях и проектах, ибо это, возможно, единственный способ либо добиться улучшения нынешнего положения, либо вывести из заблуждения публику, что фанатично его поддерживает, дав ей возможность убедиться в том, что, получив все полномочия, он не сумел ничего сделать». Вопрос о созыве Генеральных штатов висел над королем как дамоклов меч, до бесконечности удручая его, поэтому с приходом Неккера он предложил перенести дату созыва на 1 января 1789 года. Осторожный Неккер в ответ предложил еще раз собрать нотаблей, чтобы решить вопрос о представительстве. Как было принято издавна, от каждого сословия выбирали по 300 депутатов, но голосование проводилось посословно, а не поголовно, так что первые два сословия — аристократия и духовенство — всегда оказывались в большинстве. При сложившемся положении такое несоответствие вызывало возмущение, ибо третье сословие являлось самым многочисленным и представляло народ, несущий на своих плечах налоговое бремя, пополнявшее казну, беззастенчиво растаскиваемую знатью и фаворитами. Неккер предложил увеличить число депутатов третьего сословия вдвое. Нотабли единодушно выступили против предложения Неккера. Новый министр сумел убедить короля, что эта мера является необходимой и хотя бы отчасти снимет царящее в стране напряжение. В результате приняли решение увеличить число мест для депутатов третьего сословия ровно вдвое, то есть до шестисот человек. Вопрос об индивидуальном голосовании пока оставался открытым. Популярность Неккера вновь взлетела до заоблачных высот; народ называл его «министром-патриотом». В стране началась предвыборная кампания: составление наказов избирателей и выборы будущих депутатов. Избирательные собрания превращались в арену пылких споров, а зачастую и потасовок. На страну хлынул «потоп писаний», как характеризовали море агитационных брошюр, наводнивших Францию. Третье сословие выступало против неограниченной монархии как общественного устройства, аристократия нападала на монархию Бурбонов. Герцог Орлеанский, в свое время сделавший все, чтобы закрепить в глазах общества дурную репутацию королевы, теперь взялся за короля. В конце апреля 1789 года, незадолго до созыва Генеральных штатов, в Сент-Антуанском предместье Парижа рабочие вместе с парижской беднотой разгромили мануфактуру бумажных обоев Ревельона, и множество свидетелей видели среди возмущенного народа карету герцога Орлеанского, которого народ встречал с радостными криками, награждая титулом «друга народа»! По тем временам такой титул был гораздо более почетным, нежели звание «доброго короля». «...Франции очевидно грозит

революция; этот вывод я делаю, проанализировав череду незначительных на первый взгляд событий, свидетельствующих о нарастании беспримерного всеобщего возбуждения и одновременно указывающих, чем сие злополучное возбуждение может завершиться. Вот уже больше года, как я подмечаю эти признаки и неустанно на них указываю; но за это время правительство лишь громоздило ошибку за ошибкой. <...> В этой критической обстановке королеве надлежит поступать крайне осмотрительно, придерживать собственное мнение и ни в коем случае не выказывать свои симпатии той или иной партии», — писал Мерси Иосифу II. Ибо, как было сказано кем-то из современников, если при Людовике XIV о недостатках можно было только намекнуть, при Людовике XV — шепнуть на ухо, то при Людовике XVI о них кричали во весь голос. А общественное мнение давно уже видело в Марии Антуанетте одни лишь недостатки.

Описывая атмосферу накануне созыва Генеральных штатов, Ферзен сообщал отцу: «Это бред. Каждый видит себя законодателем, каждый говорит только о прогрессе. В приемных лакеи читают памфлеты, и каждый день появляются десять или двенадцать новых брошюр». По свидетельству начальника полиции, памфлеты печатались при дворе или при покровительстве двора: «Большинство из обвинений являлись клеветой. <...> Истинность их основана на пресловутом “говорят”, но отнюдь не “видели”». Пасквили порождали неурядицы в самой королевской семье. «Разница в мнениях и поведении Месье и графа д'Артуа относительно служения королю порождает раскол и способствует созданию партий. Королева с печалью взирает на монарха, совершенно не расположенного навести порядок среди братьев, и на несправедливую публику, полагающую, что королева причастна к этим ссорам», — возмущался Мерси. Судя по словам Мерси, бред заразил и Марию Антуанетту: она начала усиленно проводить реформы при дворе: «Эти реформы не имели под собой никаких оснований и четкой цели. Рядом с нескончаемыми новыми правилами появлялись странные и несправедливые исключения, дававшие лишний повод для бесконечных интриг; в результате преобразования лишь усугубили ее и без того шаткое положение при дворе: сплетники и клеветники продолжали свою грязную работу. Зерно зла было посеяно, и клевета словно буря нарастала с невероятной силой». После дела об ожерелье памфлеты, на которые прежде королева не обращала внимания или встречала их со смехом, теперь больно жалили ее, и она решила восторжествовать над клеветниками, удвоив или даже утроив милосердные поступки. С целями благотворительности она

объезжала деревни вокруг Версаля, организовала что-то вроде «дома ребенка», где за счет казны содержались неимущие матери с младенцами. Поздно. Шквал памфлетов против королевы и двора нарастал. Для короля и королевы наступало время страданий: страна скатывалась в хаос, и никто не знал, как остановить это падение.

Дофину с каждым днем становилось хуже, и врачи терялись в догадках, не зная, какое назначить лечение; уповали только на природу. От королевы как могли скрывали безысходное состояние дофина, но она уже сама все видела, только не хотела себе в этом признаваться. Во время охоты Людовику подбросили письмо, где в не слишком пристойной форме излагали про связь его жены с Ферзенем. Содержания письма никто не видел, так что, возможно, речь в нем шла и об очередной клевете Ла Мотт, очень остро переживаемой королем. А в письмах Мерси к Иосифу начали мелькать слова «революция», «переворот», «волнения»: «Все, что происходит сейчас во Франции, включая ближайший созыв Генеральных штатов, похоже, грозит смутой; мне бы очень хотелось, чтобы события приняли более мягкий оборот, чем мне кажется, но я вижу, что ни у кого нет четких представлений о нынешнем положении вещей, так что какие бы меры ни были приняты, они не будут правильными. Создается ситуация, в которой Франция почувствует неоценимое значение ее альянса с Австрией», — писал в апреле Мерси Иосифу. Королева также ощущала тревогу. «Время иллюзий прошло, нам предстоят суровые испытания; теперь мы дорого заплатим за наше восторженное отношение к войне в Америке. Голос честных людей был заглушён воплями шайки интриганов. Мы не пытаемся понять суть вещей, вместо этого цепляемся к словам и множим войну между людьми. Продолжая плести интриги, мятежники влекут государство к гибели», — писала Мария Антуанетта подруге Полиньяк за месяц до открытия Генеральных штатов. Прежде таких горьких строк из-под ее пера не выходило. Возможно, потому, что она, по словам Кампан, «никогда не скрывала свою неприязнь к союзническому договору с воюющей Америкой; она не могла понять, как можно было советовать монарху добиваться унижения Англии, атакуя королевскую власть и помогая какому-то непонятному народу принимать республиканскую конституцию».

При мысли о государственной машине у королевы опускались руки. Активное участие в возвращении Неккера надломило ее: она изо всех сил старалась отойти в тень, уйти в тихую частную жизнь: устраивала детские праздники для Мадам Руаяль и герцога Нормандского, без всякой надежды выслушивала врачей о состоянии здоровья дофина, тихо проводила вечера

в гостиных подруг. Ферзен, уезжавший в Швецию, где он в составе армии Густава III несколько месяцев участвовал в войне с Финляндией, вернулся и снова разрывался между полком и Версалем. Какие отношения связывали их с королевой в это тяжелое время? Прежде всего дружеские: Ферзен поддерживал, утешал, советовал. Догадывался ли король о их отношениях? Питал ли какие-либо подозрения? Сказать сложно, ибо ни король, ни Ферзен никогда не выказывали неприязни друг к другу, а король и вовсе считал шведского графа приятным собеседником. Исполняя роль третьего, в Париже Ферзен превратил в любовный треугольник пару Сюлливан и Квентин Кроуфорд, в Версале — пару Мария Антуанетта и Людовик XVI. Но если Элеонора старательно скрывала от любовника свою связь с Ферзеном, Мария Антуанетта вроде бы сумела убедить Людовика, что ее отношения со шведским графом носят исключительно дружеский характер, такой же, как и с прочими кавалерами ее личного двора. Разумеется, частое появление Ферзена в Версале вряд ли радовало Людовика, но для него давно стало нормой ни в чем не препятствовать и не отказывать супруге (если только речь не шла о политике). Как отмечали современники, и в предгрозовые годы, и далее, когда революция обрушилась и на короля, и на «австриячку», супруги стали близки друг другу как никогда, близки прежде всего духовно, ибо после смерти маленькой Софи королева твердо решила более не иметь детей. Возможно, Мария Антуанетта в глубине души и разделяла всеобщее презрение к Людовику XVI, но это презрение могло проявиться только в политике, от которой она стремилась отойти как можно дальше. В повседневности же чувство семьи, пробудившееся в ней с особой силой вместе с острым чувством неведомой опасности, побуждало ее быть рядом с мужем. Иными словами, исполнять долг, внушенный ей матерью с детства: подчиняться супругу и разделять его судьбу.

«По провинциям уже собрано немало наказов избирателей, в которых содержатся самые невероятные и самые оскорбительные требования, направленные на подрыв королевской власти. Речь идет о том, чтобы армия приносила двойную присягу, ибо отныне армия должна повиноваться как королю, так и нации. Предложено определить монарху гражданский лист, дабы вывести из его подчинения суммы, предназначенные для государственных расходов; запретить королю принимать решения, касающиеся частных лиц; повелеть министрам отчитываться за время своей работы перед Генеральными штатами и создать постоянную посредническую комиссию, в задачу которой войдет надзор за правительством в промежутках между созывами Генеральных штатов. Пока невозможно предвидеть, доколе будет продолжаться подобный бред; но

если судить по беспомощному состоянию монарха, слабости и страху его министров, по дерзости, с которой принцы крови возвышают свой голос против монарха, можно предположить возможность ниспровержения монархии, и это предположение весьма правдоподобно, ибо царящая повсюду безнаказанность приводит к тому, что в деревнях на подступах к столице народ позволяет себе бесчинствовать и разбойничать.

В столь критических обстоятельствах королева испытывает живейшую тревогу, но она старается скрыть ее, дабы внушить супругу немного твердости. К несчастью, усилия королевы не имеют успеха; ей не удается даже сохранить субординацию и единство внутри семьи, из-за отсутствия которых в семье происходят скандалы, льющие воду на мельницу всеобщей злой воли. Мне очень неприятно излагать вам, Ваше Величество, столь прискорбные подробности, которые, нисколько не преувеличенные, вряд ли дают подлинную картину того, как на самом деле обстоят дела», — с тяжелым сердцем писал Мерси императору незадолго до открытия Генеральных штатов.

4 мая 1789 года Версаль напоминал огромное людское озеро, со дна которого били многочисленные гейзеры, заставляя поверхность озера бурлить и колыхаться. По всей стране открытие Генеральных штатов встречали с невообразимым энтузиазмом; все, кто мог, съехались в Версаль, чтобы ощутить свою причастность к великому событию. Люди устраивались везде — на крышах, на фонарных столбах, на деревьях: всем хотелось посмотреть, как депутаты Генеральных штатов проследуют от церкви Святого Людовика до церкви Богоматери. И они проследовали: королевская семья, двор, а затем депутаты: духовенство в лучших церковных одеяниях, дворяне, сверкавшие драгоценностями, и скромные, одетые в черное, депутаты от третьего сословия. Впрочем, темных одежд хватало и среди представителей церкви: это были простые сельские кюре. В рядах третьего сословия вышагивал фрондирующий герцог Орлеанский, избранный депутатом от дворянства. Стая черных птиц, бесправное третье сословие, жаждавшее, по словам аббата Сьейеса, стать «чем-нибудь», и стая птиц райских, духовенство и дворянство, не намеревавшиеся уступать ни доходов своих, ни привилегий. Король, красивый как никогда: в светлом, затканном золотом костюме, в треуголке, украшенной огромным бриллиантом. Рядом с ним королева; в синем платье со сверкающей серебристой юбкой, она смотрелась на удивление скромно. Короля встречали здравицами, королеву — молчанием; когда раздался возглас «Да здравствует герцог Орлеанский!», королева потеряла сознание. Бывший герцог Шартрский, прежний участник ее развлечений, ныне, как она знала

доподлинно, являлся заказчиком многих оскорблявших ее честь памфлетов. Проповедь епископа Нанси радости не доставила: епископ нелицеприятно сравнил роскошь дворца с нищетой сельских хижин. Понимая, что на нее устремлены все недобрые взоры, королева сидела прямо, приняв вид надменный и презрительный; на душе у нее скребли кошки. Король избежал неприятного впечатления от проповеди: он заснул.

*

5 мая в зале Малых Забав начали свою работу Генеральные штаты. В этот день все сословия собрались в одном зале, где впереди, на небольшом возвышении стоял королевский трон, а рядом кресло для королевы; но Мария Антуанетта садиться отказалась. В темном фиолетовом платье, с единственным бриллиантовым украшением в прическе, она, по словам очевидцев, внимательно слушала речь супруга, открывавшую собрание, и пару раз из глаз ее выкатились слезы. «...Кроткое величие, читавшееся на ее челе, скромность ее позы, ее неброский костюм, все вместе произвело на собравшихся живейшее впечатление... можно с уверенностью сказать, что во время заседания все сердца принадлежали королеве». Речь короля была посвящена финансовому кризису и государственному долгу, следующий докладчик, Неккер, говорил о том же самом, только еще дольше. И никаких рекомендаций по выходу из кризиса, тем более никаких изменений в политический системе. Никто даже не произнес слова «конституция», а ведь его так надеялись услышать в речи Неккера! Обладавший политическим чутьем, но не отличавшийся излишней доброжелательностью Мерси писал Иосифу: «...речь короля имела успех, речь же господина Неккера, продолжавшаяся три часа и затронувшая все аспекты управления, хотя и была составлена по всем правилам ораторского искусства, снискала лишь критические замечания и недовольный ропот даже на скамьях третьего сословия. <...> Если из-за природного легкомыслия эта нация не сумеет быстро призвать самое себя к порядку, произойдет революция; верховная власть, по крайней мере на период этого царствования, скомпрометирована окончательно, и французская монархия надолго утратила свой авторитет как внутри страны, так и за ее пределами. <...> Ваше Величество должны понимать, каким тяжким бременем ложится нынешняя ситуация на королеву. Все взоры обращены на нее, ибо бездействие ее августейшего супруга очевидно всем; таким образом на нее ложится ответственность, которая не может быть справедливой, ибо все,

что придумывает и предлагает королева для улучшения положения, редко выслушивается, а если выслушивается, то никогда не исполняется в полной мере».

Не только Мерси предчувствовал революцию. Графиня де Буань (которой в ту пору было восемь лет) приводит разговор своего отца с Мадам Аделаидой, состоявшийся после открытия Генеральных штатов. Присутствовавшая на первом заседании тетка короля спросила маркиза д'Осмонда, где тот сидел. «“Меня там не было, Мадам”, — ответил тот. “Неужели вы были больны?” — “Нет, Мадам”. — “Как же так? Многие приехали издалека, чтобы присутствовать на церемонии, а вы даже не дали себе труда всего лишь перейти дорогу”. — “Я не люблю похорон, Мадам, а особенно похорон монархии”, — ответил маркиз». В июне отец отвез восьмилетнюю Ад ель в деревню, к родственникам ее гувернантки, а когда через пару месяцев она вернулась в Версаль, оказалось, что одни из ее друзей-ровесников покинули страну, а другие укрывались в жилищах своих слуг. «Причиной стольких волнений из-за нас, детей, стал слух о том, что народ, как с тех пор стали называть кучку негодяев, выступил в поход, чтобы отобрать у дворян детей и сделать их заложниками». Страх неминуемого столкновения с народом поселился в Версале с первых дней открытия Генеральных штатов.

После заседания Мария Антуанетта уехала в Медон к дофину, которого неумолимо пожирала страшная непонятная болезнь, и оставалась там до самой его кончины. Пишут, что мальчик часто просил мать обедать у него в комнате, и королева, изо всех сил сдерживая слезы, с улыбкой позволяла ему ухаживать за собой — придвигать к ней кушанья и накладывать их ей на тарелку. Вскоре к королеве присоединился Людовик. Он тоже покинул Версаль, где депутаты, разделившись на две части, занялись проверкой собственных полномочий, иначе говоря, подтверждением своих мандатов. Процедура трудоемкая, запутанная, бесконечная, но в тех условиях даже полезная, ибо третье сословие требовало совместной проверки полномочий как гарантии дальнейшей совместной работы и голосования; однако дворянство и духовенство тотчас отделились, дав понять, что никакого единства не будет, подтолкнув тем самым депутатов третьего сословия отстаивать поголовное голосование. Депутаты знакомились друг с другом, спорили, создавали политические клубы, которые впоследствии станут идейными кузницами революции, ее барометрами: клубы якобинцев, фельянов, кордельеров^[21]. В то время Мерси писал: «С того самого дня, когда открылись заседания Генеральных Штатов, депутаты теряют время в бесплодных дискуссиях о том, как

следует проводить голосование: посословно или поголовно. <...> Сословия, не способные найти общее решение ни по одному вопросу, похоже, сходятся в одном: в стремлении как можно больше унижить власть, пребывающую в полной летаргии. <...> Развязка сего рокового кризиса не за горами; последние финансовые ресурсы исчерпаются в июле; однако весьма проблематично, что даже ценой чести удастся найти деньги. <...> Все указывает на грядущую катастрофу».

Первым в череде долгих несчастий, обрушившихся на Марию Антуанетту, стала смерть дофина, случившаяся в ночь на 4 июня 1789 года. Людовик, узнавший о несчастье ранним утром, в своем дневнике записал: «Смерть моего сына в час ночи» и заказал тысячу месс за упокой его души. Чтобы не напрягать казну, король обратил в деньги парадную серебряную посуду и приказал не устраивать пышных похорон. Придворные в траурных одеждах прошли перед удрученными горем монархами. Народ смерти дофина не заметил, ибо, как писала королева, «пребывал в радостном исступлении», и ей ничего не оставалось, как глотать слезы. В те дни королева часто плакала, горе сделало ее особенно чувствительной, и если прежде глаза ее постоянно смеялись, то теперь в них то и дело плескался страх. В волосах засеребрилась обильная седина. В те дни она особенно остро ощущала переходящее во враждебность безразличие народа, и, не понимая, что надо сделать, дабы изменить положение, ей было очень горько. «Однажды вечером, — вспоминает Кампан, — королева сидела посреди комнаты и рассказывала, что произошло за день; на ее столике горели четыре свечи, первая погасла сама, я вновь зажгла ее; вскоре погасла вторая, а затем третья; тогда королева в ужасе схватила меня за руку и сказала: “Несчастье делает меня суеверной; если четвертая свеча погаснет, как и остальные, ничто не переубедит меня, что это дурной знак”. Четвертая свеча погасла».

Пока королевская семья, уехавшая в Марли на время дворцового траура оплакивать сына, пока король, желая забыться, ездил на охоту, 17 июня третье сословие с примкнувшей к нему частью духовенства провозгласило себя Национальным собранием. «Если король твердо не заявит Генеральным штатам, что он считает их только консультативным органом, постановления которого ни в коей мере не могут препятствовать ему принимать решения, которые он сочтет нужными... я не вижу, каким образом он сможет выйти из создавшегося положения», — писал Иосиф Мерси. Вскоре оставшаяся часть духовенства с небольшим перевесом голосов также решила присоединиться к третьему сословию, а за ним и часть дворянства. Известие это возмутило королеву и удручило Людовика.

Неккер, пытавшийся отыскать компромисс, представил проект декларации, согласно которой король объединял депутатов всех трех сословий и вводил всеобщее равенство в уплате налогов. Людовик вроде бы согласился с ним, но Совет, куда помимо министров он пригласил королеву «как мать наследника престола», принял — вопреки просьбе Неккера не уязвлять третье сословие, являющееся рупором общественного мнения, — совершенно иное решение, а именно провести «королевское заседание», дабы положить конец своеволию простолюдинов и вернуть все на круги своя. Для начала он велел закрыть зал Малых Забав на ремонт, лишив, таким образом, депутатов помещения для заседания. Тогда возмущенные депутаты заняли зал для игры в мяч, где принесли свою знаменитую клятву не расходиться до тех пор, пока не выработают конституцию.

Королевское заседание состоялось 23 июня. Внешне оно походило на заседание в день открытия Генеральных штатов: депутаты разместились посословно. Настрой был отнюдь не радужный, и не только у третьего сословия; присутствие в зале вооруженной охраны усиливало напряженность. Неккер отсутствовал. В своей речи Людовик обрушился на депутатов податного сословия, объявив их действия незаконными, затем согласился принять некоторые свободы, как, например, свободу печати, и пообещал провести реформы, которыми будет руководить он сам. Относительно голосования он заявил, что поголовное голосование будет проводиться только по отдельным вопросам. «А если вы меня не поддержите, — в заключение сказал он, — я сам составлю счастье своего народа». И велел депутатам разойтись, а с завтрашнего дня начать заседать посословно в отведенных им для этого помещениях. Затем под аплодисменты части дворянства и духовенства король покинул зал, сопровождаемый большой группой знати и прелатов.

Депутаты третьего сословия и кюре остались на местах, а когда дворцовый церемониймейстер маркиз де Брезе напомнил о приказе короля, председатель Собрания астроном Байи ответил, что Собрание имеет право заседать там и тогда, когда и где сочтет нужным. И тут же, по настоянию громогласного оратора графа Мирабо, ловкого политика, получившего депутатский мандат от податных, Собрание приняло постановление о депутатской неприкосновенности. «Мы оставим наши места, только уступая силе штыков!» — патетически воскликнул Мирабо. Людовик, искренне считавший, что может составить счастье народа, не мог отдать приказ разогнать Собрание; он не сможет отдать приказ войскам даже тогда, когда жизни его будет грозить опасность. Он не воитель, он добрый и не слишком сведущ в управлении государством; но ему с детства внушили,

что король обладает абсолютной властью. И он, как умел, исполнял королевский долг, хотя выходило, что для монарха от доброты до глупости всего один шаг... «Людовик XVI был добрым королем, — вспоминал бывший паж его величества граф д'Эзек. — К несчастью, он жил в такое время, когда именно добродетели погубили его, когда пороки, в коих упрекали стольких государей, пороки, вовсе ему не присущие, могли бы спасти монархию и избавить монарха от уготованной ему печальной участи. Впрочем, предположив, что у него были недостатки, зачем отказываться признать, что они являлись продолжением его прекрасных качеств? И почему, если добродетели оказываются на троне, они более не имеют права на то уважение, кое питают к ним, когда они украшают частное лицо? Если мы хотим быть справедливыми, надобно признать, что Людовик XVI потерпел поражение исключительно от избытка доброты; если бы он обладал твердой волей и жестокостью деспота, его бы не свергли с трона». Словам д'Эзека вторил еще один бывший паж короля, граф де Тийи: «Людовик умел только любить, прощать и умереть; если бы он умел карать, он смог бы править».

Вернувшись во дворец, король увидел многочисленную толпу, взволнованную слухами об отсутствии на заседании Неккера. Пройдя в кабинет, король обнаружил у себя на рабочем столе прошение министра финансов об отставке, чему он нисколько не удивился. Толпа между тем пребывала, заполняя двор и галереи. Нет, в этот раз она была не столь дикой и страшной, как во время мучного бунта, но от вида ее у короля холодело внутри. Несмотря на вызванный в подкрепление полк, королевская семья с дрожью прислушивалась к выкрикам, в которых Артуа и принцев крови обвиняли в заговорах. Как впоследствии писал Мирабо, единственным мужчиной, оказавшимся в то время рядом с Людовиком, была Мария Антуанетта.

*

Примечательно, что с первых дней революции основная злость народа была направлена на королеву. Людовик XVI так сильно любил жену, как до сей поры короли любили только любовниц, и вместе с этой любовью Мария Антуанетта унаследовала ненависть народа к королевским любовницам. Едва успели провозгласить свободу слова, количество памфлетов, направленных против власти, а главным образом против королевы как воплощения всего самого гнусного, что есть в этой власти,

возросло в десятки раз. Избавившись от иллюзий, Мария Антуанетта более не задавала вопроса «за что?». С начала народных волнений в душе ее поселилось чувство обреченности, которое она загоняла глубоко внутрь. «Во все времена, начиная бороться против власти, народ создавал себе персонаж-чудовище», — размышлял Бальзак, работая над сочинением о Екатерине Медичи. Во время революции таким чудовищем стала Мария Антуанетта: народ взвалил на нее грехи монарха, любовниц монарха, самой монархии... Словом, сделал ответственной за все ошибки правления Людовика XVI. «Дюбарри удивляла всех своим гнусным распутством. <...> Таким же развратом занималась и Мария Антуанетта, в ней кипели те же страсти; мужчины, женщины, ей все были по вкусу. <...> Обе эти женщины прославились искусством лжи и тем, что унижали тех, к кому им следовало бы внушать уважение. Дюбарри водила за нос Людовика XV до самой его смерти, заставляя делить с ней ложе как последнего лакея, так и первого из придворных. Людовик XVI также обманут и унижен своей женой, хотя и не подает виду, что такое возможно», — писал анонимный автор памфлета «Исторический очерк о жизни Марии Антуанетты». В хлынувшем потоке порнографических пасквилей королева мгновенно превратилась в австрийскую тигрицу, кровавое чудовище, изменницу, содомитку, лесбиянку, детоубийцу — маниакального персонажа, на примере которого удобно доказывать правильность революционного насилия. В этих сочинениях не было ни слова правды, но это никого не интересовало. Памфлеты превратили королеву в миф, а у мифа своя логика. Марию Антуанетту обвиняли и в сексуальных фантазмах, и в преступной связи с Ламбаль и Полиньяк, и в отравлении Морепа, Верженна и собственного сына-дофина, в том, что она каждый день принимает ванну из крови французов и, по примеру Калигулы, пьет кровь из черепов... Создатели памфлетов подробно описывали извращения «австриячки» и ее придворных подруг и приятелей, а затем, в подтверждение своей правдивости, ссылались на другие, не менее кровожадные и непристойные сочинения. Королева стала удобным персонажем площадных революционных агиток, позволявших, так сказать, «наглядно» изобразить мерзость прежнего режима и оправдать любое над ним насилие. Мария Антуанетта проливали кровь, потому что порочна, а революция проливает кровь во имя добродетели...

Тем временем Неккера упростили вернуться, а депутаты от дворян и духовенства в большинстве своем добровольно присоединились к третьему сословию. И король уступил, призвав оставшихся верными ему духовенство и знать довершить объединение. «Начиная с 23 июня и по 27-е

здесь все просто потеряли голову, — писал Мерси Иосифу, — и тому были веские причины, поскольку навалилось сразу несколько угроз: и голода, и банкротства, и гражданской войны. Двор уже подумывал о том, чтобы отправиться в безопасное место, что было весьма не просто, принимая во внимание измену войск, очевидные доказательства которой постепенно поступают отовсюду. Если бы Неккер, как он предполагал, ушел в отставку, или же граф д'Артуа при поддержке некоторых членов королевской семьи осуществили бы свой безрассудный план арестовать этого министра, совершенно очевидно, народ бы взбунтовался и последствия были бы плачевны; к счастью, король и королева твердо этому плану воспротивились. <...> Теперь, когда произошло объединение трех сословий, король может править спокойно, однако это спокойствие, скорее, призрачное, нежели реальное; недоверие и неприязнь между дворянством и третьим сословием не уменьшились, отчего споры разгораются по каждому вопросу». Когда никто не представлял, как предотвратить плачевный исход, королеве предпочтительнее было бы занять выжидательную позицию.

Однако эмоции брали свое: она начала исподволь подыгрывать партии двора, возглавляемой Артуа, и подкапываться под Неккера. Как писала дочь Неккера Жермена де Сталь, «несмотря на нерешительность и слабохарактерность, король намеревался сохранить свою абсолютную власть». Для этого следовало уволить не только министра финансов, но и всех сочувствовавших ему министров и под предлогом смены кабинета распустить Собрание. Но, понимая, что одним приказом результата уже не добиться, король принялся стягивать к Версалю и Парижу войска. Тревожная обстановка в стране породила «великий страх», докатившийся до версальского порога. В провинциях только и говорили, что о бандах, грабивших путников и целые деревни, о заграничных войсках, присланных германским императором, братом королевы, убивать всех, кто поддерживал депутатов третьего сословия. Везде, где мелькало черное крыло страха, люди вооружались и объединялись, организовывали собственные отряды самообороны и народной милиции. Панические слухи порождали неразбериху, стычки, грабежи и кровопролития; вскоре начались пожары: горели замки аристократов. Страх стал великим организатором: народ почувствовал единство, которое во время революции трансформируется в чувство единства национального, начал осознавать свое могущество и ту важную роль, которую он призван играть в жизни государства. У людей вырабатывалась привычка при звуках набата хватать все, что может служить оружием, и бежать на площадь. При дворе многие уже понимали, что если события примут непредсказуемый оборот, оружие будет

направлено против них.

В Париже волнения сопровождались выступлениями горожан с требованиями хлеба. С продовольствием в столице обстояло неважно: несогласованное прибытие войск, не имевших ни провианта, ни крыши над головой, заставляло интендантов рыскать по городу в поисках продовольствия, прибегать к конфискациям. Как писал назначенный военным министром маршал де Брольи, «полки прибывают в тот день, когда мы их не ждем, а следовательно, они не находят в штабе ни офицера, обязанного принять их, ни продовольствия, ни подготовленных жилищ». Среди поднятых на ноги полков было немало иностранных: Королевские немецкие полки, венгерские гусары Эстергази, швейцарские пехотинцы.... Часть полков направилась на охрану Версаля. «У двора было достаточно возможностей, чтобы подавить неумеренные требования Генеральных штатов и народные выступления. Версаль заполнился верными королю полками... в Париже, в Сен-Дени и иных предместьях также сконцентрировалось немало сил, готовых защищать короля. Следовало лишь отдать приказ, и мятежники были бы мгновенно рассеяны, а мятеж усмирён. Но коварные советники несчастного монарха рисовали ему картины Франции, купающейся в крови своих детей и отданной на растерзание фуриям гражданской войны. Вместо того, чтобы показать верным и мужественным солдатам их любимого монарха, его держали взаперти во дворце, куда доступ запрещали даже офицерам», — вспоминал граф д'Эзек.

Обеспокоенные появлением в предместьях солдат, парижане собирались на площадях и слушали выступления импровизированных ораторов. Национальное собрание сделало еще один решительный шаг: провозгласило себя Учредительным собранием. И тотчас по предложению Мирабо потребовало, чтобы король вывел иностранные войска из столичных предместий. Король ответил, что войска призваны для защиты Собрания, и тут же уволил Неккера, посоветовав ему уехать из Франции как можно незаметнее; новым министром финансов был назначен Бретейль. Собрание встретило отставку Неккера бурным негодованием. Тем временем король и королева объехали иностранные полки и, выразив им свое королевское благоволение, вернулись во дворец. Зрелище людей в мундирах, готовых выполнить любой приказ, немного успокоило королеву, и на другой день она устроила праздник в честь офицеров новоприбывших полков. В Париже тем временем ораторы клеймили двор, готовый руками иностранцев утопить в крови свой народ. Тех, кто дурно говорил о Неккере, могли основательно побить. По улицам торжественно носили бюсты

Неккера и герцога Орлеанского. Отряды французской гвардии, которых градоначальники посылали усмирять митинги, встречали как братьев, и солдаты отказывались стрелять в народ. Герцог Орлеанский перестал запирают ворота своего сада возле Пале-Рояля, и там с утра до вечера толпились люди и выступали свободные ораторы, среди которых выделялся молодой журналист Камилл Демулен. Он первым бросил призыв «К оружию!», превратив зеленый лист в кокарду свободы. Когда наемные войска попытались разогнать митингующих, в них полетели камни и щебенка. 13 июля парижские выборщики, своего рода инициативная группа, занимавшаяся выдвижением депутатов в Генеральные штаты, учредили новый орган муниципальной власти — Постоянный комитет и издали постановление о создании Национальной гвардии, призванной наводить порядок на улицах столицы. Главнокомандующим новой гвардией избрали героя Войны за независимость Соединенных Штатов Америки маркиза де Лафайета. В тот же день начались беспорядки — народ разрушил заставы вокруг города, сжег находившиеся там таможенные книги и отправился на поиски оружия. Оружие добывали везде — в оружейных лавках, в музеях, в Инвалидах, военный комендант которых добровольно открыл склады. К утру 14 июля практически весь Париж оказался в руках восставшего народа. Только в предместье Сент-Антуан мрачным символом нерушимости монархического деспотизма и произвола высилась темная громада Бастилии, гарнизон которой состоял из 82 инвалидов и 32 приставленных к тринадцати пушкам швейцарцев, командовали которыми два офицера, подчинявшиеся коменданту де Лонэ.

11 июля Мария Антуанетта писала герцогине де Полиньяк: «Не могу заснуть, душа моя, пока не скажу вам, что г-н Н*** уехал, а гг. де Бретейль и де ла Вогийон (сын покойного гувернера Людовика XVI) завтра будут заседать в совете. Надеюсь, Господь услышит нас, и мы сможем творить добро, о котором постоянно печемся. Наступает ужасное время, но я не теряю мужества, лишь бы все честные люди, которые нас поддерживают, напрасно не подвергали бы себя опасности; мне кажется, у меня хватит сил не только сохранить мужество, но и внушить его всем остальным. Как никогда прежде надобно думать о людях всех сословий, о тех, кто честен, ибо все они наши подданные, невзирая на их положение. Господи! Если бы они могли поверить, что все мои заботы только о благе честных людей, быть может, меня хотя бы чуточку любили. Слава короля, его сына и счастье сей неблагодарной нации — вот и все мои заботы...» Письмо явно искреннее, а значит, королева и в самом деле полагала, что и она, и король, которого она поддерживала своей твердостью в решениях, действовали во

благо «неблагодарной нации». Но за что нация могла благодарить королеву? За постоянное стремление помочь австрийским родственникам? За дефицит бюджета, созданию коего она столь активно способствовала, что получила прозвище «Мадам Дефицит»? Народу, взявшему Бастилию, не за что было ни любить, ни благодарить королеву. Ее благодарили, говоря языком официальным, «отдельные представители народа»: вдовец-крестьянин с четырьмя детьми на руках, которому она отдала свой кошелек; состарившиеся версальские лакеи, которым она назначила пенсии; бедняки, которым она никогда не отказывала в милостыне...

Мария Антуанетта была милосердной королевой, но ее милосердие проявлялось в частной жизни, о нем знали близкие к ней люди, для нации же, видевшей в ней второе лицо в государстве, она была «австриячкой», разорявшей Францию страстью к нарядам и любовью к жадным фавориткам. И люди были по-своему правы. Расточительство Марии Антуанетты было у всех на виду; прежде столь активно проматывали казну только королевские любовницы, но к ним фортуна приходила случайно, поэтому от них, собственно, ничего иного и не ждали. А от юной королевы и ее столь же юного супруга ждали обновления, всегда сопутствующего молодости. Но и королева, и король двигались по накатанной колее консервативного абсолютизма, завещанного Людовиком XIV. Бурлящее бродило идей, постепенно затоплявшее страну, аккуратно обтекало Версаль, где новое появлялось только в виде фасонов шляпок и реформ, рождавшихся на бумаге и на ней же умиравших. Молодость обычно смотрит вперед, молодой Людовик смотрел назад. Дольше всех в его правительстве продержался главный министр и личный советник его величества восьмидесятилетний граф де Морепа, коему только смерть воспрепятствовала продержаться в нем еще долее. Возможно, единственный раз молодость подтолкнула Людовика XVI принять решение — заключить договор с американскими инсургентами. Договор этот, ввергнувший Францию в финансовую бездну, несравнимую с той, куда влекли ее расходы королевы, был с восторгом встречен общественностью: из-за океана веяло свободой, там сражались не просто против англичан, а против владычества английского короля. И скрепя сердце приходится соглашаться с мрачным философом маркизом де Садом, писавшим:

«В каждом сословии свои достоинства: добродетели владыки на троне не равны добродетелям обитателя хижины, и для того, кто распоряжается людскими судьбами, добродетели простолюдина могут обернуться пороками. Там, где находит счастье подданный, государь вряд ли обретет славу. <...> Умалчивая о совершенствах простых людей, История на

скрижалях своих запечатлевает для потомков добродетели, изумившие мир, хотя чаще всего именно эти добродетели несут ему оковы».

Мария Антуанетта и король свято верили в незыблемость принципа абсолютной власти монарха. Но нация давно уже считала иначе; кто-то почитал за образец парламентскую монархию в Англии, кто-то — Соединенные Штаты Америки, где государство строилось и вовсе без королей. Но из заморских веяний Мария Антуанетта заимствовала лишь моду на рединготы и «детские» платья, а Людовик — знание английского языка. Король, как и королева, в сущности, тоже предпочитал жизнь частного лица и по-прежнему большую часть времени проводил на охоте (занятие хоть и королевское, но отношение к деятельности государственного мужа не имеющее) или в слесарной мастерской. И уставший от бремени монархической власти народ решил заняться «ремеслом короля», иначе говоря, отобрать у него власть. Поздно вечером 14 июля герцог де Лианкур, обладавший правом в любое время входить к его величеству, разбудил задремавшего короля и сообщил ему о взятии Бастилии. «Но это же бунт! — воскликнул изумленный Людовик. «Сир, — ответил Лианкур, — это не бунт, это революция».

*

Осознал ли Людовик значимость случившегося события? Рассказали ли ему, как опьяненная победой толпа носила, насадив на пику, по улицам Парижа голову коменданта Бастилии де Лонэ, добровольно открывшему ворота крепости? Как растерзала нескольких инвалидов из бастильского гарнизона, уговоривших коменданта не стрелять в народ? По словам историка Ж. Годшо, революция с самого начала осуществлялась под двойным знаком: идеалов свободы и равенства, унаследованных от философов, и избиений, унаследованных от насилия и произвола старого порядка. Почему записи того бурного времени в дневнике короля по-прежнему скупы? Что это: непонимание происходящего? Эмоциональная глухота? Избирательный аутизм, как предполагают некоторые современные историки? Страх, от которого не поднимается рука вывести на бумаге нечто большее? Вот несколько записей тех дней из дневника Людовика XVI: «Июль 1789. — Среда, 1-е. Ничего. Депутация от Штатов. — Четверг, 9-е. Депутация от Штатов. — Пятница, 10-е. Ничего. Ответ депутации от Штатов. — Суббота, 11-е. Ничего. Отъезд г-на Неккера. — Вторник, 14-е. Ничего...»

Не только Людовик не сразу понял значение происходящего. Как вспоминала маркиза де Ларошжаклен (урожденная де Дониссан), 13 июля в Версаль прибыли Буйонский и Нассауский пехотные полки, которых разместили в Оранжерее, а 14 июля полковой оркестр уже исполнял прелестные мелодии, и нарядная толпа с радостными лицами медленно прогуливалась по дорожкам. «Но я никогда не забуду, как неожиданно все изменилось, — писала маркиза. — К нам подошел господин де Бонсоль, офицер гвардии короля, и шепотом сказал: “Возвращайтесь, народ Парижа восстал, Бастилия пала; прошел слух, что народ двинулся на Версаль”. Мы тотчас отправились к себе в апартаменты. Повсюду веселье сменялось ужасом, в одно мгновение террасы опустели».

Утром 15 июля король, осознав случившееся, а также опасность, грозившую королеве и графу д'Артуа, стоявшими первыми в так называемом черном списке главных врагов восставшего народа, в сопровождении братьев пешком отправился в Собрание, где, стоя и без шляпы, пообещал немедленно убрать из Парижа и Версаля вызвавшие возмущение войска. «Я знаю, что создано несправедливое предубеждение... Но я всегда со своим народом, и я вам доверяю. Помогите мне в сложившихся обстоятельствах обеспечить спасение государства», — по словам современников, сказал король, сорвав жидкие аплодисменты. Пешком, сопровождаемый толпой, время от времени восклицавшей «Да здравствует король!», Людовик вернулся во дворец. Говорят, по дороге к нему бросилась какая-то женщина с криком: «Ах, мой король, вы и вправду говорили искренне?» — на что его величество обнял незнакомку и произнес: «Да, милая, так будет всегда, и я никогда не изменю своего решения». И он действительно его не изменил.

Видя, что супругу ничто не угрожает, королева вместе с детьми вышла на балкон, за что удостоилась восторженных аплодисментов толпы. От нахлынувших на нее чувств она расплакалась. Полиньяк, гувернантка детей Франции, выйти вместе со своими воспитанниками не решилась. «Но мы-то знаем, что она в Версале! — выкрикнул кто-то в толпе. — Зарылась, как крот. Но мы сумеем ее достать!» Угрозы в адрес подруги заставили внутренний голос королевы, упорно напоминавший об опасности, зазвучать еще громче. Мария Антуанетта была убеждена в необходимости покинуть Версаль и уехать куда-нибудь поближе к границе, туда, где есть крепкие стены и надежный гарнизон. (Во время ночного совещания таким городом был признан Мец.) Однако далеко не все при дворе разделяли ее мнение: подробный отчет о парижских событиях еще не добрался до Версаля, и двор жил слухами. «Надеюсь, зло не столь велико, как его

представляют. Спокойствие, царящее в Версале, убеждает меня в этом. Говорят, вчера господин де Лонэ был повешен, но это не точно: днем схватили человека, которого приняли за него», — писала принцесса Елизавета своей подруге маркизе де Бомбель.

16 июля — новое совещание. Для короля решается вопрос: бежать, бросив трон, или остаться. Прованс советовал оставаться. Артуа вместе с королевой уговаривали короля бежать. Людовик был готов ко всему: своего мнения у него не было. Большинство поддержали Месье, и Людовик решил остаться. Остаться предпочли также королевские тетки и сестра Людовика Елизавета. Королева со слезами на глазах разорвала подготовленный ею приказ, согласно которому мадам Кампан предстояло следовать за ней. «Боюсь, это решение принесет несчастье всем нам», — с отчаянием в голосе произнесла Мария Антуанетта. Однако она чувствовала, что сейчас ни в коем случае нельзя опускать руки. Достойная Кампан, побывавшая в толпе, рассказала, как какая-то женщина, с закрытым вуалью лицом, схватила ее за руку и прошипела: «Скажите вашей королеве, чтобы она больше не пыталась управлять нами; пусть предоставит мужу и нашим добрым Генеральным штатам сделать наше счастье». И королева бросилась уговаривать Полиньяк уехать — немедленно, со всей семьей. А король уговаривал бежать Артуа. Долго уговаривать никого не пришлось: к утру и Полиньяки, и Артуа, и аббат Вермон, и Водрей, и Конде, а также многие другие знатные семьи покинули Версаль и отправились за границу. «Прощайте, моя самая нежная подруга! Это ужасно, но так надо. Вот ваша дорожная; я же могу только обнять вас», — прощаясь, написала Мария Антуанетта; она заставила подругу взять у нее еще 500 луидоров «на дорогу». В эту минуту королева помнила не о том, что в последнее время Полиньяк относилась к ней весьма прохладно, а о том, как более десяти лет назад Иоланда стала поверенной всех ее тайн, о том, что именно ей она доверила воспитание своих детей. «Я уже писал, что предчувствую катастрофу, но я не думал, что она разразится так скоро и с такой яростью. <...> Невозможно определить причины озлобленности умов, настроенных против королевы; тот вздор, что ей вменяют, и который здравый смысл отвергает, не может являться единственным мотивом; наверняка присутствуют некие тайные происки. <...> За голову королевы и графа д'Артуа назначена награда. <...> Королева сделала уступку общественному мнению, пожертвовав своим ближайшим окружением; впрочем, от этого она ничего не потеряла, жаль, что Господь не надоумил ее сделать это раньше. <...> Обстановка в столице становится все более угрожающей, несмотря на воцарившееся спокойствие. Париж обладает силой и волей

диктовать законы даже Генеральным штатам, которые, похоже, это предвидят и боятся», — писал в Вену Мерси.

«...Если бы я не была столь привязана к мужу, к детям, к друзьям, я бы предпочла умереть... я всем приношу несчастья, и вы страдаете из-за меня и ради меня», — писала королева своей любимой подруге. С отъездом герцогини де Полиньяк место гувернантки детей Франции оказалось вакантным и согласно установленному порядку следовало назначить новую гувернантку. Ею стала вдова маркиза де Турзель, погибшего от несчастного случая на охоте три года назад. По словам королевы, если прежде она доверила детей «дружбе», то теперь она доверяла их «добродетели». Передавая дела вместо Полиньяк, в длинном письме Мария Антуанетта поделилась с новой гувернанткой своими наблюдениями за детьми, что позволяет утверждать, что к материнским обязанностям королева относилась со всей тщательностью. «Моему сыну 4 года и четыре месяца без двух дней. <...> Он всегда отличался отменным здоровьем. Но еще у него были замечены странные нервные припадки, и любой незнакомый шум мог вызвать у него плач. Он боялся собак, поскольку однажды услышал их лай совсем близко от себя. Я никогда не приучала его к собакам, поскольку считаю, что по мере того, как он будет вырастать, эти страхи пройдут. Он, как и все дети, очень активен, однако немного капризен, довольно легко может разозлиться, но он добрый ребенок, нежный и любящий. У него безмерное самолюбие, которое при правильном руководстве в будущем может обернуться к его пользе. <...> Он всегда верен своему слову, когда обещает что-либо; однако он очень нескромен, легко повторяет то, что услышал, и, не намереваясь лгать, нередко добавляет то, что подсказывает ему его воображение. Это самый большой его недостаток, который следует исправлять. <...> Строгость вызывает в нем протест, ибо для его возраста у него слишком упрямый характер. Например, с раннего детства он не мог сказать “извините”. Он будет делать и говорить то, что от него хотят, даже признается, когда он не прав, но “извините” скажет только со слезами. <...> Он очень любит свою сестру, у него очень отзывчивое сердце. При первой же возможности, когда речь идет об удовольствии или о чем-нибудь вкусном и приятном, если его кто-то угощает, его первое желание попросить то же самое для своей сестры. Он от рождения очень весел...» Возможно, если бы обстоятельства сложились по-другому, Мария Антуанетта сама бы отлично воспитала своих детей, в характерах которых она разбиралась как никто иной.

«Дети — мой единственный источник бодрости; я всеми силами стараюсь удерживать их подле себя», — писала Мария Антуанетта своей

дорогой Полиньяк. Но помимо детей у нее был еще и супруг, за жизнь которого она опасалась с той самой минуты, как узнала, что 14 июля на улицах Парижа пролилась кровь. Людовик же, фактически признав свое поражение, отправил в отставку свежеизбранных министров и снова призвал Неккера. Дабы закрепить победу народа, иначе говоря, собственное поражение, он пообещал 17 июля прибыть в восставшую столицу и в ратуше подписать все необходимые документы. Узнав о планах мужа, Мария Антуанетта попыталась отговорить его, а когда поняла, что намерение его твердо, расплакалась и заперлась вместе с детьми у себя в апартаментах. Она была почти уверена, что в Париже короля арестуют, а возможно, даже убьют, и подготовила речь, с которой она обратится к Собранию, прося у него защиты. Ей было страшно, горько, тошно, все внутри ее протестовало против такого шага, но иного выхода она не видела. К какому берегу прибьет утлую монархическую лодку, если она останется в ней одна с детьми? С тех пор, как она стала матерью, она точно знала, что самое дорогое в ее жизни — это дети; собственно, дети и смягчили ее отношение к Людовику: теперь она прежде всего видела в нем любящего отца своих детей, а уже потом супруга и короля. И если двумя последними она часто бывала недовольна, то к первому у нее не было никаких претензий. Ее постоянный советчик Мерси, оставшийся, несмотря на опасность, во Франции, ничем не мог ей помочь.

День в ожидании возвращения Людовика XVI тянулся неимоверно долго; король появился только к вечеру — и сразу попал в объятия жены и детей. Ощущение бесконечной радости от того, что в лодке, несущейся в неизвестное без руля и ветрил, она не одна, затопило ее целиком, она целовала и обнимала мужа и детей и никак не могла остановиться. Впрочем, говорят, что, увидев на шляпе короля трехцветную кокарду, Мария Антуанетта яростно сорвала ее и с презрением воскликнула: «А я и не знала, что вышла замуж за простолюдина!» Однако сомнительно, что она уже знала, что триколор, соединивший в себе цвета Парижа (синий и красный), разделенные белым цветом монархии, является символом новой Национальной гвардии^[22], состоявшей почти сплошь из парижских буржуа. Столь же сомнительно, чтобы в такую счастливую для тех дней минуту она поддавалась гневу или ярости, ибо, судя по письмам, настроение у нее в то время было подавленное. Ведь практически в одночасье она лишилась всех своих друзей, что явилось для нее большим потрясением, ибо всю свою версальскую жизнь она только и делала, что окружала себя друзьями, потребность общения с которыми у нее никогда не пропадала.

Явившись в Париж практически без охраны, в сопровождении

нескольких десятков членов Собрания, Людовик под возгласы «Да здравствует нация!» утвердил назначения Байи и Лафайета и принял символ революции — трехцветную кокарду. Выйдя с пресловутой кокардой на балкон ратуши, король произнес не слишком вразумительную речь, которую никто не запомнил. Зато запомнили его появление с республиканской кокардой: его встретили возгласами «Да здравствует король!». За кокарду и речь Людовик удостоится звания «Восстановителя французской свободы», а вскоре и неприкосновенности своей личности — единственный из всей королевской семьи. Увы, ненадолго...

В Париже Лафайет пытался навести порядок, обратившись с просьбой к горожанам сдать за небольшое вознаграждение — 9 су — оружие. Нашлись такие, кто сдал, но большинство призыв проигнорировало. Провинции охватили волнения: после падения Бастилии крестьяне жгли замки, уничтожали документы, отказывались платить подати и исполнять повинности. 19 июля парижане схватили 74-летнего советника Фулона, печально известного фразой: «Если народу нечем платить за хлеб, пусть жует траву», и вместе с его зятем, военным интендантом Парижа Бертье де Совиньи, вздернули на фонаре, а потом, отрубив трупам головы, насадили их на пики и с победными криками долго носили по улицам столицы. Ни Лафайет, ни его национальные гвардейцы не сумели предотвратить расправу. Узнав об этом, королева, в свое время рассматривавшая кандидатуру Фулона на министерский пост, содрогнулась.

Депутаты Собрания, назвавшего себя Учредительным, столкнулись с проблемой: прежде чем учреждать конституцию, следовало расчистить фундамент для будущих справедливых законов. Лафайет предложил принять Декларацию прав — по образцу американской. Виконт де Ноайль в патриотическом порыве предложил депутатам от дворян и духовенства отречься от своих сословных и феодальных привилегий. Выдвинутое поздно вечером 4 августа предложение в едином порыве поддержали оба благородных сословия, добровольно лишивших себя и преимуществ, и титулов. «Вот каковы наши французы! Они целый месяц спорят о терминах, и в одну ночь опрокидывают весь прежний монархический порядок», — без особого восторга писал один из наиболее популярных ораторов Собрания Мирабо. При обсуждении проекта будущей конституции он активно ратовал за сохранение за королем права абсолютного вето, но добился только вето относительного. Законотворческую инициативу конституция у короля также отбирала. Еще через три недели Собрание приняло Декларацию прав человека и гражданина — главный документ революции, превративший подданных

наихристианнейшего монарха Людовика XVI в свободных и равноправных граждан, для которых «источником суверенной власти является нация». Но какую роль граждане, переставшие быть подданными, отводили королю? Этого еще не знали ни они сами, ни король. Зато острые языки немедленно переименовали королеву: вместо «Мадам Дефицит» она стала «Мадам Вето». «Известия, кои вы сообщаете мне о происходящем во Франции, вкупе с сообщениями газет поистине невероятны, — писал Иосиф II графу Мерси. — Однако не могу не отметить, что король более чем снисходительно относится к претензиям Генеральных штатов на власть, позволяя, словно цепями, опутать себя красивыми словами и лишиться влияния где бы то ни было... убежден, что волю короля и его министров более не будут принимать в расчет даже в вопросах внешней политики, определять которую станет горстка поджигателей, придумывающих законы, и Генеральные штаты».

Версаль затаился в тревожном ожидании. Никто не знал, чего ожидать, но все были уверены, что будет только хуже. Огромный дворец постепенно пустел: придворные уезжали, слуги разбежались или записывались в Национальную гвардию: мундир входил в моду. «Все королевские лакеи, от первых до последних, превратились в лейтенантов и капитанов, — с возмущением писала Кампан. — Даже музыканты из Королевской часовни явились на мессу в мундирах, а итальянец-сопрано исполнил мотет в мундире лейтенанта гренадерского полка. Король возмутился и запретил своим служителям появляться к нему на глаза в таком неподобающем виде». Тем не менее король решил создать гвардию для охраны Версаля и назначил ее командующим графа д'Эстена. Он категорически отвергал принятые Собранием новшества, но ощущал, что революционные перемены зашли столь далеко, что просто так повернуть назад уже невозможно. Поэтому он не делал ничего. Маркиза де Ларошжаклен вспоминала, как король, велел полку драгун Лескюра прибыть в Версаль, заставил солдат, осыпаемых камнями и оскорблениями, сутки простоять перед городскими воротами без еды и отдыха, пока, наконец, не были выполнены все нововведенные формальности. «Бедняга король, как всегда, слабый и нерешительный, с каждым днем все больше утрачивал свое достоинство», — писала маркиза.

«Когда дворянство отказалось присоединиться к Собранию, презрительно отринувшему название Генеральных штатов, испуганный Людовик XVI приказал епископам и дворянам прекратить сопротивление и плыть по течению. Если бы они послушались советов Марии Антуанетты, имевшей иной, нежели у ее супруга, взгляд на происходящее, они бы

укрепились в своем решении и, расколов Собрание, спасли бы государство. В их рыцарских душах возобладало почтение к королю, и, подчинившись монарху, они погибли вместе с ним», — писал первый биограф Марии Антуанетты Лафон д'Оссон.

«Самое лучшее, что может сейчас сделать королева, это последовать вашему совету: нигде не появляться, сделать так, чтобы о ней забыли до тех пор, пока не кончится всеобщее остервенение, которое в конце концов должно уступить место разуму и истине», — писал Иосиф Мерси.

*

Жизнь постепенно входила в колею, накатанную ненавистным некогда королеве этикетом. Теперь она была ему благодарна: этикет не требовал ничего придумывать, он требовал только исполнять. Его величество вновь стал регулярно ездить на охоту, ее величество вновь начала играть и устраивать приемы; иногда даже проводили публичные трапезы, хотя, разумеется, ни о каких четырех супах, шестнадцати закусках, шести жарких и «четырёхстах каштанов и сорока восемью кексах» за один обед речи уже не шло. Впрочем, сама королева, никогда не отличавшаяся чревоугодием, по-прежнему довольствовалась кусочком птицы (курицы, утки или индейки) и чистой водой. Зная, что за ее голову назначена награда, она побоялась, как обычно, переехать на лето в Трианон, но вместе с детьми часто ходила туда гулять. Страхи королевы были не напрасны. Графиня де Ла Тур дю Пен вспоминает, как однажды, в июле 1789 года, в провинции ее приняли за королеву и уже хотели стащить с лошади, когда какой-то клерк крикнул, что она никак не может быть королевой, ибо та в два раза старше графини (той тогда было девятнадцать), и народ отпустил ее.

«Королева с великим мужеством переносит все свои горести», — писал Мерси Иосифу. «Мучительное состояние, в котором оказалась и пребывает королева, тревожит меня, равно как и ее здоровье», — отвечал ему Иосиф II. Исполненная мучительной тревоги за будущее семьи и детей, королева старалась как можно больше времени уделять детям: ей постоянно хотелось видеть их подле себя.

19 августа, в День святого Людовика, парижские власти, неизбежно сопровождаемые королевами рынков — рыбными торговками, по традиции приезжали в Версаль выразить почтение его величеству и поздравить с днем ангела. Королева, всегда умевшая очаровать тех, кто ей нравился, и не

привыкшая сдерживать своих чувств с теми, кто ей не нравился, вынуждена была принять депутацию нового, революционного муниципалитета, к которой присоединилась и Национальная гвардия в лице ее главнокомандующего Лафайета и нескольких его офицеров. Рыбные торговки также прибыли вручить свой букет королю. Сверкая каскадом бриллиантов, королева, окруженная поредевшей свитой, сидела в кресле с высокой спинкой. Она ожидала, что городской глава, как обычно, опустится перед ней на одно колено, но Байи, новый мэр Парижа, всего лишь поклонился, а потом произнес короткую, четко выверенную речь о преданности парижан их величествам и выразил свою обеспокоенность плохим снабжением города продовольствием. Рассерженная нарушением его величества Этикета (Мария Антуанетта, которая только и делала, что нарушала этикет!), королева надменно кивнула в ответ, а на представленных Лафайетом офицеров даже не взглянула. Зрелище простолюдинов в офицерской форме раздражало ее. Издавна питавшая слабость к военным, она не могла видеть этих лавочников без выправки, без манер, в мундирах, сидящих на них, как на корове седло. Возможно, она понимала, что надобно смирить себя и очаровать этих буржуа, растерявшихся в непривычной для них роскошной обстановке, но она этого не сделала: эмоции оказались сильнее разума. Офицеры, чьи сердца королева могла завоевать одной лишь улыбкой, вернулись в Париж недовольные, рассказывая всем о надменности «Австриячки». Рыбным торговкам прием также не понравился, и они, по словам графини де Ла Тур дю Пен, «решили отомстить».

В отличие от Версаля Париж бурлил. В кофейнях возле садов Пале-Рояля ораторы призывали двигаться на Версаль, дабы заставить короля санкционировать принятые Собранием решения. В булочных, откуда стремительно исчезал хлеб, также требовали похода на Версаль: женщины, стоявшие в очередях, кричали, что надо пойти к королю и потребовать у него хлеба. А еще лучше привезти «булочника, булочницу и подмастерье булочника» (так стали называть короля, королеву и дофина) в Париж. Вечером 31 августа полторы тысячи вооруженных смутьянов во главе с опустившимся маркизом де Сент-Юрюжем, нанятым, возможно, герцогом Орлеанским, двинулись на Версаль, чтобы силой доставить в столицу короля и дофина, а королеву запереть в монастырь Сен-Сир. Но отряду Национальной гвардии удалось остановить их, перегородив Севрский мост. Тревожное известие быстро достигло Версальского дворца, который после сокращения бюджета охраняли одна рота гвардейцев и две роты швейцарцев, к которым прибавился отряд недавно созданной гвардии под

командованием д'Эстена. Желая предупредить любые неожиданности, король решил укрепить безопасность дворца, призвав в Версаль Фландрский пехотный полк, прибывший 23 сентября. Спустя неделю гарнизонные офицеры, как того требовал обычай, устроили банкет в честь новых товарищей, которым королева накануне вручила новые знамена.

Банкет состоялся в большом зале Версальской оперы. Вино лилось рекой, разговоры становились все громче, а когда в ложе появились король и королева, в их честь тотчас зазвучали здравицы. Оркестр заиграл арию менестреля из оперы Гретри «Ричард Львиное Сердце», и несколько офицеров хором подхватили слова, с которыми менестрель обращался к своему королю: «О Ричард, о мой король, весь мир тебя покинул, на всей земле один лишь я помню о тебе». Посадив на руки сына в мундирчике и взяв за руку одетую в светлое платье дочь, Мария Антуанетта вместе с королем обошла столы, одаривая офицеров обворожительной улыбкой и необычайно уместными комплиментами — так, как она умела, когда хотела вызвать всеобщее восхищение. В такой обстановке предложение выпить за народ, разумеется, отвергли, вызвав возмущение нескольких депутатов, присутствовавших на банкете. Когда королевская семья покинула зал, офицеры остались веселиться дальше. Кто-то из офицеров, выскочив в пьяном угаре на балкон и перевесившись через балюстраду, заорал: «Да здравствует король!» А может даже: «Долой Собрание!» 3 октября о пирушке стало известно в Париже. Газеты антимонархического толка гневно обрушились на королеву, устроившую контрреволюционную оргию, во время которой офицеры попирали национальные трехцветные кокарды и нацепили кокарды белые, монархические. История с кокардами, рассказанная во множестве газет, послужит обвинительным материалом на процессе королевы. Хотя, как пишет очевидица, графиня де Ла Тур дю Пен, «эта абсурдная история» возникла из-за того, что юная ветреница мадам де Майе на выходе из зала подарила офицерам несколько белых бантов со своей шляпки. А мадам Кампан писала, что несколько офицеров вывернули свои кокарды, с изнанки оказавшиеся белыми.

Устроенный с размахом банкет — в то время, когда жители столицы выстаивали огромные очереди за хлебом, когда с рынков исчезали продукты, до глубины души возмутил и парижан, и членов Собрания. Депутат маркиз де Мирабо, всеми силами стремившийся сохранить монархию, узрел в событии искру, способную вызвать пожар в цитадели короля. «Все пропало, — сказал он. — Король и королева погибнут, и вы увидите, как чернь будет терзать их трупы. <...> Королевская чета должна знать об этом». Искру раздул Марат в своей газете «Друг народа»,

призывавшей граждан взяться за оружие, захватить пушки и идти на Версаль. Призыв подхватили, и 5 октября шумная вопящая толпа, состоявшая в основном из женщин и, как писали очевидцы, мужчин, переодетых женщинами, под предводительством сержанта Майара двинулась на Версаль. Почти все были вооружены — ножами, пиками, палками, вилами. Шесть тысяч жен и матерей, озлобленных подорожанием хлеба, нищие и проститутки, рыночные торговки и цветочницы, воровки и “мошенницы, присоединившиеся к ним по дороге, — все шли в Версаль требовать хлеба, короля и голову королевы. То и дело раздавались истерические выкрики: «Ах, с какой радостью я вспорю брюхо австриячке, вытащу из него кишки и сделаю из них кокарды!», «Нет, отдайте кишки мне! Отрубим ей голову!», «Я вырву ей сердце!»

В Версале все казалось спокойным; утром 5 октября король уехал на охоту, детей отправили на прогулку, а королева пошла в Трианон. Как пишут многие, там, в искусственном гроте, она провела последние счастливые минуты своей жизни, наслаждаясь тишиной и осенним покоем. Когда на дорожке показался запыхавшийся паж, она мгновенно почувствовала, что случилось страшное несчастье, и заспешила навстречу. К королю также послали гонца; его величество, прервав охоту, вернулся во дворец, где настроение его обитателей было близко к панике. Мятежники уже прошли Севрский мост, и остановить их можно было только силами Фландрского полка, способного перегородить Парижскую дорогу. Но кто отдаст приказ? Когда король наконец приехал, было поздно: народ заполонил Оружейную площадь и, стоя под проливным дождем перед запертыми — впервые за долгие годы! — воротами дворца, злобно взирал на часовых, преграждавших путь к ненавистным монархам. Королева тем временем отдавала приказы своим придворным дамам: уверенная, что король ее поддержит, она готовилась к отъезду. Она давно хотела уехать, и сейчас такая возможность представилась: карета дофина стояла запряженная, а толпа еще не окружила дворец. Но король никак не мог решиться и в конце концов заявил, что не желает, чтобы его народ думал, будто он бежал от него. Тогда министр Королевского дома Сен-При начал уговаривать королеву уехать одной вместе с детьми. Но Мария Антуанетта отказалась. «Я знаю, они явились из Парижа за моей головой; но мать научила меня не бояться смерти; я буду спокойно ждать ее. <...> Все, что у меня есть, удерживает меня здесь; мой отъезд даст повод для клеветы. Скажут, она виновна, раз бежит. <...> Нет, нет, мое место здесь, подле короля», — вспоминал слова королевы писатель и полемист Ривароль.

В знак доброй воли Людовик XVI принял депутацию от народа —

пятерых женщин, одна из которых, юная Луиза Шабри, при виде короля упала в обморок, две же другие смущенно пробормотали, что пришли просить хлеба. Король ласково пообещал женщинам, что хлеб у них будет, велел накормить делегатов и выдать каждой семь луидоров. Тем временем толпа прибывала и из нее все чаще раздавались угрожающие крики. Пока король оставался в нерешительности, часть озлобленных и мокрых амазонок направилась в Собрание, прервав своими криками заседание. Прекрасно понимая, что произошло, и зная, что Национальная гвардия Лафайета, полк, которым — в отличие от толпы разъяренных фурий — как-то можно управлять, еще не подошел, Мирабо немедленно предложил проголосовать за неприкосновенность особы короля. Подразумевая, что убийство королевы преступлением можно не считать. Взволнованный король устроил совещание, на котором почти все министры, за исключением Неккера и графа де Монморена, уговаривали его уехать — сначала в Рамбуйе, а потом в Нормандию, где он сможет собрать совет и начать переговоры с Собранием. Король пожелал узнать волю королевы. Мария Антуанетта согласилась ехать — с условием, что ее не разлучат ни с королем, ни с детьми.

Наконец монарх приказал закладывать карету. Но поздно: дворец окружен, часть гвардейцев перешла на сторону мятежников; все дороги перекрыты, а построжки карет перерезаны. «Королю, который на охоте проделывал верхом до двадцати лье в день, уехать в Рамбуйе верхом показалось серьезным нарушением <...> Из-за княжеских привычек, ставших для французской королевской семьи второй натурой, шанс на спасение был утрачен», — напишет впоследствии графиня де Буань. Расстроенный король заперся у себя, а когда к нему с бумагами пришли депутаты Собрания, подписал все, практически не глядя. Семьсот дворян, вооруженных придворными шпагами, а некоторые еще и пистолетами и саблями, в растерянности бродили по дворцу, не зная, что предпринять. Придворные дамы королевы сидели на табуретах, приготовившись бодрствовать всю ночь: они тоже не знали, что делать и чего ожидать; всем было страшно.

*

Около полуночи появился мокрый и забрызганный грязью Лафайет и тотчас потребовал провести его к королю. Не сумев ни остановить поход на Версаль, ни опередить толпу, он считал своим долгом убедить его

величество в своей верности и готовности своих гвардейцев взять под охрану дворец. К этому времени толпа на улице в основном успокоилась и принялась устраиваться на ночлег. Король повелел раздать народу имевшийся во дворце хлеб. Кто-то нашел ночлег в окрестных трактирах, кто-то устроился возле костра, кто-то давно спал, сраженный безмерным количеством спиртного; какие-то пьяные мегеры нестройными сонными голосами продолжали выкрикивать проклятия королеве. «В этот день королева явила присущие ей смелость и величие души, — писала мадам де Турзель. — Ее поведение было достойным и благородным, лицо выражало спокойствие. Хотя она прекрасно знала, чего ей следует опасаться, никто не заметил ее волнения; она всех ободряла, обо всех заботилась». Позволив Лафайету убедить себя, что можно спокойно отправляться спать, Людовик пошел к себе, посоветовав всем также ложиться спать. Королеве рекомендовали провести эту ночь у короля, но она отказалась. «Я предпочитаю сама подвергнуться опасности, нежели навлечь ее на короля и детей», — сказала она. Перед тем как удалиться, она велела Турзель при малейшей тревоге вести детей к королю. Часам к двум дворец, наконец, погрузился в зыбкий сон. Две придворные дамы вместе со своими горничными устроились в креслах в прихожей перед спальней королевы.

На рассвете одна из дам услышала топот и крики — сначала со стороны Дворика принцев, а потом совсем рядом на лестнице. Пока дамы разбирались в происходящем, раздался крик «Спасайте королеву!». Мадам Тибо, первая горничная королевы, всю ночь не сомкнувшая глаз, успела накинуть на Марию Антуанетту плащ, и они вместе побежали к королю. Когда дверь в конце коридора оказалась запертой, обе женщины в отчаянии зарыдали. Услышав их крики, какой-то слуга отпер дверь и впустил их в королевские покои. Людовика на месте не оказалось. Разбуженный тем же шумом, он потихоньку отправился к себе в кабинет, откуда был виден двор. Жуткое зрелище толпы, насадившей на пики первые трофеи — головы двух убитых ею гвардейцев^[23], привело его в ужас, и он поспешил к королеве. Не найдя ее в спальне, он заторопился к дофину. Увидев спешащую навстречу ему служанку с дофином на руках, он взял у нее мальчика и велел следовать за ним. Мария Антуанетта ждала короля у него в кабинете; увидев мужа и сына, она со слезами бросилась к ним. Мадам де Турзель привела Мадам Руаяль; семья воссоединилась. Вскоре пришли Прованс с супругой, королевские тетки и Мадам Елизавета. При виде родственников у королевы немного отлегло от сердца: семья в сборе, все живы. Устроившийся на коленях у тетки дофин потихоньку канючил: «Мама, я есть хочу!» — и Мария Антуанетта шепотом уговаривала его потерпеть.

Тем временем мятежники ворвались в спальню королевы, по дороге прикончив гвардейца, попытавшегося преградить им путь; никого не обнаружив, искололи штыками постель. Говорят, найти спальню королевы мятежникам помог сам герцог Орлеанский, явившийся в Версаль вслед за толпой, дабы полюбоваться на несчастья кузена. Ходил слух, что и сам поход организовал Орлеан, подославший своих эмиссаров, чтобы те довели до иступления толпу, а потом подогрели ее спиртным. Впрочем, амазонок, подобных бывшей актрисе Теруань де Мерикур, вышагивавшей во главе колонны (как утверждают некоторые, с обнаженным бюстом), подогреть не требовалось. Лафайету с его гвардейцами с трудом удалось очистить часть дворца от разъяренной черни и не дать ей прорваться к королю. Толпа требовала, чтобы Людовик вышел на балкон. Лафайет, выйдя на балкон вместе с королевской семьей, принялся уговаривать толпу успокоиться и возвращаться в Париж; но его, похоже, не слышали. Или слышали, но совершенно по-другому, и стали требовать возвращения в столицу короля. Под крики «Да здравствует король, нация и Национальная гвардия!» Людовик с семьей ушли с балкона. Но толпа снова потребовала — теперь уже королеву. Та вышла вместе с детьми. «Без детей!» — раздался чей-то вопль. Передав детей теткам, Мария Антуанетта осталась на балконе одна. Наверное, это был самый страшный миг в ее жизни. Искривленные гневом и злобой лица, море лиц, слившихся в единую алчущую крови морду чудовища, головы на пиках, сжатые кулаки, обращенные в ее сторону. Она сумела величественным взором окинуть вздыбленное людское море и, повернувшись, удалиться с высоко поднятой головой. Писали, что вслед ей раздалось «Да здравствует королева!» и толпа заплодировала.

Проблеск восторга не изменил всеобщего настроения: люди требовали от короля переезда в Париж. «Во дворе разыгрывался ужасный спектакль: толпа полуголых женщин, мужчины, вооруженные пиками, и все выкрикивали жуткие угрозы в сторону дворца», — вспоминала Мадам Руаяль. А по словам мадам де Турзель, среди бесновавшихся под стенами дворца торговки очень многие отличались белой кожей и прекрасными зубами, а из-под их лохмотьев выглядывало тонкое белье, что «доказывало, что среди них было много тех, кого наняли за деньги сыграть роль в этот ужасный день». Король, как обычно, решил уступить: отъезд назначили на час дня. Бёрк пишет, что король был удручен принятым решением. «Как мужчина он, естественно, чувствовал ответственность за супругу и детей, за преданных ему гвардейцев; как монарх он удивлялся странной и пугающей перемене, происшедшей с его подданными, и более беспокоился о них, чем о себе. Его поведение доказывает его человечность и

подтверждает мужество». Говорят, когда отдали приказ об отъезде, королева шепнула графу де Сен-При: «Я никогда не смогу простить себе, что не уехала вчера». Тем не менее, по словам Бёрка, «королева выдержала этот день», как выдержит и последующие — заточение супруга, собственный плен, изгнание друзей, оскорбительное обращение, весь груз несчастий — «со спокойным терпением, с достоинством, подобающим ее рангу и происхождению. <...> Говорят, в ней есть величие римской матроны... до последнего момента она будет выше своих несчастий», — писал английский парламентарий.

В половине второго королевский кортеж был готов тронуться в путь. В передовой карете разместились король, королева, дофин, Мадам Руаяль, граф и графиня де Прованс и гувернантка мадам де Турзель. По обеим сторонам кареты, исполняя роль почетного эскорта, гарцевали Лафайет и д'Эс-тен, чьи гвардейцы в большинстве своем разбежались или перешли на сторону толпы. За королем в своих каретах следовали сто депутатов Собрания, а сзади растянулся обоз из пятидесяти телег, груженных зерном и мукой; за ними двигались около двухсот карет придворных, покидавших Версаль вместе с королевской семьей. Открывали и направляли шествие бородатый гигант с окровавленным топором на плече и парочка его подручных, несших на пиках головы королевских гвардейцев. Чтобы дети не видели страшного зрелища, Мария Антуанетта прижимала к себе головку дофина и отвлекала разговором дочь. Путь длиною в двенадцать миль растянулся на семь долгих часов; все это время до слуха затворников королевской кареты долетали гнусные оскорбления в адрес Марии Антуанетты, а однажды, улучив минуту, кто-то пытался сквозь окно пикой поразить королеву. Роялист (впоследствии он попытается организовать бегство короля) Бертран де Мольвиль, двигавшийся в этом жутком кортеже, писал: «Среди гвалта, криков и песен, то и дело прерываемых мушкетными выстрелами, кои неловкая или злонамеренная рука одного из этих монстров могла сделать смертельными, королева сохраняла спокойствие души, мужественный и благородный вид и невыразимое достоинство». Когда проезжали через Пасси, королева заметила на балконе дома герцога Орлеанского его хозяина: небрежным жестом указывая на карету короля, он недобро усмехался.

По мере приближения к Парижу движение кортежа замедлялось: «гранд-дамы» рынка, рыбные торговки, окружавшие телеги с зерном, украсили себя зелеными кокардами и кричали, привлекая всеобщее внимание: «Смотрите, мы возем булочника, булочницу и подмастерье булочника!» Навстречу выбегали люди, некоторые присоединялись к

шествию, некоторые предлагали дамам выпить за победу и во славу нации. Когда королевская карета добралась до Ратушной площади, пассажиры ее окончательно обессилели; дофин уснул на руках у гувернантки. Мэр Парижа Байи, вышедший навстречу королю, приветствовал его любезной речью, напомнив о мирном завоевании столицы его славным предком Генрихом IV. В ответ Людовик заявил, что «он с удовольствием обустроится в своем добром городе Париже». «С удовольствием и доверием», — поправила королева, проследившая, чтобы слово «доверие» непременно прозвучало.

Час был поздний, поэтому прием в ратуше завершился быстро, и короля с семьей повезли устраиваться в Тюильри, обветшалый дворец, сооруженный во времена Екатерины Медичи. Его населяли разношерстные жильцы (у королевы там тоже имелся закуток, где она, приехав инкогнито в Париж, могла переодеться), постепенно занимавшие его с той поры, как юный Людовик XV покинул его, перебравшись в Версаль. Жильцов к приезду королевской семьи выселили, но комнаты прогреть и отмыть не успели. «Мама, как здесь противно!» — воскликнул дофин, увидев потускневший декор холодных нежилых помещений. «Сын мой, здесь жил Людовик XIV и находил эти комнаты хорошими; мы не должны быть более требовательными, чем он», — ответила Мария Антуанетта. В первую ночь она оставила детей у себя в покоях. В дальнейшем Елизавету разместили на первом этаже, король расположился на втором, отдав часть своих апартаментов детям, чтобы не разлучаться с ними; Мария Антуанетта также обосновалась на первом этаже; вскоре во дворце соорудили особые лестницы, чтобы королева могла легко подниматься в комнаты детей. Придворные, коих набралось немало, и челядь, поистине неисчислимая, устроились кое-как, написав мелом на дверях свои имена. Перед сном королевской семье подали легкий ужин. В своем дневнике Людовик XVI записал: «Октябрь 1789. Понедельник 5-е. Охотился у Шатийонских ворот; убил 81 штуку дичи. Охоту прервали события. Туда и обратно ехал верхом. — Вторник 6-е. Отъезд в Париж, в половине первого дня. Посещение ратуши. Обед и сон в Тюильри». Лучше всех устроился Прованс: он с женой и свитой занял Люксембургский дворец, построенный для Марии Медичи, а значит, более новый.

Незадолго до прибытия королевской семьи ко дворцу стали подъезжать кареты сохранивших верность монарху министров и придворных; среди них был и граф Аксель Ферзен. Как отмечает А. Съедерхельм, в связи с тревожными событиями Ферзен еще в августе покинул свою парижскую квартиру и перебрался в Версаль. «Я видел все,

— писал Ферзен отцу о страшных днях 5 и 6 октября, — и вернулся в Париж в карете королевской свиты». Заметив среди прибывших Ферзена, граф Монморен, исполнявший обязанности министра иностранных дел, шепнул графу де Сен-При, что «присутствие графа Ферзена, о связи которого с королевой известно всем, может поставить короля и королеву в щекотливое положение». Сен-При счел замечание Монморена справедливым и посоветовал Ферзену удалиться. Граф совета послушался, однако как только двор обосновался в новом помещении, снова стал бывать у королевы — не только как друг, но и как неофициальный наблюдатель шведского короля.

*

На следующий день после переезда в Париж Мария Антуанетта писала Мерси: «Я чувствую себя хорошо, не волнуйтесь за меня. Если забыть, где мы и как мы сюда попали, мы должны быть довольны народным приемом, особенно этим утром. Надеюсь, если снова не возникнет нехватки хлеба, многое станет по-прежнему. Я разговариваю с народом: ополченцы, рыночные торговки, все желают пожать мне руку, и я им это позволяю. В ратуше меня очень хорошо приняли. Сегодня утром народ просил нас остаться. Я сказала от имени стоявшего рядом короля, что все зависит от них, мы же этого хотим. Ненависть должна исчезнуть, а если прольется хотя бы капля крови, нам придется бежать. Те, кто стояли к нам ближе всех, поклялись мне, что раздор в прошлом. Я попросила торговок пойти и повторить всем то, что мы только что сказали». Толпа, собравшаяся под окнами Тюильри, чтобы увидеть короля и королеву, сильно напугала дофина. «Мама, — закричал он, — разве вчера еще не кончилось?» Страшные дни забыть и в самом деле было трудно. «Я все еще слышу их вопли, слышу крики моих гвардейцев, — писала королева мадам де Ламбаль. — Эти ужасные дни повторятся, но я видела смерть слишком близко, чтобы бояться ее». «Я жива, но этой милостью я обязана Провидению и отваге одного из гвардейцев, спасшего меня ценой собственной гибели. Мои враги вложили в руку народа оружие, дабы он обратил его против меня, массы натравили на короля; но каков повод? Я бы назвала его вам, но боюсь», — в тот же день написала королева брату. Она понимала, что, несмотря на вновь сложившийся двор, на мельтешащую прислугу, и она, и король, и его семья являются пленниками, которых охраняет не почетный караул французских гвардейцев, а батальоны

национальных гвардейцев Лафайета. Полк швейцарской гвардии, обычно исполнявший роль личной охраны короля, оттеснили на задворки Тюильри, его караульных дублировали караульные из гвардии. Если поначалу королева не любила Лафайета, теперь она его ненавидела. Но когда судья из Шатле, проводивший расследование событий 5—6 октября, придет к ней и начнет ее расспрашивать, она ответит: «Я все видела, все знала, но все забыла». А в письме брату Леопольду напишет: «Дело Европы и потомков судить об этих событиях и воздать по справедливости мне и отважным и верным гвардейцам короля; рядом с их славными именами будет упомянуто и мое имя». Словам ее созвучны слова Ривароля: до 5—6 октября королева «жила только для газетчиков и хроникеров, теперь она стала жить для истории».

Гвардия Лафайета охраняла королевскую семью своеобразно: следя за каждым шагом ее членов, она спокойно взидала, как во двор, а затем и во дворец прорвалась толпа, требовавшая королеву исполнить обещание (данное от чистого сердца, но без всяких на то оснований) по реорганизации парижского ломбарда. Пока король совещался со своими министрами, а Лафайет уговаривал народ разойтись, королева, обнимая детей, дрожала от страха у себя в комнате, и пред взором ее проносились жестокие картины октябрьских дней. Дело с ломбардом завершилось тем, что король приказал за счет казны выкупить все, что стоило меньше луидора. В другой раз торговки на глазах дофина столкнули в Сену телеги с мукой, чтобы вызвать гнев парижан против обитателей дворца. «Я чувствую себя хорошо, несмотря на все злые выходки, которые мне постоянно устраивают; однако я надеюсь вернуть себе здоровую и честную часть буржуа и народа. К несчастью, хотя их и много, но они не самые сильные. <...> Напишите от моего имени императору; полагаю, писать ему самой даже о своем здоровье сейчас было бы неосмотрительно», — размышляла Мария Антуанетта в письме к Мерси.

Приходилось приспосабливаться. Постепенно отмывали окна, комнаты, обставляли мебелью покои. Из Версаля прибыли две тысячи (sic!) телег с утварью. Стали устраивать дипломатические приемы и представления ко двору. «В Париже только Король, Королева, Месье, Мадам, дети и я... Здесь все спокойно. Здешние люди нравятся мне больше, чем в Версале. Господин де Лафайет ведет себя безупречно; Национальная гвардия тоже. Все спокойно. Хлеба в изобилии. Двор почти как раньше; каждый день бывают люди. Играют по воскресеньям, вторникам и четвергам; публичные обеды по воскресеньям и четвергам. <...> Все это, душа моя, меня вполне устраивает; вы же знаете, я умею

приспосабливаться ко всему... перебраться жить в Париж было прекрасным решением; здесь нам будет лучше, чем где-либо. Я пишу это не потому, что письмо мое будет прочитано; нет, душа моя, я сама так считаю», — писала подруге Бомбель принцесса Елизавета, «умный и очаровательный ребенок с характером», как некогда описывала ее матери Мария Антуанетта. Национальное собрание выделило королю цивильный лист с суммой в 25 миллионов, сохранив также доходы с земельных владений. Королева вновь писала письма императору: «Приходится быть крайне сдержанной и осмотрительной. Мне кажется, сейчас мне нужно затаиться, ничего не предпринимать и постараться, чтобы все дурные впечатления, связанные со мной, забылись, а осталось бы только воспоминание о моем мужестве, в котором народ мог убедиться, и которое, если потребуется, я готова явить вновь». Желая убедить народ забыть дурные впечатления, королевская семья выходила на прогулку только по утрам, пока сад Тюильри (до полудня) был закрыт для посетителей. Байи вручил королю памятную золотую медаль в честь его вступления в Париж с надписью: «Отныне мое жилище здесь. 6 октября 1789». Королеве вручили такую же медаль, только серебряную. А она так хотела забыть этот день!

Рядом с их величествами постоянно находились почти 150 придворных, а всего в Тюильри обосновалось более семисот человек. Но единственный, кто внушал Марии Антуанетте надежды на будущее, был Ферзен, перебравшийся в Париж, чтобы как можно чаще видеть ее. Молчаливый швед внушал спокойствие даже королю: неизвестно, ревновал к нему Людовик или нет, но при виде Ферзена он ощущал, как в него вселялась уверенность, что хотя бы один истинный друг, на которого можно положиться, у семьи есть. «Так как я никогда и ни во что не вмешивался, то мне нечего бояться, — писал Ферзен сестре, успокаивая ее. — Я даже стал чуть-чуть счастливее, — продолжал он, — ибо время от времени могу свободно посещать мою подругу, и эти встречи утешают нас посреди несчастий, обрушившихся на бедняжку; она настоящий ангел, мужественный и чувствительный... Ее мужество выше всяческих похвал, и оно делает ее еще более привлекательной... Она ужасно несчастная и очень храбрая, настоящий ангел...» Собственно, на кого, кроме него, могла надеяться «ангел» королева? Король слишком слаб, так что подобная мысль никогда не приходила ей в голову; Полиньяк уехала, Мерси отбыл в свое поместье в Шенвьере, Прованс слишком очевидно выказывал свою заинтересованность занять трон; пребывавший у тестя в Турине Артуа грозился стереть с лица земли всех и вся, покусившихся на власть монарха... С Ферзеном Марию Антуанетту сближало не только влечение

сердца, оба полагали необходимым действовать. Но в сложившейся ситуации королева предпочитала ждать. «Единственный способ выбраться отсюда — это терпение, время и великое доверие, кое мы должны им внушить», — писала королева Мерси.

Однако судя по увеличивавшемуся количеству памфлетов и листовок, по их развязному и злобному тону, по их чудовищным нелепостям, доверия королева народу не внушала, хулители изошрялись в инвективах в адрес «австрийской тигрицы». Описывая «Королевский зверинец», анонимный пасквильянт писал: «Самка Вето является чудовищем, найденным в Вене, в Австрии, в гардеробной императрицы Марии Терезии. Эта коронованная мартышка, видимо, возжелала противоестественной связи и отдалась то ли тигру, то ли медведю, после чего родила Марию Антуанетту. Это чудовище тридцати трех лет от роду было привезено во Францию во времена ненавистной памяти кровосмесителя Людовика XV. Так как к лживости своей страны она присоединила природное коварство, присущее коронованным животным, она сначала явила народу ангельскую кротость, и народ кричал: “Да здравствует королева!” Когда же она поняла, что парой кривляний можно завоевать дружбу зевак, она сбросила маску, и все узнали, какая она на самом деле». «Не могу вновь не вернуться к вопросу о необходимости установить преграду на пути подстрекательских пасквилей; без выполнения сего условия будет очень трудно успокоить публику», — справедливо считал Мерси. Но устанавливать преграды было некому: Собрание опубликовало «Красную книгу» расходов королевы на платья и фаворитов, что вновь вызвало бурю гнева и памфлеты:

Напрасно ищу я в преданьях былых
Примеры преступных страстей,
Ведь ты, королева, в деяньях своих
Похлеще всех прочих, ей-ей.
Ты в тратах Египтянку ту превзошла,
Что с консулом римским спала.
В сравненьи с тобой, скажу не шутя,
Скромна Агриппина,
Верна Мессалина,
А Медичи — просто дитя!

Тем не менее Мадам Елизавета считала, что «королева, обладающая безмерным мужеством, начинает лучше выглядеть в глазах народа», и

выражала надежду, что «со временем благодаря нашей сдержанности мы сможем завоевать любовь парижан, обманутых на наш счет». Трудно сказать, верила ли Елизавета тому, что писала своей подруге, или просто уговаривала самое себя... У королевы хватало смелости заниматься благотворительностью, посещая вместе с дофином приют для подкинутых младенцев и мануфактуры в Сент-Антуанском предместье, она председательствовала на благотворительных дамских собраниях и передавала деньги на нужды бедняков. Но у нее не доставало храбрости отправиться в Оперу или театр: она не хотела выслушивать очередные оскорбления. «Она отказалась от королевской ложи, и этот вполне естественный в ее положении отказ от развлечений еще больше настроил парижан против королевы. Несчастливая королева не знала, что такое осторожность, или не хотела ею пользоваться. Она открыто выказывала свое презрение тем, чье присутствие ей не нравилось. Позволяя эмоциям брать верх, она не осознавала их последствий и того, насколько они вредят ей и королю. Наделенная великим мужеством, она была не слишком умна, не умела пользоваться обстоятельствами, а главное, не понимала, кому можно доверять, и не доверяла тем, кто более всего был готов служить ей. После 6 октября... она испытывала презрение ко всем французам и избегала показываться на публике», — писала графиня де Ла Тур дю Пен.

Королева все больше уходила в себя, а точнее в детей. Она вставала, в одиночестве завтракала, затем занималась сначала с Луи Шарлем, а потом с Марией Терезой. «Эта несчастная крошка — настоящее чудо. Если бы я могла стать счастливой, то стала бы ею только через детей. Лапочка (так называли дофина Полиньяк и королева. — *Е. М.*) очарователен, и я безумно люблю его. Он тоже меня любит, на свой манер. <...> Не буду говорить о здешних делах; мне кажется, что о них надо либо не говорить ничего, либо писать целые тома. <...> Недавно я подвернула ногу, и мне пришлось почти две недели провести у себя в комнате. Но когда ты не можешь находиться там, где тебе хотелось бы, можно хоть год оставаться на одном месте, не думая о том, чтобы поменять его», — писала Мария Антуанетта подруге Полиньяк. После занятий с детьми королева шла к мессе, в час семья в полном составе обедала, после обеда король и королева играли партию в бильярд, затем королева расспрашивала придворных дам о последних новостях, а в восемь к ужину из Люксембургского дворца приходили Месье и Мадам. В одиннадцать все отправлялись спать. Несколько раз принцесса де Ламбаль устраивала званые вечера, но королева скоро отказалась принимать в них участие. По словам Сен-При, она словно ждала кого-то, кто сумеет вытащить ее из «той ловушки, куда она попала», и в ожидании

они вместе с королем затворились в Тюильри. Граф Мерси предостерегал королеву от затворничества, которое могут неправильно понять: «Думают, король изменил своим привычкам ездить на охоту и совершать прогулки только для того, чтобы подчеркнуть несправедливость своего пленения, известие о котором может вызвать возбуждение в провинциях, натравить их на столицу и развернуть против нее насилие. Не приписывая Вашему Величеству подобное мнение, тем не менее все говорят, что более всего своим затворничеством король обязан советам королевы. Самые благонамеренные люди полагают, что любая возможность выйти погулять в город или в саду Тюильри, предоставив возможность публике увидеть короля и королеву, а также какой-либо знак благорасположения с их стороны произвели бы впечатление самое благоприятное, свидетельствуя о спокойствии и доверии и устраняя любое подозрение в принуждении монарха», — писал Мерси королеве. Вряд ли королеве пришлось давать королю какие-то особые советы — 10 октября декретом Национального собрания король перестал быть «королем Франции и Наварры», а стал «королем французов». Королем-гражданином. Пережить этот удар такому ярому монархисту, как Людовик XVI, было нелегко. И королеве тоже. Единственная оставшаяся у нее надежда, зыбкая, почти нереальная, — это Ферзен. Ферзен, появлявшийся в Тюильри почти каждый день, так что гвардейцы перестали обращать на него внимание; с Лафайетом, которого шведский посол барон де Сталь считал единственно возможным спасителем Франции, Ферзен раскланивался как со старинным знакомцем. Но ни де Сталь, ни Ферзен ничего не могли сделать, кроме как вместе с Густавом III морально поддерживать королеву. В Национальном собрании начинались разногласия, и многие искренне надеялись, что через некоторое время все вернется в прежнее русло. «Брат мой, дружба и ласковая забота Вашего Величества меня особенно растрогали. <...> Несчастья, избежать коих самому прекрасному королевству, очевидно, не удастся, усугубляют наши повседневные горести. Остается надеяться, что пройдет время, и французы поймут, что они только тогда обретут счастье, когда восстановят порядок и правление их справедливого и доброго короля; рискну утверждать, что никто иной, кроме него, не смог бы настолько пожертвовать своими личными интересами ради спокойствия и счастья своего народа», — писала Мария Антуанетта шведскому королю. Переписка начала занимать важное место в распорядке ее дня: она писала королю Густаву, брату-императору, писала Артуа, писала Мерси, навещавшемуся в Париж не чаще раза в две недели, писала Полиньяк. В этих письмах часто звучали горечь, отчаяние и страх; уверенная в

несправедливом к ней отношении, она все же надеялась, что настанет время и справедливость восторжествует: «Однако злые люди действуют очень активно, и кажется, что их гораздо больше, чем добрых». Мадам Елизавета оценивала ситуацию еще более жестко: «...я считаю, что гражданская война уже началась, ибо, когда жители королевства разделились на две части и более слабая часть имеет шанс сохранить жизнь, только будучи обобранной до нитки, я не могу называть это иначе, нежели гражданской войной». «...Слова “свобода” и “деспотизм” прочно отпечатались у них в головах, однако они не осознают, в чем состоит разница между ними, и бросаются от любви к первой к ужасу перед вторым», — писала о жителях королевства Мария Антуанетта.

*

4 февраля 1790 года Людовик XVI, явившись по приглашению в Манеж, где теперь заседало Учредительное собрание, произнес короткую и на удивление вразумительную речь, призвав всех, кто, подобно ему, перенес немало страданий, утешиться надеждами на будущую конституцию, и пообещал защищать ее и воспитывать сына в уважении к ней и любви. В заключение он воззвал к миру и согласию. Речь встретили бурными аплодисментами: депутаты быстро сообразили, что король не только подал идею, но и фактически предложил текст новой присяги верности «нации, закону и королю». Королева, ожидавшая супруга вместе с дофином, отринула ставший привычным надменный вид и также произнесла небольшую речь: «Я разделяю все чувства короля. Всем сердцем, всей душой я поддерживаю его слова, продиктованные любовью к народу. Вот мой сын, я воспитываю его на примерах добродетелей лучшего из отцов; с молодых ногтей я буду учить его уважать общественную свободу и соблюдать законы. Надеюсь, настанет день, когда он станет самой прочной их опорой». Полагают, речь была написана заранее одним из министров, однако толпа аплодировала королеве, в честь ее раздавались здравицы, и впервые за бесконечно долгое время Мария Антуанетта вновь почувствовала себя любимой народом. Даже реплика пылкого республиканца Камилла Демулена о «супруге монарха, которая не является королевой Франции, и ее должно называть всего лишь “Антуанеттой, женой короля французов”», не испортила ей настроения. «Это был первый счастливый день за последний год. <...> Ах, как сладостно вновь обрести надежду. Пусть она пока еще призрачна, однако я лелею ее в своем сердце,

ибо она успокаивает мои тревоги за будущее детей», — писала она принцессе де Ламбаль; радость давно не посещала Марию Антуанетту... Уступки короля Собранию пришлось по нраву отнюдь не всем. «... Надеюсь, что он (демарш короля от 4 февраля. — Е. М.) не обескуражит наших союзников и они наконец сжалятся над нами», — размышляла сестра Людовика Елизавета. Чем дальше, тем отчетливее в письмах ее прослеживалась надежда на помощь за границы и, в частности, брата Артуа, разжигавшего смуты на юге Франции.

«Не думайте, однако же, что вся нация участвовала в трагедии, которая играет нынче во Франции. Едва ли сотая часть действует, другие смотрят, судят, спорят, плачут или смеются, бьют в ладоши или освистывают, как в театре! Те, которым терять нечего, дерзки, как хищные волки; те, которые всего могут лишиться, робки, как зайцы; одни хотят все отнять, другие хотят спасти что-нибудь. Оборонительная война с наглым неприятелем редко бывает победоносной. История не кончилась, но по сие время французское дворянство и духовенство кажутся худыми защитниками трона», — писал в «Письмах русского путешественника» Н. Карамзин, весной 1790 года посетивший Париж. Во Франции происходили перемены, которые королю и королеве оставалось только принимать: их согласия никто не спрашивал. Отринув английский образец, Собрание утвердилось как однопалатное. Вместо полновесной монеты, которой становилось все меньше, стали выпускать бумажные ассигнаты; страну поделили на 83 департамента, упразднив традиционное деление на провинции; упразднили сословия, превратив всех в «граждан»; конфисковали имущество церкви, разогнали монастыри, для духовенства создали гражданскую конституцию... Те, кто заседал в Учредительном собрании («чудовища», по словам Мадам Елизаветы), не часто вспоминали о монархах; королевская семья превращалась в живой символ монархии, вокруг которого плелись интриги и заговоры. Казалось, никто, кроме короля и королевы, не стремился к компромиссам. В Собрании не было единства. За Лафайетом^[24] следовали сторонники конституции, в надежде на смену династии Орлеан-Эгалите увлекал своих приверженцев за левым, якобинским крылом; монархисты отчаянно боролись с либералами. Мадам Елизавета поддерживала брата Артуа, стремившегося развязать гражданскую войну, чтобы вернуться во Францию победителем и — кто знает! — быть может, даже взойти на трон. Секретарь королевы Ожар усиленно уговаривал ее уехать в Австрию к брату, чтобы не мешать Людовику здесь, а помогать ему из-за границы. Людовику со всех сторон предлагали бежать (в том числе и Ферзен). Прованс пытался ловить рыбку

в мутной воде, оказавшись причастным к заговору Фавра, предприятию малопонятному и, по словам Кампан, заключающемуся в том, что короля хотели похитить, а в Париже устроить контрреволюцию. Историю, в которой одним из тайных моторчиков был граф Мирабо, намеревавшийся вытолкнуть Прованса на первую роль и стать его тайным советником, раздули, маркиза де Фавра, ни в чем не сознавшегося, обвинили в подготовке убийства Лафайета и Байи и повесили. А через три дня после казни маркиза его вдова и сын, в глубоком трауре, появились на приеме у королевы, в надежде публично снискать королевских милостей. Но их надежды не оправдались: королева, тайно переправившая вдове Фавра увесистый мешочек с луидорами, на людях отнеслась к ним ровно, и не более того. Когда прием закончился, королева прибежала к верной Кампан и, расплакавшись, сказала: «Роялисты будут порицать меня за то, что я равнодушно отнеслась к несчастному молодому человеку, а революционеры возненавидят за то, что я принимала его у себя».

Королева плакала все чаще. 20 февраля 1790 года после продолжительной болезни скончался ее любимый брат Иосиф. Преемником его стал Леопольд II; в последний раз Мария Антуанетта виделась с ним, когда ей было десять лет; они никогда не переписывались. «Если покойный император принимал дела сестры близко к сердцу по причине своего особого к ней отношения, то для нового монарха причин таковых очевидно не будет. Он едва знаком с королевой, и они никогда не питали особой симпатии друг к другу. Сии соображения прискорбны как для общего дела, так и для меня лично; они лишь добавляют отвращения, кое внушает пребывание в стране, ставшей театром ужасов», — писал Кауницу после смерти императора Мерси. Однако новый император сразу прислал сестре письмо, в котором заверял ее в своей искренней дружбе и симпатии. «Хотя я уверен, что утрата невозполнима... прошу вас, удостойте меня такой же дружбой и доверием, испытайте меня. <...> Располагайте мною... позвольте писать вам часто и без лишних формальностей; надеюсь, вы будете поступать так же», — написал Леопольд сестре 27 февраля. Ответ Марии Антуанетты датирован 1 мая того же года: «...Действительно, смерть императора для меня двойная утрата, ибо в его лице я потеряла и брата, и друга, но ваши заверения в дружбе явились для меня большим утешением. Поверьте, дорогой брат, мы всегда будем их достойны; я говорю мы, потому что не разделяю себя и короля. <...> Не стану говорить о нашем сегодняшнем положении, оно слишком мучительно и должно удручать любого государя, а тем более такого доброго родственника, как вы. Только время и терпение смогут успокоить умы; это война мнений, и

она не окончена». Почему королева так медлила с ответом? Только ли потому, что ждала «специального курьера из Вены», или все еще пребывала в оцепенении, охватившем ее после страшных октябрьских дней? «Королева, несмотря на все удары рока, прекрасна и величественна, подобно розе, на которую веют холодные ветры, но которая сохраняет цвет и красоту свою», — писал Карамзин.

Но розе, чтобы защитить себя, нужны шипы. Когда вечером 13 апреля на террасе Тюильри раздались выстрелы и обеспокоенный король поспешил к королеве, он нашел ее в комнате сына. «Я была на своем посту», — ответила она, указав на мальчика. Постепенно оцепенение отпустило королеву, и она начала действовать, иначе говоря, вмешиваться в политику — с единственной целью: защитить себя и семью. Говорят, замкнутое существование в Тюильри и любовь к детям настолько сблизили ее с Людовиком, что у них установилось полное взаимопонимание, и она готовилась действовать за них обоих.

*

Одним из первых шагов королевы стало ее согласие на тайные переговоры с Мирабо, авторитетным оратором и политиком, умело маскировавшим свои монархические взгляды. Имея массу долгов, он жаждал денег, а обладая острым умом и непомерным честолюбием, хотел получить пост министра. Он сделал ставку на Месье, стремившегося выловить в мутных водах интриг должность генерального наместника, а потом, может, и корону. Но комбинация провалилась, Прованс ловко выкрутился из запутанного дела Фавра, и Мирабо снова стал искать пути к королю, а точнее к королеве. Посредником он наметил графа Мерси, встречу с которым организовал граф де Ламарк. Во время встречи Мирабо, признавая опасность сложившегося положения, стал убеждать посла, что единственный выход — увести короля из Парижа, но не из Франции, и попросил повлиять на королеву, ибо, насколько ему известно, королева готова встретиться с кем угодно, только не с ним. «...Ужас, который внушает мне его аморальность, вместе с причинами личного характера, а также стремлением проявлять осмотрительность, все вместе является основанием, чтобы не видеть его. <...> Но если принять такого человека все же будет необходимо, я сумею пожертвовать личными антипатиями», — писала Мария Антуанетта секретному агенту барону Флахландеру. Под личной причиной королева имела в виду опасения, что Мирабо явился

одним из инициаторов дней 5 и 6 октября. (При личной встрече Мирабо удалось оправдаться перед королевой.) Но так как больше никто из влиятельных членов Собрания услуг своих не предлагал, королеве пришлось согласиться встретиться с «неприятным человеком». Первая встреча состоялась в покоях мадам Тибо, первой камеристки королевы. Людовик согласился оплатить долги известного депутата, обладавшего весом и влиянием в Собрании и готового использовать эти богатства для восстановления королевской власти. С подачи Мирабо Собрание делегировало королю право войны и мира, иначе говоря, право объявлять войну.

4 июня королевская семья в сопровождении отрядов национальных гвардейцев и швейцарцев отбыла в Сен-Клу. «Думаю, нам позволят воспользоваться хорошей погодой и отправиться во дворец Сен-Клу, находящийся совсем рядом с Парижем. Для нашего здоровья совершенно необходимо подышать чистым свежим воздухом, но мы будем часто возвращаться сюда. Надо завоевывать доверие этого несчастного народа: его все время стараются настроить против нас! Только великое терпение и чистота наших помыслов могут вновь привлечь его к нам», — писала Мария Антуанетта накануне отъезда Леопольду II. В этот же день она написала сестре Марии Кристине: «...все мои желания и все мои действия направлены только на то, чтобы король был счастлив, за него я готова отдать всю мою кровь. А если говорить искренне, то и за всеобщее счастье; ибо я желаю только одного: восстановить порядок и спокойствие в этой несчастной стране и приготовить моему несчастному ребенку более счастливую участь, нежели наша; ибо мы видели слишком много ужасов и слишком много крови, чтобы чувствовать себя по-настоящему счастливыми». В Сен-Клу, несмотря на непременные караулы (сторожевой пост выставили даже перед спальней королевы), семья чувствовала себя значительно лучше. Все, особенно дети, много гуляли, король, сопровождаемый только адъютантом Лафайета, ездил на охоту, королева отправлялась в парк с одной служанкой, за которой на большом расстоянии следовал караульный. Раз в две недели королевская чета возвращалась в Тюильри, проводила там ночь, а наутро вновь отправлялась в Сен-Клу. В столице говорили, что теперь никто не посмеет утверждать, будто парижане держат короля в плену.

Когда королевская семья перебралась в Сен-Клу, Мирабо разработал вполне реальный план бегства. Семья, которую охраняли далеко не так бдительно, как в Париже, собиралась в лесу, в четырех лье от дворца, где их ждала вместительная берлина; нескольких караульных, сопровождавших

королевских особ, предполагалось либо уговорить бежать вместе, либо обезвредить с помощью верных слуг и швейцарцев. У себя в спальне король оставлял письмо Национальному собранию, в котором объяснял причины своего отъезда (предполагалось, что король с семьей укроется в Нормандии). Так как хватиться короля должны были не ранее девяти часов, когда королевская семья обычно возвращалась с прогулки, потом час или более везти письмо в Париж, в Собрание, там разыскивать председателя и депутатов... Словом, беглецы получали шанс отъехать так далеко, чтобы более не опасаться погони. Король уедет в Руан, откуда с помощью верных ему депутатов начнет переговоры с Собранием и вернет себе власть. Королева план одобрила, и однажды, когда к девяти вечера во дворец никто из королевской семьи не вернулся, Кампан, посвященная в план побега, вздохнула с облегчением. Но, увы, вскоре раздался стук колес... Потом мадам Кампан спросила у ее величества, почему они решили остаться, и та ответила, что король посчитал необходимым сначала вывезти из Франции своих теток.

В Сен-Клу король регулярно получал отчеты от Мирабо. Вдохновленный оплатой долгов и обещанием миллиона в будущем, тот, оставаясь революционным рупором Собрания, втайне из всех сил старался примирить монархию и революцию. К несчастью, портфель министра король предложить ему не мог: Учредительное собрание запретило своим членам занимать министерские посты. По этой или иной причине, но Мирабо все больше внимания проявлял не к королю, а к королеве. В одной из его записок содержались такие слова: «Королю не на кого положиться, кроме как на жену. Она будет в безопасности, только если королевская власть будет восстановлена. Мне хочется верить, что ей не нужна жизнь без короны; но я совершенно уверен в том, что, не сохранив короны, она не сохранит жизнь». Королева также не обходила его вниманием: «Господин граф, переговоры с М*** продолжаются, и, если он искренен, у меня есть все основания быть им довольной. Но в том ужасном положении, в котором мы находимся, он полагает, что нам надо атаковать тем же оружием, которое используют против нас, а именно деньгами, кои надобно употребить с толком и в нужное время; но где их найти? Надо бы, чтобы король тайно сделал заем у моего брата, в Испании, Неаполе или на Сардинии, два или три миллиона, списав их на прошлый гражданский лист. <...> Надобно избежать главной опасности — чтобы ни один француз, а главное, ни один министр не узнал об этом. Ибо они все, даже те, кто не уличен в неверности, ищут своей выгоды.

Мне кажется, еще один разумный пункт плана М*** заключается в

следующем: если положение во Франции не изменится к лучшему, воспользоваться тем, что между Пруссией и Австрией царит мир, и под предлогом опасности, грозящей обеим державам, обязать их вмешаться в здешние дела, но не для совершения контрреволюции и не вводя войска, а в качестве гарантов всех договоренностей... а также по причине дурного обращения с королем. <...> Но главное, решить вопрос с деньгами», — писала королева Мерси, возможно, не задумываясь о том, что привлечение к решению внутренних вопросов иностранных держав может быть воспринято как измена — в чем впоследствии ее будут обвинять. Мария Антуанетта согласилась лично встретиться с Мирабо. Встреча состоялась 3 июля в Сен-Клу, на закате, в апартаментах королевы или в парке, в павильоне Армиды (точно не известно), и продолжалась около сорока минут. Все это время дю Сайан, племянник Мирабо, в тревоге ждал в коляске возле потайной калитки, ибо, перед тем как скрыться в парке, дядя протянул ему конверт и сказал: «Если через час я не вернусь, скажи во весь опор, передай письмо по адресу и начинай бить в набат и извещать народ о коварстве двора!» Не правда ли, похоже на спектакль в роще Венеры? Но в отличие от вправду ошеломленного Рогана опытный оратор и политик Мирабо играл: он понимал, что если бы его в самом деле захотели устранить, это сделали бы гораздо более простым способом. О чем говорили Мирабо и королева, осталось тайной; рассказ Кампан, которой королева якобы поведала о содержании беседы, историки не считают заслуживающим доверия. Хотя почему бы Мирабо, этому покорителю женских сердец с внешностью чудовища, не броситься к ногам красавицы королевы, восклицая: «Мадам, монархия спасена!» А по дороге в Париж он вполне мог сказать племяннику: «Она, конечно, королева и аристократка, но она поистине несчастна, и я спасу ее». Может, он действительно спас бы королеву, если бы смерть не помешала ему... Говорят, почти такие же слова сказал Барнав, сопровождавший в Париж королевскую семью после неудавшегося бегства. Ему тоже не удастся спасти королеву, равно как и сохранить собственную жизнь: через полтора месяца после казни Марии Антуанетты он взойдет на эшафот.

*

Одна из поездок королевской семьи в Париж была приурочена к празднованию Дня федерации — первой годовщины падения Бастилии. Королеве очень не хотелось принимать в нем участия: зная, что народ

настроен против нее, она боялась прибывших из глубинки делегатов, боялась повторения октябрьских дней. «Я с ужасом думаю об этом дне; на нем соберутся все те, с кем для нас связаны самые жестокие и горькие воспоминания; нам придется находиться среди них. Для такого дня нужна особенная смелость», — писала Мария Антуанетта Мерси. Чтобы провести самое грандиозное, по свидетельствам современников, революционное торжество, на Марсовом поле соорудили гигантский амфитеатр на 400 тысяч мест и возвели алтарь отечества; в строительстве принимал участие весь Париж.

С самого начала праздника зарядил дождь, но настроения никому не испортил. Делегаты шествовали торжественным маршем, возлагали цветы на алтарь отечества и клялись в верности нации, закону и королю. Король торжественно произнес присягу: «Я, король французов, клянусь употребить всю данную мне законами государства власть для поддержания конституции, принятой Национальным собранием и утвержденной мною». Одетый в форму Национальной гвардии, дофин радостно вертелся во все стороны и всем улыбался. Королева не раз поднимала сына, чтобы все увидели его, но, когда дождь усилился, обняла его и укутала шалью. Трехцветные ленты, украшавшие ее прическу, намокли и обвисли. Самые бурные аплодисменты снискал Лафайет, восседавший на белом коне в сверкающем золотыми эполетами мундире. (Говорят, Мария Антуанетта называла его «командиром лягушек» — так как парижане были для нее «лягушками».) Парижане зачитали адрес, в котором обращались ко всей Франции; адрес завершался словами: «Да здравствует нация, закон и король!»

По свидетельству Кампан, ликующие люди «любили короля так же сильно, как конституцию, и конституцию так же сильно, как короля, и невозможно было ни в умах, ни в сердцах их отделить одного от другой».

Праздник федерации 14 июля оживил симпатии к королевской семье. «Королю и его семье постоянно аплодировали; казалось, всюду царят исключительно единодушные и согласие», — писал русский посол в Париже И. М. Симолин. «Депутаты из провинций с восторгом взирали на короля и королеву и беспрестанно являли им трогательные свидетельства своего почтения, любви и преданности, а Их Величества столь же благосклонно на них отвечали. Они были в восторге от королевы, коя была величественна и любезна как никогда», — подчеркивал Ферзен. Возвращались под крики «Да здравствует король и его семья!». Федераты, прибывшие из самых дальних уголков Франции, с восторгом взирали на короля и королеву с детьми и до самого отъезда постоянно приходили в Тюильри выразить

свою любовь к монарху и его семье. Дурное настроение королевы рассеялось, она вновь упивалась любовью подданных. По словам мадам де Турзель, это были последние счастливые дни королевы. К сожалению, король не смог воспользоваться роялистскими настроениями, царившими в провинциях. Возможно, потому, что, как виделось другой половине зрителей, во время праздника король и королева были мрачны, король сидел в кресле и равнодушно смотрел поверх голов, а королева и вовсе едва скрывала дурное настроение, ибо до ее слуха долетало только «Да здравствует народ!». Кто-то назвал праздник федерации торжественными похоронами монархии.

*

«Завтра мы уезжает в Сен-Клу, — писала 20 июля Мария Антуанетта Мерси. — ...Признаюсь, я ужасно боюсь ненависти Собрания, которое было раскритиковано федератами». Покинув Париж и вернувшись к прежней жизни в Сен-Клу, королева несколько успокоилась. Мадам Кампан рассказывала, как однажды к окнам дворца пришла депутация из пяти десятков не богато, но опрятно одетых мужчин и женщин, пожелавших выразить свою любовь ее величеству; королева растрогалась до слез. В Сен-Клу Мария Антуанетта почти каждый день принимала Ферзена, снявшего в ближайшей деревне дом. Ферзен незаметно проникал в апартаменты королевы и подолгу оставался там; иногда караульные видели, как он покидал дворец глубокой ночью. Король делал вид, что ничего не замечает; может, он действительно ничего не замечал, ибо большую часть времени проводил на охоте, может, не хотел омрачать настроение королеве, а может, боялся потерять одного из тех немногих, на кого он мог полностью положиться. Ни королева, ни король не скрывали от Ферзена помыслов и надежд, связанных с Мирабо, так как хрупкое равновесие, сложившееся после июльских празднеств, в любую минуту могло быть нарушено. Неожиданно вскрылась попытка отравить королеву — кто-то подсыпал яд в сахарную пудру, которую королева разводила в стакане воды и выпивала перед сном. Мадам Кампан пришла в ужас: она же лично толчет для королевы сахар! Но Мария Антуанетта успокоила ее: «Нет, против меня не станут употреблять яд. Бренвилье^[25] осталась в прошлом; настало время клеветы, она убивает вернее; меня погубит клевета». После упразднения сословий за границу хлынул поток эмигрантов-аристократов; постепенно образовалось два центра притяжения: Турин, где пребывал суетливый граф

д'Артуа, засыпавший государей Европы письмами от имени брата, и Кобленц, где обосновался принц Конде и куда стекалась вооруженная эмиграция. Интриги роялистов за границей компрометировали короля и королеву, вынуждая их сторожей повышать бдительность и побуждая демократическую оппозицию еще яростнее атаковать королевские прерогативы. Мария Антуанетта опасалась за сохранение гражданского листа. В августе 1790 года в очередной записке двору Мирабо писал: «Четверо врагов наступают ускоренным шагом: налоги, банкротство, армия, зима. В двух словах: гражданская война неизбежна и, быть может, даже необходима; но к событиям надо готовиться, управляя ими. Вопрос: нужно ли подтолкнуть ее или, наоборот, предотвратить?» Людовик предпочитал плыть по течению, королева пребывала в смятении: ей очень хотелось верить в национальное примирение, хотя бы в том виде, в каком оно было явлено в июле. Позиция Мирабо ее пугала. «Неужели кто-то действительно думает, что мы можем развязать гражданскую войну?» — писала она Мерси. Мирабо продумывал и просчитывал ситуацию. Полагая гражданскую войну неизбежной, он считал, что к ней надо подготовиться, заручившись поддержкой армии, основой которой предстояло стать отрядам швейцарцев (тех самых, которые погибли 10 августа, защищая Тюильри). Королю следовало наконец занять четкую позицию, ибо «нерешительность лишь накаляет противоречия, пробуждает недоверие и приводит к непредсказуемым последствиям».

Под влиянием Ферзена Мария Антуанетта стала возлагать все надежды на границу. «Только за границей мы сможем найти помощь и поддержку», — писала она брату Леопольду. Прежде королева растрачивала свое время в погоне за развлечениями, теперь вся энергия ее — при поддержке Ферзена — уходила в активную деятельность по восстановлению королевской власти старого образца. «Необходимо, чтобы королева сжигала оригиналы получаемых ею писем. Но не менее необходимо сохранять копии полученных ею писем. Эти копии должны быть переписаны рукой надежного человека», — наставлял королеву Мерси, по долгу службы обладавший навыками секретной переписки. Впоследствии королева обучится писать тайнописью, шифровать письма с помощью книги (романа Бернардена де Сен-Пьера «Поль и Виргиния»), накалывать текст иголкой...

К заграничным советчикам королевы принадлежал Врете иль, отбывший в эмиграцию сразу после 14 июля 1789 года. Если Мирабо хотел восстановить монархию, видоизмененную по английскому образцу, иначе говоря, слегка ограниченную парламентом, то Бретеиль намеревался

спасать и восстанавливать монархию прежнюю, ту, что существовала до Генеральных штатов. Первым пунктом в плане Бретейля стояло *спасение монарха*. Поддержанный Ферзенем, Бретейль советовал Людовику XVI отправиться в Мец, крепость рядом с германской границей, где, окружив себя верными войсками под командованием генерала Буйе и призвав на помощь войска соседних монархов, начать наступление на революцию. Ферзен передал подготовленную Бретейлем записку их величествам. Немногословный северный кавалер оказался в центре интриг, плетущихся вокруг королевской четы с целью восстановления монархии, и, возможно, через некоторое время ему пришлось бы конкурировать с пылким южанином Мирабо за влияние на короля, а главным образом на королеву. Но судьба распорядилась иначе: 2 апреля 1791 года Мирабо скончался. 4 апреля его останки с великими почестями похоронили в Пантеоне.

Не приняв плана бегства Мирабо, их величества дали уговорить себя Бретейлю. Отныне Королевский совет рассредоточился между особняком Ферзена в Париже, штаб-квартирой Буйе в Меце и швейцарской деревушкой, где пребывал Бретейль. Под неусыпным оком королевы король начал писать манифест, Ферзен и Буйе готовились к предстоящему побегу, а Бретейль искал помощи у иностранных монархов. В центре подготовки к побегу стояла королева: она координировала, писала брату, вела переписку со всеми, кто, как ей казалось, мог хоть как-то помочь. Но главное — она поддерживала Людовика XVI, всегда склонного к компромиссам и бездействию. «Каждый день новые несчастья... но самое большое несчастье — это находиться в разлуке с друзьями», — писала королева Полиньяк. Но, понимая, насколько ее друзьям опасно оставаться подле нее, она сама убедила принцессу де Ламбаль, последнюю оставшуюся с ней близкую подругу, уехать в Лондон. Она даже придумала для нее вполне достойную миссию — уговорить премьер-министра Питта Младшего оказать королевской семье более существенную помощь, нежели расплывчатое обещание «не оставлять в беде французскую монархию».

Отец Ферзена, понимая, сколь опасно становится положение иностранца-роялиста во Франции, уговаривал сына вернуться в Швецию. «Мое положение при дворе отличается от обычного придворного. <...> Я очень привязан к королю и королеве, которые всегда очень добры ко мне, и с моей стороны было бы крайне неблагодарно покинуть их в такой момент, когда я могу быть им полезен. Помимо их доброты ко мне они со мной откровенны, что, разумеется, льстит мне, тем более что своим доверием они почтили всего трех или четырех лиц, из которых я самый молодой. Если мы сможем им помочь, мне будет приятно сознавать, что я оправдал

их доверие! Сколь сладостно думать, что я смогу способствовать их счастью! <...> Только такое поведение достойно вашего сына, и, что бы со мной ни случилось, вы первый велели бы мне поступить так, а не иначе, даже если бы я того захотел», — отвечал ему Аксель. Сохраняя тайну, он, разумеется, ничего не писал родным о приготовлениях к побегу. Когда в октябре Францию покинул Мерси, Ферзен остался единственным советником королевы, которому она верила как себе, что налагало на влюбленного шведа особые обязательства. Мария Антуанетта болезненно переживала отъезд австрийского посла, которому доверяли ее матушка и братья, в котором она привыкла видеть если не отца, то мудрого опекуна и связующую нить с домом. «Ваш отъезд повергает меня в отчаяние; сейчас, когда дела идут все хуже и каждый день сулит новые печали, мне необходим такой верный и умный друг, как вы. Но мне прекрасно известно, что все державы под разными предлогами начинают отзываться своих послов. Невозможно постоянно подвергать их риску пребывания среди хаоса и вседозволенности. От этих мыслей мне становится еще печальнее. Но такова моя судьба: мне придется вытерпеть эти ужасы до конца. Однако я не хочу постоянно думать об ожидающих нас несчастьях; мне хотелось всего лишь встретиться с вами во вторник и выразить вам свои сожаления по поводу вашего отъезда», — писала королева Мерси.

Пребывая в страхе перед повторением прошлогодних событий, королевская чета тяжело переживала октябрь. Накануне случились солдатские волнения в Нанси, подавленные генералом Буйе, и по стране прошел слух о масштабном заговоре роялистов. Королеву обвиняли в устройстве концерта в честь победы контрреволюции в Нанси. Друг народа Марат призывал сделать бывшим аристократам «кровопускание, дабы исцелить их от аристократического вируса». Не в силах справиться с финансовым кризисом, Неккер добровольно согласился на отставку, остальных министров Людовик также сменил, оставив на прежнем месте лишь Монморена, заведовавшего иностранными делами, что немедленно вызвало подозрения патриотов и обвинения в сговоре с заграницей.

В ноябре обстановка еще больше накалилась. 27 ноября Собрание приняло декрет, обязавший священников приносить присягу конституции духовенства. Одними из первых принесли присягу депутат епископ Отенский Талейран, служивший мессу на празднике федерации, и конституционный епископ Грегуар; но их примеру последовали далеко не все священнослужители. Король, уповавший на благотворное влияние компромисса, скрепя сердце подписал сей декрет и даже попытался уговорить папу согласиться с ним. Но папа не пошел на уступки и предал

анафеме и революцию, и Декларацию прав человека и гражданина, и гражданскую конституцию духовенства. Людовик XVI болезненно воспринял позицию папы, тем более что сам он, как истинный христианин и правоверный католик, не признавал присягнувших священников. «Как только был принят декрет о присяге священников, двор перестал ходить к мессе», — писала графиня де Ла Тур дю Пен.

На Пасху тетки короля Мадам Аделаида и Мадам Виктория (монахиня Луиза скончалась в 1787 году) пожелали причаститься непременно в церкви и непременно у неприсягнувшего священника, а потому отбыли в Рим. Отъезд их всем доставил множество хлопот: толпу, не желавшую выпускать карету, пришлось оттеснять силами драгунского полка; по мере продвижения к границе их постоянно останавливали, а однажды даже задержали на полдня, дабы испросить разъяснения у Парижа, подпадают ли тетки короля под закон Собрания о свободе путешествий. На короля и королеву вновь обрушился поток обвинений в стремлении бежать из Франции — именно тогда, когда приготовления к бегству находились в самом разгаре. Депутаты осознали, что статус королевской семьи все еще не закреплен законодательно, а так как король явно собирался бежать, определить его следовало как можно скорее.

Следующий декрет — о том, что служить в церкви могут только присягнувшие священники, а неприсягнувшие автоматически попадают в разряд подозрительных и за ними устанавливается особый надзор, — король принять не смог и наложил на него вето, вызвав возмущение левых трибун Собрания, а также революционно настроенной части общества. В дальнейшем, когда в мае 1792 года Законодательное собрание издаст декрет о признании вне закона любого неприсягнувшего священника, на которого укажут 20 активных граждан, возмущенный Людовик XVI также наложит на него свое вето. Но, несмотря на несогласие короля, неприсягнувших священников станут массово сажать в тюрьмы, где жестоко с ними расправятся, обвинив в этом короля: якобы его отказ санкционировать декрет пробудил ярость патриотов...

После отъезда Мерси королева еще активнее стала предпринимать шаги по спасению монархии и семьи. Мария Антуанетта всегда была деятельной натурой и не терпела оставаться один на один с пустым временем: ей всегда требовалось его занять. Но раньше она занималась только тем, что доставляло ей удовольствие, потому сейчас ей приходилось нелегко. Помимо бытовых неудобств от проживания в обветшавшем дворце, ей приходилось собирать воедино разрозненные нити, обдумывать комбинации, на каждом шагу проявлять особую осторожность — и все эти

занятия требовали сосредоточенности, к которой она не привыкла. Прежде жизнь ее напоминала яркий калейдоскоп, теперь это был тяжкий путь среди трясины, где каждый неверный шаг грозил бедой и смертью. Граф д'Эзек вспоминал, что в 1786 году, впервые увидев королеву, он сразу понял, что перед ним одна из самых красивых из ныне живущих женщин. Маленький нос с горбинкой, придававший благородному лицу величественный вид, свидетельствовал о твердом характере, отваге и предприимчивости. Но в 1791 году, в свои 36 лет, удрученная горестями, «несчастливая королева выглядела совершенно седой и сильно похудевшей. <...> Мне даже показалось, что набросок портрета, сделанный за несколько дней до ее казни, где в свои тридцать девять лет она выглядела дряхлой старухой, уже тогда был почти верен», — писал граф.

Озабоченная демаршами принцев за границей, сделанными от имени короля, королева была убеждена, что если вся честь восстановления порядка во Франции достанется партии из Кобленца, то по возвращении эмигрантов Людовик XVI немедленно окажется под контролем, что лишь умножит его страдания. «Если эмигранты преуспеют, они еще долго станут диктовать свои законы; и невозможно будет ни в чем им отказать; быть им обязанным короной означает заключить с ними договор со слишком тяжкими обязательствами», — говорила Мария Антуанетта. Чтобы этого избежать, Людовик в ноябре 1790 года назначил Бретейля своим официальным представителем за границей с правом вести от его имени переговоры с иностранными дворами. «Прошу вас, брат мой... не слушать никого, кто прибудет к вам от моего имени... если только у него не будет письма от графа Мерси или шифровки от меня. Отсюда сейчас нет возможности ни действовать, ни выехать. <...> Король направил послания королю Сардинии и графу д'Артуа, в которых официально заявил, что, если они не прекратят свои самовольные манёвры, он будет вынужден открыто их дезавуировать и призвать всех своих подданных, кои еще хранят ему верность, к спокойствию и повиновению. Надеюсь, это их остановит; совершенно очевидно, что только отсюда и только мы можем судить о моменте и благоприятных обстоятельствах, которые наконец положат конец страданиям нашим и Франции...» — писала Мария Антуанетта Леопольду II. С одной стороны, она надеялась на спасение из-за границы, а с другой — опасалась, что спаситель — например в лице Артуа — захочет взять в руки бразды правления хотя бы в качестве регента. Честолюбивые планы младшего брата короля ни для кого не являлись секретом. А Мария Антуанетта хотела спасти престол для мужа, но главное — для сына.

И Артуа, и Конде состояли в активной переписке со шведским

королем, с первых же дней революции объявившим себя ее врагом. Но в одиночку Густав, особенно принимая во внимание отсутствие французской финансовой помощи, не мог ничего предпринять. Тогда он предложил Екатерине II создать Северную лигу, дабы через Балтику послать к берегам Франции мощный военный флот, высадить десант и покончить с «демагогами, осмелившимися в лице короля Франции дерзко оскорблять всех монархов». Пребывая в состоянии войны с турками, Екатерина не спешила принимать предложение северного соседа. Тем более что отношение к Людовику XVI у нее было весьма прохладное. «Что касается дел во Франции, — писала она Гримму, — то, несмотря на мое дружеское расположение к сей личности, я опасаюсь, да, пожалуй, что и уверена, что друг мой имеет голову, непригодную ни для его места, ни для его положения». С большим уважением она относилась к Марии Антуанетте: «...у нее такой же мужественный характер, как и у ее матери, и бесстрашие, присущее ее семье». «Вы хорошо сделаете, если привезете их с собой... в кармане, короля и королеву французов, чтобы они в добром здравии добрались до границы своего королевства», — всерьез уверяла она Гримма, намекая, что надо бы изобрести способ вывезти королевскую семью из Франции, ибо иного пути спасения для них она не видела. Екатерина II не спешила помогать принцам войсками, предпочитая роль банкира: в 1790 году она передала им полтора миллиона рублей, в начале 1791 года — 500 тысяч, а в сентябре того же года еще два миллиона франков — с условием, что они «освободят Францию от революционеров».

*

Используя всевозможные предлоги, королевская семья откладывала возвращение в Париж. К концу октября все предлоги были исчерпаны, и 1 ноября семья вернулась в столицу, встретившую их разнузданной кампанией стишков и пасквилей, направленных против королевы: «Королевский бордель», «Патриотический бордель», «Маточное безумие Марии Антуанетты»... Одна из листовок гласила: «Республиканцы, отправьте на гильотину это ничтожество Людовика XVI и эту шлюху Марию Антуанетту, если хотите, чтобы у вас был хлеб; а вы, депутаты-роялисты, читайте меня и слушайтесь моих советов, иначе мы и вас укоротим». И подпись: «Народный комиссар». Упорно ходил слух, что Лафайет намеревался обвинить королеву в супружеской измене и на этом основании развести ее с Людовиком. А так как для доказательства он якобы

вознамерился заманить в ловушку Ферзена, встречаться влюбленным заговорщикам стало сложнее, хотя Ферзен и старался проскальзывать в Тюильри как можно незаметнее. Подготовка к побегу продвигалась медленно, к тому же приходилось постоянно тормозить короля, не давая ему впасть в ступор. Внутреннее несогласие с самим собой, начавшееся после санкционирования декретов, оформлявших гражданский статус священников, спровоцировало у Людовика болезнь — с лихорадкой, кашлем, сильными болями.

В феврале раскрыли так называемый заговор рыцарей кинжала; по словам графа д'Эзека, не было никакого заговора, был лишь коварный маневр Лафайета, пожелавшего разоружить дворян, явившихся в Тюльри защищать своего короля. Слух об очередном сговоре аристократов против патриотов вызвал новую волну ненависти к обитателям дворца. Крик измученной души Мария Антуанетта выплескивала на страницы писем брату: «Ах, дорогой брат, наше положение ужасно, я это чувствую, вижу... У меня есть неоспоримые доказательства, что по сути своей эта нация не злобна. Ее недостаток заключается в излишней суетности. У нее бывают великодушные порывы, однако ненадолго. <...> Каждый день мне угрожают и осыпают меня бранью. Народ словно сошел с ума, и я постоянно плачу. После того как мы пережили 5 и 6 октября, мы ко всему готовы. Смерть стоит возле наших дверей. Я не могу подойти к окну даже с детьми, чтобы не стать мишенью для оскорблений со стороны пьяной черни, которой я никогда не причиняла зла; напротив, уверена, в этой толпе найдутся те, кто получал от меня помощь. Я готова к любому развитию событий, сегодня я хладнокровно слушаю, как раздаются требования моей головы. <...> Я себе не принадлежу; мой долг оставаться там, куда поместило меня Провидение, а если понадобится, подставить свое тело под кинжалы убийц, жаждущих добраться до короля. Я буду недостойна имени нашей матушки, если бы, желая избежать опасности, покинула короля и своих детей».

«Император считает, что оставаться здесь нам очень опасно; он предлагает нам бежать как можно скорее. <...> Если Конституцию примут, пусть даже с некоторыми поправками, мы пропали, потому что иностранные державы нападут на Францию. <...> Меня предупредили, что принцы вооружают легионы в Австрии. Мы к этому не причастны, ибо такие приготовления могут только скомпрометировать нас и приостановить исполнение наших замыслов», — писала королева в Брюссель Мерси. Как и прежде, она поверяла ему все свои мысли. В пространном письме от 3 февраля 1791 года она посвятила его в подробности побега и изложила

содержание манифеста, который собирался издать король, как только окажется на свободе. (Текст его Людовик XVI перед побегом положит на видное место у себя в спальне.) В этой декларации король, перечислив события последних лет, объяснял, почему он считал нужным не покидать Францию и почему теперь, когда у него осталась лишь «видимость королевской власти», решился уехать. Оказавшись вместе с семьей в безопасности и восстановив свою свободу, он с радостью и добровольно примет конституцию, по которой к религии будут относиться с должным почтением. Мария Антуанетта жаловалась Мерси, что «без субсидий» шведский король, столь расположенный к ним, «ничего не может сделать», что брат не понимает ее и не желает выступить посредником между ней и Испанией, дабы ускорить принятие решения испанцами, коим присуща «естественная медлительность»... Письмо это вместе с шифром доставил барон де Гогла, один из тех, кому предстояло сыграть печальную роль в неудавшемся побеге.

Мерси ответил королеве не менее пространным письмом от 7 марта. Смысл его сводился к тому, что на внешнюю помощь, включая помощь брата, рассчитывать не следует. «Не стоит скрывать, что великие державы просто так ничего не делают. Какой бы оскорбительной ни казалась эта истина, она от этого не изменится, ее всегда можно замаскировать под государственную необходимость. <...> Тот, кто хочет преуспеть в большой политике, должен с ней считаться. <...> У короля Сардинии всегда были виды на Женеву; ему хочется расширить свои границы в Альпах за счет французской территории; его также интересует территория департамента Вар. Поощряя эти виды, Франция вряд ли много потеряет. С Испанией также можно вести переговоры, намекнув на возможность расширения границ Наварры за счет Франции. Феодалных князей, имеющих земли в Эльзасе, можно купить не слишком задорого, а содействие их очень важно. Только от императора можно ожидать незаинтересованной помощи; но для этого надобно, чтобы он мог оказать ее без риска вступить в конфликт интересов с Пруссией, безраздельно преданной Англии. Учитывая вышесказанное, необходимо начать переговоры, которые будут вести лица преданные и опытные. <...> Но прежде всего надо бежать. Когда главная задача будет решена, вокруг короля объединятся верные ему силы», — писал Мерси, зная, что королева не сильна в политике. Чтобы суровая правда не была слишком горька, он обрушился на Англию, от которой, собственно, принимая во внимание давнюю взаимную неприязнь обоих государств, помощи не особенно и ждали. По мнению Мерси, Англии выгодно разорение давней соперницы, а потому есть опасения, что она

станет препятствовать иным государствам помогать восстановлению монархии во Франции.

Письмо Леопольда II подтвердило мысли Мерси. «...Мне кажется, следует подождать более благоприятных обстоятельств, ибо, сколь ни велико мое желание и добрая воля, без помощи и содействия основных дворов Европы я вряд ли сумею оказать вам помощь и справиться с затруднениями», — писал император сестре. От урока большой политики у Марии Антуанетты остался горький осадок. Напрашивался единственный вывод: можно надеяться только на себя. И никакой дорогой ее сердцу Австрии. С этим смириться было значительно труднее.

Королевская семья становилась все более несвободной. Приближалась Пасха, и король, ослабленный тяжелой болезнью, захотел уехать в Сен-Клу, провести пасхальные недели вдали от враждебной ему и его вере столицы. Но окружившая дворец толпа не позволила карете короля и его семьи выехать за ворота Тюильри. Прибывший на помощь Лафайет ничего не смог сделать; национальные гвардейцы поддержали толпу и отказались исполнять приказы своего командира. Высунувшись из окна кареты, король произнес: «Удивительно, после того как я дал народу свободу, я сам оказался несвободен». Тогда, по словам Турзель, Лафайет предложил королю силой проложить дорогу, на что Людовик ответил: «Это вам, сударь, решать, как надо поступать, чтобы заставить исполнять вашу конституцию». В конце концов Лафайету пришлось заявить, что он ничего не может сделать, и король вместе с семьей вернулся во дворец. «Неужели вы и теперь будете утверждать, что мы свободны?» — выходя из кареты, презрительно бросила королева Лафайету и, не дожидаясь ответа, направилась во дворец. К вечеру королю доставили адрес, составленный от имени департаментов, в котором народ выражал обеспокоенность желанием короля окружить себя неприсягнувшими священниками и держать на отдалении людей, преданных революции. Не желая навлекать опасность на свое окружение, король повелел состоявшим при нем епископам, великому дародателю кардиналу Монморанси, а также герцогу де Дюра и герцогу де Виллекье — этот давно уговаривал короля бежать — покинуть его. Теперь короля не надо было уговаривать: у него не просто отняли свободу, у него отняли возможность исполнить свои обязанности христианина, что для него являлось крайне важным. Но, не желая оставаться узником в Париже, он не хотел покидать Францию, ибо эмиграция означала потерю трона. Как писал генерал Буйе, во время революции король много читал из истории Англии и пришел к выводу, что Яков II потерял корону из-за того, что покинул страну, а Карл I лишился

головы потому, что начал войну против собственных подданных. Именно эти соображения побуждали Людовика XVI оставаться во Франции, не вставать во главе армии и не предпринимать никаких действий против взбунтовавшегося народа. Он говорил, что «предпочитает стать королем Меца», куда, по плану Бретейля, должна была уехать королевская семья.

*

После неудачной попытки покинуть Тюильри жизнь во дворце словно замерла; королевская семья тайно готовилась к побегу; многие придворные захотели уехать, их никто не удерживал. Королева, всегда неохотно покидавшая дворец, теперь пользовалась любой возможностью выехать в город, чтобы приучить охрану к своим отлучкам. Собрание заставило короля написать обращение к своим представителям при иностранных дворах: «...враги конституции не перестают повторять, что король несчастен, словно для короля может существовать иное счастье, кроме счастья его народа. Они говорят, что его власть унижена, как будто власть, основанная на силе, более могущественна и прочна, чем власть закона. Наконец, они говорят, что король не свободен. <...> Это нелепая клевета, если принимают за лишение свободы согласие, многократно выраженное королем, оставаться среди граждан Парижа». Монморен, долго уговаривавший короля не подписывать эту ложь, способную сослужить ему плохую службу за границей, так как за нее тотчас уцепятся принцы-эмигранты, в конце концов поставил рядом свою подпись — опасаясь новых эксцессов со стороны Собрания. За это обращение Собрание устроило королю овацию. В день Пасхи Людовику XVI вместе с семьей пришлось отправиться в церковь Сен-Жермен-л'Осеруа, что в приходе Тюильри, где вел службу присягнувший священник.

«...О планах бегства известно только четырем французам, трое из которых находятся за границей», — писал Ферзен своему другу фон Таубе. Тем не менее парижане были уверены, что в Тюильри что-то замышляют, поэтому, чтобы удобнее было охранять королевскую семью, Прованса с женой и свитой заставили перебраться из Люксембургского дворца в Тюильри. Отчаявшаяся и измученная, Мария Антуанетта держалась из последних сил; государи соседних стран выражали сочувствие, однако, как и писал Мерси, вопрос о конкретной помощи, особенно финансовой, обходили стороной. Но если пару месяцев назад королева считала: «... прежде чем мы не уверимся в помощи нам Испании и Швейцарии, равно

как и в помощи императора, мы не станем ничего предпринимать» — теперь она ждать не могла. А уверенность и поддержка Ферзена не давали ей опускать руки.

Ферзен принимал участие как в разработке тактики побега, так и в материальной его подготовке. От имени королевской семьи он сделал заем в два миллиона ливров, хотя на побег требовалось 15 миллионов. Ему приходилось отдавать свои деньги и деньги своей любовницы Элеоноры Сюлливан, точнее, ее покровителя Кроуфорда, но их все равно не хватало. Баронесса Корф также внесла свою лепту в финансирование побега. (Когда, наконец, брат решит предоставить Марии Антуанетте кредит, будет поздно.) Тем не менее за полгода до побега Ферзен заказал громоздкую берлину темного зеленого цвета, обитую изнутри золотистым шелком. В этом шестиместном экипаже с комфортом могли разместиться королевская семья и двое сопровождающих, ибо королева ни за что не хотела разлучаться ни с королем, ни с детьми. Берлина была заказана от имени русской баронессы Корф, вдовы, проживавшей вместе с матерью в Париже и собиравшейся отбыть на родину. В те времена в таких прочных тяжелых каретах ездили по Европе богатые русские путешественники и немецкие банкиры, так что на дороге она не должна была привлечь особого внимания. А вот во дворе дома Ферзена на улице Матиньон, куда ее доставили от каретника и где она простояла довольно долго, любопытных, являвшихся поглазеть на нее, оказалось хоть отбавляй. (И это в то время, когда все газеты писали, что король собирается бежать!) Так как дорога предстояла долгая, а рассчитывать на трактиры особенно не приходилось, в карете имелись ящики для запасов провизии и необходимых вещей, включая ночные горшки. Иного способа путешествовать королевская семья себе не представляла.

Та же баронесса Корф раздобыла для путешественников паспорт. Она действительно собиралась покинуть Париж и просила паспорт для себя и своей матушки, госпожи Штегельман. Через несколько дней она повторно обратилась к русскому послу Симолину, сообщив, что нечаянно бросила свой паспорт в печку вместе с ненужными бумагами, и просила выдать ей новый. Интересно, возникли ли у Монморена, к которому Симолин снова обратился за паспортом на имя баронессы Корф, подозрения, отчего русская баронесса столь рассеянна? Людовик своего министра иностранных дел в планы побега не посвящал. Говорят, паспорт на имя госпожи Корф получала Элеонора Сюлливан, которая и передала его Ферзену.

Встретить бежавшего из Парижа короля предстояло генералу-роялисту

маркизу де Буйе, на «скромность и рвение» которого полагалась Мария Антуанетта. Но так как генерал, по его словам, мог доверять только двадцати своим батальонам, а Мец уже заразился якобинскими настроениями и вдобавок находился далеко от границы (что могло задержать прибытие помощи), он предложил ехать в Монмеди, укрепленный городок на границе с империей Габсбургов. Туда вели две дороги: короткая — через Реймс и Стенэ и в обход — через Шалон, Сент-Менегу и Верден или Варенн. Желая сократить расстояние, планировали ехать через Реймс, но король решил, что его могут узнать, ибо во время коронации все население этого небольшого городка высыпало поглазеть на своего монарха. В Вердене муниципалитет и население поддерживали патриотов и якобинцев, в Варенн не было почтовой станции. Предпочли Варенн. В конце апреля король велел Буйе расставить солдат от Шалона до Монмеди. Буйе попросил разместить королевскую семью в двух легких английских дилижансах, а проводником взять надежного и знающего маркиза д'Агу. Еще он просил организовать движение австрийских войск со стороны Монмеди, дабы устранить подозрения о скоплении французских войск в этом направлении. Ферзен его просьбы поддержал. Король обещал взять с собой д'Агу, но ехать отдельно от королевы отказался. Вздыхнув, Буйе отправил офицера своего штаба Гогла проверить дорогу между Шалоном и Монмеди. Напряжение нарастало. Король никак не мог решиться назначить дату побега.

Пока король колебался, королева готовилась к отъезду — именно к отъезду, ибо ее приготовления несколько не походили на приготовления к бегству. Не желая чувствовать себя гонимой беглянкой в собственной стране, она хотела прибыть в Монмеди во всем блеске. Она заказала два походных несессера (второй — для отвода глаз) в форме корзины для пикника со всем необходимым для наведения красоты и один послала сестре Марии Кристине, правительнице Нидерландов. Ей же она отправила и несколько роскошных платьев — также якобы в подарок, полагая, что, когда она окажется на свободе, сестра с легкостью перешлет их ей в указанное место. Так как на новом месте ко двору, без сомнения, съедутся все верные подданные короля, королева упаковала и корону. Одежду дофина и Мадам Руаяль тоже отправили в Брюссель. Для путешествия всем заказали новые костюмы, а для дофина, которого намеревались переодеть девочкой, — хорошенькое платьице. Самую горячую дискуссию вызвал состав тех, кому предстояло ехать в Берлине. Сначала предполагали, что Мадам Елизавета бежит вместе с Провансом и его женой, иначе говоря, занимает место у них в карете. Но привычка никогда не разлучаться с

братом взяла свое, и вопреки разуму Елизавета настояла на своем праве занять место в карете короля. На оставшееся место Ферзен рассчитывал поместить графа д'Агу, но о своих правах заявила мадам де Турзель. Гувернантка давала слово не расставаться с дофином и нарушать его не намеревалась. Из уважения к обычаю королева поддержала ее; она еще раньше включила ее в состав отъезжающих в королевской карете; неожиданностью для нее стало настоятельное желание Елизаветы ехать вместе с ними.

Наконец король назначил дату отъезда — 19 июня. Гогла, занимавшийся дислокацией отрядов, которым предстояло встретить и сопровождать короля, сосредоточил в заранее оговоренных местах 12 иностранных батальонов, заменив ими патриотически настроенные силы, и подтянул к Монмеди обоз с шестнадцатью пушками. Более сорока гусар из Варенна под предлогом охраны казенных денег, которые якобы везут из Парижа для жалованья войскам, должны были отправиться в Пон-де-Сомвель, что между Шалоном и Сент-Менегу, чтобы сразу после Шалона король оказался под охраной верных ему солдат. Эскадрон гусар ждал короля в Варение, два эскадрона — в Клермоне. Ферзен, взявший на себя роль кучера кареты, в которой предстояло вывезти королевскую семью из Парижа, хотел лично сопровождать берлину до Монмеди, но этому воспротивился король. Одни полагают, что у него не вовремя разыгралась ревность, другие — он не хотел, чтобы его побег связывали с иностранцем, иначе говоря, что он состоял в заговоре с границей. Кучер, два конюших в качестве телохранителей, курьер и в арьергарде легкая коляска с двумя фрейлинами королевских детей. Верных слуг и придворных оповестили, что скоро их услуги не потребуются, точнее, потребуются, но несколько позже — словом, понятно, о чем шла речь, особенно когда весь Париж призывал к бдительности, а газеты предупреждали о готовящемся бегстве короля.

Неожиданно король перенес отъезд на 20-е, а затем на 21 июня — оказалось, что в спальне дофина должна была дежурить горничная, состоявшая в любовницах адъютанта Лафайета. 21 июня горничная сменялась, а на ее место заступала другая, преданная королевской семье. Предупредили Буйе и посвященного в план герцога де Шуазеля, племянника покойного министра, к которому со шкатулкой с бриллиантами королевы отправили «честного малого» — парикмахера Леонара. Шкатулку вместе с письмом Шуазелю вручила ему сама королева. Шуазель должен был выехать к Буйе за инструкциями, оставить у него шкатулку, дабы тот переправил ее в Брюссель, а потом, доставив в Варенн сменных лошадей

для королевского экипажа, возглавить отряд гусар, который будет ожидать его в условленном месте возле Пон-де-Сомвеля, дожидаться короля и проводить его до Сент-Менегу. На случай задержания короля и его семьи у Шуазеля имелся приказ собрать всех имевшихся в распоряжении людей и освободить короля.

21 июня в пять часов вечера королева, как обычно, отправилась с дочерью на прогулку, во время которой предупредила девочку, чтобы нынешней ночью она ничему не удивлялась, а главное, не шумела. Показавшись на людях, королева вернулась к себе и в последний раз перед дорогой переговорила с Ферзенем. Пока все шло по плану (впрочем, уже нарушенному чехардой с днями отъезда). Как обычно, в девять вечера королевская семья собралась к ужину. Прованс, предупрежденный о бегстве недель раньше, наконец узнал, куда направлялся брат. Сам он решил бежать в Бельгию; ехать он намеревался верхом в сопровождении одного лакея; за ним в легкой коляске с одной лишь придворной дамой отправлялась его жена. Прощаясь после ужина, братья нежно обнялись, и Людовик отправился к себе. Как всегда, в одиннадцать. Говорят, перед отходом ко сну он даже успел коротко побеседовать с Лафайетом. С некоторых пор, опасаясь бегства своего почетного узника, Лафайет старался каждый вечер навещать его. Бегство Прованса прошло гладко: и он, и его супруга, поодиночке, по фальшивым документам, беспрепятственно пересекли границу.

У королевской четы сразу все пошло вкривь и вкось. Со стороны могло показаться, что чем больше рвения и преданности проявляли организаторы побега, тем неудачнее все складывалось. В десять часов вечера королева разбудила детей, их одели, для пущей безопасности нарядив дофина девочкой, и королева по запутанным коридорам вывела их вместе с мадам де Турзель на задворки Тюильри, где их ждал экипаж с Ферзенем на козлах. Посадив Турзель с детьми в экипаж, королева вернулась во дворец, успев вместе с королем попрощаться с Месье и Мадам. Затем она отправилась к себе в спальню, где едва дождалась, когда горничные завершат ее ночной туалет. Едва за ними закрылась дверь, она снова надела платье, черную шляпу, скрывавшую лицо, и вышла в коридор. С великим страхом она за спиной часового незаметно проскользнула на лестницу. Вновь пройдя по лабиринту коридоров, вышла на улицу, где ее ждал Мальдан, один из трех гвардейцев, которым предстояло сопровождать королевскую чету. Мальдан плохо знал Париж, и они заблудились; чтобы добраться до угла площади Карузель, где их ожидала карета, им пришлось спрашивать дорогу у часового.

В отличие от королевы, Людовик, изменившийся до неузнаваемости благодаря парик и скромному костюму лакея, лучше всех разбирался в топографии Парижа и пришел к месту встречи, как и было условлено, ровно в полночь. Вскоре подошла Мадам Елизавета с сопровождающей ее дамой; когда принцесса садилась в карету, показался патруль во главе с Лафайетом. Но Ферзен так естественно сыграл кучера, ожидавшего припозднившихся хозяев, что ни Лафайет, ни следовавший за ним караул не заинтересовались одиноким экипажем. Королева опоздала минут на сорок. Вместо того чтобы ехать прямо, Ферзен начал петлять по улицам, но на вопрос короля, не заблудились ли они, ответил, что хочет проверить, нет ли за ними погони. В результате заставу Сен-Мартен они пересекли на два часа позже условленного времени и долго искали опередившую их берлину. Пока знатные путешественники размещались, начало светать. Место кучера занял доверенный человек Ферзена, а сам он вновь стал умолять позволить ему сопровождать карету до Монмеди. Но король поблагодарил его и велел ехать в Бельгию, дабы затем из-за границы прибыть в Монмеди. «Прощайте, мадам Корф!» — произнес Ферзен, глядя на королеву...

Эта прощальная фраза, скорее всего, приписана Акселю Ферзену — ведь под именем баронессы Корф значилась мадам де Турзель. Королева значилась под именем мадам Роше, гувернантки; король — под именем Дюрана, лакея, Елизавета — под именем Розали, служанки, а Мадам Руаяль и дофин превратились в Амели и Аглаю, дочерей мадам Корф. Сопровождающие путешественников гвардейцы переоделись слугами. До ближайшей почтовой станции путники ехали молча, не веря, что им удалось незаметно выбраться из хорошо охраняемого дворца. На побег из дворца ушли все силы, и теперь, когда Тюильри остался далеко позади, все расслабились; дофин спал на коленях у Турзель. Чем дальше берлина удалялась от Парижа, тем больше беглецам казалось, что они разыгрывают спектакль с переодеваниями, какие в свое время любили ставить в Трианоне. А в театре Марии Антуанетты все пьесы всегда оканчивались хорошо...

В Шалоне, по словам Мадам Руаяль, многие, узнав короля, желали ему доброго пути. Людовик перестал бояться, охотно высовывался из кареты и милостиво кивал своим подданным. И он, и королева почему-то полагали, что, в отличие от столицы, в провинции по-прежнему любят своего доброго короля. Беглецы даже позволили себе сделать несколько остановок, чтобы размять ноги. Спокойствие короля передалось королеве. Поэтому, когда почти с трехчасовым опозданием беглецы подъехали к условленному месту возле Пон-де-Сомвель и обнаружили, что их никто не ждет, настроение у

них не испортилось. Погода стояла хорошая, и они, не думая о дурном, отправились гулять, а потом устроили пикник, пока сопровождавшие их гвардейцы занимались мелким ремонтом кареты.

Тем временем продуманный план стремительно рушился. Не дождавшись короля, Шуазель решил, что ему не удалось выбраться из Тюильри, и не только увел гусар, но и выслал вперед Леонара, дабы тот предупредил в Сент-Менегу, Клермоне и Варение, что «казна сегодня не проедет». Поэтому посланный королем вперед курьер не встретился ни с одним из отрядов, которые столь старательно собирали для эскортирования короля. Утром в столице обнаружили, что король бежал, и к одиннадцати утра возле Тюильри собралась огромная толпа, выкрикивавшая угрозы в адрес беглецов. Видя, что ничего не происходит, толпа отправилась шататься по улицам, круша все, на чем были надписи с именем ненавистного короля. Отовсюду слышались требования провозгласить республику. Во все концы отправили гонцов, призывавших граждан к бдительности, дабы не дать королю бежать за границу. Воззванию, найденному в спальне его величества, никто не поверил; народ волновался и грозил королю, а главное — королеве.

Прождав до вечера, беглецы растерялись. Сопровождавшие короля гвардейцы были молоды и не привыкли командовать. Король никогда не отличался решительностью, а королеве было неудобно отдавать распоряжения в присутствии супруга. В конце концов решили ехать как запланировано — в надежде, что отряд встретится им по дороге. Карета покатила в Пон-де-Сомвель. Но ни там, ни дальше, в Сент-Менегу, они никого не встретили. Маленький Сомвель миновали быстро, однако в Сент-Менегу пришлось сделать остановку, чтобы сменить лошадей. К этому времени коммуны уже оповестили о бегстве короля, и ярые якобинцы пристально вглядывались в лица проезжающих. Заглянул в карету и почтовый служащий Друэ. Лицо человека, значившегося в бумагах как лакей мадам Корф, показалось ему знакомым. Вытащив из кармана ассигнацию (кажется, ту самую, которую он получил от короля в уплату за лошадей), он убедился: перед ним король и, судя по составу сидящих в карете, его семья. На всякий случай Друэ проследил за каретой до Клермона, где подслушал, что беглецы следуют в Варенн, и кратчайшей дорогой помчался в указанный городок.

В одиннадцать вечера измученные путешественники прибыли в Варенн. Кони выдохлись окончательно, но где взять смену, никто не знал: уверенные, что к этому времени у них появится целый полк провожатых, никто не поинтересовался названием трактира, где их ожидали сменные

лошади. Равно никто из них не знал, что Варенн поделен на две части рекой Эррой, и отряд Буйе-младшего разместился на другом берегу, в нижней части города, куда увели и лошадей, ибо Леонар заверил офицеров, что сегодня ждать больше нечего. Когда в верхней части города забил набат, Буйе-младший, поняв, что произошло нечто важное, на всякий случай послал курьера к отцу, стоявшему неподалеку вместе с Немецким полком. Но гонец плохо знал местность, перепутал поворот и уехал в Верден.

Не обнаружив ни трактира, ни подставы, король с королевой вышли на темную улицу и принялись стучать в дома и будить хозяев, в надежде прояснить положение, а провожатые метались в поисках сменных лошадей. Когда наконец договорились о лошадях, набежали вооруженные люди и потребовали документы. Не удовлетворившись паспортом «мадам Корф», они попросили беглецов выйти из кареты и подождать до окончательного выяснения их личностей. Мадам Сое, жена прокурора местной коммуны, предложила свое гостеприимство. Путешественники устали, дофин спал на руках мадам де Турзель. «Король устроился в самом темном углу комнаты. Королева и Мадам Елизавета сели рядом, постаравшись загородить его от нескромных взоров». Тем временем местный отряд Национальной гвардии выкатил на мост пушки, преградив путь отряду Буйе-младшего. Забил набат. Толпа вокруг дома Соса росла, из окрестных селений прибывали радикально настроенные национальные гвардейцы. Людовик перестал сопротивляться и обратился к толпе с речью, напоминавшей оставленный им в Париже манифест. Добрые подданные сочувствовали, но отпускать монарха не намеревались. Королева пыталась уговорить мадам Сое потихоньку отпустить их, но та отвечала, что это слишком рискованно и, как бы она ни любила короля, мужа она любит больше.

Среди ночи в Варенн прибыл Шуазель с шестью десятками драгун; пробившись к Людовику, он протянул ему саблю, умоляя отдать приказ освободить его силой. Король отказался, опасаясь, что в схватке ненароком может пострадать кто-нибудь из его семьи. Вскоре прибыл драгунский капитан Делон и тоже стал просить короля отдать приказ его солдатам разогнать толпу, окружившую дом. Людовик ответил, что, будучи пленником, не имеет права отдавать приказы. Делон заговорил с королевой по-немецки, но из толпы немедленно раздались выкрики: «Прекратите разговаривать на немецком!» Все переплелось в один запутанный клубок нелепостей: ненужного почтения, неуместной робости, непонятной глупости, ленивого нелюбопытства, привычного легкомыслия, устоявшихся привычек, неверно понятых слов, случайно выбранных людей... Королева наверняка могла настоять, чтобы Ферзен сопровождал карету на всем пути

ее следования. Зачем она отправила вперед Леонара, не отличившегося ничем, кроме умения сооружать фантастические пuffy? Неужели потому, что не захотела расставаться с личным парикмахером? Почему не велела до неузнаваемости загримировать короля, почему не уговорила его сидеть в углу кареты, надвинув шляпу на глаза? Почему операция, подготовка к которой длилась более полугода, столь бездарно провалилась? Возможно, свою роль сыграло отсутствие привычки к сосредоточенной работе, к доведению задуманного до конечной цели: с великим напряжением выбравшись из города, королева перестала думать о бегстве и поддалась чарам природы и прекрасного солнечного дня. Она привыкла, что ее замыслы всегда исполнялись, и, вырвавшись из плена угнетавшего ее Парижа, вновь почувствовала себя полновластной королевой...

К утру на взмыленных конях из Парижа примчались комиссары Ромеф и Байон: они доставили декрет об аресте короля и о препровождении его в столицу. «Во Франции нет больше короля», — прошептал Людовик XVI. Увидев, как кто-то положил декрет на край кровати, где спал дофин, королева в порыве гнева схватила его и швырнула на пол. «Я не хочу, чтобы он порочил светлое имя моих детей!» — воскликнула она. После прибытия парижан толпа стала еще гуще, еще шумнее, то и дело раздавались выкрики: «В Париж!», «В Париж!» Последняя надежда королевской четы — генерал Буйе, к которому ночью отправили курьера, мог появиться с минуты на минуту. Стремясь оттянуть время, король попросил поесть, Мадам Елизавета притворилась, что у нее обморок, королева пожаловалась на мигрень. Не помогло ничего. В семь часов тридцать минут король в сопровождении королевы, сестры и детей, за которыми следовали мадам де Турзель и фрейлины, вышел из дома и сел в карету. Вокруг ярилась толпа; национальные гвардейцы оттесняли людей, хотевших то ли прикоснуться к своему королю, то ли ударить его, порвать рукав... Генерал Буйе и его Немецкий полк прибыли через полтора часа после отъезда короля. Один из офицеров, стоявший в толпе, вспоминал: «Карета проехала мимо меня; она двигалась так медленно, что я явственно видел, как королева ответила на мое немое приветствие. Король кивнул мне, и в этом движении выразилась его великая скорбь и угнетенное состояние. Но королева страдала еще больше <...> Никогда в жизни я не испытывал такой жалости...»

*

Поездка из Парижа в Варенн на крыльях надежды заняла 22 часа.

Отчаяние влекло королевскую семью из Варенна в Париж четверо суток. От одной деревни до другой берлина буквально прокладывала дорогу среди толпы воинственно настроенных санкюлотов, потрясавших вилами, пиками, серпами и дубинами, выкрикивающих грязные ругательства в адрес короля и королевы. Возле Сент-Менегу озверелая толпа на глазах у монархов растерзала графа де Дампьера, старца преклонных лет, снявшего шляпу перед поверженным величием. По воспоминаниям одного из гвардейцев, охранявших берлину, санкюлоты «догнали карету и с криками “Да здравствует нация!” окружили ее, сжимая в руках свои трофеи: куски щёк, руки, ноги, бедра и кишки несчастного дворянина...».

В Реймсе, где некогда его принимали с таким восторгом, король надеялся найти поддержку у горожан, но королевскую карету встретили бранью и улюлюканьем. В Эпернэ Марию Антуанетту пытались застрелить из ружья. Когда один из сопровождавших карету гвардейцев пожаловался на голод и королева предложила ему поесть, со всех сторон закричали, что она хочет его отравить. Возмущенный король схватил кусок, прожевал, а потом дал попробовать детям. Гвардейцы смягчились. В Шалоне, в доме, где их величества остановились на ночлег, королю предложили бежать, воспользовавшись потайной лестницей, но в одиночку он бежать отказался. Возле Шен-Фандю берлина поравнялась с каретой депутатов, присланных из Парижа сопровождать королевскую семью и, если потребуется, защищать от излишне рьяных санкюлотов. Двое — Барнав и Петион — тотчас сели в королевскую берлину, а маркиз де Латур-Мобур поехал вместе с фрейлинами. В берлине стало очень тесно, и королеве пришлось взять дофина на руки. Погода стояла жаркая, карета ехала медленно, окна гвардейцы открывать не разрешали, и внутри стояли духота и удушливый запах немытых тел. Лица у всех покрылись слоем пыли. Но депутатов ничто не смущало. Как рассказывает мадам де Турзель, по дороге они вели разговор с Мадам Елизаветой, и та, обращаясь к Барнаву, разумно и достойно объясняла причины, побудившие короля покинуть Париж. «Вы слишком умны, господин Барнав, — говорила она, — чтобы не оценить любовь короля к французскому народу и его искреннее желание сделать его счастливым. Чрезмерная любовь к свободе ввела вас в заблуждение, вы подсчитали только ее преимущества, не подумав о тех разрушениях, что ее сопровождают». «Всю дорогу Барнав был молчалив и почтителен, — писала Турзель. — Петион же, болтливый и невоспитанный, часто хотел пить и бесцеремонно требовал утолить его жажду».

Хотя королева в основном молчала, за время дороги она произвела на Барнава неизгладимое впечатление; как священную реликвию, он до самой

смерти хранил клочок от ее платья. Петион попытался вызнать у королевы имя ее сообщника, шведа, который помог им выбраться из Парижа. «У меня нет привычки спрашивать имя кучера, который меня везет», — ответила она. Когда приходилось перекусывать, не выходя из кареты, король разливал вино, дамы разрезали мясо, королева раздавала тарелки — все как в обычных семьях. Простота и сердечность в отношениях между членами королевской семьи произвели на Петиона самое благоприятное впечатление.

На подъезде к Парижу королевскую карету встречала огромная толпа горожан. Здесь толпы можно было не бояться. На этот раз Лафайет позаботился о безопасности королевского семейства и по обеим сторонам дороги выстроил плотный кордон национальных гвардейцев. Под грозное молчание толпы карета проследовала в Тюильри. Исполняя повеление Лафайета, никто не снимал головных уборов. А те, кто их не носил, напротив, прикрыли головы чем могли. Повсюду висел приказ: «Того, кто будет аплодировать королю, ждет наказание. Того, кто его оскорбит, ждет смерть». К восьми часам вечера карета подкатила к воротам дворца. Измученные, усталые, покрытые дорожной пылью беглецы проследовали в комнату короля. Мадам де Турзель, двух фрейлин и трех гвардейцев отправили в тюрьму, дабы толпа под горячую руку не разорвала их на части. (Потом их оправдают, и они покинут Францию, а мадам де Турзель вернется на свой пост гувернантки детей Франции.) Отвечая на вопросы депутатов Собрания, королева величественным презрением воздавала за нанесенные ей обиды. Унижение могло ее убить, но не победить. «Королева обладала сердцем героя, король — душой мудреца, но обоим недоставало гения, который бы соединил мудрость с храбростью. Одна умела сражаться, другой умел подчиняться; но ни один не умел царствовать», — писал Ламартин.

*

Европейских монархов, уверенных в успехе предприятия, известия из Парижа крайне разочаровали. 21 июня Густав III, находившийся в Спа, даже отправился гулять к городским воротам, надеясь первым встретить кареты беглецов. Провал побега стал для него полнейшей неожиданностью. Екатерина II, полагавшая, что в лице Симолина Россия была причастна к побегу, писала: «Думаю, что самой большой трудностью, с которой король столкнулся во время бегства, был он сам, и мне сие крайне досадно;

королева, зная все про своего мужа, не расстается с ним, и она права, но это еще одна причина, отчего побег не удался». С французских эмигрантов, коих в России прибывало все больше, Екатерина стала брать клятву верности королю и монархии, а тех, кто не клялся, выставляла вон. «Сидя в тюрьме, король поступает очень дурно; самым фактом своего пребывания в тюрьме он совершает преступление, ибо тюрьма не место для королей», — писала императрица.

Ферзен с письмами короля и королевы добрался до Брюсселя; новость о провале предприятия повергла его в отчаяние. Маркизу де Буйе пришлось покинуть страну. Возможно, потому, что именно он собирался с помощью иностранных полков защищать монархию, его имя попало в строки Марсельезы: «Буйе сообщники прямые, они не люди — тигры злые, что рвут грудь матери своей...» Говорят, Прованс, узнав о злоключениях брата, не проронил ни слезинки. Людовик, оправдывавший своей побег, под напором обвинений Лафайета согласился признать, что, видимо, французы действительно не согласны с его мнением. В дневнике короля неудавшийся побег описан следующим образом: «Понедельник 20. Ничего. Вторник 21. Отъезд в полночь из Парижа. В одиннадцать часов вечера прибытие в Варенн и арест. Среда 22. Отъезд из Варенна в пять или шесть часов утра. Завтрак в Сент-Менегу. В шесть часов прибытие в Шалон, там ужин и сон в бывшем Интендантстве. Четверг 23. В половине двенадцатого прервали мессу, чтобы ускорить отъезд. Завтрак в Шалоне. Обед в Эпернэ. Возле Порт-а-Бренсон встреча с комиссарами Собрания. В одиннадцать часов прибытие в Дорман, там ужин. Три часа спал в кресле. Пятница 24. Отъезд из Дормана в половине восьмого. Обед в Фертесу-Жуар. В десять часов прибытие в Мо. Ужин и сон в резиденции епископа. Прибытие в Париж в восемь часов, ехали без остановки».

Если раньше королевская семья ощущала себя в Тюильри несвободной, теперь дворец превратился в настоящую тюрьму. Часовые стояли везде — в саду, на этажах, возле комнат. Отменили свободный вход и выход. Каждого посетителя тщательно проверяли. Увеличили количество замков. При переходе из комнаты в комнату взрослых членов королевской семьи сопровождали караульные, они же присутствовали при всех разговорах. Однако Собрание довольно быстро «помирилось» с королем, чему немало способствовал Барнав, представив дело как «похищение короля роялистом Буйе». Составили оправдательное письмо (его тоже считали делом рук Барнава), в котором говорилось: «Король, введенный в заблуждение преступными внушениями, отдалился от Национального собрания. Сохраним же спокойствие. Национальное собрание — наш

вождь, конституция — наш лозунг». Но этот документ скорее отражал политическую борьбу в парламенте: сторонники конституции, работа над которой подходила к концу, хотели, чтобы под ней стояла подпись короля — в надежде, что тогда ее признают за границей. В выпущенной за границей прокламации Буйе бегство Людовика также представили как похищение. Народ в похищение не верил; левые радикальные газеты называли бегство короля бунтом против народа. В Якобинском клубе подняли вопрос о низложении монарха. Герцог Орлеанский разъезжал по Парижу в открытой коляске, а его сторонники потихоньку агитировали депутатов за установление регентства. Впрочем, идея успеха не имела, и Орлеан сменил тактику: он торжественно отрекся от регентства и вступил в Якобинский клуб.

В страшный вечер 25 июня у Марии Антуанетты хватило сил продиктовать письмо к мадам Кампан: «Пишу вам из ванны, где пытаюсь восстановить силы и облегчить страдания физические. Про состояние души сказать ничего не могу, мы живы, а это главное. Прошу вас, не возвращайтесь, пока я не напишу вам». За четыре дня скорбного пути королева сильно изменилась. Когда мадам де Кампан вновь увидела ее, она ужаснулась: волосы Марии Антуанетты «стали совсем седыми, словно у шестидесятилетней женщины». «Вы можете быть спокойны: мы живы. Те, кто стоят во главе Собрания, кажется, не намерены обойтись с нами слишком сурово. Поговорите с моими родственниками о возможном вмешательстве извне; если они боятся, надо их убедить», — писала королева Ферзену 28 июня. Теперь ей приходилось писать по ночам, применяя шифры, которые время от времени надо было менять; она использовала симпатические чернила или лимонный сок, с большой осторожностью выбирала курьеров и зашивала письма в подкладку их одежды или прятала в коробках с печеньем, пересылаемых в качестве подарков. От слез и ночных бдений глаза у нее опухли, покраснели и постоянно слезились. «Мне никогда не приходилось этим заниматься», — жаловалась она Ферзену на тяжкий труд шифровальщицы. В письмах, отправленных после возвращения из Варенна, звучал единственный мотив: мы живы, значит, еще не все потеряно. Она перестала задумываться, как можно восстановить монархию во Франции. Это уже не имело значения. Единственной и главной задачей для нее стало спасение жизни — своей, детей, короля. Но спастись можно было только с помощью извне, тем более что люди, которым она полностью доверяла, то есть Ферзен и Мерси, находились за границей.

После неудачного побега король начал поддерживать жену в ее

упованиях на за границу. Когда к нему пришли депутаты, он выразил свою приверженность конституции и народу, иначе говоря, революции. Видимо, он лукавил, ибо через несколько дней отправил императору Леопольду II письмо, в котором «извещал Европу о своем пленении, и рассказывал шурина-императору о своих невзгодах в надежде, что тот примет меры, которые подскажет ему сердце, и придет на помощь ему и Французскому королевству». Тем временем королева писала Ферзену: «Я жива... я так беспокоилась за вас, так переживала, зная, что вы страдаете, не имея от нас известий! Надеюсь, Небо позволит этому письму попасть к вам. Не пишите мне пока, чтобы не подвергать нас опасности, а главное, не возвращайтесь ни под каким предлогом. Здесь знают, что это вы помогли нам покинуть Париж; если вы приедете, все пропало. Нас караулят днем и ночью, но мне все равно... Будьте спокойны, со мной ничего не случится. Собрание обходится с нами мягко... Сейчас больше писать не могу...» Прежде королева окружала себя друзьями, теперь она запрещала им приезжать к ней. «Не возвращайтесь, пока здесь все не уладится. <...> Повторяю, не возвращайтесь, дорогая Ламбаль, я буду слишком сильно волноваться за вас», — писала она принцессе де Ламбаль, отправляя ей кольцо с вплетенной в него седой прядью своих волос.

Все лето королевская семья провела, затворившись во дворце, стараясь не выходить даже во двор, ибо там размещались караулы. Даже маленький Луи Шарль не просился гулять. Если королева шла к дофину, ее сопровождал офицер охраны, он же сидел рядом, пока королева занималась с сыном. Когда ее величество поднималась по лестнице, караульный внизу кричал: «Королева идет!» — дабы Мария Антуанетта ни на минуту не оставалась одна. Некоторое время после возвращения офицеры дежурили даже в спальне королевы. Потом Лафайет ослабил надзор, и ночной караульный стал располагаться не в спальне королевы, а в ее апартаментах, однако дверь в спальню все равно предписывалось держать открытой. Храня достоинство, измученная королева училась не замечать постоянно направленных на нее враждебных взоров. Ее даже не обрадовало, когда ей сообщили, что звезда Лафайета стала меркнуть. Общество охватило республиканские настроения. После побега солдаты все меньше доверяли офицерам из «бывших». В Париже прошел слух, что Лафайет способствовал побегу короля, и на выборах мэра его кандидатура с треском провалилась.

Революционные силы составили петицию с требованием низложить короля и для подписания собрались вместе со своими сторонниками на Марсовом поле. В связи с указом о нарушителях общественного порядка

Лафайет велел собравшимся разойтись и, согласно законам военного времени, выкинул красный флаг. Собравшиеся не подчинились и, как пишут, даже стали швырять в гвардейцев камни и палки. Лафайет приказал открыть огонь. В результате — 50 погибших и не менее сотни раненых. Назревал решительный раскол между конституционалистами и республиканцами. Сторонники монархической конституции вышли из Якобинского клуба и образовали клуб Фельянов. Тучи над узниками Тюильри сгущались. На все вопросы о побеге, которые ей еще долго задавали депутаты, Мария Антуанетта отвечала: «Если король с детьми пожелал уехать, я не могла сделать ничего иного, кроме как сопровождать их. В течение двух последних лет я не раз доказывала, что ни за что не расстанусь с семьей. И в этот раз я охотно последовала за королем, ибо была уверена, что он не намерен покидать пределов королевства. А если бы он так решил, я бы сделала все, чтобы отговорить его от сего намерения».

Пока верх одерживали конституционалисты, полагавшие, что наличие при конституции короля пойдет им на пользу: искупая свой опрометчивый поступок, король постарается вернуть во Францию своих родственников и убедить союзные Франции державы признать конституцию. «Сегодня обстоятельства оставляют место для надежды. Люди, обладающие большим влиянием, собрались и открыто высказались за сохранение монархии и короля, за восстановление порядка. <...> Власть Собрания распространяется на всю страну, и оно намеревается использовать ее для восстановления законов и завершения революции... Естественное завершение... избавит нас от дальнейших несчастий», — писала в июле Мария Антуанетта Мерси. Чтобы подтолкнуть к действиям императора, Ферзен отправился в Вену. В письме Леопольду II Мерси подтверждал положение Ферзена как доверенного лица французских монархов. Мария Антуанетта полагала необходимым собрать конгресс европейских государей, чтобы обсудить, каким способом можно восстановить порядок и королевскую власть во Франции. «Эти переговоры должны быть подкреплены солидными военными приготовлениями, однако войскам следует лишь издали пригрозить французской демократии, дабы не спровоцировать преступления и смертоубийства», — писала королева Мерси. Ферзену она также напоминала, что и она, и король надеются на переговоры и устрашение: «Король считает, что оказать помощь ему и его королевству означает начать переговоры; демонстрация силы должна быть явлена во вторую очередь и только в том случае, если переговоры не будут иметь успеха». Полномочия на ведение переговоров от имени Людовика XVI получил и граф Прованский, успешно добравшийся до Брюсселя. В

письме к нему Людовик лично подчеркивал, что на первом месте должны стоять переговоры, а уже потом применение силы.

Собрание повело наступление на эмигрантов. 1 августа 1791 года оно издало декрет, предупреждавший, что всех эмигрантов, не возвратившихся в месячный срок на родину, обложат налогом втрое большим, чем остальных граждан. Королева, памятуя о том, с какой деликатностью — особенно по сравнению с Петионом — вел себя Барнав, решила, что в лице его нашла нового Мирабо. Как пишет Кампан, королева говорила: «...если когда-нибудь власть снова окажется в наших руках, прощение Барнаву уже записано в наших сердцах». Барнав имел немалый вес в Собрании: он принадлежал к так называемому либеральному «триумвиату», включавшему еще Ламета и Дюпора. «Пораженная благородством характера и искренностью, проявленной в те два дня, которые мы про вели вместе, я хотела бы спросить у него, что нам делать в создавшейся ситуации. <...> Он может рассчитывать на мою скромность и сохранение тайны. <...> Невозможно пребывать в бездействии; совершенно ясно, что надо что-то делать, но что? Я не знаю, а потому хочу спросить у него», — писала королева шевалье де Жаржею, другу Барнава и мужу одной из своих придворных дам. Мерси не одобрял кандидатуры Барнава на роль спасителя монархии. «Хотя королева, похоже, поверила в искренность намерений Ламета и Барнава, они всегда были негодяями, и вдобавок очень опасными, ибо первый наделен многими талантами, а второй обладает виртуозным красноречием, кое он обычно употреблял под руководством своего друга Дюпора, самого закоренелого противника королевской власти в Собрании», — писал он Кауницу. Впоследствии многие указывали Мерси на ошибку, ибо после Варенна «триумвират» стал активно поддерживать трон, не требуя — в отличие от Мирабо — вознаграждения.

Королева вступила в переписку с Барнавом и Ламетом. «Эти двое — единственные, с кем можно вести переговоры», — утверждала она. И одновременно тормозила брата с вводом войск: «Только от императора зависит положить конец смуте, именуемой французской революцией. Примирие невозможно. Сила с оружием в руках все разрушила, значит, только сила с оружием в руках сможет все восстановить». Но, пожалуй, лучше всего ее безрадостное настроение отразилось в письме Мерси: «Мы не можем доверять никому, ни внутри страны, ни за ее пределами. Злые делают свое дело, сиречь творят зло; у честных людей так мало мужества, выдержки и единомыслия, что зачастую они более опасны, чем злые».

В августе на берегу Эльбы в Пильницком замке состоялась встреча Леопольда II и прусского короля Фридриха Вильгельма II; результатом ее стала так называемая Пильницкая декларация, в которой оба государя, «вняв желаниям и представлениям старшего из братьев французского короля и графа д'Артуа», договаривались совместно принять меры, дабы помочь королю Франции «свободно установить основы монархического правления», а также призывали европейских государей поддержать их намерения. Но действовать никто не спешил. Как полагал Мерси, ситуация была настолько сложна, что император предпочел подождать, чем она разрешится. Граф д'Артуа, который, по словам Ферзена, «не желает идти на переговоры, а мечтает только о силовом вмешательстве, невзирая на опасности такового», остался недоволен, равно как и бывший министр финансов Калонн, представлявший Артуа при иностранных дворах.

Декларация вызвала огромное возмущение во Франции; большинство было уверено, что Людовик вступил в сговор с границей. «Здесь говорят, что согласно договору, подписанному в Пильнице, обе державы (Австрия и Пруссия. — *Е. М.*) обязались не допустить принятия французской конституции. Разумеется, есть пункты, по которым державы имеют право выдвигать свои возражения, но что касается внутреннего законодательства, то каждая страна вправе устанавливать такие законы, какие ей подходят», — оправдывая Людовика, писала королева Мерси. Королю пришлось обратиться к братьям с призывом вернуться на родину; те ответили отказом, причем в довольно резкой форме, не задумываясь, насколько это может повредить королю. Впрочем, они давно уже просчитывали, как им освободить Францию не только от власти революционеров, но и от короля Людовика. «Примечательно, что народ не вмешивается в дискуссии о конституции, продолжая заниматься своими делами; тем не менее он хочет конституции и не хочет аристократов. <...> Месье вот-вот будет признан регентом, а граф д'Артуа его генеральным наместником. Такое назначение столь безумно и абсурдно, что мысль о нем могла зародиться только во французской голове. <...> Работа над конституцией завершена... скоро ее принесут королю. <...> Что же касается ее принятия, то любой мыслящий человек не может не понимать, что мы здесь не свободны. Сейчас главное для нас — чтобы окружающие нас чудовища ни в чем нас не заподозрили. Сообщите мне, где дислоцированы войска и каковы намерения императора. Нас могут спасти только иностранные державы. Армия развалилась; денег

нет; теперь ничто не сможет удержать вооруженную чернь. Когда руководители революции начинают призывать к порядку, их перестают слушать. <...> Как видите, в этом письме я излила вам всю душу. Вы знаете, с кем мне приходится иметь дело. В ту минуту, когда все уверены, что наконец убедили его, одно слово, один довод, и он меняет свое мнение», — видя в бывшем посланнике надежную опору, писала королева Мерси. Ибо король по-прежнему страдал нерешительностью.

В Париже поддержкой королеве в те дни стал Барнав: он уговаривал ее сделать все возможное, чтобы убедить народ, что она и король добровольно принимают конституцию. Ибо тогда народ забудет о их бегстве и снова полюбит своих монархов. Был ли Барнав искренен, зная, какую разнузданную памфлетную кампанию открыли против королевы после неудачного побега? Возможно, он просто хотел приободрить ее величество, находившуюся практически в изоляции. «Я никого не вижу, последние новости узнаю только из газет, но на их основании я не могу составить правильного мнения», — писала королева Барнаву. Надо полагать, газету Эбера «Папаша Дюшен», которая в грубых площадных выражениях яростно обрушивалась на Марию Антуанетту, ей не доставляли.

Наконец 4 сентября текст конституции, утвержденной Национальным собранием, вручили королю, предоставив ему десять дней на ознакомление. В этот же день из дворца убрали охрану, королева получила право закрываться у себя в комнате, а сад Тюильри открыли для прогулок. Понимая, что конституцию принимать придется, королева заранее оправдывалась перед братом, а в его лице и перед остальными монархами Европы и призывала брата поторопиться с введением войск, ибо сия мера «становится особенно необходимой, потому что королю придется принимать конституцию; иначе он поступить не может, ибо племя тигров, что поглотило королевство, объявит его преступником; французы же, находящиеся за границей, наверняка заподозрят нас в сговоре с тиграми». Братья действительно прислали Людовику длинное письмо, в котором уговаривали его отвергнуть конституцию, а дабы укрепить его уверенность в помощи извне, приложили копию декларации, подписанной в Пильнице.

Желая вернуть королю доверие народа, Барнав набросал для Людовика текст выступления в Собрании в день принесения присяги конституции. Он был уверен, что королева сможет повлиять на супруга. Но Мария Антуанетта, уверенная в обратном, написала ему, что, скорее всего, король ознакомится с его речью и речью Монморена и на их основе составит собственную. Она была права: король сам составил свою коротенькую речь и 14 сентября торжественно поклялся в верности конституции. С

абсолютной монархией было покончено. Монархия оставалась наследной, но отныне властью короля Франции наделяла нация. Как и в день коронации, королева сидела наверху в ложе и со слезами на глазах наблюдала за церемонией. «Боже мой, почему мне предназначено жить в такое время и в окружении этих людей! Но не думайте, что мужество меня покинуло. Не ради себя, ради сына я выдержу, пройду до конца свой долгий и тернистый путь», — писала она Мерси.

Депутаты Собрания овациями приветствовали обещание Людовика XVI блюсти конституцию и под звуки военного оркестра проводили его до Тюильри. 18 сентября в честь принятия конституции в Париже устроили народные гулянья. В небо взмыл аэростат с эмблемой конституции. Король и его семья в открытой карете ездили по Елисейским Полям и старались улыбаться как можно радостнее. Однако, как заметила мадам де Сталь, «за любезной улыбкой королевы таилась глубокая грусть». Вечером в городе зажглась иллюминация, был устроен фейерверк. Раздавались крики «Да здравствует король!», а иногда и «Да здравствует королева!». Но, как пишет Кампан, при каждой здравнице высоченный субъект, то ли фанатик, то ли наемник, весь вечер следовавший за королевским экипажем, громогласно выкрикивал: «Нет, не верьте этому: да здравствует нация!» «Как грустно, что вся эта красота оставляет в нашем сердце лишь чувство беспокойства и печали», — глядя на расцвеченный огнями Париж, вздыхала Мария Антуанетта.

Братья короля и присоединившиеся к ним принцы крови — Конде, герцог де Бурбон и герцог Энгиенский — заявили протест, утверждая, что короля заставили подписать конституцию, а значит, подпись его недействительна. В пространном письме Людовик объяснял братьям, почему он пошел на такой шаг: «...я знаю, мое поведение легко подвергнуть порицанию, особенно когда находишься далеко и не можешь правильно оценить мои доводы. Но когда, подобно мне, ты действуешь в убеждении, что действия твои произведены на благо общества, тебе не в чем себя упрекнуть». Похожее, только более короткое письмо было отправлено Леопольду II: «Я решил принять конституцию, потому что рассматриваю ее как волеизъявление большинства народа». Насколько Людовик был искренен, утверждая, что добровольно поставил свою подпись, сказать сложно. Скорее всего, он плыл по течению в надежде, что оно вынесет его и его семью к какому-нибудь спасительному берегу. Оставшись фактически без советников, Людовик, как человек книжный, стал искать ответы у Юма. «Он постоянно вспоминал историю Карла I, надеясь избежать его участи путем поведения прямо противоположного, и

там, где Карл являл рвение и упорство, он проявлял снисходительность и уступчивость», — считал Мерси.

В своем кругу королева открыто не поддерживала принятую конституцию, но ради спасения семьи была готова ее терпеть. «После подписания королем конституции положение наше изменилось; отказаться от подписания было бы более благородно, но в наших обстоятельствах невозможно. <...> Однако даже с учетом Пильницкой декларации я не вижу, чтобы помощь из-за границы торопилась прийти к нам. Возможно, это и хорошо, ибо чем дальше, тем больше бед обрушится на этих оборванцев; быть может, они сами захотят вмешательства иностранцев», — писала она в сентябре Ферзену. Королева была уверена в нежизнеспособности новых законов, полагая, что как только они начнут работать, «государство развалится само собой». «...Уверена, конгресс всех держав, заинтересованных в сохранении французской монархии... является единственным способом помочь нам. <...> Надо только, чтобы эмигранты держались на заднем плане и собирали имеющиеся у них силы в одном месте, чтобы воспользоваться ими, если настанет *крайний случай*», — писала она Мерси.

Но конгресс, за который ратовала королева, не собрался. А братья короля вместе с принцами королевской крови обосновались в Трирском курфюршестве, точнее в городке Кобленц, что неподалеку от Кёльна, и устроили там настоящий двор в миниатюре — с королевской стражей (что привело в ярость Людовика XVI), с интригами, амурами, танцами, азартными играми и борьбой честолюбий и амбиций. Теперь королева боялась, что нетерпеливые принцы выступят во главе армии против Франции, а это означало, что королю придется объявлять им войну. Этого она допустить не могла, а потому продолжала писать, строить планы, снова писать... «У меня нет ни минутки для себя, все время уходит на встречи с нужными людьми, написание писем и занятия с детьми. Дети являются единственной моей отрадой... когда мне очень грустно, я беру малыша на колени, обнимаю его, целую, и его любовь дарует мне утешение», — сообщала она Ферзену.

Переписка с Барнавом подошла к концу: они перестали быть нужными друг другу. В последнем письме Барнав в качестве вознаграждения за свои труды попросил дозволения поцеловать руку королевы, подтверждая тем самым вывод, сделанный Мерси через три года после начала революции: «Очень многие заблуждались относительно продажности патриотов; на самом деле большинство из них были скорее честолюбцами и фанатиками, нежели корыстолюбцами». Как пишет Кампан, королева, заливаясь

слезами, отказала Барнаву в испрошенной милости. Ходил слух, что у нее с Барнавом был роман, но в это верится с трудом. Хотя природное обаяние Марии Антуанетты по-прежнему заставляло восхищаться ею как мужчин, так и женщин, выглядела она значительно старше своих лет: поседела, похудела, постоянно чувствовала себя усталой — сказывалась ночная работа над письмами.

«Нам очень важно знать, насколько далеко простираются обязательства императора и других держав по отношению к братьям короля», — взволнованно спрашивала Мария Антуанетта Мерси. «Французы отвратительны по обе стороны границы; следует быть очень осторожными, ибо, если придется жить с теми, кто по эту сторону, надо поступать так, чтобы им не в чем было нас упрекнуть; но если те, кто по ту сторону, вновь станут господами, надо бы им тоже понравиться...» — писала она Ферзену Французские советчики в ее окружении не задерживались. Обрушиваясь на французов, она снова и снова возвращалась в своих воспоминаниях в Вену, к матери, и сознание того, что в жилах ее сына течет несколько капель крови Марии Терезии, придавало ей энергии. Королеву лихорадило; план, придуманный ею, был утопичен. Она хотела организовать вооруженную коалицию европейских монархов, которая пригрозит французам, те испугаются и в полной мере восстановят власть короля. Но ружье, как известно, всегда стреляет, тем более когда ружьем много... Объединить европейские державы, разобщенные разностью интересов и ревниво следившие друг за другом, оказалось делом крайне не простым.

Учредительное собрание закрылось 30 сентября, передав эстафету Законодательному собранию. Выступивший на закрытии король объявил об окончании революции. Такое заявление отвечало желанию короля и фельянов, но никак не народа. Даже романтически влюбленный в королеву Барнав мягко упрекнул королевское семейство в двоедушии. На что Мария Антуанетта ответила, что у нее есть только одна цель: «Счастье короля и его народа». В Законодательном собрании, в котором она видела «сборище негодяев, безумцев и животных», влияние фельянов значительно ослабело. В королевской семье начались раздоры. «У нас царит настоящий ад; ничего нельзя сказать, даже с самыми лучшими намерениями. Моя сестра очень раздражительна, ее окружают интриганы, а главное, она находится под влиянием братьев, пребывающих за границей, так что нет никакой возможности поговорить с ней, чтобы не рассориться на целый день», — писала Мария Антуанетта Ферзену Сестра, то есть Мадам Елизавета, активно симпатизировавшая эмиграции, делала слабые попытки примирить

Тюильри и Кобленц, но безуспешно. По словам современников, после бегства в Варенн эмиграция вошла в моду: бежали массово, и не только те, кому грозили преследования. «Тех, кто доверял нам, мы уговорили не уезжать. <...> Но что вы хотите? Стало хорошим тоном не исполнять нашу волю, говорить, что мы не свободны (что действительно правда), а следовательно, не можем говорить, что думаем, а потому поступать надобно наоборот», — писала королева Ферзену. И она, и Людовик были уверены: если эмигранты вторгнутся «не располагая превосходящими силами, они погубят и Францию, и короля». К Собранию она потеряла интерес: по ее словам, оно занималось «только причинами дороговизны хлеба и изданием декретов». Одним из таких декретов стал закон об эмигрантах. Призывы, исходившие из Кобленца, угрозы со стороны братьев короля и принцев не могли не волновать членов новоизбранного собрания, куда вошло много новых ярких ораторов из разночинцев. Молодые пылкие республиканцы в речах своих нападали на державы, поддерживавшие эмигрантов, и призывали объявить им войну ради безопасности Франции. Вскоре они объединились во фракцию, которая получила название жирондистов, так как большинство ее составляли уроженцы департамента Жиронда.

После жарких дискуссий 9 ноября приняли закон об эмигрантах, согласно которому французы, не вернувшиеся во Францию до 1 января 1792 года, объявлялись врагами отечества и подвергались наказанию, а имущество их — конфискации. Людовик XVI наложил на этот закон вето, и его немедленно объявили пособником эмигрантов, хотя его, скорее, можно было назвать пособником королевы. Но королева (как и Людовик, желавший, чтобы «эмигранты перестали внушать беспокойство») не жаловала эмиграцию. «Необходимо убедить эмигрантов, чтобы... они прекратили создавать нам неприятности. Понятно, что, не имея поддержки, они начинают бесноваться», — писала она Ферзену. Уверенная, что братья сознательно компрометируют Людовика, чтобы тем или иным образом занять его место, Мария Антуанетта ждала спасения только от брата или европейской коалиции. «Я по-прежнему настаиваю, что конгресс, о котором я уже писала, должен состояться. Только он сможет заставить принцев и эмиграцию воздержаться от глупостей... мы не хотим и не можем поддерживать конституцию, ставшую несчастьем и погибелью всей Франции; мы мечтаем вернуться к привычному порядку вещей, однако силами французов его восстановить невозможно», — писала королева Мерси.

Ферзен был озабочен муссированием парижскими газетами темы о

возможном бегстве короля. План такой действительно имелся; автор его, Густав III (уповая на поддержку императрицы Екатерины и полагая, что, завершив войну с турками, она уделит больше средств на восстановление порядка во Франции), хотел высадиться в Нормандии, куда, согласно его замыслу, следовало бежать королевской семье. Ни Екатерина II, ни Густав III не любили Марию Антуанетту и предпочитали иметь дело с принцами, нежели с королем и королевой, считая, что «не важно, кто будет на престоле — Людовик XVI, Людовик XVII или Карл X, лишь бы чудовище было уничтожено». Шведский король и преданный рыцарь королевы Ферзен рвались в бой. «Я прекрасно понимаю весь ужас вашего положения, но без иностранной помощи оно никогда не изменится», — писал граф Марии Антуанетте. Император же, напротив, сохранял спокойствие. «У меня сестра во Франции, но разве Франция моя сестра?» — говорил он. Леопольд направил сестре секретную записку, в которой с немецкой педантичностью рассматривал все «за» и «против» установившегося во Франции режима и возможные результаты и последствия введения иностранных войск; суть записки сводилась к тому, что принятие конституции является превосходным предлогом не начинать войну с Францией. Впрочем, аристократам-эмигрантам он тоже не считал нужным помогать. «О чем бы ни попросили вас эти французы, не делайте ничего, — писал он сестре Марии Кристине, правительнице Нидерландов, — только вежливость и обеды, но ни войск, ни денег». Жалуясь на бездействие Венского двора, комитет в Кобленце организовал собственную армию — «армию Кон-де». Королева по-прежнему прилагала все усилия, чтобы «европейские державы пришли на помощь, явив всю свою силу и величие». Активная переписка королевы с европейскими дворами, постоянные курьеры, возвращение из эмиграции мадам де Ламбаль — все это не оставалось незамеченным.

*

В воздухе Тюильри пахло заговором; Собрание постановило отрубать головы преступникам посредством машины, изобретенной доктором Гильотеном; король снова впал в апатию; Мадам Елизавета интриговала в пользу Артуа; дворец наводняли шпионы всех партий и группировок; патриоты, пристально следившие за обитателями Тюильри, окрестили доверенных лиц короля и королевы «австрийским комитетом». В такой обстановке желание Ферзена прорваться в Париж, дабы посвятить их

величества в план Густава III, пугало королеву, хотя при одной только мысли о свидании с Ферзенем она трепетала от счастья. «Приехать сюда сейчас означает рисковать нашим счастьем... больше всего на свете мне хочется вас увидеть», — писала она, переполненная чувствами.

Прибыв в Париж 13 февраля 1792 года под видом курьера шведского короля, Ферзен остановился в гостинице Принцев на улице Ришелье и отправился к королеве. О своем проникновении во дворец он коротко записал: «Благополучно прибыл в Париж в половине шестого вечера... отправился к ней, прошел обычным путем; остерегался национальных гвардейцев; ее жилище прекрасно; короля не видел — остался там». Последние слова — «остался там» в оригинале старательно подчищены, и на этом основании строится гипотеза о счастливой встрече любовников после долгой разлуки. Или о (первой? последней?) ночи любви. Но, возможно, эти слова означали всего лишь, что он остался ночевать в Тюильри, чтобы лишний раз не пробираться мимо охраны. Ибо, любимец женщин, Ферзен был по-прежнему хорош собой, в то время как от прежней Марии Антуанетты остались лишь глаза да обворожительная улыбка, которой теперь редко кто достаивался.

В шесть часов вечера следующего дня состоялась встреча Ферзена с королем. На предложение бежать король ответил отказом — «он столько раз обещал остаться, что ему совестно» — и попросил еще раз сообщить представителям европейских монархов, что его официальные заявления не отражают его образ мыслей. «Я знаю, меня считают слабым и нерешительным, но еще никто и никогда не находился на моем месте», — добавил он. «Он честный человек, — написал Ферзен, — но я не уверен, что он не пытался договориться с мятежниками». Во время беседы король доверительно признался, что единственно возможный момент побега — 14 июля — он упустил. Он хотел уехать, но: «...как можно, если Месье просил меня не уезжать, а маршал де Брольи сказал: “Мы можем уехать в Мец, но что мы будем там делать?” Я упустил момент». Это признание свидетельствовало, что, когда речь заходила о серьезных политических шагах, королева не имела влияния на короля. Ибо она как раз хотела уехать. Когда король удалился, Мария Антуанетта подробно рассказала Ферзену о злоключениях во время побега и плачевном финале сего предприятия. «В девять часов я с ней расстался», — записал в дневнике Ферзен.

Ферзен пробыл в Париже десять дней. Что удерживало его во французской столице, где его в любую минуту могли схватить как преступника, организовавшего бегство короля? Если судить по личному дневнику, получится, что приезжал он, скорее, не к Марии Антуанетте, а к

Элеоноре Сюзливан, которая два дня прятала его у себя в доме на втором этаже и лишь на третий представила Кроуфорду, предварительно сочинив историю, согласно которой Ферзен якобы только что прибыл в Париж. С другой стороны, зачем было с риском для жизни приезжать к любовнице, если она в любую минуту, как уже бывало, могла последовать за ним? Известно, что Кроуфорд был одним из связных королевы, то есть выполнял миссию. Значит, Ферзен все же приезжал к королеве... тем более что, пробравшись в Тюильри, он не сразу встретился с Людовиком, хотя охраняли короля менее бдительно, нежели королеву... И все же сестра Ферзена Софи (в замужестве Пипер), поверенная всех его тайн, в том числе и сердечных, прислала брату письмо, в котором укоряла его за бурный роман с некой англичанкой, напоминая, что если слухи о нем дойдут до *Нее*, Она «смертельно опечалится». «Вы на виду, на вас смотрят, о вас говорят; так будьте же верны несчастной *Ей*, избавьте *Ее* от горя», — писала Софи. Укоры сестры означали, что несмотря на превратности судьбы Ферзен оставался любимцем дам и сам по-прежнему был равнодушен к женским прелестям. Думается, королева все же была для Ферзена Прекрасной дамой, к которой стремилась его душа, в то время как прочим своим поклонницам он предоставлял возможность заботиться о нем самом.

*

1 марта скончался Леопольд II; Мария Антуанетта узнала об этом только 10 марта, в тот день, когда новым министром иностранных дел назначили генерала Дюмурье, а глава фракции жирондистов Верньо, указывая в сторону Тюильри, проговорил: «Издавна из-за стен этого дворца расползались страх и ужас. <...> Его нынешним обитателям надобно запомнить, что наша конституция дарует неприкосновенность только королю. Пусть знают, закон настигнет виновных, невзирая на отличия. Голова преступника должна пасть от меча закона!» Возбужденная известием о смерти императора, толпа со зверскими выкриками носила под окнами дворца наспех сляпанное из подручных материалов чучело Леопольда II с отрубленной головой. Ферзен постарался утешить королеву, сообщив, что новый император Франц II «часто порицал мягкость, медлительность и нерешительность своего отца. Он воин в душе и более походит на Иосифа, нежели на Леопольда. <...> Думаю, сейчас крайне уместно отправить ему письмо от вас и от короля. Подобное внимание

польстит ему, и он рьяно выступит за ваше дело...». Опасаясь, что письмо попадет в чужие руки, Мария Антуанетта написала лишь коротенькую записку: «Дорогой племянник, вы можете полностью доверять этому человеку», а Людовик собственноручно прибавил: «Я думаю так же, как ваша тетушка». Однако многие подозревали, что записка Людовика подделана, ибо в то время король пребывал в состоянии глубокой депрессии. Посланцем королевы стал небезызвестный Гогла, который, амнистированный вместе со всеми второстепенными лицами, причастными к побегу королевской семьи, снова верно служил монархам.

Пришедшее к власти в результате смены кабинета правительство, состоявшее из единомышленников жирондистов, призывало к войне: война могла заглушить ропот народа на дороговизну, нехватку продуктов и финансовый кризис и наконец упорядочить отношения Собрания с королем, тайно сотрудничавшим с врагами революционной Франции. «Хотите уничтожить аристократов одним ударом? Уничтожьте Кобленц, и тогда глава нации Людовик XVI будет обязан царствовать согласно конституции», — говорил Бриссо. В обстановке провокаций со стороны Кобленца и заявлений нового, воинственно настроенного австрийского императора призывы жирондистов находили отклик среди народа. Лозунг «Уничтожим всех тиранов» пользовался огромным успехом. Незадолго до Нового года Людовик XVI отправил государям Пруссии и Испании (а Мария Антуанетта — Екатерине II) пространные послания, суть которых сводилась к тому, что конституцию он подписал не добровольно, а под давлением обстоятельств. Он тоже считал, что «маленькая война» для него выгодна. Ведь если победят французы, король французов от этого непременно выиграет, а если они потерпят поражение, то они сами камня на камне не оставят от режима, ввергнувшего их в пучину несчастий. Королева опасалась, что в случае победы союзных армий Франции придется расплачиваться своими территориями, а уменьшать королевство, которое, как она надеялась, когда-нибудь перейдет к ее сыну, она не хотела. Страх перед непомерными требованиями австрийцев и их союзников, перед жадными до власти принцами, за будущее сына, за себя и за короля... Ее верные советники пребывали далеко, письма от них приходили нерегулярно, а жить и сопротивляться приходилось каждый день. Пустое, ничем не занятое время всегда пугало ее.

Еще одна печальная новость для королевской семьи: 29 марта анархист Анкарстрем застрелил на балу шведского короля Густава III, активного противника революции во Франции. Перед смертью король успел сказать посланцу принцев барону де Кару: «Этот выстрел порадует ваших

якобинцев». «В его лице вы потеряли прочную опору и доброго союзника, а я покровителя и друга», — писал Ферзен из Вены Марии Антуанетте. Своему другу барону фон Таубе он сообщил: «Друг мой, я решил не возвращаться в Швецию, ибо все нити дел Их Величеств находятся у меня в руках или же проходят через мои руки, и я не могу уехать без ущерба для Их Величеств, ибо без меня дела могут и вовсе остановиться. <...> Неясная позиция Екатерины II побудила меня убедить королеву подтолкнуть мятежников к началу военных действий. После смерти нашего короля иного выхода я не вижу». Вскоре от имени малолетнего Густава IV Ферзен получил бумаги, подтверждавшие его статус полномочного представителя шведского короля.

Генерал Дюмурье, полагавший, что надо первыми идти в наступление, разработал и представил правительству план будущей кампании в Бельгии. Мерси предупреждал Марию Антуанетту: «Если начнется война, очень важно, чтобы в Тюильри каждый день узнавали обо всех перемещениях войск, обо всех интригах всех партий», иначе говоря, подталкивал ее вести разведку в пользу Австрии. 26 марта королева ответила Мерси: «Дюмурье, не сомневаясь более в продвижении войск коалиции, решил атаковать первым и разработал план, согласно которому наступление начнется в двух местах: в Савойе и в округе Льежа. Наступлением на Льеж командует Лафайет. Такое решение принято вчера на совете; зная эти планы, они смогут повысить бдительность и принять все необходимые меры. Совершенно очевидно, наступление начнется скоро».

Понимала ли королева, что, выдавая планы французской армии австрийцам, она помогает стране, которая ведет войну с ее страной? Вряд ли, ибо для нее это была не война двух стран, а война мятежников и заговорщиков против незыблемого миропорядка, который олицетворяли монархи коалиции. Победа Австрии должна была восстановить этот миропорядок, иначе говоря, абсолютную наследственную монархию и франко-австрийский альянс. Она никогда не воспринимала Францию отдельно от Австрии: только неразрывное единство двух стран. Сохранить этот симбиоз — вот единственная цель в политике, которой она следовала сначала по указке матери и брата, а теперь по велению собственной души и при поддержке своего австрийского советника Мерси. Воспитанная в сословном духе, она не принимала и не воспринимала национальную идею, объединившую все сословия общества. Франция виделась ей двором: скучным версальским и веселым и фрондирующим — ее собственным в Трианоне. Оказавшись в Тюильри фактически под арестом, она тосковала по придворной жизни, ее многолюдным церемониям и шумным

развлечением. Она никогда никуда не стремилась, ибо всё, чего ей хотелось, доставлялось к ней. Полагала окружавший ее мир неизменным и не считала нужным приспособляться к его изменениям; а может, не замечала этих изменений вовсе. Ненависть подданных, некогда осыпавших ее цветами, изумила ее и болью отозвалась в сердце. Безрассудная жестокость толпы ужаснула ее, и она остро ощутила собственную беспомощность и беззащитность. Инертность короля приводила ее в отчаяние; видя, как воспламенялась толпа при звуках голоса очередного оратора, ей казалось, что если бы король вышел к народу, обратился к нему с зажигательной речью, взмахнул саблей и сел на коня, то народ последовал бы за ним и разогнал заговорщиков, как называла она революционеров. Она могла бы бежать одна, но долг повелевал ей оставаться с королем, с детьми, блюсти трон для сына. Этот долг она впитала с молоком матери и переступить через него не могла. Она сопротивлялась, защищала себя и семью. Как могла, как умела, по-женски, ибо начиная с октябрьских дней над ней нависала угроза смерти. «Мужество и непреклонность королевы приумножали ярость смутьянов. Она негодовала в душе, но с виду хранила полнейшее спокойствие, каждое движение ее было исполнено достоинства. Толпа под окнами выкрикивала в ее адрес самую бесстыдную брань и угрозы, способные испугать любого, обладавшего меньшей храбростью, чем она», — вспоминает Турзель.

С новым императором Австрия превратилась в координационный центр готовящейся интервенции против Франции; вдоль французской границы заметили передвижение войск. Дюмурье направил Венскому двору ноту, требуя отказаться от созыва конгресса государей, о котором давно мечтала королева. Император ответил отказом, и 20 апреля Людовик XVI слабым голосом объявил Австрии войну. «Война объявлена, — писала Мария Антуанетта Мерси. — Венский двор обязан как можно определеннее отмежеваться от эмигрантов и объявить об этом в своем манифесте. В то же время нам кажется, что, воспользовавшись своим влиянием среди эмигрантов, император мог бы умерить их претензии, образумить их и убедить присоединиться ко всем, кто поддерживает короля. Но, — писала далее королева, — так как королю предстоит снова утверждаться у себя в королевстве, не стоит постоянно упоминать его, дабы не подчеркивать, что Австрия выступает в его поддержку: французы не потерпят вмешательства в свои внутренние дела». Воодушевленные революционным подъемом граждане полагали, что война будет быстрой и победоносной, но на деле оказалось совсем не так. Рядовой состав армии в значительной степени обновился, командные же посты в подавляющем

большинстве занимали офицеры «из бывших», и солдаты отказывались им повиноваться. Часть офицеров перебежала на сторону австрийцев (точнее монархистов), некоторых заподозрили в шпионаже и растерзали. Во всем ощущалась нужда. Отдельные соединения переходили на сторону неприятеля. Атака французских войск, осуществленная, как и планировалось, в Бельгии, обернулась поражением.

В мае, подозревая короля, а особенно королеву в шпионаже, Собрание декретировало роспуск созданной для охраны короля конституционной гвардии, массовую высылку неприсягнувших священников и организацию под Парижем лагеря федератов, призванных на праздник федерации и для защиты столицы. От гвардии Людовик отказаться согласился, но на два других декрета — несмотря на опасения королевы, что отказ спровоцирует волнения, — наложил вето. Королевское вето вызвало очередную серию памфлетов против «Австриячки». «Мое единственное желание — увидеть, как эта столица умоется собственной кровью... За каждую принесенную мне французскую голову я стану платить золотом», — заявляла королева из памфлетов, авторы которых, источая ненависть к политическим противникам, обвиняли ее во всех возможных и невозможных сексуальных извращениях. Парижане называли ее «матерью всех пороков», «чудовищем в женском обличье». «Мадам Вето пообещала залить кровью весь Париж, но у нее все сорвалось, благодаря нашим канонирам», — распевали парижане на мотив «Карманьолы». Ненависть санкюлотов к «бывшим» стремительно нарастала. Прошел слух, что король вновь собрался бежать. Возмущенный Людовик отправил в парижский муниципалитет письмо, в котором гневно опровергал приписываемые ему намерения: «Мне известны все манёвры, предпринимаемые с целью выдворить меня из столицы. Напрасные старания. Когда враг у ворот Франции, когда враги в ее пределах, мое место в столице, и я надеюсь, что сумею сорвать преступные планы заговорщиков». Измученная королева не находила себе места от отчаяния и тревоги и изливала душу в письмах Полиньяк, переписку с которой поддерживала постоянно: «...не бойтесь, яд вышел из моды, теперь убивают клеветой; это самое верное средство убить вашу несчастную подругу... нас изображают кровавыми чудовищами, которые хотят утопить Париж в крови, и это тогда, когда мы являемся узниками, когда у короля нет власти, когда мы готовы выкупить счастье Франции собственной кровью! Господи, наши враги прекрасно об этом знают, а потому не подпускают к нам наш добрый народ. <...> Нам требуется мужества больше, чем на поле боя. <...> Я ко всему готова. Матушка научила меня не бояться смерти...»

Тюильри вновь охраняли национальные гвардейцы, враждебно настроенные к королевской семье. Ощущалась сильная нехватка финансов. Ферзен при посредничестве Кроуфорда вел переговоры с банкирами. В начале июня он сообщил королеве, что прусский король исполнен решимости начать наступление, глава прусской армии прибудет 9 июля, а к 4 августа все будет готово: «Господи, стоит мне подумать, как вам сейчас тяжело, мне становится горько и больно. Постарайтесь не покидать Париж, прусский король придет вам на помощь, можете на это рассчитывать».

*

20 июня, в годовщину бегства в Варенн, толпа оборванных людей, вооруженных палками и пиками, наводнила Тюильри. С криками «Долой мадам Вето!», «Долой короля!» они прорвались во дворец (гвардейцы довольно быстро перешли на сторону смутьянов) и в поисках короля и королевы принялись крушить все на своем пути. Спокойно надев шляпу, король в сопровождении нескольких верных гренадеров вышел к толпе, которая при виде его на миг замерла. Затем раздался вопль: «Где он, я его убью!» Король хотел ответить, но выкрики из толпы заглушили его негромкий голос. Когда он, исполняя требование толпы, натягивал на голову тесный для него красный колпак, в комнату вбежала Мадам Елизавета и бросилась к брату. Решив, что это королева, толпа завопила еще громче, кто-то потрясал игрушечной виселицей, на которой болталось чучело «Австриячки». В это время королева вместе с детьми и мадам де Турзель дрожали от страха в комнате дофина. Когда крики зазвучали совсем близко, королева, решив, что вернулись октябрьские дни, стала просить отпустить ее к королю. «Я хочу умереть у его ног», — умоляла она. Несколько верных гвардейцев попытались увести ее подальше от разъяренной черни, но было поздно. Тогда королеву с дофином оттеснили в угол, выставив перед ними огромный тяжелый стол. Теперь только он преграждал путь к королеве. Она стояла, прижимая к себе дофина, и вызывающе спокойно смотрела на толпу, призывавшую выпустить ей кишки, отрубить голову и отнести ее в Собрание. Чем громче кричали, тем старательнее она зажимала уши сыну. Кто-то на конце пики протянул ей красный колпак и велел надеть его на дофина. Величественным жестом королева исполнила повеление — желая убедить всех, что будущий король всегда вместе с народом. Она леденела от страха, но никто этого не заметил. «Мы тебя повесим, Антуанетта», — ткнула в ее сторону пальцем

какая-то мегера. «Но что я вам сделала плохого?» — спокойно спросила Мария Антуанетта. «Ты — несчастье всей нации». — «Вы заблуждаетесь. Я супруга вашего короля, мать дофина, француженка. С Францией связаны мои горести и радости. Когда вы меня любили, я была счастлива». Присмирив, фурия произнесла: «Простите. Я вас не знала. Теперь я вижу, что вы добрая француженка». Но, возможно, слова были сказаны иные.

Несмотря на прибывших через три часа депутатов во главе с Петионом, освободить дворец от черни удалось только к вечеру. Спокойствие, уверенность и обаяние королевы и обреченное мужество короля предотвратили кровопролитие. «Ваше мужество вызвало восхищение, твердость короля произвела превосходное впечатление <...> его разговор с Петионом достоин Людовика XIV», — писал Ферзен об откликах на события 20 июня в «Gazette universelle». Людовик, явившись в Собрание, заявил резкий протест. Примчавшийся из армии Лафайет громогласно потребовал осудить виновников беспорядков и тайно предложил королю бежать в Компьень. Отказалась королева: она по-прежнему ненавидела революционного маркиза, ведь однажды он посмел высказать мысль о ее разводе! Никто не обольщался: каждый новый день по-прежнему таил угрозу смерти. Прошел слух, что в коридорах Тюильри опять видели маленького красного человечка, в свое время несправедливо казненного Медичи. Встреча с ним сулила гибель.

«Вам уже известно о событиях 20 июня; наше положение становится все ужаснее. Насилия и ярость с одной стороны, слабость и бездействие — с другой. Нельзя рассчитывать ни на Национальную гвардию, ни на армию, непонятно, надо ли оставаться в Париже или бежать. <...> Если не остановить заговорщиков, не пригрозить им карами, все пропало», — писала 4 июля королева Мерси. Впереди предстояло еще одно испытание — 14 июля, праздник федерации. Двор и близкие к нему роялисты лихорадочно обдумывали варианты побега; наиболее вероятным признали план мадам де Сталь, предлагавшей увезти королевскую семью куда-нибудь в глушь, на берег моря, и спрятать там в каком-нибудь заброшенном доме. Через интенданта гражданского листа де Лапорта план был изложен их величествам, однако они, передав благодарность мадам де Сталь, отказались покидать столицу. Возможно, королева действительно надеялась на австрийцев, а может быть, ощущала, что еще один провал будет равнозначен гибели. «Ваш друг в большой опасности. Его болезнь прогрессирует с ужасающей скоростью. Врачи не могут ничего сделать. Если вы хотите его увидеть, поторопитесь. Сообщите о его плачевном положении его родственникам. Время не ждет...» — отчаявшись, писала

королева Ферзену о состоянии короля, который снова впал в апатию. А подруге и дальней родственнице ландграфине Луизе Дармштадт-Гессенской она писала: «Я горда как никогда тем, что родилась немкой». В это же время Ферзе и писал барону фон Таубе: «Я получил письма от королевы, она просит ускорить переговоры и продвижение войск, ибо положение ее ужасно; к несчастью, пока все войска не подтянулись, для нее ничего нельзя сделать. Письмо ее свидетельствует о ее неслыханном мужестве; невозможно предугадать опасность, которой она может подвергнуться, когда иностранные войска войдут в Париж; это случится в начале августа».

Три с половиной недели, отделявшие 20 июня от 14 июля, Мария Антуанетта лихорадочно писала, призывая на помощь племянника и братьев короля, не почитая чудом, что находились курьеры и гонцы, доставлявшие ее письма адресатам и привозившие ответы. «14 июля станет подлинной катастрофой во всех уголках Парижа. На улицах призывают к убийству короля, выкрикивают еще более страшные вещи. <...> Толпы якобинцев направляются в Париж; королеву предупреждают, чтобы она была настороже, — поверяла она свои тревоги Ферзену и тут же успокаивала его: — Наше положение ужасно, но не стоит слишком беспокоиться за нас; я чувствую в себе силы, и что-то мне подсказывает, что нас спасут и мы еще будем счастливы. Только эта мысль поддерживает меня. Прощайте. Когда же мы наконец сможем спокойно встретиться?»

Накануне праздника федерации был принят декрет, объявлявший отечество в опасности и мобилизацию всех способных носить оружие мужчин. Марсельский батальон волонтеров принес в столицу «Песнь Рейнской армии», названную парижанами «Марсельезой» и ставшую гимном революции и республики. На улицах распевали «Ça ira» — «Дело пойдет», куплеты на все случаи политических катаклизмов, с припевом «аристократов на фонарь!». Петиций от секций, клубов и департаментов с требованием отмены монархии и установления республики становилось все больше, а в адрес обитателей Тюильри все чаще неслись кровавые угрозы. Прошел слух, что король сошел с ума и надо устанавливать регентство. Марат призывал взять королевскую семью в заложники. Робеспьер призывал распустить Собрание, показавшее себя неспособным защищать отечество, и заменить его всенародно избранным Конвентом. 14 июля король бесцветным голосом принес очередную присягу на верность Федерации; королева с «полными слез глазами» наблюдала за ним. «Роскошь ее туалета, благородство ее поведения создавали контраст с ее окружением. Несколько национальных гвардейцев, выстроившихся перед

ней, отделяли ее от простонародья», — писала мадам де Сталь.

«Передайте Мерси, что жизнь короля и королевы в опасности; промедление даже в один день может привести к непоправимым последствиям; манифест надобно издать немедленно, он сплотит людей вокруг короля и тем самым спасет его. <...> Кольцо убийц сжимается», — писала 25 июля Мария Антуанетта Ферзену. А 25 июля от имени герцога Брауншвейгского, назначенного командующим объединенной контрреволюционной армией, был издан манифест, в котором говорилось, что соединенные армии намерены положить конец анархии во Франции, вернуть свободу королю и восстановить монархию в полном объеме. Ответственность за безопасность королевской семьи манифест возлагал на жителей Парижа, прежде всего на членов Собрания и муниципалитета, а в случае неповиновения грозил казнями и военной экзекуцией города.

Составленный группой эмигрантов во главе с Жоффруа де Лимоном, манифест сослужил обитателям Тюильри дурную службу: теперь не оставалось сомнений, что король состоит в заговоре с врагами Франции — аристократами и монархическими дворами Европы. Наглый тон манифеста никого не напугал, наоборот, вызвал всеобщий всплеск республиканских чувств и антинемецких и антимонархических настроений. А в Собрании у сторонников республики появился веский повод для низложения короля. Угроза носилась в воздухе, и король, у которого скопилось множество документов, с помощью слесаря Гамена, более десятка лет являвшегося наставником его величества в слесарном деле, соорудил железный сейф или, как его потом назовут, железный шкаф и спрятал туда свои секретные бумаги. Шкаф встроили в стену и замаскировали под каменную кладку. Если бы не предательство Гамена, который — как предупреждала королева — был ярым якобинцем, его бы не обнаружили никогда. Свои бумаги королева частично сожгла, частично собрала в портфель и вручила его Кампан с просьбой спрятать так, чтобы он «в любое время мог быть под рукой». Задача в тех условиях практически невыполнимая. Ибо, как 1 августа писала королева Ферзену, «если никто не придет на помощь, спасти короля и его семью сможет только Провидение».

*

День 10 августа 1792 года в историографии именуется по-разному, в зависимости от политических пристрастий пишущих. Для Марии Антуанетты этот день стал днем крушения надежд. На помощь никто не

пришел, Провидение предоставило королевскую семью самой себе. Через преданных людей в Тюильри знали о готовящемся вооруженном наступлении на дворец, так что когда в полночь на 10 августа ударил набат, для короля и королевы он не стал неожиданностью. Зная, что можно положиться только на две-три сотни дворян из бывшей личной гвардии короля, полк швейцарцев и нескольких национальных гвардейцев, королевская семья, из которой в ту ночь спали только король и дети, к четырем утра собралась в Зале совета и замерла в тревожном ожидании. Мария Антуанетта пыталась уговорить Людовика надеть защитный жилет, как надевал он его 20 июня, но он отказался, утверждая, что хочет разделить общую судьбу. Когда около шести часов утра король вышел сделать смотр дворцовых войск, гвардейцы встретили его криками «Долой Вето!» и «Да здравствует нация!», а канониры возле пушек угрюмо молчали; только швейцарцы, выстроившиеся вдоль большой лестницы, выразили готовность сражаться до последнего. Но численность толпы, двигавшейся со стороны площади Карузель, была в десятки раз больше. Усмотрел ли ее король или по причине близорукости ничего не увидел? В задумчивости он вернулся в Зал совета; парик его съехал набок, но он этого не замечал.

В семь часов раздались первые выстрелы. Прокурор-синдик Редерер предложил королю вместе с семьей укрыться в Собрании, где уже заседали депутаты. Король промолчал, а Мария Антуанетта произнесла: «Сударь, у нас есть силы; пришло время понять, кто сильнее: король и конституция или заговорщики». Другой свидетель, граф де Ларошфуко, пишет, что Мария Антуанетта ответила иначе: «Лучше прибейте меня к стенам этого дворца, но не заставляйте покинуть его». Однако Редерер нашел способ уговорить королеву: «Неужели вы хотите отвечать за собственную гибель, гибель ваших детей и короля?» Против такого аргумента возражений не нашлось: «Ах, как бы я хотела сделать так, чтобы стать единственной жертвой...» Мария Антуанетта тяжело поднялась со стула и взяла за руку дофина. По словам Турзель, согласие далось ей с таким трудом, что вся кровь прилила к ее лицу. «Идемте», — сказал король, и королевская семья вместе с мадам де Турзель и принцессой Ламбаль покинула дворец. В окружении депутатов и нескольких верных дворян печальный кортеж проследовал через сад в здание Манежа, где заседало Собрание. Ни король, ни королева не оглядывались на покинутый ими дворец, где разворачивалось сражение за опустевшие стены. Швейцарцы и дворяне в черном, те самые, кого называли рыцарями кинжалов, умирали за монархию, еще не зная, что она повержена. Король забыл сообщить

швейцарцам, что покидает дворец, забыл отдать приказ не оказывать сопротивления... Потом, в Собрании, как пишет ряд историков, Людовик XVI издал такой приказ, но было уже поздно...

С трудом пробравшись сквозь возбужденную толпу, преграждавшую вход в Собрание (в этой толпе у Марии Антуанетты вытащили часы и кошелек), вошли в зал Манежа. «Я пришел сюда во избежание тяжкого преступления, ибо всегда буду считать себя и свою семью в безопасности среди представителей нации. Надеюсь, вы объединитесь вокруг меня, дабы восстановить порядок и законность», — заявил король. Депутаты зааплодировали, трибуны же возмущенно засвистели и затопали. Тогда председатель, воспользовавшись статьей конституции, запрещавшей проводить заседания Собрания в присутствии короля, предложил компромисс: рассматривать его величество как простого зрителя. Для королевской семьи долго искали место и наконец поместили в крошечную ложу за креслом председателя, отделенную решеткой от зала.

Собрание отправило нескольких депутатов в город восстанавливать порядок, но все они вернулись бледные и напуганные: остановить бойню, начатую санкюлотами и федератами в Тюильри и продолженную на улицах города, уже не смог бы никто. Национальные гвардейцы с большим трудом сдерживали толпу, жаждавшую прорваться в здание Манежа, чтобы «выпустить кишки Австриячке» и «повесить толстого борова». Под давлением событий Собрание декретировало временное отстранение короля от власти и созыв Национального конвента. На протяжении томительных часов, пока шло заседание, король равнодушно лорнировал зал, а сидевшая рядом с ним королева, страшно бледная, пустым взглядом смотрела перед собой. Обе принцессы чувствовали себя подавленно, и только дофин, не понимая, что происходит, плакал и капризничал. В девять часов вечера королевскую семью отвели в монастырь фельянов, где в ее распоряжение предоставили четыре небольшие кельи с брошенными на пол матрасами. Так как все пленники считали, что вечером они вернутся в Тюильри, никто не взял с собой ни сменной одежды, ни прочих необходимых вещей.

Поздно ночью некий Дюфур, оставивший подробные записки о трех днях, проведенных королем и его близкими в монастыре фельянов, привез кровати, а потом снабдил королевскую семью постельным бельем. Он же раздобыл для пленников чистой воды и утром принес скудный завтрак. Мадам де Турзель, принцесса де Ламбаль и присоединившиеся к ним фрейлины мадам Огье и мадам д'Эгремон с помощью друзей раздобыли для королевской семьи сменную одежду и немного денег. Дюфур,

ночевавший перед дверью короля, писал, что всю ночь санкюлоты пытались прорваться в монастырь и охрана с трудом сдерживала их натиск. Галерею, по которой четыре раза в день проходили король и его семья, отделяла от улицы одна лишь решетка, и все время, пока семья оставалась в монастыре, за этой решеткой бесновалась чернь, выкрикивая оскорбления. Каждый день королевскую семью приводили в Собрание и размещали в крохотной зарешеченной ложе, где они слушали бесконечные дебаты о собственной участи. «Королева была больна; удивительно, как у нее хватало мужества высиживать бесконечные заседания в маленькой ложе, где семье едва хватало места», — писал Дюфур. Он приносил узникам обеды, которые заказывал бывший первый служитель королевской опочивальни Тьерри де Виль д'Аврэ, отыскал потерянный Марией Антуанеттой медальон с семейным портретом, исполнял мелкие поручения. 13 августа Дюфур ненадолго отлучился домой, чтобы переодеться, а когда вернулся, увидел опустевшие кельи: по приказу Собрания пленников перевели в башню Тампль. «Ах, какое несчастье! — написал Дюфур. — Значит, лучшему из королей не избежать смерти».

Сначала Собрание решило предоставить королю и его семье Люксембургский дворец, но Коммуна, после 10 августа состоявшая в основном из якобинцев, воспротивилась. Новый прокурор-синдик Коммуны, сменивший Редерера, заявил, что в Тампле семью легче охранять и препятствовать ее переписке с друзьями, которые все являются «предателями». «Вот увидите, они поместят нас в башню и превратят ее в настоящую тюрьму. Я всегда испытывала ужас при виде этой башни и тысячу раз просила графа д'Артуа снести ее; я предчувствовала, что она станет нашей тюрьмой. Видите, я не ошиблась!» — услышав про Тампль, зашептала королева мадам де Турзель. По дороге карета с пленниками специально проехала через площадь Вандом, где валялись осколки поверженной 10 августа статуи Людовика XIV: революционеры хотели показать, как они поступают с тиранами. Когда королева, подавив охватившее ее горестное возмущение, окинула статую равнодушным взглядом, Петион, сопровождавший карету, произнес: «Если ваше лицо не примет выражения, соответствующего вашему нынешнему положению, боюсь, я не смогу поручиться за вашу жизнь; народ негодует». Королева опустила глаза, но дух ее не был сломлен.

В семь часов вечера королевская семья прибыла в Тампль, где в особняке XVII века им подали превосходный ужин, к концу которого усталый Луи Шарль заснул на коленях у Турзель. Тогда королева с замиранием в душе попросила проводить всех в их комнаты. Предчувствия ее оправдались: пленников решили разместить в башне Тампля, древнем сооружении, помнившем еще Жака де Моле. Массивная башня (донжон) с примыкавшими к ней маленькими башенками не была связана с основным зданием дворца. В ней до решения Собрания обретался архивариус Мальтийского ордена, собравший неплохую библиотеку, насчитывавшую более полутора тысяч томов. Библиотека и столовая располагались на втором этаже; гостиная в бело-голубых тонах, ставшая спальней королевы и ее дочери, равно как и прихожая, где поставили кушетку для принцессы Ламбаль, и крошечная комната, отведенная дофину и мадам де Турзель, находились на третьем этаже. Король занял четвертый этаж. Мадам Елизавете с дочерью Турзель Полиной отвели грязноватое помещение бывшей кухни.

Семья постепенно обустранивалась: заказали одежду, белье, сменили кишевшие клопами матрасы. Охраняли королевскую семью проверенные санкюлоты: теперь каждая секция выделяла для охраны короля по два верных человека; узников одновременно стерегли 20 человек. Тампль ежедневно посещали комиссары Коммуны; был создан совет Тампля из восьми комиссаров, двое из которых по очереди несли ночные дежурства. Но и этого казалось мало. 20 августа приняли решение, что состоять при королевских узниках могут только лица, обладающие свидетельством о гражданской благонадежности. На этом основании принцессу де Ламбаль, мадам де Турзель и ее дочь Полину перевели в тюрьму Ла Форс. Расставаясь с Турзель, королева рыдала и умоляла ее взять под свою опеку Ламбаль. Она понимала, что принцесса как ближайшая ее подруга немедленно станет мишенью ненависти черни.

26 августа в Тампль допустили Жана Батиста Клери, служившего дофину с самого детства. Когда оставшегося с Людовиком камердинера Юэ 2 сентября арестовали, Клери стал прислуживать и королю. Ему также приходилось причесывать волосы дамам, оставшимся без женской прислуги; он оказался единственным слугой, которому позволили последовать за своими господами в Тампль. Жена Клери, поселившаяся возле ограды Тампля, знала, что королева любит музыку, и в часы прогулки ее величества открывала окна и музицировала. Она нанимала газетчика, и тот под стенами старинной башни во весь голос выкрикивал последние новости. Через некоторое время ее уловки были разгаданы. Еще одна

преданная роялистка проецировала на стену ближайшего дома буквы, которые узники Тампля складывали в коротенькие слова. Но основной связующей ниточкой с «волей» всегда оставался Тюржи, один из трех слуг, что готовили королевской семье еду. Он прятал записочки в клубки шерсти, подменял записками бумажки, которыми уплотняли пробки графинов с целебным миндальным молоком, сервируя стол, ухитрялся класть записки под тарелку даже после проверки их и скатерти муниципалами.

Жизнь потекла размеренная и унылая, наполненная будничными занятиями и мелкими пакостями сторожей. Король просыпался рано, около шести, затем просыпалась королева и одевала дофина, который после ареста Турзель спал в комнате матери. Затем вся семья собиралась за завтраком. После завтрака король занимался с сыном историей, географией и латынью, а королева с дочерью и Мадам Елизаветой музицировали или рисовали. Далее, если сторожа позволяли, семья выходила гулять в сад. Король с дофином часто играли в кегли. Говорят, дофин, который никак не мог сбить больше шестнадцати столбиков, однажды воскликнул: «Ах, какое противное число шестнадцать!» — и король, вздохнув, согласился: «Несомненно противное». После прогулки семья обедала, затем король дремал, и женщины, оберегая его сон, занимались рукоделием, а дети учили уроки. Вечером читали вслух, дети ужинали и шли спать, потом ужинали взрослые, король читал перед сном, а Мария Антуанетта разговаривала с Елизаветой, пока их не отправляли спать. В удушливом воздухе Тампля бывшие разногласия позабылись, остался только день сегодняшний — сумрачный и безысходный. Впрочем, если бы не постоянный надзор, не угрозы, доносившиеся с улицы, не гадкие надписи на стенах, которые верный Клери не успевал стирать, их новая жизнь в Тампле протекала вполне в духе Руссо — узкий семейный круг, родители воспитывают детей, подавая им пример благочестия и любви. Бдительность сторожей в чем-то даже устраивала Марию Антуанетту: по крайней мере, никакой наемный убийца к ним не проникнет.

За стенами Тампля обстановка накалялась. Для суда над заговорщиками, роялистами и сторонниками конституционной монархии учредили Чрезвычайный трибунал. Во время обысков, проведенных в домах аристократов и подозрительных, обнаружили множество шпионов, сотрудничавших с врагами нации. Упорно ходил слух о заговоре аристократов с целью освободить короля и восстановить монархию. 19 августа австро-пруссские войска перешли границу Франции, французская армия терпела поражение за поражением, и вскоре возникла реальная угроза увидеть врага под стенами Парижа. Прошел слух, что у пруссаков и

австрийцев есть приказ, подписанный Людовиком, в котором велено убивать всех французов. Марат в своей газете «Друг народа» призывал истребить всех посаженных в тюрьмы после 10 августа аристократов и священников, «дабы они не всадили нож в спину революции».

Призыв был воспринят как сигнал к «народной мести», и в первые дни сентября вооруженные чем попало парижские санкюлоты, стихийно собираясь в группы, отправились крушить двери тюрем и уничтожать «заговорщиков». При попустительстве Коммуны и молчаливом согласии вождей революции санкюлоты устраивали в тюрьмах самосуд, зверски убивая всех узников, кто не пришелся им по нраву, усугубляя гнусность убийств осквернением и уродованием трупов.

Жертвой дикой ненависти толпы, ворвавшейся 3 сентября в тюрьму Ла Форс, стала принцесса де Ламбаль. «Они зверски убили принцессу де Ламбаль... надругались над ее телом, вырвали у нее сердце, выпустили кишки и, насадив ее голову на пику, носили по улицам Парижа», — писал Лафон д'Оссон. Потом кто-то бросил клич отправиться в Тампль — «чтобы Австриячка смогла поцеловать свою шлюху». По дороге убийцы завернули к цирюльнику и приказали сделать прическу их страшному трофею. «От кабака до кабака, по улицам и переулкам они подошли к стенам Тампля и криками и воплями стали привлекать внимание королевской семьи. Королева отчетливо слышала страшные проклятия, которые гнусное пьяное отребье изрыгало в ее адрес. Вскоре появился чиновник в сопровождении четырех делегатов от черни; сей чиновник сообщил королевской семье, что народ крайне взволнован ложными слухами о их бегстве. “Да, — воскликнул один из сторожей, — я предлагаю вам подняться и подойти к окну, чтобы вывести парижан из заблуждения и успокоить их. Кстати, они хотят показать вам голову Ламбаль, чтобы вы знали, как мы мстим тиранам”. Узнав о страшной гибели своей подруги, королева горестно вскрикнула и без памяти упала на руки сестры и заплаканных детей», — завершил свой рассказ Лафон д'Оссон. «Это был единственный раз, когда самообладание ее покинуло», — писала Мадам Руаяль.

*

21 сентября 1792 года впервые собрался Национальный конвент, провозгласивший Францию республикой единой и неделимой. Началась новая эра, новый отсчет времени, получивший свое воплощение в

республиканском календаре. Париж ликовал, звуки этого ликования проникали за стены Тампля, где трепетал крошечный огонек надежды — вдруг идут долгожданные освободители? Но надежды никакой: 20 сентября возле городка Вальми французская армия под командованием генерала Дюмуре (того самого, который предлагал организовать побег короля) разбила превосходящие силы пруссаков. Блицкриг герцога Брауншвейгского провалился, французская армия обрела уверенность в своих силах и начала наступление в Австрийских Нидерландах (Бельгии). Со стороны коалиции были предприняты попытки начать переговоры, сделав разменной монетой Людовика XVI. Но монархии во Франции более не существовало, и Дюмуре предложил Брауншвейгу вести переговоры с Конвентом; герцог, разумеется, отказался. Конвент не намеревался восстанавливать монархию.

Армия Французской республики, на ходу перестраиваясь на новый лад, под лозунгом «Мир хижинам, война дворцам» перешла в наступление. Впереди у нее были новые победы и поражения, отъезд за границу генерала Лафайета, не принявшего переворот 10 августа, измена генерала Дюмуре и его неудавшаяся попытка восстановить власть короля, появление новых, возвращенных революцией талантливых полководцев, отражение натиска армий монархической Европы. Людовик XVI перестал являться фигурой международного масштаба, он стал просто гражданином Капетом, мужем гражданки Капет. Те, кто, как тешила себя надеждой Мария Антуанетта, начал войну за освобождение короля и восстановление его власти, давно уже преследовали совершенно иные цели.

В глазах нового революционного общества король и королева из поверженных монархов превратились в политических преступников. Едва королевская семья оказалась в Тампле, в нее мертвой хваткой вцепился член Коммуны, памфлетист Эбер, редактор газеты санкюлотов «Папаша Дюшен». В самых мерзких выражениях он требовал истребить все это «...ское племя», иначе говоря, «толстого кабана», «австрийскую мартышку» и «змееныша» с «обезьянкой». Среди тюремщиков оказался приятель Эбера — Роше, который постоянно придумывал гадости, лишь бы унижить королевскую семью: выпускал дым прямо в лицо дамам; хохотал, когда королева, забыв о низких дверях, проходила, не наклонив головы, и ударялась лбом о косяк; вразвалку ходил по лестницам, заставляя членов королевской семьи вжиматься в стену; изрыгал чудовищные оскорбления. Газета Эбера не давала Конвенту забыть о короле и королеве и упрекала его членов в трусости. «Теперь, когда отступать дальше некуда, когда пьянице Капету пора наконец обратиться в мир иной, оказывается, у депутатов кишка

тонка! “Как! — верещат они. — Как мы можем судить короля!” Ну а мы, нация, разве мы станем возражать, коли предателя Луи чуток укоротят?»

Эбер со своей газетой во многом способствовал переводу короля и его семьи из бывшего жилища архивариуса в тюремную башню. Там Марии Антуанетте не разрешили ужинать вместе с мужем; отныне семья могла собираться вместе только за обедом. В новых помещениях было сыро и холодно, на окнах стояли толстые решетки, ни на минуту не позволявшие узникам забыть о своем положении. Верный Клери, обладавший правом покидать крепость, исполнял мелкие поручения и приносил новости «с воли», сообщая их потихоньку, когда дофин затевал шумные игры или когда причесывал дам.

Семье не хватало белья и одежды, и женщины занялись ее починкой. Нитки приходилось откусывать зубами, ибо все колющие и режущие предметы, равно как и все необходимое для письма, у них отобрали. Королеве и Марии Терезе удалось сохранить только несколько карандашных огрызков. Коммуна сократила расходы на королевских узников, ибо они «такие же граждане, как все». Печи грели плохо, дрова были сырые, и король вскоре заболел. Преданный Клери ухаживал за ним, но вскоре свалился сам, и выхаживать обоих пришлось королеве и Елизавете. Когда прошел слух, что короля пытались отравить, Коммуна наконец разрешила Марии Антуанетте пригласить к нему ее бывшего личного врача Вик д'Азира. Газета Эбера немедленно откликнулась на болезнь короля: «Интересно, кого это вы хотите убедить, что санкюлоты хотят избавиться от предателя Капета, предложив ему яд на завтрак, как делали папы римские? Нет, он должен кончить свои омерзительные дни на эшафоте. До тех пор, пока мы не сыграем в шары головой коронованного рогоносца, не будет на земле ни свободы, ни равенства». На улице стояла осень, и гильотина, испытания которой успешно завершились весной, уже заработала, установив равенство в смерти.

«Собранию предложили устроить процесс над королем и судить королеву обычным уголовным судом... считают, что их непременно будут судить, но народ их помилует, и им будет выделена пенсия, дабы они могли жить, только я не знаю где; Боже, какой ужас, и как это печально для них, какое унижение...» — писал 4 ноября Ферзен из Брюсселя своему другу Таубе. Вынужденный покинуть Брюссель, к которому после разгрома австрийцев при Жемаппе стремительно двигалась армия Французской республики, швед, как и многие его друзья, отправился скитаться по вздыбленной войной Европе. Портфель с бумагами королевы, которые Мерси советовал ему уничтожить, он отправил в посольской карете

Симолина. Из-за военных действий газет из Парижа не поступало, и Ферзен мог только гадать, в каком положении находится королева. Прибыв 20 декабря в Дюссельдорф, он узнал о начале суда над королем.

*

Толчком к началу процесса послужило сообщение слесаря Гамена об оставшемся в Тюильри личном сейфе короля. Сейф вскрыли; бумаги, обнаруженные в нем, вызвали бурю негодования среди республиканцев. Узнав, что Мирабо получал деньги от короля, негодующий народ расколотил бюсты своего бывшего кумира, а парижане выбросили его прах из Пантеона. Переписка Людовика с иностранными державами давала повод обвинить короля в двуличии и тайных переговорах с вражескими державами. Коммуна от имени санкюлотов Парижа потребовала не суда, а мести за страдания, причиненные Людовиком XVI народу. С трибуны Конвента Робеспьер заявил, что речь пойдет не о судебном процессе, ибо члены Конвента — не судьи, а о «мерах общественного спасения», об «акте государственной прозорливости». «Людовик должен умереть, чтобы здравствовало отечество», — завершил свою речь вождь революции. Столь же категоричен был и молодой якобинец Сен-Жюст, ставший с первых своих депутатских шагов ближайшим соратником Робеспьера. «Мы должны не столько судить Людовика, сколько поразить его, — говорил с трибуны Сен-Жюст. — Невозможно царствовать и не быть виновным». Иначе говоря, еще до начала процесса Людовик был обречен.

Узники Тампля не подозревали, что основной темой дебатов в Конвенте стала участь короля. И хотя ни санкюлоты на улицах, ни стражники не давали им возможности забыть о ненависти к ним революционеров, 11 декабря, когда под рокот барабанов к ним в сопровождении караула явился Петион и зачитал декрет Конвента о привлечении Людовика Капета к суду, женщины похолодели от страха. После завтрака, прошедшего в молчании под неусыпным надзором, Людовика увели: после полудня ему предстояло предстать перед Конвентом для допроса. «Матушка попыталась узнать у муниципальных чиновников, охранявших ее, что происходит, — писала Мадам Руаяль. — Она впервые удостоила их вопросом. Но эти люди не захотели ей ответить». Вечером, когда Людовик вернулся в Тампль, его сразу препроводили в его комнату. В последующие дни ему не давали даже перебраться словом с родными. С помощью Тюржи Клеры сумел

раздобыть газету, передать которую он смог, лишь спрятав ее в гардеробной, одновременно являвшейся отхожим местом, — это был единственный уголок, куда не заглядывали чиновники Коммуны. Когда королю удавалось поговорить с Клери, он непременно просил его успокоить королеву, заверить ее, что обсуждается вопрос о его высылке из страны. Шесть недель, что длился процесс, королева места себе не находила. Если бы не дети, она, наверное, слегла бы от слабости, тревоги и слез, но ради детей она держалась, храня достоинство и внешнее спокойствие. Понимая, чем кончится процесс, Людовик написал завещание; в строках, посвященных королеве, он просил ее воспитать детей «добрыми христианами» и «честными людьми», а также простить его за все те страдания, которые ей пришлось претерпеть из-за него: «...Если она полагает, что у нее есть за что упрекнуть себя, пусть знает, что я зла на нее не держу».

*

20 декабря 1793 года Конвент при поименном голосовании с незначительным преимуществом голосов вынес Людовику Капету смертный приговор. «Когда не станет короля, это еще не значит, что одним человеком станет меньше», — словно подводя итоги голосования, проворчал депутат Манюэль. Вечером того же дня Людовику разрешили увидеться с семьей. Во время свидания все плакали и тут же шепотом утешали друг друга. Даже неугомонный дофин чувствовал, что надвигается что-то страшное. Людовик пообещал родным увидеться с ними утром, и Мария Антуанетта всю ночь не ложилась спать, чтобы не пропустить этот утренний час. Но король не пришел: его исповедник посоветовал ему не усугублять боль разлуки. После исповедника король призвал к себе Клери и передал ему шейный платок для сына, обручальное кольцо для жены и серебряное кольцо с печатью, внутри которого хранились локоны детей. «Скажите ей, что я оставляю ее с большой мукой в сердце», — добавил он и срезал прядь волос — тоже для Марии Антуанетты. (Позднее Клери нашел способ передать королеве последние дары короля.) В половине одиннадцатого утра «...радостные крики черни, донесшиеся с улицы, известили нас, что преступление свершилось», — написала герцогиня Ангулемская. «Мы его больше не увидим», — горько и торжественно произнесла королева и, преклонив колени перед сыном, произнесла клятву верности новому королю Людовику XVII. Хотя вряд ли все происходило

столь торжественно. Обилие воспоминаний свидетелей той эпохи позволяет выбрать наиболее оправданный с человеческой точки зрения вариант. Скорее всего, королева, опустившись на колени и прижав к себе сына, сдавленным голосом прошептала: «Теперь вы — король».

Ферзен, пребывая в Дрездене, лихорадочно ловил новости из Парижа. Когда начался процесс над королем, он не находил себе места — от волнения, тревоги и собственного бессилия. «...В каком ужасном положении оказался король и его семья! У меня сердце разрывается»; «... новости ужасные, я жестоко страдаю»; «Несчастливая королева, несчастные дети! <...> Почему я не могу спасти их хотя бы ценой собственной крови!» — сетовал он в письмах сестре и другу Таубе. Ужасное известие о казни короля сопровождалось такой массой слухов и непроверенных подробностей, что Ферзен решил, будто вместе с королем погибла и вся его семья. В тот же день Ферзен написал Софи отчаянное письмо, возможно, самое проникновенное, в котором оплакивал свою возлюбленную: «Ах, пожалейте меня, только вы можете понять теперешнее мое состояние; в этом мире я потерял все... Ах, не оставляйте меня, милая Софи; той, кто составляла мое счастье, той, ради которой я жил... которую всегда любил, ради которой отдал бы тысячу жизней, больше нет. <...> Ее больше нет в живых... для меня все кончено. Ах, почему я не умер подле нее...» Когда выяснилось, что королева жива, горечь и тревога остались: Ферзен понимал, что скоро придет черед его возлюбленной, и проклинал «нацию тигров и каннибалов». Отец продолжал звать его в Швецию, но он отказывался, не желая удалиться от королевы. «Бездействие, в котором я вынужден пребывать, отсутствие возможности помочь ей заставляют меня страдать еще больше», — писал он Софи.

Прошел слух, что королеву, которую теперь называли «королевой-матерью», хотят обменять на пленных французов, и для друзей Марии Антуанетты вновь забрезжила надежда. Но план сорвался, ибо император не увидел в нем никаких преимуществ для Австрии. Мария Антуанетта, или «вдова Капет», как после смерти Людовика стали именовать ее тюремщики, погрузилась в свои страдания: она почти ничего не ела и отказывалась выходить на прогулку, чтобы не проходить мимо двери бывшей комнаты супруга. Уверенная, что король передал для нее письмо, она попросила дать ей возможность повидаться с Клери, но ей отказали. После смерти короля верного слугу выставили за ворота Тампля и велели возвращаться домой. Вторую просьбу Марии Антуанетты чиновники выполнили: ей позволили заказать для себя и для семьи траурное платье.

После казни короля о королеве как-то позабыли: жажда мести народа

«за причиненные ему страдания» временно была утолена. Охрана ослабила бдительность: за пленницами перестали ходить по пятам, а для королевы оборудовали площадку на крыше башни, чтобы она могла дышать там воздухом, не спускаясь в сад. Молодой комиссар, якобинец Тулан, проникшийся симпатией к королеве и сочувствовавший ее горю, решил попытаться спасти ее. Вместе с тюремщиком Лепитром, также с симпатией относившимся к несчастной вдове, Тулан предложил вывести королеву и принцесс в одежде тюремщиков, а Луи Шарля под видом сына стражника. Затем в наемной карете они отправятся на побережье, а оттуда в Англию. С помощью Тюржи королева связалась с шевалье де Жаржеем, и тот вручил Лепитру 200 тысяч ливров, дабы тот раздобыл паспорта.

18 марта французские войска потерпели поражение у Неервинде, и Тампль вновь окружили беснующиеся санкюлоты, обвинявшие во всем «вдову Капет», якобы тайно руководившую заговором, направленным против республики. Обвинения были голословны, но Коммуна удвоила бдительность, закрыла заставы и временно прекратила выдачу паспортов. Осуществить задуманный план оказалось невозможно. На крайний случай Лепитр предложил вывести из тюрьмы одну Марию Антуанетту, но та отказалась: она не могла оставить детей и Елизавету. «У нас была красивая мечта, и более ничего, но мы на этом много выиграли, ибо у нас появилась еще одна возможность убедиться в вашей безграничной преданности мне. Я бесконечно вам доверяю... но интересы моего сына — это то единственное, чем я руководствуюсь, поэтому, хотя я была бы счастлива оказаться за пределами этих стен, я не могу согласиться на разлуку с ним», — писала королева Жаржею.

Понимая, какой опасности подвергался Жаржей, Мария Антуанетта нашла предлог удалить его из страны — попросила отвезти братьям короля последние дары Людовика, которые она не решалась хранить у себя, опасаясь, что их могут изъять. «Т[улан] передаст вам условленные вещи для Х.», — писала она Жаржею в начале марта, имея в виду оставленные ей королем памятные вещицы, которые следовало передать Провансу. Месье, находившийся в то время в городке Хамм в Вестфалии, уже поспешил объявить себя регентом, однако королева не согласилась с ним и обращалась к нему как прежде. Вместе с королевскими вещами Мария Антуанетта вручила Жаржею еще одну печатку: «Печатка, которую я прилагаю, дело иное. Мне бы хотелось, чтобы вы передали ее тому человеку, который прошлой зимой приезжал ко мне из Брюсселя, и сказали бы ему, что эти слова верны как никогда». Речь шла о кольце, на котором были выгравированы летящий голубь и девиз «Tutto a te me guida» («Все

ведет меня к тебе»). Мария Антуанетта посылала его на память Ферзену, но получит он его уже после ее гибели; говорят, он носил это кольцо до конца жизни. «Если вы останетесь недовольны Х., поезжайте к моему племяннику», — писала королева, имея в виду Франца II.

Положение республики осложнялось. Обострился продовольственный кризис. В Вандее началось восстание против новых порядков; в разных концах страны вспыхивали контрреволюционные мятежи, восстали Тулон и Лион; для борьбы с контрреволюцией был создан Чрезвычайный (революционный) трибунал; 13 июля, накануне праздника федерации, был убит Марат, редактор газеты «Друг народа». Ширилась и разгоралась война с внешним врагом, республика объявила войну монархам Испании, Англии и Голландии; сформировался институт правительственных комиссаров в армии. Для решения важнейших государственных вопросов был создан Комитет общественного спасения (который вскоре станет главным органом управления якобинской диктатуры). В конце мая яростная фракционная борьба между жирондистами и якобинцами завершилась победой якобинцев; жирондисты были арестованы и отправлены на гильотину.

В этой напряженной обстановке о «вдове Капет» вспомнил сам Робеспьер. «Смерть Марии Антуанетты должна пробудить во всех сердцах священную ненависть к королевской власти», — заявил он в речи 27 марта и предложил судить Марию Антуанетту Австрийскую по обвинению в соучастии в заговоре против государства. 10 апреля он вновь напомнил о своем предложении. После такого заявления положение узниц резко ухудшилось. По ночам стали приходить комиссары Коммуны и устраивать обыски, переворачивая все, вплоть до матрасов на кроватях, и заставляя легко одетых женщин и ребенка стоять рядом и дрожать от холода. Сторожа «забывали» отворять тяжелые ставни, оставляя узников в темноте; когда же за оградой собиралась толпа, выкрикивавшая угрозы и оскорбления в адрес королевы и ее детей, ставни распахивали настежь. У Елизаветы забрали шляпу брата, которую тот оставил ей на память.

Дампьер, сменивший бежавшего к австрийцам генерала Дюмурье, предложил князю Саксен-Кобургскому обменять королеву и ее сына на пленных французских комиссаров и начать переговоры. Князь отказался, сославшись на то, что не знает, какая власть сейчас во Франции и сколько она продержится. В дело вмешался Мерси, попытавшийся найти поддержку у других генералов антифранцузской коалиции, но столь же безрезультатно.

3 июля согласно постановлению Конвента Луи Шарля забрали у матери. Несмотря на запись в журнале Тампля, что сына разлучили с

матерью «со всем возможным мягкосердечием», Мадам Руаяль писала, что брат плакал и цеплялся за мать, а королева умоляла убить ее, только не забирать сына, и не выпускала его из объятий до тех пор, пока сторожа не пригрозили застрелить его. Мадам Елизавета и Мадам Руаяль одели мальчика (дело происходило после девяти вечера, когда Луи Шарль уже лежал в кровати), он со слезами расцеловал всех и, не переставая плакать, пошел за комиссарами. Королева попросила дозволения видаться с сыном хотя бы за трапезами, и ей обещали передать ее просьбу в комитет, но, видимо, позабыли. Мальчика отдали на воспитание, а точнее, на перевоспитание сапожнику Симону, велев ему «сделать из маленького Капета доброго санкюлота». О трагической судьбе Людовика XVII написано немало книг; историки в основном сходятся на том, что голод и дурное обращение сделали свое дело: 8 июня 1795 года в Тампле ребенок скончался от туберкулеза. Легенда же гласит, что друзья королевы сумели устроить ему побег...

После разлуки с сыном Мария Антуанетта, вся в черном, превратилась в тень, а когда дочь или Мадам Елизавета пытались растормошить ее, лишь глубже замыкалась в себе. Предполагают, что авантюрист и темная личность барон де Батц пытался освободить королеву, направив при содействии тюремного администратора Мишони своих людей в Тампль, чтобы те под видом патруля вывели узниц из башни, но предупрежденный анонимной запиской сапожник Симон (тот самый, которому передали маленького Луи Шарля) сорвал этот план. Есть основания считать, что преданные королеве люди начинали переговоры о спасении королевы с Дантоном, но тоже безуспешно, ибо Марию Антуанетту охраняли столько людей, что вождь революции побоялся, как бы его причастность к такому предприятию не стала достоянием гласности. Убедившись, что королева как заложница ценности не представляет, якобинцы решили начать процесс. 1 августа Барер, поднявшись на трибуну Конвента и разоблачая «заговор монархов Европы», воскликнул: «Неужели мы забыли о преступлениях Австриячки, неужели наше равнодушие к семье Капет ввело в заблуждение наших врагов? Настало время истребить все побеги королевской власти!» Депутаты единогласно постановили: «Марию Антуанетту предать суду чрезвычайного трибунала; немедленно перевести означенную Антуанетту в Консьержери». В то время тюрьму Консьержери называли «прихожей гильотины».

В ночь на 3 августа узниц Тампля разбудили и зачитали им декрет Конвента, согласно которому по требованию прокурора Коммуны королеву переводили в Консьержери, где ее ждал суд. Как писала Мадам Руаяль, королева с невозмутимым видом выслушала комиссаров и быстро собрала свой нехитрый скарб. Одеваться ей пришлось под бдительным оком сторожей и комиссаров Коммуны. Когда она оделась, ее обыскали, забрали все мелкие вещицы, оставив только носовой платок и флакон с нюхательной солью. Прощаясь с дочерью, Мария Антуанетта велела ей слушаться тетку как вторую мать. Обнимая Елизавету, она поручила ей детей. Потом, резко повернувшись, быстро зашагала к двери. Выходя из комнаты, она, забывшись, ударилась головой о притолку, а на вопрос сторожа, не больно ли ей, ответила: «Мне уже ничто не может причинить боль».

Консьержери разительно отличалась от Тампля. В Тампле, кроме королевской семьи, иных узников не было; Консьержери наводнял самый разный люд, оттуда уводили на допросы и увозили на площадь Республики очередных жертв гильотины, по коридорам сновали писцы и канцеляристы, бродили посетители, словом, стоял постоянный гомон. Для королевы наспех подготовили камеру (бывшее помещение заседаний совета), состоявшую из двух небольших комнат, в одной из которых поместили двух караульных. Жена тюремщика мадам Ришар, предупрежденная о прибытии королевы, с помощью молоденькой служанки Розали Ламорльер сумела раздобыть складную кровать и новое постельное белье; Розали отдала свою подушку с кружевами, и обе женщины ужасно переживали, что королева окажется в совершенно неподходящих для нее условиях. Караульные оказались вполне добродушными, но, конечно, их постоянное присутствие удручало королеву. Во всех камерах старинного, расположенного на берегу реки тюремного замка было сыро. Заполняя свои дни, королева читала все, что приносила ей сострадательная мадам Ришар. Особенно королеве нравилось читать о путешествиях, и она читала так долго, как позволял сочившийся в окна свет. От долгого чтения при плохом освещении у нее краснели глаза, ухудшилось зрение. Здоровье ее также оставляло желать лучшего; особенно мучили ее частые и обильные кровотечения, справляться с которыми при практическом отсутствии гигиенических принадлежностей (самых обыкновенных тряпок) было крайне сложно. Как и прежде, вставала она около семи, потом, насколько позволяли обстоятельства, приводила себя в порядок. У нее сохранились пудреница с пуховкой и баночка с помадой, и Розали принесла ей коробку, чтобы она могла сложить в нее свои вещицы. Платьев у Марии Антуанетты осталось

всего два — черное и белое. Она научилась ловко причесывать волосы, слегка их припудривая. Ей запретили иметь иголки, так что заниматься любимым рукоделием она не могла. Тогда она сплела шнурок из толстых ниток, надерганных из старого гобелена, висевшего на стене для защиты от сырости. Еда, которую приносила ей мадам Ришар, была свежа и вполне съедобна: на обед — суп, вареное мясо, тушеные овощи, жаркое, десерт; на ужин — жаркое или котлеты и то, что осталось от обеда. Пишут, когда Розали, покупая на рынке продукты, говорила, что отбирает их для королевы, торговки предлагали ей самое лучшее: они не держали зла на королеву и очень ей сочувствовали. Мария Антуанетта никогда не была набожной, но после смерти мужа стала проводить много времени в благочестивых размышлениях. Она не расставалась с висевшим у нее на шее медальоном, где сохранились миниатюрный портрет сына и локон его волос. Розали вспоминала: о чем бы ни говорили с королевой, та всегда отвечала ровно, не выказывая ни волнения, ни горечи. Но о детях она не могла говорить спокойно и тотчас начинала плакать. Когда однажды мадам Ришар привела с собой сына, который был примерно одного возраста с Луи Шарлем, королева разрыдалась и принялась осыпать его поцелуями. К королеве часто приходили посетители: и супруги Ришар, и караульные (скорее всего, не бесплатно) пускали сочувствующих и любопытных посмотреть на необычную узницу. Говорят, ее дважды тайно посетил неprisягнувший священник аббат Шарль Маньен, он исповедал королеву и даже отслужил мессу. Но, вероятнее всего, королеве удалось получить духовное утешение от кого-то из содержащихся в тюрьме неprisягнувших священников.

Процесс откладывался — возможно, в надежде, что Франц II решит спасти родственницу, предложив французам приемлемый вариант обмена или выкупа. Ферзен, не находивший себе места от беспокойства, порывался собрать отряд, вихрем домчаться до Парижа, ворваться в Консьержери и, словно рыцарь на белом коне, умчать королеву... Воспользовавшись возможностью посещать узницу, новые смельчаки пытались устроить ей побег. Наиболее известен — благодаря А. Дюма и его роману «Шевалье де Мэзон-Руж» — так называемый «заговор гвоздики». Однажды в камеру к Марии Антуанетте в сопровождении администратора Мишони (который, похоже, неплохо зарабатывал на знатных узниках) пришел некий Александр де Ружвиль; королева узнала его, ибо когда-то он служил в личной гвардии графа Прованского, но виду не подавала. Низко поклонившись, Ружвиль как бы случайно обронил из петлицы гвоздику, в которой была спрятана записка. В ней говорилось, что друзья хотят

устроить королеве побег. Полагают, что Ружвиль приходил к королеве еще раз (или несколько), но уже без Мишони, чтобы в деталях изложить ей план побега и вручить деньги караульному Жильберу, якобы согласившемуся помогать заговорщикам. Известно, что, когда Мария Антуанетта написала Ружвилю ответ, а точнее, за неимением письменных принадлежностей наколола его булавкой, Жильбер, якобы вызвавшийся помогать королеве (в условленный день и час он обязался вывести ее из Консьержери), взял у нее клочок бумаги и, передав его привратнице Ришар, написал донос «куда следует». Там отреагировали мгновенно. Супругов Ришар арестовали (от гильотины их спасло только то, что записка так и осталась лежать в кармане мадам Ришар, забывшей передать ее на волю), на их место взяли супругов Небо, грубых и без малейшего намека на утонченность. Марию Антуанетту перевели в другую камеру, ту, где ей предстояло провести последние 35 дней своей жизни. Бывшее помещение аптеки, эта камера также не отличалась особым удобством. В ней было два окна, но одно до половины забито листом железа, а другое забрано такой частой решеткой, что через него с трудом проходил свет. Угол отгородили ширмой; там, как и прежде, разместили двух караульных гвардейцев, приказав им бдительно следить за узницей днем и ночью.

«Заговор гвоздики» привлек внимание общественного обвинителя Фукье-Тенвиля, давно и безуспешно пытавшегося найти хоть какую-нибудь зацепку, на основании которой можно было бы построить обвинение против королевы. (Письма королевы, в которых она, стремясь спасти семью, призывала иностранные войска вступить во Францию, обнаружат еще не скоро.)

3 сентября в четыре часа пополудни в камеру к Марии Антуанетте пришли представители Комитета общественного спасения и отвели ее на допрос по «заговору гвоздики». Королева все отрицала, утверждая, что к ней обычно заходит много людей, так что она их не запоминает, а цветы уже стояли у нее в камере. Сменив тактику, представитель неожиданно спросил, в курсе ли она последних событий и политического положения.

— Вам известно, что в Тампле мы были отрезаны от мира, равно как и здесь, — отвечала королева.

— Неужели у вас не сохранилось тайных связей на воле?

— Нет, ибо для этого следует обладать властью.

— Вас интересуют победы наших врагов?

— Меня интересуют победы, одержанные народом, к которому принадлежит мой сын; для матери дети главнее любых иных родственников.

— Какова национальность вашего сына?

— Он француз. Почему вы сомневаетесь?

— Так как сын ваш стал простым гражданином, следовательно, вы отказались от привилегий, дарованных суетным королевским титулом?

— Мы думаем только о благе Франции.

— Значит, вас устраивает, что больше нет ни короля, ни королевской власти?

— Лишь бы Франция была счастлива, нам больше ничего не надо.

— Значит, вы хотите, чтобы народ избавился от угнетателей и всех тех членов вашей семьи, что творят произвол?

— Я отвечаю только за себя и за сына и не стану ручаться за остальных.

— Значит, вы не разделяли убеждений вашего мужа?

— Я всегда исполняла свой долг.

— Однако вы не можете скрыть, что при дворе были люди, интересы которых противоречили интересам народа?

— Я всегда лишь исполняла свои обязанности. И в то время, и сейчас.

И так на протяжении пятнадцати часов тридцати минут. В половине восьмого утра измученная королева ответила на последний вопрос:

— Двадцатью пятью миллионами голосов Франция провозгласила себя республикой. Готовы ли вы и ваш сын жить как простые граждане в этой республике, хотите ли вы, чтобы республика победила своих врагов?

— Я уже отвечала на эти вопросы. Больше мне нечего сказать.

Обессиленная бесконечным допросом, на следующий день Мария Антуанетта уже не отрицала, что получила записку от приходившего к ней человека и булавкой наколола ответ, сообщая, что находится под постоянным наблюдением; под натиском вопросов она призналась, что видела этого человека раньше, а именно 20 июня 1792 года в Тюильри.

— Почему вы боялись, что его узнают?

— Потому, что любой, кто приходит сюда ко мне, рискует оказаться под подозрением.

«В завершение допроса вдова Капет заявила, что сначала не могла сказать правду, потому что не хотела компрометировать этого человека и предпочла навредить самой себе; но, увидев, что все раскрыто, она без колебаний рассказала все, что знала», — гласил протокол.

Неумолимо надвигалась осень. Мария Антуанетта медленно угасала в сырой полутемной камере. Но революционеры не могли допустить, чтобы королева скончалась естественной смертью: народ требовал головы вдовы Капет. Обстановка в стране и на фронтах накалялась. 17 сентября приняли

«закон о подозрительных», согласно которому любого можно было обвинить в предательстве интересов республики. Перерыв все архивы, Фукье-Тенвиль не смог найти ни единого документа, уличавшего королеву хоть в каком-нибудь преступлении. Впрочем, «Папаша Дюшен» на своих страницах давно убеждал санкюлотов в бессмысленности поисков повода для осуждения «австрийской тигрицы», «ибо ежели воздавать по справедливости, то ее надобно изрубить на мелкие кусочки, как мясо на паштет». Жаждавшие смерти «Австриячки» санкюлоты распевали на мотив «Марсельезы»:

Так иди же ты к черту, злодейка,
По делам тебе смерть и позор.
Искупить своей кровью сумеи-ка
Королевский кровавый террор.
Ты, наветы используя ловко,
Правосудье вводила в обман.
Но в геенне смердящий тиран!
Так ступай же вслед мужу, чертовка!
Врагу отомстим,
Равенству верны;
И смерть, смерть сулим
Душителям страны.

Далее следует позорнейшая страница обвинения, придуманная, по всей видимости, Эбером и подхваченная должностными лицами Коммуны. 30 сентября Эбер получил записку от сапожника Симона, надзиравшего за заключенным в Тампль Луи Капетом; в этой записке Симон приглашал его срочно к нему явиться, и Эбер исполнил просьбу. А 6 октября в Тампль «отправилась комиссия в составе мэра, прокурора Коммуны, двух членов Генерального совета и полицейского надзирателя, чтобы допросить сына Людовика XVI восьми лет от роду». Вот выдержка из протокола: Луи Капет «заявил, что Симон и его жена, приставленные Коммуной надзирать за ним, не раз заставляли его в кровати за занятием, способным повредить его здоровью; он признался, что этой вредной привычке научили его мать и тетя, что они часто забавлялись, когда он делал это перед ними; также они часто укладывали его между собой. Как дал нам понять ребенок, однажды мать велела ему приблизиться к ней и в результате произошло соитие, отчего у него распухло яичко, и, как сказала гражданка Симон, из-за этого

он теперь носит бандаж. А его мать велела никому ничего не рассказывать; а еще это действие повторялось с тех пор несколько раз». Под протоколом стояла корявая подпись: Луи Шарль Капет. Когда мальчик был с матерью, она под руководством доктора Брюнье лечила мазью его опухшее яичко и заставляла носить бандаж против паховой грыжи. Но теперь лечением мальчика никто не занимался. Три месяца жизни в семье грубого сапожника сильно повлияли на неустойчивую психику ребенка. Непокойный от природы, упрямый, но любящий мальчик, не знавший ни в чем нужды, внезапно оказался в совершенно чуждом ему жестоком мире и вынужден был к нему приспособливаться. Все эти три месяца с ним никто не разговаривал, на него только покрикивали и учили произносить слова, значение которых он не понимал. Возможно, поэтому, когда важные персоны завели с ним обстоятельный разговор, когда с интересом его слушали, он был готов сказать все что угодно, придумать все, что хотели услышать от него взрослые. А те своими коварными вопросами подводили его к чудовищной, противоестественной лжи.

На следующий день Луи Шарля попросили повторить свой рассказ в присутствии сестры. Та стала стыдить брата, но мальчик, ощущая «мужскую» поддержку важных взрослых, из чувства противоречия, столь свойственного детям в спорах со старшими сестрами, упорно стоял на своем. Ведь он снова был в центре внимания! Тогда Мария Тереза заявила, что брат ее попросту сошел с ума. Затем допросили Елизавету; увидев предъявленные ей показания ребенка, она была настолько поражена цинизмом дознавателей, что гневно оттолкнув от себя протокол, умолкла и более не сказала ни слова. Но, собственно, от нее слов и не требовалось. Ни ее, ни Марию Терезу, никого, кто мог бы свидетельствовать в пользу королевы, в суд приглашать не собирались. Не намеревались вести туда и Луи Шарля, опасаясь, что, увидев мать, мальчик в лучшем случае будет плакать, а в худшем — все опровергнет. Истина тоже была не нужна.

12 октября среди ночи королеву вызвали на секретный допрос в Большой зал революционного трибунала. Чтобы застать узников врасплох, быстрее сломить их волю, судьи трибунала допрашивали свои жертвы ночью. Допрос вел Эрман в присутствии самого Фукье-Тенвиля. Вот выдержки из протокола:

«— Это вы научили Луи Капета лицемерить, отчего ему удавалось так долго обманывать добрый французский народ, который не догадывался о его гнилом коварстве?

— Да, народ был обманут, но не мной и не моим мужем.

<...>

— Вы подстрекали Луи Капета к предательству; ваши советы и, возможно, угрозы побудили его бежать из Франции, чтобы стать во главе тех, кто хотят растерзать нашу родину?

— Мой супруг никогда не хотел бежать из Франции.

— А какова была цель поездки, именуемой Вареннской?

— Он хотел получить свободу, которой здесь его лишили, также он хотел издалека примирить все партии ради блага и спокойствия Франции.

— Тогда почему вы поехали под чужим именем русской баронессы?

— Потому, что под своими именами мы бы не смогли выехать из Парижа.

<...>

— Вы всегда старались задушить свободу; вы хотели царствовать во что бы то ни стало, взойти на трон по трупам патриотов?

— Мне незачем было всходить на трон, я и так его занимала; я всегда хотела блага Франции, хотела, чтобы страна была счастлива; и какое бы правление она ни выбрала, я буду довольна ее выбором.

— Вы вместе с эмигрантами и принцами плели заговоры против безопасности Франции?

— Я никогда не вступала в заговор ни с одним французом, что находится за границей. Что же касается братьев, то я написала им несколько ничего не значащих писем.

<...>

— Считаете ли вы, что для счастья народа необходим король?

— Один человек не может решать такие вопросы.

— Вы наверняка жалеете, что народ уничтожил трон, на который мог бы взойти ваш сын?

— Если страна будет счастлива, то большего для своего сына я не желаю...»

После допроса Марии Антуанетте предложили выбрать себе защитников, но она сказала, что никого не знает; тогда ей назначили официальных защитников: Тронсон-Дюкудрэ и Шово-Лагарда, недавно выступавшего защитником на процессе Шарлотты Корде, заколовшей Марата. Шово-Лагард явился утром к королеве и умолял ее подать прошение об отсрочке слушания дела, ибо он физически не сможет за одну ночь ознакомиться с документами. Поддавшись на уговоры, королева написала прошение, но ответа на него не последовало.

14 октября, в понедельник, в восемь часов утра Марию Антуанетту отвели в Большой зал, где начиналось судебное заседание. Зал был переполнен, среди зрителей преобладали рыночные торговки — и те, кто

выкрикивал проклятия в адрес «Австриячки», и те, кто бесплатно отдавал Розали «наилучшие персики для нашей королевы». Опасаясь, что у королевы не хватит сил простоять все заседание, для нее на небольшом возвышении поставили кресло. Высоко держа седую голову, в черном траурном платье, залатанном заботливой Розали, королева твердой походкой вошла в зал и заняла отведенное ей место. Помимо королевы предстояло опросить сорока одного свидетеля, многих из них (например, администратора Мишони и бывшего мэра Парижа Байи) доставили на процесс прямо из тюремных камер. Двенадцати присяжным предстояло вынести обвинительный приговор. Иного варианта не рассматривалось: желание спасти королеву могло обернуться гильотиной для самих присяжных.

Сначала зачитали обвинительное заключение, в котором говорилось, что «за время революции вдова Капет непрерывно поддерживала преступные отношения и переписку с иностранными державами, наносящими вред Франции, а внутри республики — со своими тайными агентами, подкупленными ею... что в разное время она любыми способами, какие считала годными для достижения своих коварных целей, пыталась вызвать контрреволюцию...». Резюме: Марию Антуанетту обвиняли в государственной измене, а в качестве доказательств использовали все, включая памфлеты и признания мадам Ла Мотт. Затем настал черед допроса свидетелей, но никто из них не дал серьезных показаний, способных подкрепить выводы, сделанные обвинением.

Когда дошла очередь до Эбера с его обвинением в кровосмешении, один из судей попросил королеву объяснить, почему она не ответила на обвинение. «Если я не ответила, то лишь потому, что сама природа отказывается отвечать на подобные обвинения, предъявленные матери. Я взываю ко всем присутствующим здесь матерям!» — взволнованно ответила Мария Антуанетта. И по залу пронесся ропот негодования против обвинений Эбера. Наклонившись к Шово-Лагарду, королева шепотом спросила: «Не слишком ли резко я ответила?» В 11 часов вечера опрос свидетелей завершился; прежде чем закрыть заседание, председательствовавший Эрман спросил королеву, не хочет ли она что-нибудь добавить в свою защиту «Вчера я не знала свидетелей, не знала, что они будут говорить. Никто из них не привел ни одного факта в мою пользу. Поэтому я хотела бы подчеркнуть, что была всего лишь женой Людовика XVI и была обязана соглашаться с его волей», — произнесла королева. Смертельно усталую Марию Антуанетту доставили в камеру. Ей хотелось надеяться, что ее приговорят к высылке из страны.

На следующий день работа трибунала возобновилась. Фукье-Тенвиль набросал картину нравов развращенного двора, а затем судьи продолжили опрашивать свидетелей. К шести часам вечера опрос завершился, и слово предоставили защитникам. Речей их не сохранилось, осталась только пометка секретаря, указавшего, что в течение двух часов Шово-Лагард отвел от королевы все обвинения в сговоре с иностранными державами. Следом за ним Тронсон-Дюкудрэ отмел обвинения в сношении с врагами внутренними. Разъяренный Фукье-Тенвиль приказал арестовать обоих защитников прямо в зале суда. Снова зачитали обвинительный акт, а председатель Эрман заявил, что «природа и разум, столь долго подвергавшиеся оскорблениям, теперь удовлетворены: равенство восторжествовало! <...> Антуанетту обвиняет французский народ. Все политические события, случившиеся за последние пять лет, свидетельствуют против нее». После недолгого совещания присяжные согласились со всеми пунктами обвинения и с требованием обвинителя «приговорить вышеозначенную Марию Антуанетту Лотарингскую эрцгерцогиню Австрийскую, вдову Луи Капета к смертной казни». Это произошло 16 декабря 1793 года в четыре часа десять минут. Как вспоминал Шово-Лагард, королева спокойно выслушала приговор, не выказав ни малейшего признака страха, негодования или слабости. «Приговор сразил ее. Спустившись по ступенькам, без единого слова и жеста она пересекла зал, словно ничего не видела и не слышала; но, проходя мимо зрителей, гордо подняла голову».

В ожидании часа казни Марию Антуанетту поместили в зал, куда за узниками обычно приходил палач. Попросив у привратника перо, чернила и бумагу, она написала письмо Елизавете: «Вам, сестра моя, пишу я в последний раз. Только что меня приговорили к смерти, но не постыдной: она позорит только преступников, меня же она соединит с вашим братом; невинная, как и он, я надеюсь выказать такую же твердость, какую выказал он в последние минуты своей жизни. Я спокойна, и совести моей не в чем меня упрекнуть; я лишь сожалею, что мне придется покинуть своих несчастных детей; вы знаете, что я жила только для них; а вы, моя добрая и нежная сестра, вы, всем пожертвовавшая, чтобы остаться с нами, в каком положении я оставляю вас! Из защитительной речи на суде я узнала, что мою дочь разлучили с вами. Увы! Бедный ребенок, я не решаюсь писать ей, она вряд ли получит мое письмо; я даже не знаю, дойдет ли это письмо до вас. Передайте им обоим мое благословение. <...>

Пусть сын мой никогда не забывает последних слов своего отца, которые я повторяю специально для него: пусть он никогда не пытается

отомстить за нашу смерть. Я должна написать вам о вещах, прискорбных для моего сердца. Я знаю, сколько горя причинил вам этот ребенок; простите его, дорогая сестра, подумайте о его возрасте и как легко ребенку внушить то, что хочешь и чего он не понимает. <...> Я умираю в католической вере, апостолической и римской, в вере моих отцов, в которой была воспитана и которую всегда исповедовала. <...>

У меня были друзья; мысль, что я расстаюсь с ними навсегда, и их несчастья заставляют меня горько сожалеть, и я уношу эти сожаления с собой в могилу. Пусть они хотя бы знают, что я думала о них до последней минуты своей жизни. Прощайте, моя добрая и нежная сестра, и да попадет это письмо к вам! Не забывайте меня. Обнимаю вас от всего сердца, так же как и моих бедных дорогих детей. Боже! Как больно расставаться с ними навеки! Прощайте! Прощайте!»

Предчувствия Марию Антуанетту не обманули: Елизавета не получила письма. Привратник вручил его Фукье-Тенвилю, а тот положил к своим многочисленным бумагам. На свет оно появилось только в 1816 году, поэтому некоторые полагают его подделкой. 21 флореаля II года республики по революционному календарю (10 мая 1794 года), в разгар террора, Мадам Елизавета, сестра короля Людовика XVI, вместе с еще двадцатью пятью «подозрительными» была отправлена на гильотину. Пережить революцию удалось только Мадам Руаяль:

19 декабря 1795 года ее обменяли на французских пленных при условии, что она покинет страну. В 1799 году в Митавском замке она сочеталась браком с герцогом Ангулемским; брак был бездетным; в 1814 году, после Реставрации, она вернулась во Францию, которую после победы Июльской революции 1830 года ей снова пришлось покинуть, скончалась Мария Тереза 19 октября 1851 года в Фросдорфе (Австрия).

К кому из друзей обращала свои мысли Мария Антуанетта, не имея возможности написать им? Скорее всего, к подруге Полиньяк и верному другу и возлюбленному Ферзену. Полиньяк ненадолго пережила королеву: она скончалась 9 декабря 1793 года в Вене от тяжелой болезни, усугубившейся печальными известиями из Парижа. Ферзену, раз уже пережившему потерю возлюбленной, предстояло пережить ее снова, хотя, по его словам, «у него больше не осталось сил для чувств».

20 октября до него дошло известие о казни Марии Антуанетты, а 24-го он записал в своем дневнике: «Ее образ, ее страдания, ее смерть и мое чувство к ней — это все, что мне осталось... ничто иное меня более не волнует. О Господи! Почему такая утрата? <...> Как же я корю себя за свои заблуждения относительно нее, теперь я знаю, как сильно я ее любил!» С

болью в душе пишет он о том, что «она могла усомниться в нем, в его привязанности», о том, что в последние минуты она была одна, что некому было сказать ей слова утешения: «Нет, мое сердце не успокоится, пока она не будет отомщена! Боже, неужели в справедливости своей ты допустишь, чтобы эти негодяи остались неотомщенными? Дайте же мне обрести утешение хотя бы в том, что она отомщена!» Необычный взрыв чувств, особенно для человека, которого со всех сторон характеризовали как сдержанного и немногословного. Последние годы, исполненные страхов, надежд и ожиданий, а главное, неопределенности, доставили педантичному (судя по тщательно организованной корреспонденции и аккуратным записям в дневниках) Ферзену много мук и страданий, и теперь, когда он пережил смерть Марии Антуанетты, он вместе с болью ощутил горькое облегчение. «Не волнуйтесь, — писал он Софи, — сердце мое разрывается от горя, но за последние четыре года я научился страдать, я выдержу...» Ферзен трагически погиб 20 июня 1810 года, растерзанный озверелой толпой, заподозрившей его в отравлении наследника шведского престола. В смерти он сравнился с Марией Антуанеттой.

*

Когда начало светать, к королеве пришла Розали Ламорльер; увидев, что королева в черном платье без сил лежит на кровати, она уговорила ее проглотить немного бульона, а потом помогла переодеться в белое платье: королева хотела встретить свой последний час в белом. Когда Розали попыталась отгородить для королевы угол, где та смогла бы спокойно привести себя в порядок, жандарм, неотлучно находившийся в камере, подошел к ним совсем близко. «Во имя чести, сударь, позвольте мне переодеться без свидетелей», — попросила его королева. «Я не могу на это согласиться, — грубо ответил жандарм, — мне приказано следить за каждым вашим движением». Тяжело вздохнув, королева быстро переделась, повязала на груди тонкую косынку и, скатав окровавленное тряпье, засунула его за отклеившиеся от стены обои. Потом надела простой батистовый чепчик с оборкой и перевязала его черной траурной лентой. На этом воспоминания Розали заканчиваются: «Я ушла, не осмелившись ни попрощаться, ни поклониться ей, боясь скомпрометировать ее или огорчить».

Трибунал прислал Марии Антуанетте конституционного священника аббата Жерара, но она отказалась от его услуг. В десять часов пришли

судьи и снова зачитали приговор. Привратник Луи Ларивьер вспоминал, что когда они вошли, то были поражены величественным и достойным видом королевы. Мария Антуанетта надеялась, что ей, как и королю, не станут связывать руки, но палач Сансон (сын Сансона, казнившего Людовика XVI) под одобрение судей крепко связал ей руки за спиной и большими ржавыми ножницами отрезал волосы. «Вот что я видел, вот что я хотел бы никогда не видеть, вот что я не забуду никогда», — говорил Ларивьер. Палач вывел Марию Антуанетту из Консьержери во дворик, именовавшийся Майским, где ее ждала грязная телега, запряженная старой белой клячей. Без помощи палача, державшего конец веревки, которой были связаны ее руки, она сама поднялась в телегу и села на шаткую деревянную скамью. На всем пути следования от Консьержери до площади Республики, где стояла гильотина, выстроились 30 тысяч жандармов — чтобы никто не попытался устроить королеве побег. За спинами жандармов волновалась толпа. Говорят, в одном из домов в окне стоял неприсягнувший священник, и, предупрежденная, Мария Антуанетта сумела поймать его взгляд, даровавший ей религиозное утешение. Сидя у окна, художник Жак Луи Давид сделал карандашный набросок «вдовы Капет». Величественная осанка и гордо вскинутая голова изображенной на нем многострадальной женщины роднят этот набросок с портретами королевы, выполненными Луизой Виче-Лебрэн. Как писал один из очевидцев, несмотря на тряскую телегу, которая, казалось, вот-вот развалится, «несчастливая Мария Антуанетта сидела неподвижно, продолжая сохранять величественный вид». «Когда телега проезжала под моими окнами, какая-то женщина крикнула: “Смерть Австриячке!” Мария Антуанетта услышала. Она перевела взор на эту женщину, и в глазах ее мелькнуло презрение».

При приближении к площади Революции выкрики усилились, в какой-то миг даже показалось, что толпа сомнет жандармов и растерзает королеву до исполнения приговора. Но обошлось, и к полудню телега прибыла к месту казни. Очевидец, полицейский информатор, писал: «...все граждане с нетерпением ждали ее. В воздух то и дело взлетали шляпы, и, когда наконец сообщили, что она приехала, радость приумножилась, потому что для народа это был настоящий праздник». Двадцать лет назад на этом самом месте толпа тоже подбрасывала в воздух шляпы и рукоплескала дофине, своей будущей королеве...

Собрав последние силы, Мария Антуанетта без всякой помощи вышла из телеги и легко взбежала по лесенке на эшафот, потеряв по дороге туфельку цвета сливы, которая впоследствии займет место среди памятных музейных экспонатов. Говорят, что, пошатнувшись, она наступила на ногу

палачу и последними ее словами были: «Сударь, простите, я не нарочно...» Когда все было кончено и палач поднял отсеченную голову королевы, чтобы показать ее народу, многотысячная толпа взревела: «Да здравствует республика!»

*

Погребение королевы на кладбище Мадлен, где уже покоилось тело ее супруга, обошлось казне в 21 ливр 35 су: 6 ливров — за гроб, 15 ливров 35 су — жалованье могильщику за октябрь. Земной путь королевы, «беспечной в счастье и величественной в несчастье», завершился. При жизни расходы королевы исчислялись числами со многими нулями, и ее возненавидели за то, что она «злостным образом растрачивала казну Франции». Хотя, как подсчитали английские историки, перед 530 миллионами, потраченными на американскую войну, бледнеют даже расходы на содержание двора. Ненависть народа к мотовству королей и их любовниц, к праздности и распутству вельмож вылилась на королеву, ибо она всегда была на виду — даже тогда, когда изо всех сил стремилась уйти в тень. Она была слишком яркой, ее поведение слишком отличалось от поведения ее предшественниц, чтобы не вызывать интерес у самых широких слоев общества. Сначала ее обожали, потом стали ненавидеть. Но никогда и никто не относился к ней равнодушно. Легкомысленная, эмоциональная, искренняя, избалованная, во многом наивная, она всегда вызывала неординарное к себе отношение. Неужели землетрясение, случившееся в день ее рождения на краю Европы, действительно явилось предвестием уготованных ей бед? Щедро наделенная чувствительностью и скупой — мудростью и рассудительностью, она жила сердцем, которое постоянно рвалось на волю, ибо с первых шагов ей постоянно приходилось исполнять чужую волю — матери, Мерси, Людовика XV, брата. Она навсегда распрощалась с австрийским домом, но не с властной матерью-императрицей, продолжавшей «воспитывать» дочь посредством своего вездесущего фактотума графа Мерси д'Аржанто. Ситуация по тем временам неординарная, ибо принцессы, выданные замуж в другие государства и оторванные от родных, начинали выстраивать свою жизнь исходя из интересов супруга или своих собственных. Наверное, поэтому она и стремилась создать свой круг, где не было ни интересов Австрии, ни охоты и кузницы, поглощавших все свободное время ее супруга. Супруга, на которого сильное влияние оказывали родные и консервативные придворные

старшего поколения. Будучи несамостоятельными — по несчастливому стечению обстоятельств — даже в интимной жизни, Мария Антуанетта и Людовик, взойдя на трон, оказались не готовы к управлению сложной, громоздкой и изрядно обветшавшей государственной машиной. Устройство и работа этой машины были Людовику неинтересны, он предпочитал конкретные механизмы, а новые веяния, настроения, тенденции, все то, что прежде именовалось общественной надстройкой, его не интересовало. Порядочный, мирный, не жестокий, в спокойное застойное время Людовик был бы всенародно любимым королем, но судьба уготовила ему время перемен. Марии Антуанетте, напротив, было интересно все новое, но в силу воспитания и характера она срывала только его яркие верхушки, не вдаваясь в суть интеллектуальных перемен, происходивших в обществе. Когда же время перемен заявило о себе с оружием в руках, повернуть вспять оказалось невозможно. Она могла принять на себя груз решений, но воспитание в духе повиновения мужу не позволяло ей оспаривать его решения, какими бы они ни были. И она с достоинством несла тяжесть власти, той самой, от которой в свое время постоянно стремилась освободиться.

Женщина и королева. С точки зрения политической, государственной Мария Антуанетта была плохой королевой. Никогда не задумываясь о серьезных проблемах, она сделала все, чтобы уронить престиж королевской власти, которую сама же и олицетворяла, постоянно об этом забывая. Но королева — это, в сущности, должность, которую не выбирают. Мария Антуанетта была очаровательной женщиной, прекрасной матерью. Неурядицы интимной жизни наложили отпечаток на ее отношения с мужем, однако когда настало время испытаний, она встала рядом с ним и поддерживала его до конца. Любовь... она была, у такой красивой и чувствительной женщины не могло не быть страстной любви. Скорее всего, любовь была вполне земной, той, которую называют изменой мужу. Большинство биографов так и считают. Но лазейка для знака вопроса остается, дабы будоражить наше воображение, придавая те или иные грани образу Марии Антуанетты. С первых минут после ее гибели, когда, по преданию, один юноша омочил в ее крови платок и быстро спрятал его у сердца, а другой украл у палача ее фиолетовую туфельку, — все, что связано с Марией Антуанеттой, привлекает пристальное внимание. Ее образ не раз воссоздавался в кино, ее письма неоднократно подделывались, ей посвящено огромное количество серьезных исторических исследований и художественных произведений, и никогда мнение о ней не было однозначным — королева-транжирка, которая довела народ до голода и

нищеты, или безвинная мученица революции, сложившая голову на эшафоте? Загадка обаяния этой женщины по-прежнему не разгадана и, наверное, не будет разгадана никогда...

ХРОНОЛОГИЯ

1754, 23 августа — родился Людовик Август, будущий король Людовик XVI.

1755, 4 сентября — родился Ханс Аксель Ферзен.

2 ноября — родилась Мария Антуанетта.

17 ноября — родился Станислас Ксавье, граф Прованский.

1757, 9 октября — родился Шарль, граф д'Артуа.

1764, 3 мая — родилась Елизавета, сестра Людовика XVI.

1765, 18 августа — скончался император Франц I.

20 декабря — скончался Людовик Французский, Великий дофин.

1767, 13 мая — скончалась Мария Жозефа Саксонская, его супруга.

1769, июнь — официальное сватовство: Людовик XV просит руки Марии Антуанетты для своего внука дофина Людовика.

1770, 19 апреля — бракосочетание «по доверенности» в Вене.

21 апреля — расставание с Веной. 7 мая — встреча с Роганом.

14 мая — прибытие в Версаль.

16 мая — свадьба эрцгерцогини Марии Антуанетты Австрийской с дофином Людовиком.

30 мая — трагедия на площади Руаяль.

1771, 12 февраля — вступление на престол Густава III.

16 апреля — женитьба графа Прованского на Марии Жозефине Савойской.

1772 — кардинал Роган направлен послом в Вену.

5 августа — первый раздел Польши.

1773, 8 июня — официальный визит дофина и дофины в Париж.

16 ноября — женитьба графа д'Артуа на Марии Терезе Савойской.

1774, январь — первое появление Ферзена при Версальском дворе.

30 января — встреча Ферзена и Марии Антуанетты на маскараде в Опере.

10 мая — смерть Людовика XV

Май — Роган отозван из Вены.

1775, 11 июня — коронация в Реймсе.

27 августа — бракосочетание Клотильды, сестры Людовика XVI.
Людовик XVI дарит Марии Антуанетте Малый Трианон.
1777 — Неккер назначен министром финансов.
18 апреля — прибытие в Версаль под именем графа Фалькенштейна императора Иосифа II, брата королевы.
31 мая — отъезд Иосифа II.
1778, 6 февраля — Франция заключает наступательно-оборонительный союз с Соединенными Штатами; в ответ Англия объявляет войну Франции.
Июль — война между Австрией и Пруссией за Баварское наследство.
27 июля — сражение французского и английского флотов у острова Уэссан. 25 августа — приезд Ферзена в Париж.
19 декабря — рождение Марии Терезы Шарлотты, герцогини Ангулемской (Мадам Руаяль).
1779, март — отъезд Ферзена в Америку.
31 марта — Мария Антуанетта заболевает корью. 13 мая — Тешенский мир, заключенный при посредничестве Франции.
1780, 29 ноября — в Вене скончалась императрица Мария Терезия.
1781 — отставка Неккера.
Конец июля — начало августа — визит императора Иосифа II.
22 октября — рождение Луи Жозефа Ксавье Франсуа, первого дофина.
1783 — активное строительство идеальной деревни Марии Антуанетты. Июнь — возвращение Ферзена из Америки.
3 сентября — Парижский мирный договор Англии с Францией; признание Англией независимости США.
Конец сентября — Ферзен отбывает в Швецию.
1784, 7 июня — прибытие в Версаль под именем графа Хага короля Швеции Густава III; короля сопровождает Ферзен.
Конец июля — отъезд Густава III и Ферзена.
Лето—осень — конфликт Австрии с Голландией из-за права судоходства по Шельде.
1785, 27 марта — рождение Луи Шарля, герцога Нормандского, второго дофина.
10 мая — Ферзен возвращается во Францию и принимает под свое командование полк.
15 августа — арест кардинала Рогана по делу об ожерелье.
19 августа — постановка в театре королевы комедии Бомарше «Севильский цирюльник» с Марией Антуанеттой в роли Розины и графом д'Артуа в роли Фигаро.

1786, 30—31 мая — слушание дела об ожерелье; оправдание кардинала Рогана; признание главной ответчицей Жанны де Ла Мотт.

Май—июнь — под именем графа и графини Неллембург Версаль посещает брат королевы эрцгерцог Фердинанд с супругой.

9 июля — рождение Софи Элен Беатрис, последнего ребенка королевы.

Июль—август — под именем графа и графини Белей Версаль посетила сестра королевы эрцгерцогиня Мария Кристина с супругом.

1787, 19 июня — смерть Софи Элен Беатрис.

Бегство из тюрьмы Сальпетриер Жанны де Ла Мотт.

1788, август — объявление о созыве Генеральных штатов; Неккер снова призван в правительство.

1789, 5 мая — открытие Генеральных штатов.

4 июня — скончался Луи Жозеф, первый дофин.

17 июня — депутаты третьего сословия провозгласили себя Национальным собранием.

20 июня — клятва в Зале для игры в мяч.

23 июня — отставка Неккера.

9 июля — принятие Национальным собранием названия «Учредительное».

13 июля — создание Национальной гвардии.

14 июля — взятие Бастилии.

16 июля — отъезд Полиньяк, прощание Марии Антуанетты с подругой.

1 октября — банкет в честь Фландрского полка.

5 октября — Мария Антуанетта в последний раз посещает Трианон.

5—6 октября — поход женщин на Версаль; вынужденный переезд короля и его семьи в Париж.

1790, 20 февраля — смерть императора Иосифа II.

4 июня — отъезд королевской семьи в Сен-Клу

3 июля — встреча королевы с Мирабо в Сен-Клу

14 июля — праздник федерации. Провозглашение Франции конституционной монархией.

Декабрь — возвращение королевской семьи из Сен-Клу в Париж.

1791, февраль — отъезд теток короля в Рим. Ферзен готовит побег королевской семьи.

2 апреля — смерть Мирабо.

21—25 июня — неудавшееся бегство королевской семьи в Варенн.

Ферзен уезжает за границу.

27 августа — Пильницкая декларация.

4 сентября — принятие Учредительным собранием Конституции.

13—14 сентября — утверждение Конституции Людовиком XVI.
30 сентября — закрытие Учредительного собрания.
1 октября — начало работы Законодательного собрания.
1792, 13 февраля — последняя встреча Марии Антуанетты с Ферзенем.
1 марта — скончался Леопольд II.
16 марта — убит Густав III.
20 апреля — Франция объявляет войну Австрии.
Конец мая — вето короля на декрет о высылке неприсягнувших священников.
20 июня — первый штурм Тюильри.
20 июля — официальная отмена приговора Жанне де Ла Мотт.
25 июля — манифест герцога Брауншвейгского.
10 августа — восстание в Париже; взятие Тюильри; арест королевской семьи.
11 августа — декрет об отречении короля от власти; декрет о созыве национального Конвента.
13 августа — королевскую семью заключают в Тампль.
2 сентября — взятие Вердена войсками герцога Брауншвейгского.
2—6 сентября — сентябрьская резня в Париже.
3 сентября — трагическая гибель принцессы де Ламбаль.
21 сентября — начало заседаний Конвента.
22 сентября — провозглашение Республики.
20 ноября — вскрыт железный шкаф с секретными бумагами короля.
11 декабря — суд над Людовиком XVI.
20 декабря — поименное голосование и вынесение смертного приговора Людовику XVI.
1793, 21 января — казнь короля.
10 марта — учреждение революционного трибунала.
3 июля — разлучение Марии Антуанетты с сыном.
2 августа — перевод Марии Антуанетты в Консьержери.
12 октября — первый допрос Марии Антуанетты.
14—15 октября — процесс Марии Антуанетты.
16 октября — казнь королевы Марии Антуанетты.

ЛИТЕРАТУРА

Берк Э. Размышления о революции во Франции /Пер. с англ. Е. И.

Гельфанд. М.: Рудомино, 1993.

Записки герцога Лозена /Пер. с фр. В. Магской. М.: Росмэн, 2003.

Кастр Р. Мирабо /Пер. с фр. Е. В. Колодочкиной. М.: Молодая гвардия, 2008.

Карамзин Н. М. Письма русского путешественника. Л.: Наука, 1984.

Ламартин А. История жирондистов: В 4 т. /Пер. с фр. СПб.: Типография и литография В. А. Тиханова, 1902.

Левер Э. Мария Антуанетта /Пер. с фр. Е. В. Коваленко. Ростов нД.: Феникс, 1997.

Ленотр Ж. Повседневная жизнь Версаля при королях /Пер. с фр. А. Л. Раковой. М.: Молодая гвардия, 2003.

Мерсье Л.-С. Картины Парижа/Пер. с фр. М.: Прогресс-Академия, 1995.

Стегний П. В. «Прощайте, мадам Корф!»: Из истории тайной дипломатии Екатерины Великой. М.: Международные отношения, 2009.

Фрэзер А. Мария Антуанетта: Жизненный путь /Пер. с англ. М. Жукова. М.: АСТ, 2007.

Цвейг С. Мария Антуанетта: Портрет ординарного характера /Пер. с нем. Л. М. Миримова. М.: Мысль, 1989.

Черкасов П. П. Екатерина II и Людовик XVI. М.: Наука, 2001.

Actes du Tribunal révolutionnaire. P.: Mercure de France, 1986.

Alméras H. de. Marie-Antoinette et les Pamphlets Royalistes et Révolutionnaires. P.: La librairie mondiale, 1907.

Arnaud-Bouteloup J. Le roman d'Axel Fersen et de Marie-Antoinette. Dans: Revue hebdomadaire, 1930. № 30. P. 400-413; № 31. P. 39-58.

Boigne comtesse de. Mémoires de la comtesse de Boigne nee d'Osmonde /Publ. par Ch. Nicoullaud. Vol. 1 (1781-1814). P.: Plon, 1908.

Bouillé marquis de. Mémoires du marquis de Bouillé. P.: F. Didot, 1859.

Campan J.-L. Mémoires sur la vie de Marie Antoinette, reine de France et de Navarre. P.: Firmin-Didot, 1849.

Campardon E. Marie-Antoinette et le procès du collier. P.: Plon, 1863.

Clery J.-B. Journal de ce qui s'est passé à la Tour du Temple pendant la captivité de Louis XVI, roi de France. P.: C. Bertin, 1861.

Correspondance secrète du comte de Mercy-Argenteau avec l'empereur Joseph II et le prince de Kaunitz /Publ. par A. d'Arneth et J. Flammermont. Vol. 1, 2. P.: Imprimerie nationale, 1889, 1891.

Delorme P. Marie-Antoinette. P.: Pygmalion, 1999.

Dufour H. Marie-Antoinette la mal-aimée. P.: Flammarion, 2001.

Estree P. d'. Le Père Duchesne. Hebert et la Commune de Paris (1792—

1794). P.: L'Edition moderne, s. d.

Fersen J. A. de. Le comte de Fersen et la cour de France. Extraits des papiers du Grand Marechal de Suede comte J. A. de Fersen /Publ. par son petit-neveu le baron R. M. de Klinckowstrom. Vol. 1, 2. P.: F Didot, 1878.

Gautherot G. L'agonie de Marie-Antoinette. Tours, Maison Alfred Mame etFils. S. d.

Geffroy A. Gustave III et la cour de France. Vol. 1, 2. P.: Didier et Cie, 1867.

Gleichen baron de. Souvenirs de Charles-Henri baron de Gleichen. P.: L. Techener, 1868.

Gontaut-Biron, due de Lauzun, Armand-Louis de. Mémoires du due de Lauzun. P.: E. Rouveyre, 1880.

Hézecques F. de. Souvenirs d'un page de la cour de Louis XVI. P.: Didier et Cie, 1873.

Lafont d'Aussonne. Mémoires secrets et universels des malheurs et de la mort de la reine de France. P.: Petit-Pichard, 1824.

Larivier Ch. de. Catherine II et la révolution franchise. P.: Librairie H. Le Soudier, 1895.

La Rochejaquelein marquise de. Mémoires de madame la marquise de La Rochejaquelein. Vol. 2. P.: E. Dentu, 1861.

La Tourdu Pin marquise de. Journal d'une femme de cinquante ans (1778—1815). Vol. 1, 2. P.: Chapelot, 1914.

Lescure M. de. La vraie Marie-Antoinette. P.: Henri Plon, 1867.

Lettres et Journal intime du comte Axel de Fersen. Revue de Paris. 1929, mai-juin. Tome troisieme. P. 79—105; P. 379—409.

Lettres de Marie-Antoinette /Publ. par M. de La Rocheterie et le marquis de Beaucourt. Vol. 1, 2. P.: A. Picard et fils, 1895, 1896.

Lever E. L'affaire du collier. P.: Fayard, 2004.

Louis XVI, Marie-Antoinette et Mme Elisabeth. Lettres et documents inedits/Publ. parF Feuilletde Conches. P.: Plon, 1864. Vol. 1,2; 1865. Vol. 3; 1866. Vol.4; 1869. Vol. 5; 1873. Vol. 6.

Maria Theresia und Marie Antoinette: Ihr Briefwechsel während der Jahre 1770-1780/Hrsq. von A. von Arneth. P.; Wien, 1865.

Maria Theresia und Marie Antoinette: Ihr Briefwechsel /Hrsq. von A. von Arneth. Leipzig, P.; Wien, 1866.

Marie-Antoinette, Louis XVI et la famille royale /Journal anecdotique tiré des Mémoires secrets pour servir à l'Histoire de la Republique des lettres. Mars 1763—Fevrier 1782 //Par L. P. de Bachaumont. P.: F Henry, s. d.

Marie-Antoinette: Correspondance (1770—1793) /Etablie et présentée par

E. Lever. P.: Tallandier, 2005.

Marie-Antoinette: Joseph II und Leopold II. Ihr Briefwechsel /Hrsq. von A. A. von Arneth. Leipzig, P.; Wien, 1866.

Marie-Antoinette: Correspondance secrète entre Marie-Thérèse et le comte de Mercy-Argenteau /Publ. par A. d'Arneth et A. Geffroy. Vol. 1—3. P.: Didot, 1874.

Marie-Thérèse-Charlotte de France, duchesse d'Angouleme. Relation du voyage de Varenne et Recit de sa captivite à la tour du Temple. P.: A. Vaton, 1852.

Nolhac P. de. Marie-Antoinette dauphine. P.: Caiman Levy, s. d.

Nolhac P. de. La reine Marie-Antoinette: d'après les derniers documents. P., A. Lemerre, 1892.

Oberkirch baronne de. Mémoires de la baronne d'Oberkirch. Vol. 1, 2. P.: Charpentier, 1853.

Petifils J.-Ch. Louis XVI. P.: Perrin, 2005.

Söderhjelm A. Fersen et Marie-Antoinette. P.: Grasset, 1930.

Thomas Ch. La reine scelerate. P.: Seuil, 1989.

Tilly A. de. Mémoires du comte Alexandre de Tilly, pour servir a l'histoire moeurs de la fin du XVIIIe siècle. Vol. 1—3. P.: Chez les marchands des nouveautés, 1828.

Tourzel L. E. Mémoires de Mme la duchesse de Tourzel, gouvernante des enfants de France pendant les annees 1789, 1790, 1791, 1792, 1793, 1795. P.: Plon, 1883.

Vigee Le Brun M. E. L. Souvenirs de madame Vigée Le Brun. Vol. 1, 2. P.: Bibliotheque-Charpentier, 1891.

Weber J. Mémoires de Weber, frère de lait de Marie-Antionette, reine de France. P.: F. Didot, 1847.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Marie antoinette

Мария Антуанетта, эрцгерцогиня Австрийская. Портрет работы Ж. Дюкре. 1769 г.

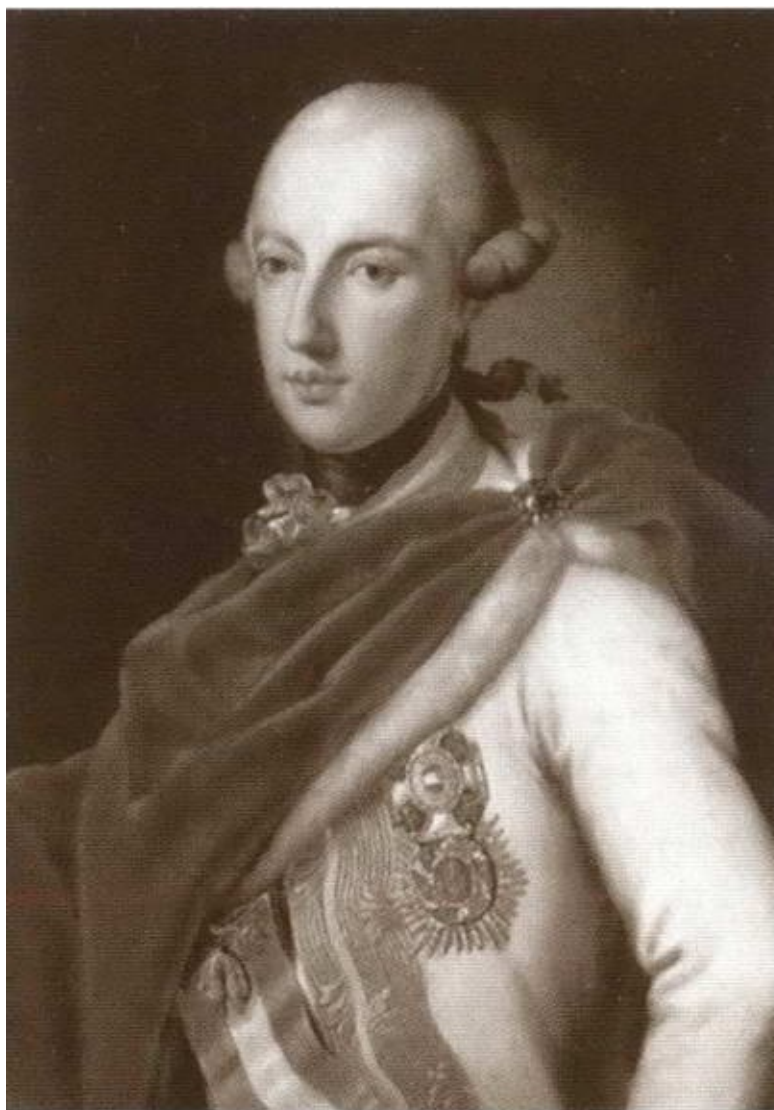
Дофин Людовик Август. Портрет работы Л. М. ван Лоо. 1769 г.

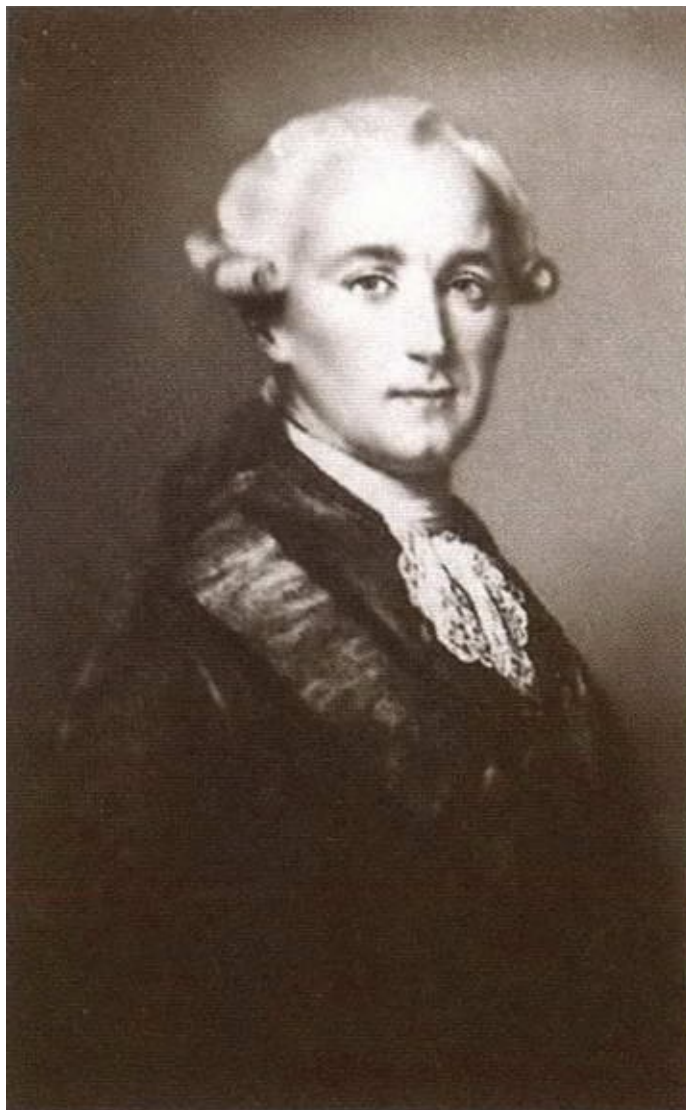
Мария Терезия. Портрет работы Л. фон Марона. Около 1772 г.

Франц I, император Священной Римской империи. Портрет работы Л. фон Марона

Иосиф II. Портрет работы А. фон Марона. 1765 г.

Граф Мерси д'Аржанто, посол Австрии при Версальском дворе

Мария Антуанетта в образе Гебы. Портрет работы Ф. Ю. Лруэ. 1773 г.

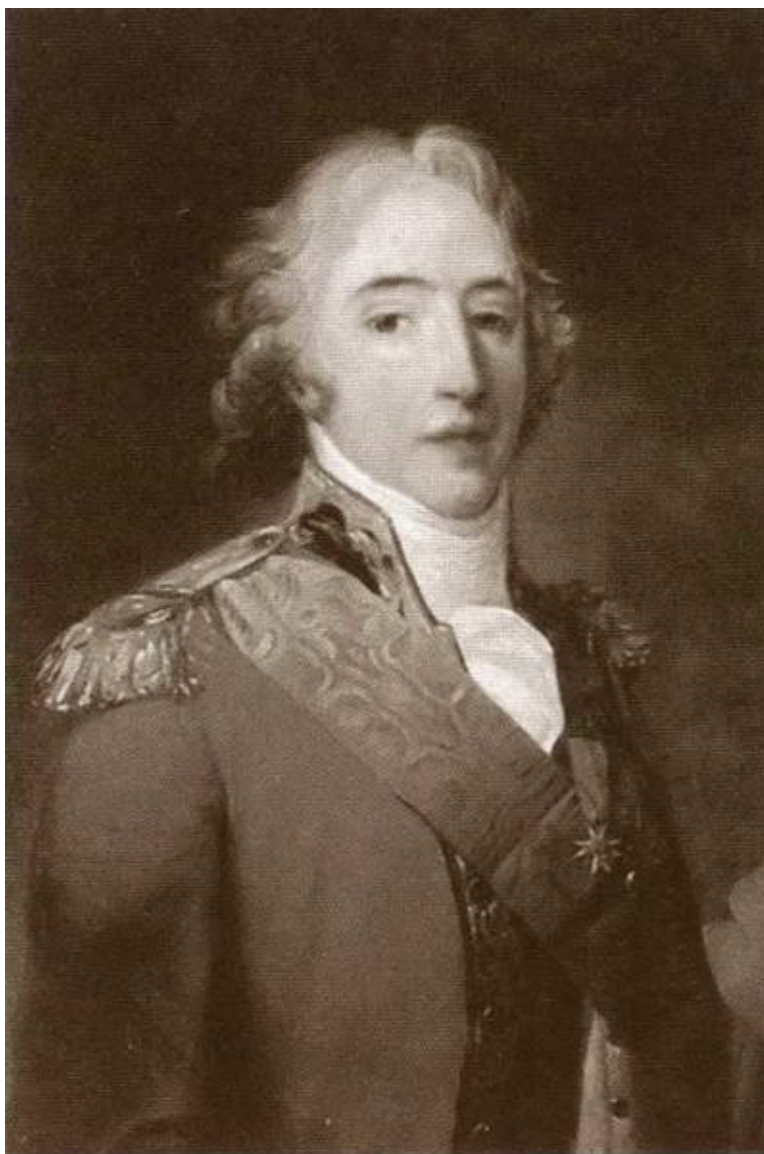
Бракосочетание Марии Антуанетты и дофина Людовика Августа в Версале

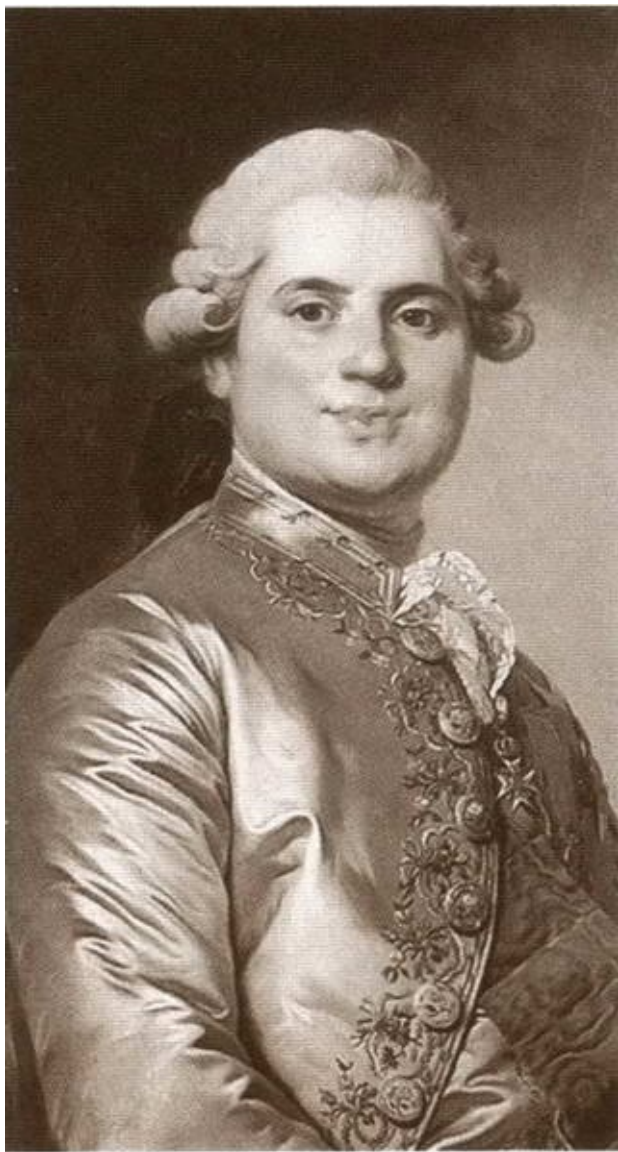
Большой Версальский дворец. Современный вид

Людовик XV. Портрет работы Ш. А. ван Лоо

Граф д'Артуа, самый младший брат Людовика XVI

Граф Прованский, он же Месье, младший брат Людовика XVI

Мария Антуанетта в коронационном платье. Портрет работы Ж. Б. Л. Готье-Даготи. 1775 г.

Мария Антуанетта играет на арфе в своих апартаментах в Версале. Портрет работы Ж. Б. А. Готье-Даготи. 1776 г.

Бал в Парижской опере. 30 января 1772 г.

Луиза де Савуа Кариньян, принцесса де Ламбаль. Портрет работы М. Э. Л. Виге-Лебрен

Иоланда де Поластрон, герцогиня де Полиньяк. Портрет работы М. Э. Л. Вижье-Лебрен

Мария Антуанетта, королева Франции. Портрет работы М. Э. Л. Виже-Лебрен. 1783 г.

Людовик XVI, король Франции и Наварры. Портрет работы Л. Ф. Калле. Около 1785 г.

Мадам Елизавета, младшая сестра Людовика XVI. Портрет работы М. Э. Л. Виге-Лебрен

Мадам Руаяль и первый дофин Луи Жозеф. Портрет работы М. Э. Л. Виже-Лебрэн. 1784 г.

«Министр моды» Роза Бертен

Карикатура на высокие прически

*Мария Антуанетта с Мадам Руаяль и дофином Луи Жозефом. Картина А. У. Вертмюллера.
1785 г.*

Герцог Шартрский, с 1785 года герцог Орлеанский, будущий Филипп Эгалите. Французская школа

Малый Трианон. «Хижина» Марии Антуанетты

Мадам Кампан, доверенная фрейлина королевы, автор воспоминаний о ней

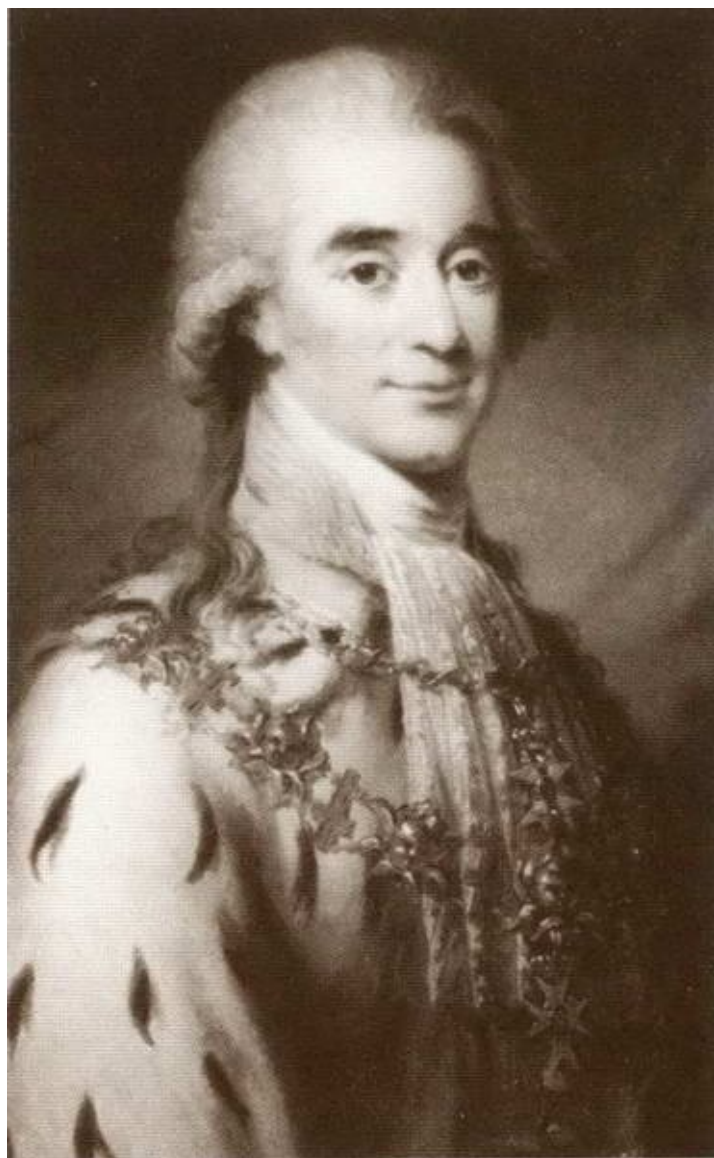
Малый Трианон и Версальский парк

Триумф Неккера

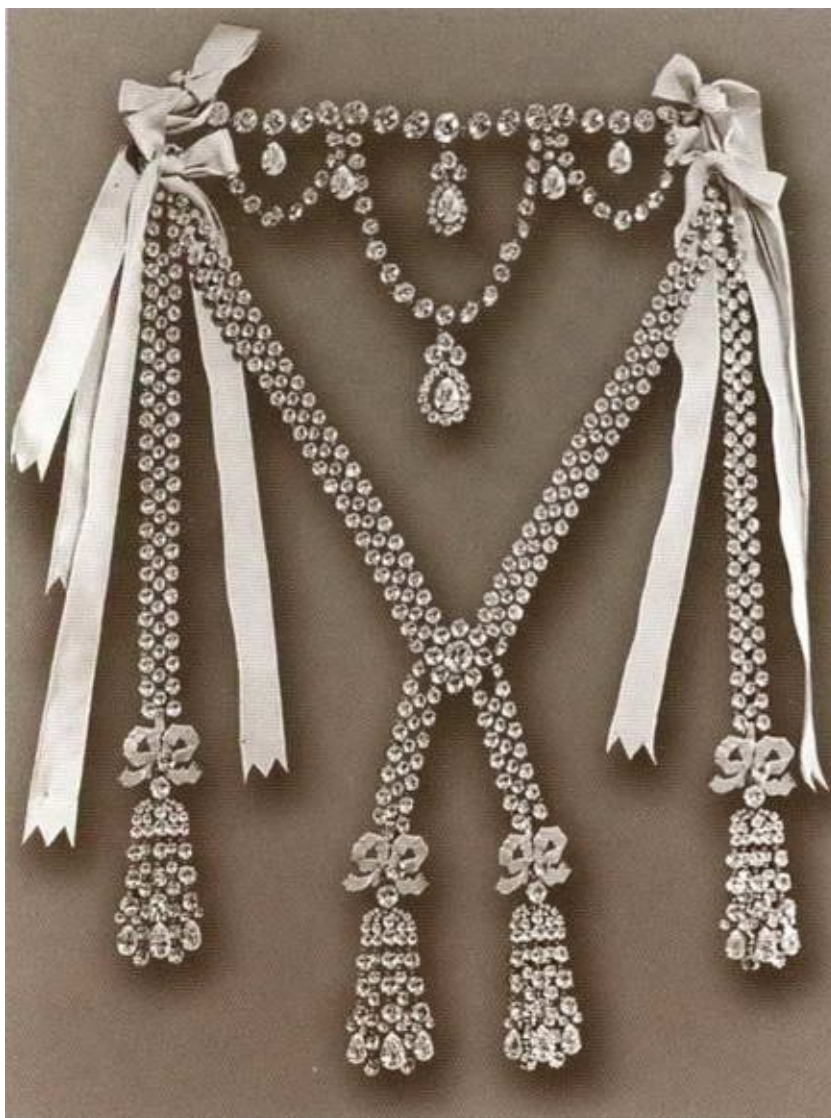
Король, королева, Мадам Руаяль и дофин Луи Шарль. Миниатюра на слоновой кости

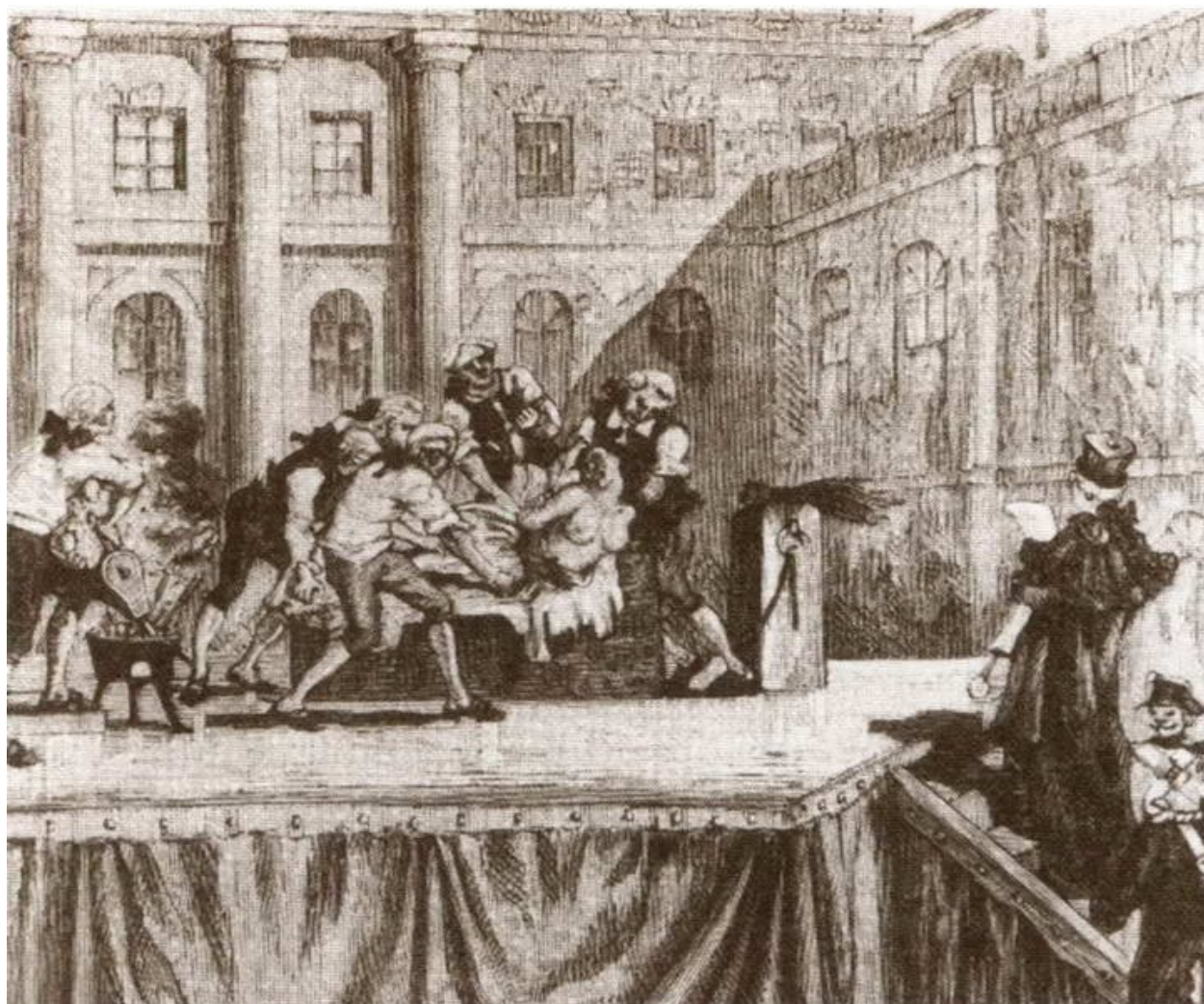
Аксель фон Ферзен. Портрет работы К. Ф. фон Бреда. Около 1800 г.

*Королевская семья. В центре: Людовик XVI и Мария Антуанетта с дофином на руках; у ног дофина их дочь Мария Тереза; слева от Людовика графиня и граф Прованские; рядом с Марией Антуанеттой Елизавета, сестра Людовика; позади Елизаветы граф и графиня д'Артуа.
Французская школа*

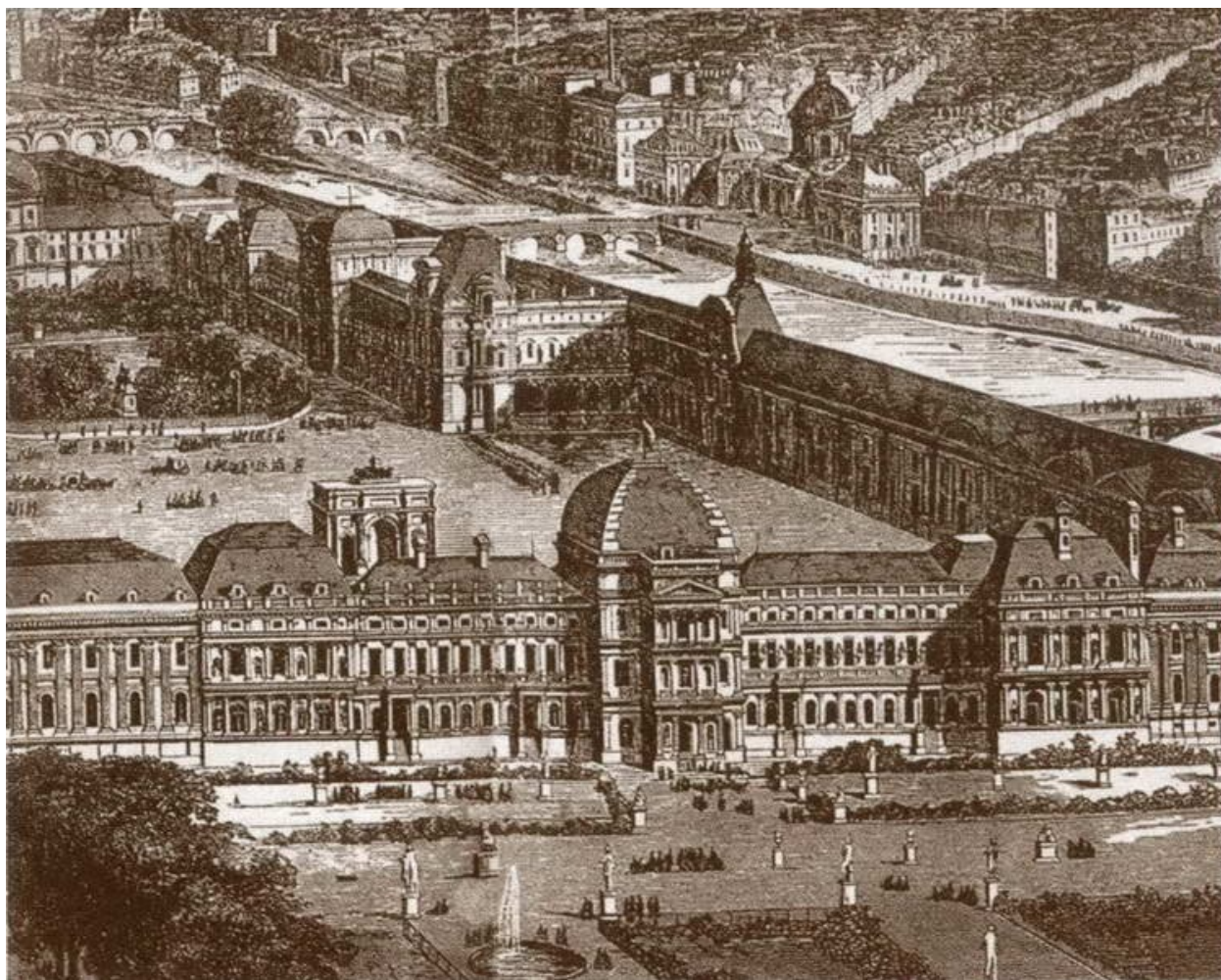
Бриллиантовое ожерелье, созданное ювелирами Бемером и Бассанжем

Наказание графини де Ла Мотт

Мария Антуанетта с детьми. Картина М. Э. Л. Вижье-Лебрэн. 1787 г.

Тюильри

Генерал Лафайет в 1792 году. Портрет работы Ж. Д. Курта

Мария Тереза Французская, герцогиня Ангулемская. Французская школа

Тампль. Около 1793 г.

Карикатуры на Марию Антуанетту

Консьержери и мост Менял

Клятва в зале для игры в мяч. 20 июня 1719 г. Картина Ж. Л. Давида

Взятие Бастилии. Картина К. Шола

Толпа, захватившая Версаль, убила нескольких гвардейцев, защищавших королевские апартаменты

Королева, захваченная врасплох женщинами, явившимися в Версаль. 5 октября 1789 г.

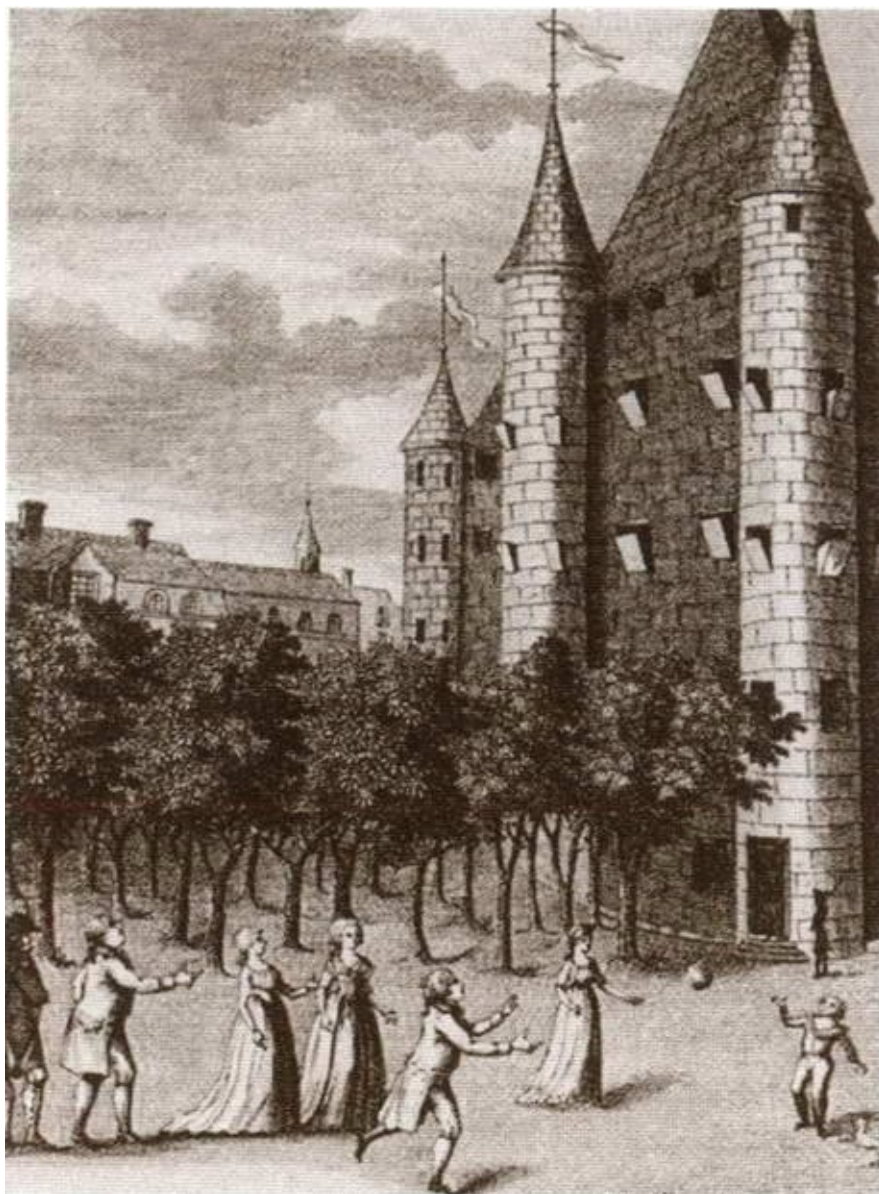
Арест королевской семьи в Варение. Картина Р. Винкелеса, Д. Рюдага

Людовик XVII в тюрьме. Рисунок конца XVIII в.

Возвращение из Варенна в Париж. 25 июня 1791 г.

Тампль. Королевская семья на прогулке

Карикатура, появившаяся после бегства королевской семьи в Варенн

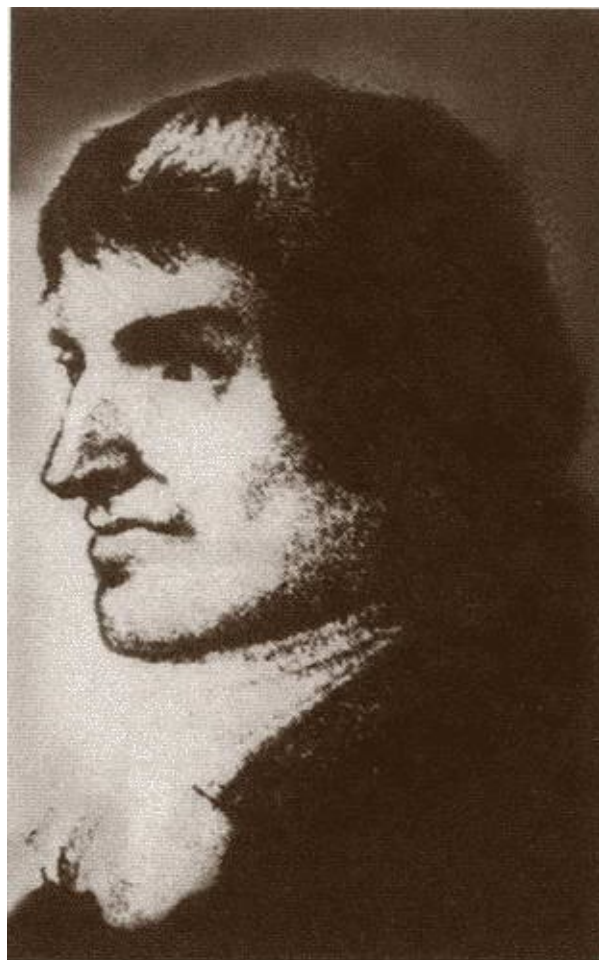
Сентябрьская резня. 1792 г.

Тамплъ. Ужин королевской семьи

Мария Антуанетта, королева Франции. Октябрь 1791 г. Портрет работы Л. Кухарского

Жак Рене Эбер, издатель газеты «Папаша Дюшен»

Королева, потерявшая сознание при виде головы принцессы де Ламбаль. 3 сентября 1792 г.

Прощание Людовика XVI с семьей в Тампле. 20 января 1793 г. Картина Ж. Ж. Гойера

Людовик XVI на эшафоте принимает утешение от аббата Эджворта. 21 января 1793 г.

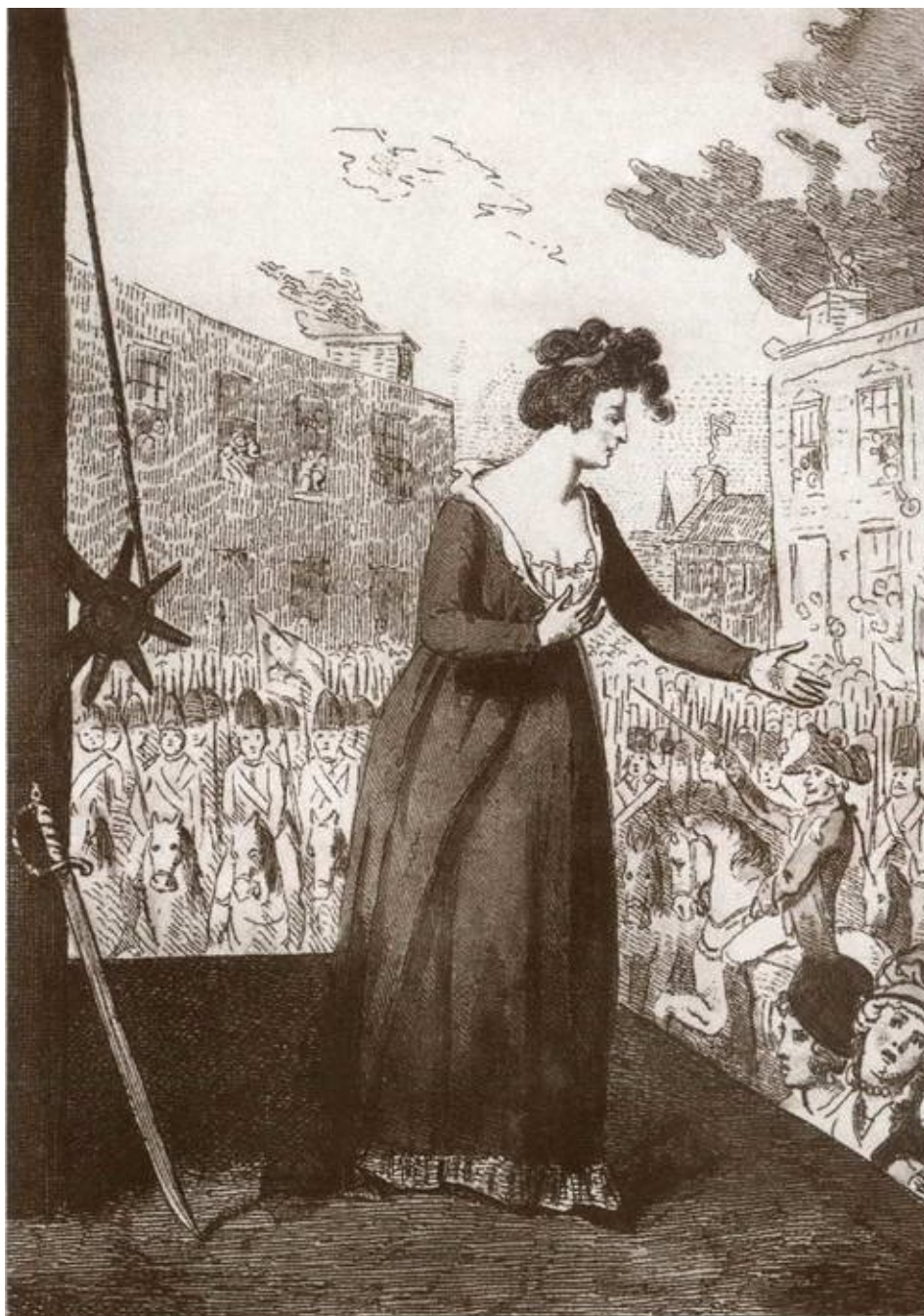
Мария Антуанетта по пути на казнь. 16 октября 1793 г. Рисунок Ж. Л. Давида

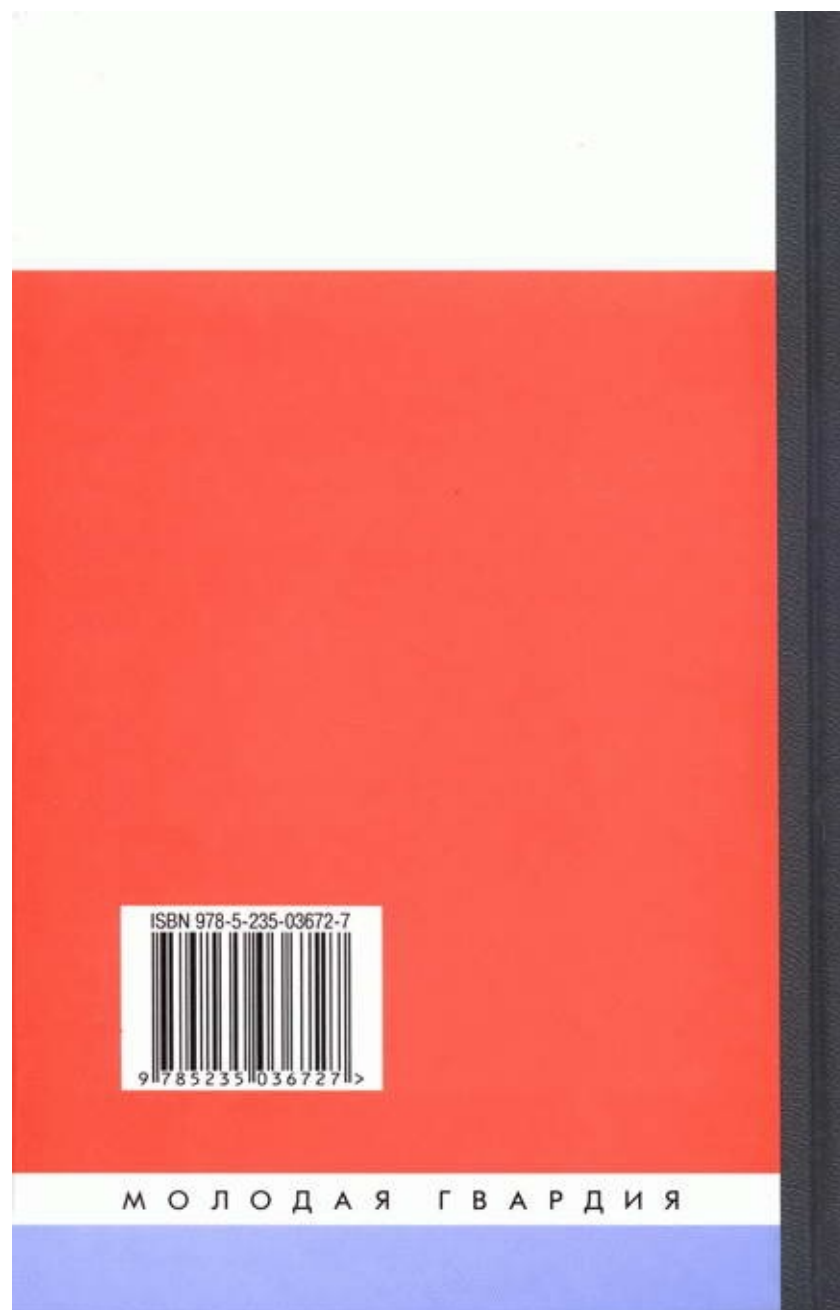
Королева Мария Антуанетта в тюрьме Консьержери. 1793 г. Картина А. Кухарского

Процесс Марии Антуанетты. 3 октября 1793 г. Картина Д. О. М. Раффе

Мария Антуанетта перед казнью. Картина Л. Крукшенка

notes

Примечания

Жанна Антуанетта Пуассон, в замужестве д'Этиоль; став официальной фавориткой Людовика XV, получила титул маркизы де Помпадур; активно вмешивалась в политику — *Здесь и далее примечания автора.*

Знаток эпохи и дотошный биограф Марии Антуанетты Пьер де Нолак полагает, что аббат Вермон влиял на свою подопечную исключительно положительно.

По традиции все особы королевской крови считались братьями и сестрами.

Жанна Луиза Кампан (урожденная Анриетта Жене, 1752—1827) в пятнадцать лет стала чтицей дочерей Людовика XV, а затем была зачислена в штат фрейлин дофины. Преданная и трепетная, она стала доверенным лицом королевы. Оставила воспоминания о Марии Антуанетте, они были опубликованы уже после смерти автора.

Предполагаемый автор семитомных «Воспоминаний», рисующих яркую картину быта и нравов времен Людовика XV.

Здесь упокоился, благодарение Богу (*лат.*).

Воскрес (*лат.*).

Когда Людовик стал королем, Прованс получил этот титул как старший из младших братьев короля.

Эдмунд Бёрк (1729—1797) — английский политический деятель, публицист эпохи Просвещения, автор «Размышлений о революции во Франции» (1790), где даны впечатляющие картины жестокого произвола черни и приводятся доводы в пользу эволюционного пути развития общества.

Здесь и далее перевод стихов И. О. Белавина.

Речь идет о знаменитых французских круассанах.

Говорят, когда граф д'Артуа попросил посла Марокко назвать самую прекрасную женщину при французском дворе, исключая королеву, посол ответил: «Исключение ответ дать не позволяет».

Австрия предложила посреднические услуги в деле заключения мира между Францией и Англией, однако предложение реализовано не было. В 1783 году стороны заключили мир, обойдясь без посреднических услуг.

«...Это единственный частный дом в Париже, который монарх посетил за время своего царствования; столь высокое отличие поразило публику едва ли не больше, чем оказанные фаворитке милости материальные», — писал Мерси.

Жан Франсуа де Ла Гарп (1739— 1803) — писатель, драматург, член Французской академии.

Маркиз рассказывал, как однажды, спросив крошку Мадам Руаяль, любит ли она свою маму, он получил ответ «нет»; девочка объяснила, что мама всегда бежит вперед и никогда не смотрит, отстала она или нет, тогда как папа всегда держит ее за руку.

Австрия издавна соперничала с Османской империей за владения в Юго-Восточной и Центральной Европе. В 1781 году Екатерина II и Иосиф II заключили договор, согласно которому Австрия присоединялась к разработанному российским двором плану (т. н. Греческий проект) вытеснения турок из Европы посредством создания буферного государства Дакия во главе с внуком Екатерины II Константином Павловичем. Но Австрия выдвинула собственные претензии на часть территории империи, что привело к срыву проекта.

Письма Ферзена Элеоноре были уничтожены его семьей.

Роганам приписывают гордый девиз: «Королем быть не могу, принцем не желаю, я — Роган».

Перевод Ю. Б. Корнеева.

Названия эти клубы получили от монастырей, в помещениях которых они заседали.

Трехцветное сине-бело-красное знамя стало государственным флагом Франции.

Сестра Людовика Елизавета писала, что убили одиннадцать гвардейцев.

Генерал Буйе сравнивал Лафайета с Дон Кихотом: благородному идалго вскружили голову рыцарские романы, а маркизу — воздух Америки.

Маркиза де Бренвилье (1630—1676) — знаменитая отравительница, приговоренная к смертной казни.